

ugr | Universidad
de Granada

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года

МАТЕРИАЛЫ XIII КОНГРЕССА МАПРЯЛ

В 15 томах

Том 11

НАПРАВЛЕНИЕ 10

**Сопоставительное изучение русского и других языков:
лингвистический и методический аспекты**

Санкт-Петербург
2015

УДК [811.161.1: 821.161.1:37.02](063)

ББК 81.2Рус

P89

**ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА
ЧАСТИЧНО ПОКРЫТЫ ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ,
ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ ФОНДОМ «РУССКИЙ МИР»**

Рецензенты

Л. А. Вербицкая, Р. Беленчикова, Р. Гусман Тирадо,
Д. Ю. Дэвидсон, Лю Лиминь, А. Мустайоки, Ю. Е. Прохоров,
Т. П. Млечко, В. Н. Аврамова, Д. З. Гоциридзе, И. Клапка,
А. Красовски, Л. А. Кудрявцева, С. Оде, Э. Д. Сулейменова,
Чжэн Тиу, Л. Шипелевич, Т. Шмидт

Редакционная коллегия

Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова, Т. Б. Авлова,
Н. А. Буре, Г. М. Васильева, И. М. Вознесенская, С. В. Вяткина,
В. П. Казаков, Т. Н. Колосова, Н. А. Любимова, Н. М. Марусенко,
Л. В. Миллер, В. М. Мокиенко, Ю. Е. Прохоров, С. Т. Саевич,
Е. И. Селиверстова, А. Д. Степанов, И. Н. Сухих, Н. Л. Федотова,
В. В. Химик, М. С. Шишков, Д. А. Щукина

Составители

Н. М. Марусенко, М. С. Шишков

P89 Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года) / Ред. кол.: Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова и др. — В 15 т. — Т. 11. — СПб.: МАПРЯЛ, 2015. — 289 с.

Сборник включает тексты докладов участников XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года), посвящённых актуальным проблемам современной русистики и методики преподавания русского языка и литературы. Проблематика лингвистических статей связана с вопросами изучения русского языка в его современном состоянии и историческом развитии. В статьях исследователей русской классической и современной литературы осмысливается её роль в мировом культурном и образовательном пространстве. Особое внимание уделено современным концепциям, технологиям и методикам обучения русскому языку как родному, неродному и иностранному. Сборник материалов Конгресса адресован филологам-русистам, преподавателям русского языка и литературы, студентам и аспирантам гуманитарного профиля, а также всем интересующимся русским языком, литературой и культурой.

В 11-й том вошли материалы направления 10 «Сопоставительное изучение русского и других языков: лингвистический и методический аспекты».

ISBN 978-5-9906636-1-9 (Т.11)

ISBN 978-5-9906635-0-3 (серия)

© МАПРЯЛ, 2015

© Коллектив авторов, 2015

НАПРАВЛЕНИЕ 10

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ
ИЗУЧЕНИЕ
РУССКОГО И ДРУГИХ ЯЗЫКОВ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Русский язык

в сопоставлении с другими языками

Методология межъязыковых
сопоставлений

Системная, функциональная
и прагматическая эквивалентность

Универсальное и идиоэтническое
в русском языке

Способы языковой кодировки
в русском и сопоставляемых с ним языках

Прикладные аспекты описания
русского языка в сопоставлении
с другими языками

Аймагамбетова Малика Муратовна
Сулейменова Элеонора Дюсеновна

Казахский национальный педагогический
университет имени Абая, Казахстан

aimagambetovamalika@gmail.com

ИНФОРМАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

На примерах из казахстанских газет рассматриваются различные функции заголовков как информационного сигнального элемента текстовых публикаций. Рассмотрены многочисленные классификации заголовков применительно к казахстанскому материалу, который систематизирован с точки зрения информационной составляющей: заголовок-хроника, заголовок-«бегущая строка», заголовок-резюме, заголовок-цитата, игровой заголовок.

Ключевые слова: заголовок, функция, классификация, игровой заголовок.

Неотъемлемой частью любой газетной публикации является заголовок. Заголовок — это уникальный элемент текстовой структуры, который постоянно находится в поле зрения исследователей, работающих в русле лингвистики и стилистики текста¹. Хороший заголовок во многом повышает конкурентоспособность периодического издания. В настоящей статье, мы рассмотрим особенности газетных заголовков в казахстанской прессе.

В прессе заголовок, как правило, занимает самую сильную позицию, и, ориентируясь на заголовок, читатель делает свой выбор. Поэтому от характера и оформления заголовков во многом зависит имидж газеты или журнала, а также и воздействие той или иной публикации на читателя: содержательную статью с неправильно выбранным заголовком не замечают, в то время как даже самая посредственная статья может завоевать популярность благодаря своему яркому, выразительному заголовку.

В. Г. Костомаров отмечал: «Заголовки становятся структурно сложнее и многообразнее...»². Существуют разные виды заголовков. Но, несмотря на разнообразие, заголовки имеют много общих черт. Заголовок, как правило, написан «телеграфным языком»: предельно малочисленными фразами, в которых опущены все второстепенные элементы и используются общеупотребительная лексика и простейшие грамматические средства³. Заголовок дает представление о тексте еще до знакомства с ним. Среди его основных функций чаще всего выделяют *графически-выделительную*, которая реализуется неязыковыми средствами. К ним относятся шрифт, цвет, графические средства и приемы вёрстки. *Номинативная* функция также реализуется при первом знакомстве с заголовком. Она состоит в том, что заглавие называет текст, выступая в качестве его имен и знаков. Номинативная роль заголовка дает читателю возмож-

ность выделить текст. Название активизируют работу читательского мышления через возбуждения интереса⁴. Заголовок выполняет *информативную* функцию, привлекая читателя к тексту, если он содержит необходимые для него сведения. Участвуя в формировании эмоционального воздействия газетного текста, заглавие осуществляет *оценочно-экспрессивную* функцию. Важность ее для газеты определяется тем, что статья должна убедить читателя в тех положениях, которые защищает автор⁵. Заголовок облегчает восприятие текста, и в данном случае он выполняет *интегративную* функцию. Интеграция (связанность) понимается как средство достижения целостности текста, что и позволяет рассматривать его как самостоятельное единство. Данная классификация функций заголовка была предложена Э. А. Лазаревой, утверждавшей, что «после прочтения газетного материала заглавие не перестаёт играть своей роли, так как читатель запоминает заинтересовавшую его публикацию»⁶.

Газетный заголовок, как было сказано выше, несет в себе заданную информацию о содержании и его авторской оценке. Читатель использует заголовок как компас, ориентируясь с его помощью в потоке информации, подвергая ее селекции и выбирая статью для чтения по интересам. Заголовок обычно состоит из ключевых слов статьи. Ключевые слова подбираются так, чтобы однозначно выражать содержание статьи. При этом заголовок должен быть броским, кратким, содержать не более 5–6 слов, не должен иметь сложных конструкций и символов, т. к. короткий заголовок лучше воспринимается и запоминается⁷. Краткость, броскость, насыщенность реалиями, различными фразеологическими оборотами — неотъемлемые признаки газетных заголовков современной периодической печати.

Существует множество классификаций газетных заголовков. В классификации Э. А. Лазаревой заголовки различаются в зависимости от количества элементов смысловой схемы текста (однонаправленные и комплексные), по выражению какого-либо смыслового элемента произведения (полноинформативные, неполноинформативные и пунктирные)⁸. М. А. Шостак выделяет повествовательные заголовки, заголовок-констанция, заголовок-резюме, заголовок-парадокс, имена в заголовке (упоминание участников событий), заголовок-цитата, игровой заголовок⁹. С точки зрения поставленной задачи особый интерес представляет классификация Г. С. Мельник и А. Н. Тепляшиной, построенная на информационной составляющей: заголовок-хроника, заголовок-«бегущая строка», заголовок-резюме, заголовок-цитата, игровой заголовок¹⁰.

Заголовок-хроника. Такого вида заголовок дублирует новость самого текста. Используют данный заголовок для того, чтобы побыстрее донести новость, как бы «поверх текста». Например: «В Кентау будут новые рабочие места» (Магауя Хожамуратов // Деловой Казахстан. 2014, 19 декабря. № 48 (445). С. 9).

В заголовке — «бегущей строке» начало материала, переходящее в текст, и является заголовком статьи. «Встреча Нурсултана Назарбаева с представителями отечественных телеканалов» (Вечерний Алматы. 2014, 25 декабря. № 160. С. 1).

Заголовок-резюме. В таком заголовке автор завуалировано комментирует события, иногда иронизируя их. «Не те пластыри в автоаптечке» [Об отклонении приказа о внесении изменений по утверждению перечня лекарственных средств автомобильных аптек] (Казбек Бейсебаев // Трибуна. 2014, 12 ноября. № 45. С. 3).

В заголовке-цитате указываются имена или главные действующие лица, что способствует увеличению интереса к статье. Например, «Нурсултан Назарбаев: «Свобода передвижения в ЕАЭС — благо» [Встреча на заседании Совета глав правительств ШОС] (Панорама. 2014, 19 декабря. № 49. С. 1).

Игровой заголовок — это, прежде всего, перефразировка, игра слов. С точки зрения «игры» с информационной составляющей хотелось бы обратить на него большее внимание, так как он, в свою очередь, подразделяется на: «вириши», аллитерацию, цветной заголовок, «лозунги и призывы».

«Вириши» — это рифмованный заголовок. Этот вид игрового заголовка встречается достаточно часто в современной прессе. «Однажды в студёную зимнюю пору» [Рассказы знаменитостей о смешных и курьезных случаях в новогодние праздники] (Время. 2014, 25 декабря. № 191. С. 26). «Семь раз позвони, один раз прими» [О динамично развивающемся фармацевтическом рынке Казахстана] (Талгат Кирбетов // Время. 2014, 25 декабря. № 191. С. 15).

Аллитерация — это особый стилистический прием, целью которого является создание музыкально-мелодического эффекта высказывания. Подобный заголовок несет в себе помимо информации еще и эстетическое удовольствие. Примером может служить заголовок: «Снежное, нежное, неизбежное» [О восьми главных новогодних фильмах] (Время. 2014, 25 декабря. № 191. С. 31). «Охота без охоты» [О поездке Ж. Депардье в Африку] (Время. 2014, 25 декабря. № 191. С. 42).

Цветные заголовки — это заголовки, в которых употребляется «цветопись». «Фигуранты “черного списка” ЕК не планировали летать в Европу» [Европейская комиссия запрещает осуществлять полеты в Европу 19-ти отечественным авиакомпаниям] (Оксана Кононенко // Панорама. 2014, 19 декабря. № 49. С. 1). «Зеленый цвет для бизнеса» [О том, что плановые проверки предпринимателей не будут проводиться до середины 2015г.] (Юрий Каштелюк // Вечерний Алматы. 2015, 10 января. № 4. С. 7). В данном заголовке зеленый цвет символизирует собой движение вперед.

«Лозунги и призывы» — это вид заголовков, в которых в краткой форме выделена основная мысль. Эта форма чаще используется как пародийная. «Увидимся в год козы!» [Слово редактора об уходящем 2014 году, пожелания читателям] (Алмат Азади // Трибуна. 2014, 24 декабря. № 51. С. 1).

В современной прессе часто используются новые слова, которые не могут существовать «вне текста». Эта тенденция коснулась и заголовков. Новые слова образуются путем прибавления префиксов, суффиксов, аффиксов, соединением нескольких слов одного языка или разных языков. Например, в газете «Общественная позиция» (2014, 25 декабря. № 47) вышла статья под названием «Наступает год овцы — пира и «даракияинства». Слово «даракияństwo» образовано от казахского *дарақы* («невоспитанный, некультурный человек») и русских суффиксов: *-ян, -ств*. Слово принадлежит Герольду Бельгеру (казахстанскому переводчику, прозаику, публицисту, литературоведу) и означает безкультурье и невежество. В статье рассказывается о планах Государственной комиссии по организации и проведению года Ассамблеи народа Казахстана, о юбилейных мероприятиях, посвященных 20-летию Конституции Республики Казахстан, 550-летию образования Казахского ханства и 70-летию Победы.

Журналисты используют хорошо известные читателю слова и выражения, фразеологизмы, пословицы и поговорки, крылатые выражения и цитаты, изменяя их или оставляя в первоизданном виде. Такого рода заголовки создают второй смысловой план. В публицистике сформировалась своя внутренняя или газетная фразеология, чутко реагирующая на социальные и политические веянья¹¹. Фразеологизмы в большей степени характерны для игрового заголовка. Они употребляются для усиления экспрессивной окраски и привлечения внимания читателей. Не случайно Г. О. Винокур полагал, что «газетный язык по сути дела насквозь фразеологизирован, поскольку стандартность, клишированность многих типично газетных выражений является неотъемлемым свойством этого языка»¹². Фразеологизм несет в себе емкую информацию в сочетании с оценочным значением¹³, и журналисты нередко используют их в качестве названий своих материалов — как в исторически сложившемся виде, так и в трансформированном. Например: «Что в образе тебе моем?» [Казахстанские звезды попытались перевоплотиться в известных исторических личностей и персонажей в проекте Татьяны Цой] (Яна Малер // *Время*. 2014, 25 декабря. № 191. С. 12). В строчке из стихотворения А. С. Пушкина «Что в имени тебе моем?..» *имя* заменено на слово *образ*. Напротив, автором взята без изменений строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Однажды в студёную зимнюю пору» [Рассказы знаменитостей о смешных и курьезных случаях в новогодние праздники] (*Время*. 2014, 25 декабря. № 191. С. 26).

Журналисты могут сокращать, расширять, перефразировать, заменять отдельные слова, т. е. так или иначе трансформировать фразеологизмы. Например, «На германской стороне предстоит учиться мне в университете» [О стипендии немецких университетов в Республике Казахстан] (Марина Пархоменко // *Казахстанская правда*. 2015, 9 января. № 4. С. 19). Заголовок построен на основе трансформации строк популярной песни Давида Тухманова «Песня студента»: «Во французской стороне на чужой планете предстоит учиться мне в университете».

Таким образом, газетный заголовок играет важнейшую роль на всех этапах восприятия текста. Особенность газетного заголовка заключается в привлечении внимания читательской аудитории. При этом выявляется его многофункциональность; каждая функция соответствует определённому этапу знакомства с текстом. Анализ заголовков, проведенный в лингвопрагматическом аспекте, позволяет увидеть их разнообразие и функциональный потенциал. Заголовок газетной статьи, выполняя две основные функции — номинативную и информативную, может находиться с основным корпусом текста в различных отношениях, определяющих структуру самого заголовка и характер рубрики всего издания. Следует отметить, что заголовок выполняет еще две присущие только ему функции: благодаря использованию графических средств (шрифта),

месту расположения на газетном листе и в рубрике — распределительную (выстраивает газетные статьи по тематике и степени релевантности информации) и соединительную (определяет место газетной статьи в подборке). Правильно составленные заголовки не только разделяют газетный материал, выступая надтекстовым элементом блока информации, но и объединяют публикации в рамках одной рубрики. При этом наибольший интерес у читательской аудитории вызывают заголовки, перефразирующие известные цитаты или отрывки песен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ихсангалиева Г. К.* Функционально-прагматический анализ газетных заголовков (на материале казахстанских газет и телепрограмм): дисс. ... канд. филол. наук. Алматы: КазГНУ и. Аль-Фараби, 2000. С. 135.

² *Костомаров В. Г.* Из наблюдений над языком газеты: газетные заголовки // Из опыта преподавания русского языка нерусским. М.: Мысль, 1965. С. 163–181.

³ *Казакова Т. А.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Наука, 1990. С. 196.

⁴ *Лазарева Э. А.* Заголовок в газете. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. С. 96.

⁵ Там же. С. 70.

⁶ Там же. С. 70.

⁷ *Шостак М. А.* Сочиняем заголовки, статья // *Журналист*. 1998. № 3. С. 7.

⁸ *Лазарева Э. А.* Указ. соч. С. 79.

⁹ *Шостак М. А.* Сочиняем заголовки, статья // *Журналист*. 1998. № 3. С. 7.

¹⁰ *Мельник Г. С., Тепляшина А. Н.* Основы творческой деятельности журналиста. СПб.: Питер, 2009. С. 272.

¹¹ *Максимов В. И.* Фразеологизмы и сопредельные с ними конструкции // *Русская речь*. 2003. № 4. С. 31–38.

¹² *Вакуров В. Н.* Фразеологический каламбур в современной публицистике // *Русская речь*. 2008. № 6. 40–47 с.

¹³ *Жуков В. П.* Русская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. / В. П. Жуков, А. В. Жуков. М.: Высшая школа, 2006. С. 408.

Aimagambetova M. M., Suleimenova E. D.

INFORMATION COMPONENT OF HEADINGS AND THEIR CLASSIFICATION

The article deals with the problem of various functions of headings as informative elements of text publications on the examples of Kazakh newspapers. The numerous classifications of headings, systemized in terms of the information component (heading-chronicle, heading-“ticker”, heading-summary, heading-quote and game-heading) are considered.

Keywords: heading, function, classification, game-heading.

Аймолдина Алия Аманжоловна

Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева, Казахстан

aimoldina_aa@mail.ru

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОГНИЦИЙ В ТЕКСТАХ БИЗНЕС-КОРРЕСПОНДЕНЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, КАЗАХСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В данной статье рассматриваются ценностные ориентации деловых коммуникантов, вербально представленные в текстах бизнес-корреспонденции на материале казахского, русского и английского языков. Отмечается повышенное внимание к идеологическим, материальным и эмоциональным ценностям. Вместе с тем обнаруживаются определенные различия в определении ведущих ценностных ориентаций в разных бизнес-культурах.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, деловой дискурс, бизнес-корреспонденция, языковая репрезентация.

Процесс глобализации, охвативший сегодня все сферы жизни во всем мире, не оставил в стороне и Казахстан. Более того, функционирование в деловой коммуникации Республики Казахстан как минимум трех языков (казахского, русского и английского языков) и, соответственно, различных национальных культур позволяет говорить о существовании в казахстанском социолингвистическом пространстве межкультурного делового дискурса. Знание традиций и общего использования казахского, русского и английского языков в современной деловой коммуникации очень важно для понимания особенностей функционирования казахстанского делового дискурса.

При анализе ценностного аспекта бизнес-корреспонденции рассматриваемых языков как особого жанра делового дискурса мы исходим из общепринятого в современной коммуникативной теории постулата о том, что национальная деловая культура, помимо традиций деловой этики, нормативов и правил делового протокола, несомненно, отражает ценности, нормы, убеждения, стереотипы и традиции, принятые в данной национальной культуре¹. Национальная деловая культура существенным образом влияет на различные аспекты функционирования деловых компаний и организаций, в том числе на специфику составления деловых текстов². При рассмотрении деловой культуры той или иной страны исследователи в области межкультурной деловой коммуникации (Р. Д. Льюис, Г. Хофстеде, Э. Холл, С. П. Мясоедов, Е. Н. Зарецкая и др.) придавали особое значение системе ценностей данного народа, которая, по их мнению, является важнейшим элементом деловой культуры. Согласно результатам исследователей в области когнитивной лингвистики (Е. В. Бабаевой, В. И. Карасика, Н. А. Красавского, Н. Ф. Алефиренко,

Ш. Зубайды, Г. Ж. Матжановой, А. Г. Бозбаевой, Г. М. Далабаевой и др.), ценности имеют свойство объективироваться в языке. Иными словами, деловые высказывания, создаваемые в том или ином деловом контексте, являются не просто словами или речевыми актами, которые нейтрально отражают окружающую реальность, а наоборот, сами создают социальные отношения, социальные когниции и собственный имидж. В этой связи изучение текстов бизнес-корреспонденции, составляемых разными языковыми общностями, позволяют выявить различные способы понимания мира, обнаружить конфликтные области и точки соприкосновения и взаимопонимания.

В. И. Карасик относит к ценностям то, что играет существенную роль в жизни человека и, следовательно, получает многостороннее обозначение в языке: «Семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие»³. Анализ бизнес-корреспонденции исследуемых языков позволил нам выявить основные лингвистические ценности для представителей казахской, русской, английской деловых культур, представить результаты по ранжированию систем ценностей казахоязычного, русскоязычного, англоязычного деловых дискурсов, провести классификацию наиболее часто встречающихся в бизнес-текстах ценностно-значимых понятий.

Нами были выявлены три ведущие группы ценностей:

- 1) *идеологические* (все, что связано с идеями, моралью, информацией. Например, индивидуализм, коллективизм, профессионализм, сотрудничество, поддержка, конкуренция и т. п.);
- 2) *материальные* (все, что связано с капиталом, активами, деньгами, товарами, имеет конкретную ценность, выраженную в денежных единицах. Например, доход, прибыль, рентабельность, благосостояние, материальные стимулы, качество товара и т. п.);
- 3) *эмоциональные* (все, что связано с чувствами, эмоциями и переживаниями, свойственными человеку. Например, межличностные отношения, атмосфера в команде, гордость за компанию, почтение, уважение и т. п.).

Выявление ценностных ориентаций авторов делового дискурса было осуществлено методом семантического анализа контекстов — выделения ключевых слов, тематических групп и других языковых средств, часто встречающихся в текстах бизнес-корреспонденции, анализа смысловых оттенков, детализации наименования. В данном исследовании представлен подробный лингвистический анализ каждой группы ценностей (идеологических, материальных и эмоциональных) на примере бизнес-текстов на казахском языке, русском и английском языках.

Как показали результаты проведенного исследования, в казахоязычном, русскоязычном и англоязычном деловых дискурсах вербализованы следующие идеологические феномены: «*сотрудничество*», «*конкуренция*» «*коллективизм*», «*индивидуализм*» и «*профессионализм*». В тек-

стах казахоязычных деловых коммуникантов ярко выражена ценность «сотрудничество» (886) и несколько меньше — «коллективизм» (873) и «профессионализм» (762). Рассматриваемые идеологические феномены вербализованы при помощи различных языковых средств: слов-номинаций ценностей, синонимов, средств ингерентной и ангеретной оценки, слов-культурем, тропов:

- (1) *Біздің ұсынысымыз Сізді қызықтырып, біз өзара пайдалы және жемісті ынтымақтастықта боламыз деп сенеміз.*
- (2) *Алайда, сіз өзіңізді ерекше менталитеті бар ерекше елге түскеніңізді ұмытпай, АҚШ-пен құрылар ынтымақтастығыңызға аса зор көңіл бөлуіңізді өтінеміз.*
- (3) *Біздің компанияның қызметкерлерінің тәжірибесі компания клиенттеріне дұрыс шешім қабылдауына көмектеседі: шығыстық менталитетті ескере отырып, олар қытайлық серіктестермен арқашан жұмыстарын жетілдіреді.*

В деловых текстах русскоязычных бизнес-специалистов чаще всего используются различные языковые средства, отражающие ценность «профессионализм» (846), несколько реже отмечается «сотрудничество» (762) и «коллективизм» (655). Приведем несколько примеров языковой репрезентации данных ценностей:

- (4) *Уверены, что богатый профессиональный опыт и потенциал компании будут служить прекрасным фундаментом для успешного развития партнерских отношений между нами и позволят Вам приобрести надежного партнера для реализации программы развития Вашего предприятия.*
- (5) *В свою очередь предлагаем Вам комплексное сотрудничество в сфере антикоррозионной защиты технологического оборудования и металлоконструкций на объектах Вашего предприятия.*

В бизнес-текстах на английском языке находят свое отражение проявление «индивидуализма» (868) и «конкуренции» (799), значительно реже отмечается «профессионализм» (126). Рассмотрим несколько примеров:

- (6) *[Company's name] is full of many products which may be personalized to reflect your unique style. Inside you will see really cool gift ideas, school items and, of course, items for your home or office use. Among the many personalized products you'll see are a large variety of name and address labels, stationery ensembles, business cards, and pet products.*
- (7) *As AFS, we have brought together a very strong team of experienced, professional brokers and risk managers. Our trade desk is staffed with employees who fully understand our most valuable asset, the service that we provide to our customers. All of our affiliates are committed to providing the highest level of professional service in the futures industry.*
- (8) *[Company's name] is a leading consulting group with the objective to make our customers more competitive. Our means is technological know-how and a constant passion for finding better solutions. We are 2,000 employees in eleven countries. [Company's name] is owned by [Company's name], a private investment company held by the [Company's name].*

Представители казахской, русской и английской деловых культур постоянно конкретизируют свои представления об идеологических ценностях. Для казахских и русских деловых коммуникантов особенно важ-

ны следующие виды сотрудничества: долгосрочные, плодотворные, взаимовыгодные, международные, тесные и всесторонние. В высказываниях о коллективизме обе деловые культуры акцентируют внимание на авторитете, признании и международной сертификации их организаций как целостного коллектива. В рамках ценности «индивидуализм», выявленной в текстах англоязычных бизнесменов, достаточно часто упоминается об индивидуальном «клиент-ориентированном» (*client-oriented*) подходе и эксклюзивных предложениях.

Кроме того, в трех деловых культурах отмечена языковая репрезентация таких ценностей, как «материальная прибыль», «качество товара, работ и услуг» и «материальное стимулирование». В текстах английских деловых коммуникантов наиболее ярко, чем в бизнес-корреспонденции казахоязычных и русскоязычных коллег, выражены материальные ценности, среди которых ведущее место занимают ценности «материальное стимулирование» (899), «материальный доход» (895) и «качество товара, работ и услуг» (756). В английской деловой культуре конкретизируется ценность материального стимулирования клиентов и сотрудников компании путем вербализации различных видов скидок, бонусов и материальных поощрений (напр., «*cost-of-living bonus*», «*cents-off coupon*», «*early-bird discount*», «*cash discount*» и др.).

В бизнес-корреспонденции на казахском и русском языках достаточно широко представлена ценность «материальный доход» (513, 586) и значительно реже — «материальное стимулирование» (98, 101). Это свидетельствует о том, что «материальное стимулирование», как для казахских, так и для русских деловых коммуникантов, не относится к числу ведущих материальных ценностей. В текстах бизнес-корреспонденции казахоязычных участников делового дискурса следует особо выделить такую материальную ценность, как «*тауардың сапасы*» (качество товаров, работ и услуг). Она проявляется в использовании различных дискурсивных формул и речевых стратегий: например, «*өнімдер сапасының санаты*» (категория качества продуктов), «*жұмыс сапасы*» (качество работы), «*заттың сапасы*» (качество вещи), «*ұйғарынды сапа*» (качество допустимое) и др.

В бизнес-корреспонденции, составленной на русском языке, ценность «материальное стимулирование» находит свое языковое выражение в использовании таких лексических средств, как «*бонусы*», «*интересные ценовые предложения*», «*гибкая система финансовых расчетов*». В некоторых деловых письмах для привлечения интереса своих клиентов и деловых партнеров использованы альтернативные способы материального стимулирования (напр., предоставление гарантий, бесплатных консультаций, дисконтных карт и т. п.), которые в текстах бизнес-корреспонденции представлены при помощи таких языковых средств, как слова-номинации, прилагательные, устойчивые словосочетания и др. Как, например:

- (9) Также рад сообщить Вам, что у каждого нового клиента появилась возможность получить бесплатные консультации членов нашего экспертного совета.
- (10) Основные преимущества при обслуживании по топливным картам акционерного общества [Название компании] (далее Общество). Нет необходимости иметь при себе наличные деньги для оплаты нефтепродуктов, следовательно, отсутствует риск потери или нецелевого использования денежных средств...
- (11) На весь электроинструмент предоставляется гарантия, производится ремонт, гарантийное и послегарантийное обслуживание.

Из группы эмоциональных ценностей в текстах на казахском и русском языках наибольшую приоритетность имеют ценности «*межличностные отношения*» и «*уважение к адресату*». Для английской деловой культуры ведущей эмоциональной ценностью является «*дружелюбность*».

В целом проведенное сопоставительное исследование ценностей в казахоязычном, русскоязычном и англоязычном деловых дискурсах позволило увидеть сложившиеся системы ценностей в рассматриваемых деловых культурах. На уровне исследования ценностного аспекта реализации социальных когний в текстах бизнес-корреспонденции на материале казахского, русского и английского языков отмечается повышенное внимание к идеологическим, материальным и эмоциональным ценностям, постоянное вербальное представление исследуемых явлений как ценностей, указание на их значимость, важность для развития бизнеса в целом, включение данных ценностей в круг целей и задач профессионально-деловой деятельности. Вместе с тем в разных бизнес-культурах обнаруживаются определенные различия в определении ведущих ценностных ориентаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Hofstede G. H., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and organizations: software of the mind: intercultural cooperation and its importance for survival. 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 2010. 576 p.

² Мясоедов С. П. Основы кросскультурного менеджмента: Как вести бизнес с представителями других стран и культур. М.: Дело, 2003. 256 с.

³ Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 167.

Aimoldina A. A.

VALUE ASPECT OF THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL COGNITION IN THE TEXTS OF BUSINESS CORRESPONDENCE (BASED ON RUSSIAN, KAZAKH AND ENGLISH LANGUAGES)

The article discusses the value orientation of business professionals, verbally represented in the texts of business correspondence written in the Kazakh, Russian and English languages. There has been an increased attention to the ideological, material and emotional values. However, some differences are found in the identification of the leading value orientations in different business cultures.

Keywords: value, value orientations, business discourse, business correspondence, language representation.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ / СУБЪЕКТИВНОЙ СХЕМЫ МЫСЛЕЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Переводчиков зачастую заставляют задуматься структурные отличия двух языков, суть которых сводится к различиям в схемах мышления. При переводе китайского и русского языков происходит трансформация данных: субъектной схемы мыслей китайского языка и объектной схемы мыслей русского языка; спиральная схема мыслей китайского языка и прямая схема мыслей русского языка также участвуют в процессах трансформации.

Ключевые слова: субъектная схема мыслей, объектная схема мыслей, спиральная схема мыслей, прямая схема мыслей.

Перевод — это «ряд последовательных операций, каждая из которых направлена на преодоление одного из факторов лингвоэтнического барьера: расхождения систем исходного языка и переводящего языка, их норм, соответствующих узусов и преинформационных запасов»¹. У каждого языка имеются разнообразные способы связи самостоятельных предложений. Слова в предложениях соединяются по правилам, свойственным данному языку. Несовпадение данных способов в двух языках становится серьезным препятствием для переводчиков. Например, по-русски говорят: «3 сентября 2015 года», сначала число, потом месяц, наконец, год. А по-китайски говорят наоборот: «год-месяц-число» — «2015年9月3日». По-английски адрес пишется по следующей схеме — «номер квартиры, улица, город, провинция, страна». А в китайском языке принята обратная схема — «страна, провинция, город, улица, квартира». 中国辽宁省大连市旅顺南路西段6号 大连外国语大学 俄语系 School of Russian studies, DUFL, 6, Lvshunnan Road, Dalian, Liaoning Province, PRC.

Пути преодоления этих расхождений, барьеров в деятельности переводчиков посвящено немало исследований. Российский ученый Г. Я. Солганик утверждает: «Вербальное (словесное) мышление определяет языковое оформление мыслей и связей между ними. Закономерность движения мысли, связей мыслей отражаются и в речи»². Этим вопросам большое внимание уделяет и китайское научное сообщество, в котором утвердилось следующее мнение: «схема мыслей определяет структуру текста. Структура текста — форма выражение схемы мыслей». «Важнее исследовать различия схем мышления различных языков. ... Переводчик должен оперировать двумя схемами мышления одновременно»³. Китайские ученые, в том числе Люй Шишэн, Тянь Хуа, Тан Янфан, Чжоу Пэйчжи, Юй Цяофэн, Линь Чжэнцзинь и др., главным образом, исследовали проблему различий речемыслительных схем китайского и англий-

ского языков. «Китайскую схему мыслей можно свести к следующим категориям: конкретное, целостное, субъектное и спиральное мышление. Западная схема мыслей — абстрактное, анализирующее, объектное и прямолинейное»⁴. В то же время, проблема о различиях схем мыслей китайского и русского языка исследована пока недостаточно.

Российский ученый Н. К. Гарбовский утверждает: «Наибольшим разнообразием от языка к языку отличаются структуры высказываний»⁵, «К синтаксическим трансформациям могут быть отнесены изменения, которые претерпевает в переводе «схема мысли», принятая автором оригинального речевого произведения»⁶. Анализ внешних структур текстов оригинала и перевода дает нам возможность обнаруживать процессы переводческих трансформаций. Исходя из такого анализа, мы попробуем вывести абстрактные модели переводческих преобразований речевых произведений на китайском и русском языках.

Что касается разницы китайской схемы и русской схемы мыслей, то мы в данной статье попробуем толковать их с двух позиций: субъектная / объектная схема мыслей; спиральная схема мышления / прямолинейная схема мыслей.

1. Субъективная схема мыслей китайского языка и объективная схема мыслей русского языка

Западная философия подчеркивает противоположность человека и природы, субъекта и объекта, в ней четко разделены предмет и «я». Такое сознание объекта выражается в языке. «Древняя китайская философия подчеркивает единство субъекта и объекта»⁷. В данном единстве ведущую роль оставляет за собой субъект — человек, поэтому «в модели мышления китайского языка сложилось сознание лидирующей позиции субъекта»⁸. Традиционная мысль «небо и человек в единстве» отражается в китайском языке таким образом, что фраза обычно строится с точки зрения человека. Описание объектов чаще всего также проходит с точки зрения человека, например:

(1) *Луна в вечернем чистом небе висела полная, видная сквозь ветви клена.*

В переводе на китайский язык: 透过树枝看见一轮圆月挂在洁净的夜空中。(сквозь ветви видна Луна висела в вечернем чистом небе)

С точки зрения китайской ментальности, человек видит, прежде всего, самое близкое от него — ветви, потом видит то, что вызывает у него внимание, — Луну, и, наконец, видит самое отдаленное (фон) — чистое вечернее небо. При переводе на русский язык разумно изменить такой антропоцентрический аспект смысловой организации высказывания, выражаемой синтаксическим строем фразы. Например:

(2) *Гуань (на фабрике)把外汇收入的一部分(Часть)用来改造生产,革新生产技术和成套工艺,而把另一部分用来改善工人生活。*

(букв. Руководство фабрики (фраза исходит от субъекта-человека) тратит часть валютных поступлений на реконструкцию производства, его техническое и технологическое переоснащение, а другую часть тратит на улучшение жизни рабочих.)

В переводе на русский язык: *Часть (исходя из объекта) валютных поступлений на фабрике (подлежащее превращается в обстоятельство, субъектное мышление заменяется объектным мышлением) идет на реконструкцию производства, его техническое и технологическое переоснащение, а другая часть идет на улучшение жизни рабочих.*

В китайском языке подлежащее обычно — это человек. Во фразах чаще употребляется действительный залог. В европейских языках страдательный залог встречается заметно чаще в связи с тем, что под влиянием рационально-аналитических механизмов мышления люди стремятся разделить субъект и объект, объективно описывают и анализируют различные предметы, которые чаще выступают в роли подлежащего. Такой признак обнаруживается и в русском языке. При переводе с китайского на русский язык иногда рекомендуется замена действительного залога страдательным, так как страдательный залог в китайском языке используется редко.

Китайская фраза более субъективна, она тяготеет к антропоцентризму. В переводе на русский язык объект действия предстает не через восприятие человека, а как самостоятельный предмет, и получается более объективная, формально строгая и компактная русская речь.

2. Спиральная схема мыслей и прямая схема мыслей

Человек наблюдает, выражает, объясняет окружающий мир как объект, обычно в определенном порядке, который в различных языках может не совпадать. «Точка зрения и отношения человека к миру-объекту определяют выбор и сочетание объектов, и тем самым оказывают влияние на организацию поверхностной структуры (т. е. формальная грамматика) текста»⁹. Русский и китайский язык отличаются порядком слов в предложении — в зависимости от точки зрения. Это «отражает разные логические порядки двух наций в наблюдении и познании мира, и разные механизмы связанности языка»¹⁰. Таким образом, сложились разные структуры предложений: в структуре русских предложений центр смысловой тяжести обычно стоит в препозиции, а второстепенные члены — определение, обстоятельство — находятся в постпозиции. Китайский язык, наоборот, отличается постпозицией центра тяжести предложения, а второстепенные члены ему предшествуют. Например:

(3) *通过这个画报您可以看到各个时期中国 (Китай разных периодов)经济建设的景象, 了解中国的社会风貌、熟悉不同年代和各行各业的 (различных профессий и времен) 杰出人物。*

В переводе на русский язык: *Благодаря этому журналу вы можете проследить за экономическим развитием Китая в разные периоды, увидеть его социальный облик, познакомиться с выдающимися людьми самых различных профессий и времен.*

В примере 3 выделенные слова — определения. В китайской речи оно предшествует смысловому центру, а в русской речи находится в постпозиции по отношению к центру предложения.

При выражении мыслей русское мышление отличается большей прямолинейностью, главное высказывается в начале предложения, выражая мнение, точку зрения или тему, а затем вводятся различные второстепенные части, уточняющие условия, причины и т. д. Такой тип мышления мы назовем «прямой схемой мыслей». Для китайцев принято пояснять свою мысль «сбоку», излагать сначала все вокруг главного, а информационный центр высказывания ставить в самом конце. Этот тип мышления можно назвать «спиральной схемой мыслей». Образно выражаясь, в китайском предложении, «голова» большая, а «хвост» короткий. А русское предложение отличается препозицией центра информации высказывания, у него «голова» короткая, а «хвост» длинный. Например:

(4) 这次贵国代表团来我市访问,就是在贵我双方良好合作基础上,寻求进一步发展合作途径。

В переводе на русский язык: *Цель* (добавленное слово в качестве подлежащего, отсутствует в оригинале на китайском языке) *визита вашей делегации в наш город заключается в том, чтобы на основе успешного двустороннего сотрудничества найти пути дальнейшего развития нашего взаимодействия.*

«Хвост» в русской речи еще может быть длиннее, если еще добавим слова:

Цель визита вашей делегации в наш город заключается в том, чтобы на основе успешного двустороннего торгового сотрудничества найти пути дальнейшего развития нашего взаимодействия с торгово-промышленными кругами вашей страны.

Аналогичным образом в китайской речи «голова» предложения становится больше по мере добавления второстепенных членов.

这次贵国代表团来我市访问,就是在贵我双方良好的贸易合作基础上,寻求进一步发展我市同贵国工商界的合作途径。

Перейдем к выводам. При переводе с китайского языка на русский или наоборот обнаруживается трансформация схем мыслей: субъектной схемы мыслей китайского языка и объектной схемы мыслей русского языка; спиральной схемы мыслей китайского языка и прямой схемы мыслей русского языка. Спиральный тип мышления позволяет китайцам избегать прямолинейных выражений. В китайской речи обычно в начале фразы вводятся фон, условия, причины, доказательства, а затем делается вывод, высказывается мнение. При переводе русской речи на китайскую нужно переносить информационный центр на конец текста или заключительную часть предложения, а второстепенные части выносить вперед.

Синтаксические преобразования в переводе — чрезвычайно многосторонняя проблема. Как говорит Н. К. Гарбовский, это, на первый взгляд, проблема фиксированности различных элементов высказывания, «главным образом субъекта и глагола, в большей или в меньшей степени обусловленной строем того или иного языка. Проблема оказы-

вается значительно обширней, <...> ведь речь идет о том, как тот или иной язык показывает последовательное развитие события во времени и в пространстве»¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Латышев Л. К. Технология перевода. М.: 2001. С. 49.

² Солганик Г. Я. Стилистика текста. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 30.

³ Люй Шишэн 吕世生 汉英语篇结构非对应与思维模式转换//中国翻译. 2011. № 4. С. 61.

⁴ Юй Цяофэн, Чжан Цюнь 于巧峰, 张群 概念合成理论与翻译中思维模式的转换//华东大学学报(社会科学版). 2006. № 2. С. 30.

⁵ Гарбовский Н. К. Теория перевода М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 500.

⁶ Там же. С. 468.

⁷ Ян Идань 严苡丹 从特色词看目的语文本与源语文本之间的关系//外语与外语教学. 2013. № 4. С. 76.

⁸ Чжоу Пэйчжи 周培志 汉英对比与翻译中的转换/华东理工大学出版社. 2003. С. 186.

⁹ Сюн Муцин 熊沐清 论语篇视点//外语教学与研究. 2001. № 1. С. 21–22.

¹⁰ Тан Янфан, Ян Цинь 唐艳芳 杨沁 英汉语篇隐性连贯的可译限度初探//中国翻译. 2013. № 3. С. 90.

¹¹ Гарбовский Н. К. Указ. соч. С. 506.

An L. H.

THE SHIFT OF THINKING PATTERNS IN CHINESE-RUSSIAN TRANSLATION

The author argues that translators are often bewildered by the structural differences between two languages, which essentially boils down to differences in patterns of thinking. In the translation between Chinese and Russian languages there are shifts: from the subjective thinking patterns of Chinese language to the objective thinking pattern of Russian language. Spiral thinking patterns of the Chinese language and direct thinking patterns of the Russian language are also involved in the process of translation.

Keywords: subjective thinking pattern, objective thinking pattern, spiral and direct thinking pattern.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СМЫСЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКИХ И АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ БЕЗ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Сопоставительный анализ средств выражения неизвестного члена в вопросах без вопросительных слов показал различие между языками. В русском языке ведущим средством является передвижение центра интонационной конструкции (ИК) независимо от формы речи, диалогической или монологической. В азербайджанском языке употребление того или иного средства зависит от формы речи. В диалогической речи выражение неизвестного члена может производиться интонационным средством. Однако возможности передвижения центра ИК снижены за счет возрастания роли лексико-грамматических средств. Интонация при этом используется как избыточное средство. В монологической речи главная роль при конкретизации неизвестного члена принадлежит лексико-грамматическим средствам. Интонационное выделение используется крайне редко.

Ключевые слова: центр интонационной конструкции, неизвестный член предложения, лексико-грамматические средства, структура противопоставления, избыточное средство.

В данном исследовании нас интересует проблема изучения взаимодействия синтаксиса и интонации в процессе формирования и функционирования вопросительных предложений без вопросительных слов в русском и азербайджанском языках. Целью сопоставительного анализа является: 1) определение потенциальных значений, заключенных в лексико-синтаксическом составе данных предложений; 2) выявление сходства и различий в средствах их выражения.

Основой выделения вопросительных предложений как коммуникативного типа является наличие неизвестного члена. Неизвестным может быть слово, потенциально способное выражать противопоставление, т. е. такие смысловые отношения, когда из двух или нескольких членов выбирается один. Противопоставление из двух членов организовано по антонимическому принципу. Например, *был — не был, жил — не жил в городе, далеко — близко, хороший — плохой*. Противопоставление из нескольких членов составляет ряд, объединенный по определенному признаку, например, личного имени: *ее зовут Роза — не Роза: Ася, Рена, Диляра*; цвету: *красный — не красный: синий, желтый, зеленый*. Структура из нескольких членов характерна для существительных, прилагательных, числительных, местоимений и ряда глаголов.

Смысловые отношения неизвестного члена возникают в процессе взаимодействия слова — синтаксиса — интонации (в ряде случаев учитывается и смысловое взаимодействие предложений). Однако соотношение этих средств по формам речи, диалогической и монологической, в разных языках может быть различным.

В русском языке для выражения неизвестного члена вопроса (или, другими словами, ремы вопроса, и тем самым, противопоставления ее теме) используется передвижение интонационного центра независимо от формы речи, монологической или диалогической. В словах, выделенных центром ИК-3, проявляются те семантические отношения, которые до взаимодействия с интонацией были потенциальными, неактуализированными. Если интонационный центр выделяет слово со структурой противопоставления из двух членов, то в вопросах без вопросительных слов выясняется факт наличия или отсутствия какого-либо действия, качества, состояния и т. п. Например: *Ты видел в городе Сына Неба (видел — не видел). Любите черный кофе? (любите — не любите). Можно зайти к вам? (можно — нельзя)*. Если же один из неизвестных членов представляется наиболее вероятным, то центром ИК-3 выделяется слово с противопоставлением из нескольких членов: *Ты видел в городе Сына Неба? (ты — не ты: Павел, Николай и т. д.). Твой муж немец? (немец — не немец: русский — француз — швед и т. д.). Вы из города? (из города — не из города: из села — поселка — района и т. д.)*. В вопросе спрашивающий называет наиболее вероятный с его точки зрения член этой структуры. Две разновидности структуры противопоставления отражают разную степень неизвестности неизвестного члена. В случаях, когда слово допускает структуру из двух членов противопоставления, степень неизвестности неизвестного члена наибольшая. Вопрос при этом относится ко всему предложению в целом. Когда же слово допускает противопоставление из нескольких членов, степень неизвестности неизвестного члена понижается. Вопрос при этом имеет уточняющий характер. Эти же значения могут быть дублированы лексико-грамматическими средствами — лексическим выражением 2-го члена структуры с помощью связки «или». В предложениях, когда неизвестное слово обладает структурой из двух членов, противопоставление выражается повторением слова с отрицательным значением. При этом противопоставление полностью исчерпывается и поэтому добавочное значение не возникает.

— Интересно, что мне на это скажут? Хороший я человек или нехороший?
— Ну, ты-то уж во всяком случае хороший. (Разговорная речь).

Чаще всего подобные значения реализуются сочетанием связки «или» и отрицательного слова «нет».

— Поедешь или нет? — настойчиво спрашивал Рябчиков, подъехав вплотную.
— Нет, не поеду. (М. Шолохов).
— Налетчики мне дверь ломали или нет? (М. Зощенко).

В тех же случаях, когда неизвестный член допускает противопоставление из нескольких слов, в высказывании выражается один из возможных членов структуры, который является для спрашивающего в данной ситуации наиболее вероятным.

— Вы на Каменск поедите или на Лихую?
— На Каменск?! Немцы вот-вот возьмут Каменск! (А. Фадеев).

Особенностью таких предложений является способность 2-й части после связки «или» развивать свою самостоятельность. При этом высказывание приобретает оттенок предположительности, например:

Mogu я иметь человеческие чувства, или я уже все должен в себе сжечь?
(А. Толстой).

Следует отметить, что подобное выражение структуры противопоставления в русском языке используется значительно реже, чем интонационное.

В азербайджанском языке также реализуются аналогичные смысловые отношения. Выражение этих значений возможно передвижением интонационного центра и лексико-синтаксическими средствами. При интонационном выделении в результате взаимодействия центра ИК и слова со структурой из нескольких членов реализуется семантика противопоставления «*bəli — heur*» (да или нет).

– <i>Bunu özün düzəltmişən?</i>	(– Это ты исправил?)
– <i>Mən düzəltmişəm.</i> (Г. Аббасзаде).	(— Я исправил.)
– <i>Dayınız Bakıda yaşayır?</i>	(– Ваш дядя живет в Баку?)
– <i>Bəli, dayım Bakıda yaşayır.</i> (Из разг. речи).	(– Да, мой дядя живет в Баку.)

Однако в азербайджанском языке, в отличие от русского языка, наблюдается преобладание роли лексико-грамматических средств: изменение обычного порядка слов в предложении, употребление вопросительной частицы -mı, -mi, -mu, -mü, выражение второго члена структуры противопоставления.

Как показывает материал, в монологической речи для выделения неизвестного члена используется изменение обычного порядка слов в предложении. Известно, что в азербайджанском языке, как и в русском, порядок слов не является средством выражения коммуникативного типа предложения. Например, вопросы без вопросительных слов и повествовательные предложения имеют один и тот же порядок следования членов предложения. Как правило, сказуемое имеет фиксированное место, оно заключает предложение. Подлежащее и второстепенные члены, относящиеся к нему, предшествуют сказуемому. Другие члены предложения размещаются между группой сказуемого и подлежащего. Изменение обычного порядка расположения членов предложения, за исключением сказуемого, помогает выявить неизвестный член вопроса. При этом неизвестное слово выносится в позицию перед сказуемым. Интонационный центр перемещается вместе с данным словом.

<i>Bu gün Bakıya avtobus olacaq?</i>	(Сегодня автобус будет в Баку?)
<i>Bu gün avtobus Bakıya olacaq?</i>	(Сегодня автобус будет в Баку?)
<i>Avtobus Bakıya bu gün olacaq?</i>	(Сегодня автобус будет в Баку?)

В диалогической речи такой способ выделения неизвестного члена является нетипичным.

Как в монологической, так и в диалогической речи распространены предложения с вопросительной частицей -mı, -mi, -mu, -mü. Эта частица выполняет две функции: а) является указателем собственно вопросительности и б) средством выделения неизвестного члена предложения. В зависимости от цели высказывания она может присоединиться к любому слову в предложении. Интонационный центр при этом перемещается только с ее перемещением к тем или иным словам:

<i>Sən təyyarəci olmaq istəyirsənmi?</i>	(Ты хочешь стать летчиком?)
<i>Sənmi təyyarəci olmaq istəyirsən?</i>	(Ты хочешь стать летчиком?)
<i>Sən təyyarəcimi olmaq istəyirsən?</i>	(Ты хочешь стать летчиком?)

Таким образом, интонационный центр в вопросительных предложениях с частицей -mı, -mi, -mu, -mü используется как избыточное средство, так как конкретизирующую функцию выполняет частица.

Смысловые отношения внутри вопросительных предложений без вопросительных слов могут быть переданы, как и в русском языке, лексическим выражением второго члена структуры противопоставления с помощью связок «*ya*» или «*yoxsə*» (или). В таких предложениях значения, которые передаются лексическими средствами, также оказываются избыточными. Обычно они придают высказыванию оттенок категоричности.

Bir sabiq milis işçisinin memuarını yazacağam.
— *İmza sənin olacaq, yoxsa onun?* (Амир Мустафаев).
(Напишу мемуары одного сотрудника милиции в отставке.
— Подпись будет твоя или его?)

Вторая часть высказывания отражает так же, как в русском языке, структуру неизвестного члена: структуру противопоставления из двух или нескольких членов.

– *Mən ölüm, bunları mən demişəm, ya deməmişəm?* (Будь добр, все это я говорил или не говорил?).

Глагол «*demişəm*» обладает структурой противопоставления из двух членов, поэтому противопоставление выражается повторением слова с отрицательным значением.

В диалогической речи такие значения реализуются, как правило, сочетанием связки «*ya*» (или) и отрицательного слова «*yox*» (нет).

Lalə onun sözünü kəsdı.
— *Dərsini hazırlamısən, ya yox?* Çörəyini ye, get yat. (М. Гусейн).
(Лала прервала ее слова. — Уроки выполнила или нет? Поешь и иди спать).

Если же неизвестный член допускает структуру противопоставления из нескольких слов, то в высказывании выражается, как и в русском языке, наиболее вероятным с точки зрения спрашивающего член этой структуры.

Mister Tomas, viski meyl edəcəksiniz, ya çay? — *deyib soruşdu.* (М. Ибрагимов)
(Мистер Томас, желаете виски или чай? — спросил он.).

Итак, сопоставление средств выражения неизвестного члена в вопросительных предложениях с вопросительными словами показало различие между языками. В русском языке ведущим средством является передвижение центра ИК независимо от формы речи. Функциональная нагрузка лексико-синтаксических средств, по сравнению с интонационными, незначительна. В азербайджанском языке употребление того или иного средства зависит от формы речи. В диалогической речи выражение неизвестного члена может производиться интонационным средством. Однако возможности передвижения центра ИК снижены за счет возрастания роли лексико-грамматических средств: частицы -mı, -mı, -mı, -mı, изменения обычного порядка слов в предложении, выражения 2-го члена структуры противопоставления. Интонация при этом используется как избыточное средство. В монологической речи, напротив, главная роль при конкретизации неизвестного слова принадлежит лексико-грамматическим средствам. Интонационное выделение используется крайне редко.

Выявление сходства и различия в средствах выражения неизвестного члена вопроса в сопоставляемых языках позволяет обобщить наиболее типичные ошибки, допускаемые носителями каждого языка при изучении второго, и сделать вывод относительно отбора материала для упражнений.

Babasheva Z. M.

MEANS OF EXPRESSION OF SEMANTIC RELATIONS IN RUSSIAN AND AZERBAIJANI LANGUAGES IN THE INTERROGATIVE SENTENCES WITHOUT INTERROGATIVE WORDS

The author argues that comparative analysis of the means of expressions of unknown member in the interrogative sentences without interrogative words shows differences between the languages. In the Russian language the leading means is the moving of the intonation construction to the centre is not depending on the form of dialogical or monological speech. In the Azerbaijani language usage of this or that means depends on the form of speech. In the dialogical speech expression of unknown member can be produced by the intonational means. Nevertheless, the movement of intonation construction to the centre is lowered on the account of increase of the role of lexico-grammatical means. Intonation in this case is used as an additional (redundant) means. In the monological speech at concretization of the unknown member the main role belongs to the lexico-grammatical means. Intonational distinction is used very rarely.

Keywords: center of intonational construction, unknown member of the sentence, lexico-grammatical means, structure of contrasting.

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВТОРОГО ЛИЦА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА В РУССКОМ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Способы выражения всех лиц в славянских языках очень разнообразны. В настоящей статье мы сосредоточимся на способах выражения второго лица единственного числа другими лицами (кроме второго). Особое внимание мы уделим различиям между русским и другими славянскими языками.

Ключевые слова: второе лицо, адресат, собеседник, говорящий, единственное число, множественное число.

Замена личного местоимения второго лица единственного числа формой множественного числа, с которой связан ряд коммуникативных намерений (прежде всего выражение уважения/вежливости), представляет собой наиболее распространенный вид замены почти во всех славянских языках (кроме польского). Помимо этой замены, второе лицо единственного числа может быть выражено другими формами в ситуациях, когда семантический переход основывается на деконкретизации адресата¹. В настоящей статье мы сосредоточимся на замене второго лица единственного числа первым и третьим лицами единственного и множественного числа. Многозначность форм второго лица иногда проявляется в конструкциях с формами первого лица множественного числа, которые употребляются для обозначения действия/состояния второго лица/адресата или лица, без участия говорящего. Это конструкции с так называемым докторским «мы», в которых действие воспринимается так, как будто оно касается говорящего. Таким образом достигается эмоциональное воздействие и совместное участие в реализации действия. Такое употребление характерно для всех славянских языков:

А что мы читаем, деточка, чем занимаемся? (спрашивает гость, взрослый); *А мы все хандрим!* (говорит врач больному); [Саша:] *Отлично. Мы, как жетя, улыбаемся!* *Будьте добры, соблаговолите еще раз улыбнуться!* (Чех.); *Как мы себя чувствуем?*

se primakne. Momčilo mi otpozadi veli : «Pa dokle čemo ovako?» «A, prosto bi reko, raste što me tako zaprđuje». «Da <nećemo> u Višnjevicu?» Još jedanput se ja načiniš da ga nisam čuo. Al više ga ne puštam da me dugo čeka. Kako se danas osjećamo? Jesmo li se nasnavali? Šta mi to radimo ovdje (серб.) 736789²;

Как сме? Как издържаме, Как се чувствуваме? Вземме ли вече изпитите? (болг.);

Kako se počutimo danes? Kako smo danes? Kaj smo pa danes tako veseli? Zakaaj smo zamudili? Je siknil profesor? Kaj delamo/počneto? (словен.);

Tak jajpak se máme? (чеш.);

Kak so džensa čujemy? (в.-луж.);

Z karierą możemy się pożegnać; Jak się dzisiaj czujemy? (пол.);

Што да се прави / Што правиме; Како се чувствуваме денес (мак.).

«Мы» может употребляться вместо «ты/вы» в иронично-вежливом обращении; это так называемое эмоционально-грубое «мы», когда говорящий как будто «не представляет самого себя» и тем самым «усиливает свою позицию», напр.:

Мы, кажется, улыбаемся? Будьте добры, соблаговолите еще раз улыбнуться (А. Чехов);

Слыхали мы эту песню много раз, говорил Базаров, но что вы хотите этим доказать? (И. Тургенев);

— *Nie, ja nebudem tvojím sluhom — ja t'a nejdem slúchat!* — *skríkol vzrušený Janko.* — *Uvidíme! Inakších sme ty už skrotili!* (словац.).

В этих ситуациях сам говорящий не участвует в обозначенном глаголом действии, но он как будто присоединяется к миру ребенка; именно такое употребление форм первого лица множественного числа позволяет выразить дополнительные нюансы в значении, такие как благосклонность, сочувствие, близость, иронию или презрение (снижательное *мы*). Такие формы могут отличаться оттенками значения, но при этом их семантическое единство не нарушается, т. е. когда две формы находятся в синонимических отношениях, может случиться, что одна из них отмечена каким-нибудь семантическим нюансом, а другая нет, но все-таки семантический нюанс одной формы не нарушает этого синонимического ряда, напр.:

Как будем жить, сударик? В солдаты пойдешь али в чиновники? (М. Горький. Мои университеты);

— *Какой же?* — *Мы, кажется, помирились с мужем.* — *Кажется — или помирились?* [Елена Белкина. От любви до ненависти (2002)]⁸.

Данные формы синонимичны формам «*жить будешь*», «*ты*», *кажется*, которые часто используются для обозначения действия собеседника, но они отличаются от обыкновенных форм дополнительным значением сочувственности.

Формы совместного действия могут употребляться при выражении намерения воздействовать на кого-л. с целью отказаться от некоего действия.

Поддействовало. Вначале шагнул ко мне невысокого роста парняга с облупившимся носом, потом еще один. Затем кто-то свою команду подал: — Пойдем, ребята! Все равно делать нечего! И пошли все. А мне это и нужно. [И. Ф. Стаднюк. Максим Перепелица].

При этом из контекста очевидно, что такой мотив может не распространяться на говорящее лицо:

— *Нет-нет, я не пушу тебя! Конечно, все это вздор! Пойдем, милый, спать... И, обняв сына, Анна Петровна увела его из столовой.* [С. Т. Григорьев. В Октябре].

Данный способ выражения действия адресата характерен и для сербского, словенского, македонского и чешского языков:

Pročišćavajući grlo, on reče: «Pa, zdravo!» «Zdravo i vama dvojici», otpozdravi devojka. Míngus sede pored nje. «<Најде да> не губимо време. Ко ти се свида» (серб.) 6618836⁴;

Dajmo, da ne izgublјamo časa! // Dajmo, da se ne gre čas v nič! (словен.);

Да не губиме време / Да не се губи време (мак.);

Tu kalhotu trochu zkrátíme, vzadu to uděláme nabírané (чеш.).

Мы считаем, что и в польском языке возможны данные конструкции, напр.: *Nie traćmy czasu...*, несмотря на то, что в электронном корпусе мы не нашли соответствующего примера. В сербском языке в данной ситуации можно было бы использовать и неопределенно-личное предложение с возвратной частицей «се»: *...хајде да се не губи врејеме*, тогда как в русском языке в такой функции неопределенно-личные предложения не употребляются. С нашей точки зрения, формы с первым лицом множественного числа, когда они обозначают действие собеседника, более характерны для разговорного языка, в конкретных ситуациях; в таких ситуациях говорящее лицо не только заинтересовано в действиях своего собеседника, но принимает в них активное участие.

Второе лицо единственного числа в сербском языке также может быть выражено первым лицом единственного числа:

Ма види ме, што сам сладак. Што ми је лијена хаљиница.

Для русского языка не свойственно такое употребление. Х. Крижкова-Беличова приводит пример из чешского языка: *Nelelkuju, nefákám se pečítím a praciју*, в котором семантика второго лица выражается формой первого лица, но такое употребление характерно для чешского сленга и не свойственно другим славянским языкам⁵. Сербская поговорка *Играм, певам, лако ми је, нико не зна како ми је* с обобщенно-личным значением может быть предназначена только для собеседника.

Третье лицо единственного числа в функции второго лица может служить для выражения различных значений. Он (или она) может использоваться как форма обращения к кому-то, кто присутствует в коммуникативном акте, но «он/она» должны быть выключены из личной сферы «ты/вы». Такие примеры встречаются при выражении уважения — это формы вежливости, характерные для итальянского и немецкого языков или при обращении к лицам королевского ранга, которые возвышают собеседника над уровнем лица и над уровнем отношения человека к человеку⁶:

Этот фон Фок не держит многочисленной прислуги, живёт жалованьем, значит, на руку чист. Ничего не желает замечать Милый Алексеевич. Всё заслонила фон Фокова подлость — «проучить при первом удобном случае». Врёшь, сударь, ты чёрный завистник!» Его величество дал Пушкину отдельную аудиенцию, длившуюся более двух часов... [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны];

To bude pochoutka, vašnosta se sám přěsvědčí; Vim já? Chtěli na trh, jsou na trhu (чеш.).

В современном русском языке данные конструкции могут встретиться скорее всего лишь в контексте шутки или иронии, где очень часто

сочетаются центральные и периферные средства выражения персональности, напр.: *Ну как, ваша милость изволили отдохнуть?*⁷ В электронном корпусе сербского языка мы не нашли примеров такого употребления третьего лица единственного числа; мы считаем, что это явление не характерно для сербского языка, кроме как в переводах с русского языка под влиянием межъязыковой интерференции.

Встречается также употребление третьего лица при выражении презрения с целью унижения кого-либо, не заслуживающего, чтобы к нему обращались с использованием личной формы. Благодаря своему статусу неличной формы «третье лицо» приобретает способность становиться и формой уважения, которая возвышает человека над уровнем обычного лица, и формой оскорбления, которая может уничтожить его как лицо⁸:

Треплев: *Я зову Вас, целую землю, по которой Вы ходили: куда бы я ни смотрел, всюду мне представляется Ваше лицо, эта ласковая улыбка, которая светила мне в лучшие годы моей жизни.*

Нина: *Зачем он так говорит, зачем он так говорит?* (А. П. Чехов. Чайка).

Подобные примеры встречаются и в других славянских языках в ссорах или при выражении удивления:

Izvinite, i čarapa. Nije mogla nešto da pomeri. I onda, pošto je već kasnila, odlučila da krene... bez ičega. <Ja joj> kažem ne lupaj Gudo, preterala si, u crkvi smo, sad si stvarno preterala, a ona se i dalje cereka i još mi kaže «Ne» (серб.) 26087583.

Такое употребление возможно и в польском языке, но оно несколько архаично:

Ja do niej mówię, żeby nie gadała głupot, a ona się dalej śmieje (пол.);
Jaz ji rečem „Ne govori kar nekaj v tri dni“, ona pa se še naprej smeji (словен.);
Јас и викам не зборувај се што, а таа и натаму се смее (мак.);
— *Veźmi si. — Nechci. — On nechce!* (*Jdi a omluv se jim. — Nepůjdu.*); *Člověk se snaží tu poradit a on se ještě směje!* (чеш.).

В таких ситуациях говорящий как будто размышляет вслух, говоря о собеседнике как об отсутствующем лице⁹.

Возможны и ситуации, когда такие замены выражают глубокую близость и теплоту, в основном в отношении детей:

Мой сыночек будет себя хорошо вести. (рус.);
— *Ех, ти ме не обичаш. Много си лоша, Войке!...* — *Моето момче пак ми се сврди. Вожка го обича.* (болг.);
Моје дете/ злато/ срећа ће сада да спава (серб.);
Мож отрок/ дете/ срећа/ злато бо здај заспа! (*/-a/-o*); *Kje je pa bil naš Mihec* (словен.);
Моето детенце/ среќа/ злато сега ќе спие (мак.);
Hodni je Pepiček, hezky papá (чеш.);
O, widzi mama, jakiego ma syna; Moje dzieciątko/ szczęście/ złoto będzie teraz spało. (пол.);
Čo sa ty, dievčisko, vláčiš ako mátoha! Zamýšl'a sa a nedava pozor na robotu. (словац.).

Итак, видно, что в основном возможны замены второго лица единственного числа формами первого и третьего лица единственного и мно-

жественного числа во всех славянских языках, но все-таки между ними существуют определенные различия. Кроме того, второе лицо единственного числа может быть выражено и конструкциями с неопределенно-личным, обобщенно-личным и безличным значением, что будет предметом нашего особого внимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Князев Ю. П. Грамматическая семантика (русский язык в типологической перспективе). М.: Языки славянских культур, 2007. С. 140.

² Здесь и далее номер указывает на заимствование примеров из корпуса сербского национального языка.

³ Здесь и далее в квадратных скобках приведены примеры, почерпнутые из Национального корпуса русского языка.

⁴ Выбор примеров осуществлялся из корпусов: www.ruscorpora.ru — Национальный корпус русского языка; <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/korpus/login.php> — Korpus savremenog srpskog jezika na Matematičkom fakultetu Univerziteta u Beogradu; www.korpus.pwn.pl — Korpus Języka Polskiego Wydawnictwa Naukowego PWN.

⁵ Křížková-Beličová H. Kategorie osoby a systém diateze v slovanských jazicích (Ke vztahu morfologické syntaktické roviny v jazyce). Praha:Slavia, 1976. XLV. S. 343.

⁶ Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва: УРСС, 2002. С. 265

⁷ Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / под ред. А. В. Бондарко; Т. В. Булыгина; Н. А. Козинцева; Ю. С. Маслов; В. М. Павлов; О. Н. Селивестрова; М. А. Шелякин. СПб.: Наука, 1991. С. 40.

⁸ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 265.

⁹ Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М, 1965. С. 171.

Babic Z.

SOME WAYS OF EXPRESSING SECOND PERSON SINGULAR IN RUSSIAN AND OTHER SLAVIC LANGUAGES

The paper deals with the ways of expressing second person singular in Russian and other Slavic languages. Despite the fact that while addressing the interlocutor second person singular is usually replaced by second person plural, in this paper we deal with some other possibilities of replacing second person singular and in this respect we pay particular attention to the differences between Russian and other Slavic languages.

Keywords: second person, audience (addressee), interlocutor, speaker, singular, plural.

Балакова Дана

Католический университет, Ружомберок, Словацкая республика

dana.balakova@ku.sk

Шинделаржова Яромира

Университет им. Я. Е. Пуркине, Усти над Лабе,

Чешская республика

jaromira.sindelarova@ujep.cz

МЕЖЯЗЫКОВЫЕ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ РУССКИМ БИБЛЕИЗМАМ В ЧЕШСКОЙ И СЛОВАЦКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ (РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Текст посвящен сопоставлению предварительных результатов исследований, направленных на анализ активного и пассивного употребления фразеологических единиц библейского происхождения в современной чешской и словацкой вузовской среде. Исходя из этих результатов мы предлагаем специфическую выборку библеизмов, которые могли бы стать основой фразеологического минимума студентов со специализацией учителя в Чешской и Словацкой республиках и одновременно способствовали бы развитию фразеологической компетенции будущих педагогов не только в их родном языке, но и в других славянских языках.

Ключевые слова: межязыковой минимум, межкультурный минимум, библейские фразеологизмы, студент, учитель.

Хотя библейская фразеология (включающая в широком смысле и понятие мотивации Библии и историей христианства) и представляет собой один из древнейших слоев фразеологии, фразеологические единицы библейского происхождения (далее ФЕ БП) остаются активными в современной коммуникации всех европейских народов.

В чешском и словацком языках, особенно в речи чешских и словацких классиков, современных писателей и средств массовой информации, активно функционируют многие фразеологизмы, крылатые выражения, афоризмы, пословицы и поговорки, имеющие библейское происхождение. Поскольку в прошлом большая часть чешского народа не была активно приобщена к Библии, библейская символика до сих пор многим непонятна.

Часть этой культурной лакуны мы и попытались восполнить в рамках вузовской подготовки будущих учителей на педагогическом факультете университета имени Я. Е. Пуркине в Усти над Лабе в Чешской республике и на философском факультете Католического университета в Ружомберке в Словацкой республике. Мы стремимся показать, что современное школьное образование в Чехии и Словакии всё больше стремится к углублённому гуманитарному обучению школьников, что предполагает и включение в обязательные программы также библейской фразеологии. Причём определённые упражнения и знания в этой области можно предлагать и при обучении будущих учителей в вузах.

Объектом описания являются чешские и словацкие библеизмы во фразеологии, которые становятся зеркалом национальных и общеевропейских реалий и демонстрируют славянскую языковую картину мира в рамках дидактической компетенции Я. А. Коменского, создавая актуальный фрагмент *Orbis pictus*. В ней рассмотрены конкретные примеры использования библеизмов в чешском языке в сопоставлении с другим близким славянским языком — словацким, что также ведёт к углублению и расширению социально-культурной компетенции славянского языка как родного и иностранного.

Некоторые библеизмы в чешском и словацком языках имеют весьма близкие черты, другие же отличаются собственными специфическими особенностями, которые проявляются, например, в их различной структуре, различном компонентном составе и т. п., а также способом функционирования и использования их в коммуникации (особенно различной частотностью на оси «центр — периферия»). При этом исходная форма и семантика первоначальных цитат и выражений из Библии нередко модифицируется¹.

В нашем исследовании мы исходим из нашего общего научного немецко-русско-словацкого проекта *Bible and Christianity in Phraseology* (Грайфсвальд — Петербург — Ружомберк 2010–2012 гг.), целью которого было проследить отражение общего культурного наследия Библии в языковом сознании молодого поколения студентов филологического профиля путем опроса по материалам избранных 80 ФЕ БП интернационального характера в трёх языках — с сопоставимой исходной ситуацией в изменившихся общественно-политических условиях².

Целевую группу нашего обследования составили студенты филологических дисциплин — русистики, германистики и словакистики, которые и оценивали предлагаемый им набор ФЕ БП на своём родном языке с точки зрения его употребления (активное знание — пассивное знание — незнание) и его происхождения (идентификация ФЕ БП).

Чтобы обеспечить сопоставление результатов исследования в чешской и словацкой языковой среде с результатами опросов по международному проекту, мы провели зондирование фразеологической компетенции наших будущих педагогов также дихотомически, используя методику, разработанную главным инициатором проекта Д. Балаковой³. В указанной группе информантов мы исследовали их фразеологическую компетенцию в широком смысле, т. е. с точки зрения их активного и пассивного знания, но без оценки их правильной семантической интерпретации.

Ниже мы попытаемся оценить некоторые специфические результаты зондирования чешской и словацкой вузовской среде с точки зрения актуальности и предпочтения употребительности ФЕ БП в современном чешском и словацком языках с целью определить набор самых частотных ФЕ БП, которые могли бы стать составной частью фразеологической

компетенции и фразеологического минимума будущих педагогов средней школы.

В анкете, включавшей 80 ФЕ БП, мы прежде всего проверяли способность студентов оценивать соответствующую ФЕ БП с точки зрения её употребления — на основе собственного речевого опыта. Респонденты избирали одну из пяти возможностей на трёх уровнях: 1А — знаю, употребляю, умею объяснить значение (и привести его); 1В — знаю, употребляю, не умею объяснить; 2А — знаю, не употребляю, умею объяснить (и снова — привести значение); 2В — знаю, не употребляю, не умею объяснить; 3 — не знаю.

Результаты нашего обследования показали (рис. 1 и 2), что почти третья часть чешских респондентов (29%) употребляет тематически ограниченные ФЕ БП активно (уровень 1А и 1В), в то время как пассивное знание (уровень 2А и 2В) продемонстрировало 53% студентов. Лишь 18% респондентов охарактеризовало предложенные ФЕ как неизвестные (уровень 3).

Рис. 1. Фразеологическая компетенция I.

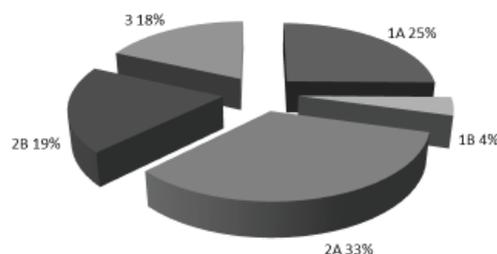

Рис. 2. Фразеологическая компетенция II.

Полученные данные свидетельствуют о сравнительно хорошем знании студентами обсуждаемого набора ФЕ БП, в котором, однако, их пассивное знание превышает активное употребление и незнание, что нами и предполагалось. Сопоставление с исследованными статистически обработанными данными словацкой вузовской молодёжи⁴ подтвердило, что пассивное знание ФЕ БП молодого чешского поколения на 4% выше, чем у словацкого.

С точки зрения активного употребления ФЕ БП результаты были сходными, чешские и словацкие респонденты получили при анкетировании одинаковый процент ответов (29%). Третий же уровень обнаруживает такое количество и процентное соотношение неизвестных студентам ФЕ БП, которые у чехов составляют 18% из всего обсуждаемого набора ФЕ.

В отличие от словацких студентов, которым было неизвестно всего 14% ФЕ из общего набора ФЕ БП, в чешской языковой среде, как оказалось, незнание ФЕ БП на 4% выше, чем у словаков.

Полученные результаты на всех трёх уровнях указывают на определенные типы двух национальных различий в зависимости от меры активности или пассивности их употребления. Качественную статистическую оценку ФЕ БП, составляющих ядро фразеологической компетенции, у чешских и словацких студентов можно соизмерить с качественным показателем, который выражается соответствующей мерой активного употребления ФЕ БП.

Следующим критерием была оценка фразеологического набора ФЕ БП на оси «центр (ядро) — постцентр — периферия» с целью определить актуальность отдельных ФЕ БП. При определении пограничных (процентных) величин этих трёх областей разного употребления ФЕ мы исходили из соотношения ответов 1АВ и 2АВ. Первый ряд соответствует единицам центра фразеологического употребления респондентами в процентном диапазоне 100–76%, другой же отражает диапазон 75–51% и относит ФЕ к постцентру. Последний диапазон с соотношением 50–0% образуют фраземы, находящиеся на периферии или «на полном пределе» фразеологического узуса студентов

Интересные результаты были получены в рамках наиболее часто употребляемых ФЕ БП в ряду «центр (ядро)» в чешской и словацкой языковой среде, ибо для первых десяти ФЕ БП было достигнуто полное сходство (абсолютная величина различия равнялась нулю). Доказательством подобной ситуации служат результаты обследования студентов из словацкой языковой среды⁵, причём чешские студенты по статистике были лишь на одну ФЕ БП успешнее словацких (11 ФЕ).

Целью последней части исследования было установить, в какой мере студенты осознают библейское происхождение предложенной группы ФЕ. ФЕ с самой высшей оценкой БП чешскими студентами.

Результаты нашего исследования, направленного на оценку ФЕ БП и соответствующей фразеологической компетенции студентов учительского профиля в чешской и словацкой языковой среде позволили нам не только сопоставить исследованные явления с результатами, полученными при реализации международного проекта *Bible and Christianity in Phraseology*⁶ (и создать представление о современном общем ядре или периферии ФЕ интернационального характера в международном масштабе с точки зрения их актуальности в активном или

пассивном фразеологическом узусе современного молодого поколения (с учётом осознания происхождения библейских ФЕ), но и привели нас к более общим выводам в связи с исследованием фразеологической компетенции и фонда библейских интернационализмов в сознании молодого европейского поколения.

Выводы нашего исследования обнаруживают не только национальную специфику, но и более широкие лингвокультурологические и интеграционные тенденции в современной европейской среде. Мы убеждены в том, что не только это зондирование, но и будущие подобные исследования подтвердят, что динамика фразеологического фонда постоянно меняется, ибо она отражает не только культурные и общественные изменения в данную эпоху и в конкретной социальной среде, но и возрастные различия и изменения в определённом языке, и потому её синхронному анализу необходимо уделять всё больше внимания.

Общие выводы нашего исследования в чешской и словацкой языковых средах (в соответствии с выводами авторов проекта в русской, немецкой и словацкой языковой среде) подтверждают, что адекватный уровень фразеологического (специфически языкового) сознания, предполагающий точное и правильное знание значения конкретной ФЕ БП, не должен быть обязательным условием успешной коммуникации, ибо носитель родного языка способен на основе своего языкового (и в его рамках также фразеологического и библейского) сознания употреблять ФЕ БП приемлемым и подходящим образом, для чего очень часто достаточно поверхностное семантическое знание соответствующей ФЕ БП.

Национальную специфику славянских языков и их культур, включая и их фразеологическую составляющую, надо рассматривать в широком общеевропейском контексте, не выдавая интернациональное за национальное. Лингвистическое исследование проблемы «языковой картины мира» во фразеологическом ракурсе кажется весьма полезным и продуктивным и может многое дать как славистике, так и лингводидактике.

Европейская фразеология, в том числе и чешская и словацкая, стоят перед необходимостью восполнить многие лакуны, порождённые глобально фольклористическим и этнографическим подходами к её анализу. К ним относится, например, необходимость экспериментального статистического сбора данных о реальном употреблении и функционировании ФЕ библейского происхождения в современных литературных языках и живой речи; детализированная фиксация их вариантности в диахронической иерархии; обоснованная стилистическая квалификация ФЕ разных типов и многое другое. В числе таких проблем актуально и определение места и значимости фразеологии в дидактическом процессе и лингводидактике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: Балакова Д., Ковачова В., Мокиенко В. М. Наследие Библии во фразеологии. Graifswald, 2013. С. 12.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 68–74.

⁴ подробнее см.: Kováčová V. Biblická frazeológia v porovnávacích reláciách frazeologickej kompetencie slovenskej, ruskej a nemeckej mladej generácie // Walter H., okienko V. M., Baláková D. (Red.)// Die slawische Phraseologie und die Bibel. Greifswald — Sankt Petersburg — Ružomberok, 2013. S. 104–106.

⁵ Там же.

⁶ Балакова Д., Ковачова В., Мокиенко В. М. Указ. соч.

Baláková D., Šindelářová Ja.

INTERLINGUAL AND INTERCULTURAL COINCIDENCES TO RUSSIAN BIBLICAL EXPRESSIONS IN CZECK AND SLOVAK STUDENT ENVIREMENT (THE RESULTS OF INVESTIGATION)

The aim of this article to present partial results of the research focused on active and passive use of phraseological units of Biblical origin in contemporary Czech and Slovak university environment. Based on these results, we suggest and specify set of idioms of Biblical origin, The set of idioms could be the fraseological base for students in teacher training for schools in the Czech and Slovak Republic and also the set could led to the development of idiomatic competence of future teachers not only in their mother tongue, but also in other Slavic languages.

Keywords: interlingual minimum, intercultural minimum, biblical idiom, student, teacher.

**Андразашвили Марина Георгиевна
Басилая Наталия Андреевна**

Тбилисский государственный университет, Грузия

andarezi@yahoo.de, natabasilaia@rambler.ru

ОБУЧЕНИЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ РУССКИМ И НЕМЕЦКИМ ВОПРОСИТЕЛЬНО-АПЕЛЛЯТИВНЫМ ЯЗЫКОВЫМ СРЕДСТВАМ В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ

В докладе рассматривается необходимость усвоения студентами-журналистами в смешанных языковых группах параллельных русских и немецких лексическо-грамматических форм медиакоммуникации, в частности, выражение вопроса с оттенком поощрения-апеллирования, типичного для интервью как одного из основных жанров масс-медиа.

Ключевые слова: интервью, формы вопроса, оттенок поощрения-апеллирования.

Ориентация университетского образования в Грузии на один из ключевых аспектов Болонского процесса — многоязычное и поликультурное обучение иностранным языкам специальности и науки на фоне создания общего европейского пространства — может осуществиться только при условии знания учащимися не менее двух иностранных языков как средства взаимного понимания и обогащения. Обучение учебным дисциплинам на билингвальной основе направлено на развитие у них готовности к диалогу в многоязычных и поликультурных ситуациях, требующих от них (и не только на языковом уровне) умений и навыков культурного понимания, адаптации и посредничества.

Своеобразие новой модели, основанной на трехцикловом обучении (бакалавриат, магистратура, докторантура) посредством кредитно-модульной системы, и множественность подходов к решению, какие именно учебные предметы следует предлагать студентам, дали нам возможность в рамках реформы, проводимой в Тбилисском государственном университете имени И. Джавахишвили, ввести в образовательный процесс для бакалавриата факультета журналистики учебный предмет «Прагматика речевого общения журналиста в информационных жанрах (русский и немецкий языки специальности)». Обучение двум иностранным языкам специальности на основе изучения собственно массмедийных текстов в параллельном режиме преследует цель при помощи определенной трансформации навыков, полученных при изучении специальности на родном языке, преодолеть трудности коммуникационного общения на изучаемом иностранном языке. Проведение данного эксперимента обусловлено своеобразной языковой ситуацией, характеризующейся пестрой языковой многоголосицей: хорошее владение будущими журналистами своим родным языком соседствует с достаточно слабым знанием иностранных языков, поскольку на факультет журналистики ТГУ по-

ступают студенты не только из разных районов многоязычной Грузии, но и из разных городов Российской Федерации.

Эксперимент проводился в течение осеннего семестра 2013/2014 учебного года в группе из 15 разноязычных студентов — местных представителей грузинской, армянской, азербайджанской, российской и украинской национальности и лиц с иностранным гражданством (Россия, Азербайджан, Армения, Украина), предварительное тестирование которых на уровень владения русским, немецким, английским и французским языком по системе «Common European Framework of Reference — CEFR» преследовало цель выявить рабочие языки обучения специальности. По результатам тестирования, студенты показали знание русского на уровне В1/В2; английского — А1/А2, немецкого — А2/В1/В2, что определило выбор изучения коммуникативно мощных языков-партнеров — русского и немецкого, функционирующих в едином коммуникативном пространстве языка специальности «журналистика».

Учебный курс «Прагматика речевого общения журналиста в информационных жанрах (русский и немецкий языки)» (рук.: Н. Басилая — русский; М. Андразашвили — немецкий) изучался в течение одного семестра. Студенты обучались по соответствующим учебникам и учебным пособиям по русскому¹ и немецкому² языку специальности. Цель данного учебного курса: формирование теоретических знаний и практических навыков, связанных с медиакоммуникацией.

В данной статье представлена минимодель проведенного эксперимента — на примере изучения интервью, весьма востребованного журналистского жанра, представляющего собой беседу с целью получения новой информации, проследить формирование профессиональной языковой компетенции студентов и установить, каким образом интервьюер строит отношения с разными людьми. От правильного отбора и целенаправленной презентации лексических и грамматических форм, характерных для данного типа речевой коммуникации, зависит, насколько глубоко студенты овладеют правилами профессионального общения на вербальном уровне и усвоят определенные тактические и стратегические приемы аргументации и убеждения (в форме вопроса), характерные для интервью. Изучение тактики и стратегии интервью дает возможность научить студентов: 1) анализировать текст как конечный результат журналистской деятельности и самим способствовать созданию коммуникативного текста, имея первичные навыки работы с информацией и осуществляя поиск информации в различных источниках; 2) излагать собственную мысль и аргументировать свою точку зрения; 3) грамотной устной и письменной речи; 4) ставить и решать интеллектуальные проблемы и задачи, для чего главным и неперемным условием является умение журналиста посредством вежливого апеллирования к респонденту в форме деликатного выражения просьбы, поощрения и одобре-

ния и правильно поставленных вопросов на русском и немецком языках «разговорить» собеседника.

Будущие журналисты по роду своей деятельности должны владеть широким диапазоном методических приемов, позволяющих получить от респондентов развернутые спонтанные формулировки ответов, обладать умением «прямого погружения» в ситуацию и проблему, и поэтому в первую очередь им следует овладеть технологией ведения интервью в форме открытых вопросов, называемой в немецкоязычной журналистике формулой 5/6 W-Fragen, по первым буквам вопросов *wer? / wie? / was? / wann? / wo? / (+) warum?*, и, соответственно, формулой шести вопросов в практике интервью, проводимых русскоязычными журналистами: *кто? / что? / где? / когда? / как? / почему?* (нередко добавляется *зачем?*). При этом основное внимание студентов обращено на усвоение неизменной семантики открытых вопросов:

- 1) запрашиваемая информация об объекте события, его участниках и действующих лицах (**что произошло?**): «*Что было сказано вчера в Женеве на встрече глав правительств стран Евросоюза? / Was ist denn gestern in Genf beim Zusammenkommen der Staatsoberhäupter der EU-Länder gesagt worden?*»; «*Доктор, в чем, по вашему мнению, причина резкой вспышки этого заболевания? / Herr Doktor, was ist denn Ihrer Meinung nach der Grund des plötzlichen Aufbruchs dieser Krankheit?*»;
- 2) выяснение обстоятельств происшедшего (**где/во, куда/whohin и откуда/woher**): «*Где произошла авария? / Wo ist denn der Unfall passiert?*»; «*Куда теперь направляется ваша спасательная бригада? / Wohin wird jetzt Ihre Einsatzbrigade geschickt?*»; «*Откуда поступила гуманитарная помощь пострадавшим от наводнения? / Woher ist die humanitäre Hilfe für die Betroffenen durch die Überschwemmung eingetroffen?*»;
- 3) уточнение времени (**когда/wann, с каких пор/seit wann и до каких пор/bis wann**): «*Когда произошла авария? / Wann ist denn der Unfall passiert?*»; «*С каких пор (с какого момента, с какого времени) вы живете здесь? / Seit wann leben Sie hier?*»; «*До каких пор (до какого времени) будет работать комиссия? / Bis wann / Wie lange wird der Vorstand arbeiten?*»;
- 4) выяснение, **как/wie** произошло обсуждаемое событие: «*Как вышло, что об этой аварии узнали только на следующий день? / Wie ist denn das passiert, dass man von dem Unfall erst am nächsten Tag erfahren hat?*»;
- 5) выяснение цели поступков (**зачем/wozu; с какой целью/zu welchem Zweck?**): «*Зачем понадобилось такое количество наблюдателей? / Wozu brauchte man so viele Beobachter?*»;
- 6) установление причин происшедшего (**почему/warum; по какой причине/aus welchem Grund?**): «*Почему бригада врачей не прибыла вовремя? / Aus welchem Grund / Warum konnten die Ärzte nicht zeitig vor Ort sein?*»; «*Почему вы решили баллотироваться на повторный срок? / Warum wollten Sie ein zweites Mal gewählt werden?*».

В зависимости от функциональных задач конкретных интервью в аудитории активизируются разные типы второстепенных вопросов:

- 1) уточняющие вопросы, перефразирующие сказанное собеседником, если его ответ непонятен («*Мне кажется, вы обвиняете в случившемся руководство страны. Так ли это? / Ich habe den Eindruck, Sie beschuldigen die Staatleitung an dem Passierten. Ist das so?*»), либо запрашивающие пример или дополнительную ин-

формацию для прояснения сказанного: («*Что-то я не совсем понимаю вас. Объясните еще раз, пожалуйста... / Ich verstehe Sie nicht ganz. Erklären Sie es bitte nochmals.*»; «*Вы сказали, что экономический спад пошел на убыль. Не могли бы вы привести конкретные цифры? / Sie sagten, die wirtschaftliche Lage hätte sich gebessert. Könnten Sie bitte vielleicht konkrete Zahlen anführen?*»);

- 2) развивающие вопросы, использующие предыдущее высказывание респондента для уточнения деталей («*Вы даете концерты для грузинской публики, а живете в Италии. Как вам удается это совмещать? / In Italien lebend geben Sie Konzerte auch für das georgische Publikum. Wie bringen Sie denn beides unter einen Hut?*»);
- 3) контрольные вопросы, задаваемые в ситуации, когда у журналиста нет объективных подтверждений того, что было сказано собеседником («*Сколько абитуриентов поступает в вузы в этом году? / Wie viele Leute sind dieses Jahr immatrikuliert worden?*»);
- 4) проективные вопросы, помогающие глубже изучить характер собеседника, определить потенциал его внутреннего мира («*Что бы вы сделали в этой ситуации, если бы были ректором? / Was hätten Sie als Rektor der Universität in der Situation unternommen/getan?*»);
- 5) переходные вопросы для перехода к новой или упоминавшейся теме («*Господин ректор, в начале беседы вы упомянули, как сложно было найти средства для данного проекта. Давайте поговорим о его экономической части. Сколько он стоил? / Herr Magnifenz, am Anfang unseres Gesprächs haben Sie die Finanzierung des Projektes angesprochen. Wollen wir bitte zu diesem Punkt nochmal zurückkehren? Wieviel hat denn das Projekt gekostet? **) и под.

Очень важно, чтобы будущие журналисты владели не только невербальными приемами поощрения к разговору, способами подбадривания, номинальной поддержки посредством мимических реакций, кивков головой и иных жестов, выражающих заинтересованность, внимание и одобрение, но и усвоили вербальные выражения одобрения того, что говорит респондент, в частности, различные одобрительные возгласы типа: «*да-да/Ja, ja!*», «*вот как!/Ach so!*», «*продолжайте, пожалуйста!/Bitte weitererzählen!*», «*очень интересно/Ja, höchst interessant!*» и т. п. Особое внимание в аудитории отводится отработке приемов, стимулирующих расширение ответа:

- 1) так называемое «эхо» — повторение с вопросительной интонацией фразы респондента, которая несет смысловую или эмоциональную нагрузку: **Респондент:** «*Учебная работа в университете нуждается в модернизации. / Der Unterricht an der Universität benötigt die Umstrukturierung. Интервьюер:* «*В модернизации? / Die Umstrukturierung?*»;
- 2) вопросы-синонимы («*В чем это выражено? Как это проявляется? Покажите конкретно, как это представлено? / Worin äußert sich das? Wie zeigt sich das? Wie sieht es konkret aus?*»);
- 3) прямая просьба расширить ответ («*Что случилось потом?*», «*Что Вы имеете в виду?*», «*Расскажите об этом подробнее... / Was ist denn weiter passiert? Was meinen Sie? Erzählen Sie bitte ausführlicher!*», «*Не хотите ли Вы что-нибудь добавить?*», «*Не могли бы Вы развить вашу мысль? / Möchten Sie vielleicht etwas hinzufügenen bzw. diese Idee weiterentwickeln?*») и др.

Студенты посредством ролевых игр отработывают стратегические умения привлечения респондента за счет нешаблонного подхода, умения направлять разговор, выражать одобрение и поддержку, вниматель-

но выслушивать собеседника, не уклоняясь от основной темы интервью, и вовремя его закончить.

В результате освоения данного курса студенты получили базовые знания в области медиакоммуникации, знания об особенностях профессионально-значимых жанров масс-медиа, знания этических, коммуникативных, речевых и языковых основ медиальной речевой деятельности и овладели следующими практическими навыками и умениями: создавать публицистический текст на двух иностранных языках, выбирать из всех языковых средств максимальной полно и эффективно выполняющие поставленные коммуникативные задачи, убедительно и выразительно говорить. Заметим, что выработка навыков употребления в медиадialoge русских и немецких вежливых клише (аналогичных высокочастотному немецкому слову *bitte*; формам *Konjunktiv-a*, а также в оборотах *Wäre es möglich, dass.../Ginge es, dass... + Nebensatz*) у наших студентов значительно облегчена тем, что в родном языке студентов достаточно широко представлены языковые средства, выражающие категорию вежливости. И если некоторые обучаемые полагали, что вопросы в интервью следует ставить в жесткой форме (что, к сожалению, принято на ряде телеканалов Грузии), то после прохождения учебного курса «Прагматика речевого общения журналиста в информационных жанрах (русский и немецкий языки специальности)» они переносят в свою профессиональную речь навыки, усвоенные при изучении русских и немецких языковых средств, и чаще употребляют в практике медиакоммуникаций вежливые клише.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дерягина С. И. Русский язык для журналистов. Учебное пособие для иностранных учащихся. М.: Русский язык. 2011. 108 с.

² *La Roche von W.* Einführung in den praktischen Journalismus. 16., erweiterte und aktualisierte Auflage. München: List. 2011. 292 S.

Andrazashvili M. G., Basilaya N. A.

TEACHING RUSSIAN AND GERMAN PARALLEL INTERROGATIVE-APPELLATIVE LINGUISTIC MEANS IN THE CONTEXT OF MULTILINGUALISM

The paper deals with the necessity of teaching Russian and German parallel lexical and grammatical forms of media communication to Journalism students in mixed language groups, in particular, question forms with a nuance of encouragement-appeal, typical for interview as one of the main genres of mass media.

Keywords: interview, question form, nuance of encouragement-appeal.

Бахшиева Фидан Сурад гызы

Бакинский славянский университет, Азербайджан

fidan_baxsiyeva@mail.ru

МЕТАФОРА КАК ВАЖНЕЙШИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ЗНАКОВОЙ КОМБИНАТОРИКИ

Статья посвящена проблемам знаковой комбинаторики. В центре внимания стоит эволюция семантической системы языка, которая укладывается в модели знаковой комбинаторики и должна рассматриваться как одна из ее разновидностей. Сопоставление языков показывает, что в сфере комбинаторики значений существуют универсальные показатели. Различия носят историко-культурный характер. Как те, так и другие укладываются в стандартные когнитивные модели.

Ключевые слова: система, знак, комбинаторика, семантика, асимметрия.

То, что сегодня принято называть *языковой игрой*, понимая под этим названием и некоторую сферу теоретических построений и один из онтологических параметров существования естественных языков, было известно всегда. Сам факт существования такого интеллектуального явления, как софизм, свидетельствует в пользу вполне осознанного отношения к знаковой комбинаторике. Причем осознанность софизма как такового есть очевидное свидетельство понимания глубинной сущности используемого кода.

Известно, что язык, имея системно-организованную природу, привлекает в орбиту системности все значимые для него явления. Иными словами, любое явление, имеющее языковой статус, т. е. не случайное, а связанное с природой функционирования языка, носит системный характер. Таким образом, и языковая игра, или знаковая комбинаторика, также имеет системный характер. А это означает, что проявления указанного явления можно наблюдать на всех уровнях системы, от комбинаторики звуков и варьирования интонационных моделей до игры со смыслом в пределах сложных словесных комплексов, имеющих характер логического суждения.

Системный характер языковой игры в какой-то степени означает отсутствие приоритетности знаков различных уровней с точки зрения возможностей их участия в данном процессе. Активность их определяется условиями организации игры, ситуативно нейтрализующими знаки одного уровня и задействующими возможности другого уровня. Следовательно, на уровне системы все знаки обладают одинаковой комбинаторной значимостью. На уровне речевой реализации этих возможностей актуализация игрового потенциала непосредственно связана с условиями решения коммуникативных задач.

Несмотря на то, что языковая игра имеет место на всех уровнях системы, важнейшим уровнем реализации этой возможности является

лексический. Слово и в этом измерении оказывается центральной единицей языка, аккумулирующей в себе резервы выражения смысла.

Лексическая система языка, как и язык в целом, характеризуется асимметрией или гетерогенностью плана содержания и плана выражения. Это обстоятельство, представляющее собой закономерность как функционирования, так и эволюции системы, способствует организации различных моделей обыгрывания знака. Результаты такого «обыгрывания» на поверхностном уровне представлены как языковая игра. Более того, результаты знаковой асимметрии чаще всего интерпретируются носителями языка как его эстетическая функция. Эстетическая функция, безусловно, реализуется в процессе комбинаторики, однако понятно, что это вторичная функция по отношению к коммуникативной. Иными словами, важнейшей функцией языка и в этом случае является обеспечение максимальной коммуникативной эффективности.

Вторичная номинация как результат асимметрии языкового кода проявляется по-разному. Проблема во всей своей полноте была поставлена С. И. Карцевским¹. Крылатой стала фраза С. И. Карцевского о том, что всякий знак является омонимом и синонимом. Важно то, что ученый связывал это со спецификой человеческого познания внешнего мира. Несмотря на глобальность явления, своеобразным прецедентным феноменом в данной области является лексическая метафора.

Сегодня метафора как никогда прежде находится в центре внимания исследователей. Множество работ посвящено так называемой концептуальной метафоре, которая рассматривается как универсальное средство постижения мира человеком. Поскольку естественные языки отличаются друг от друга с точки зрения ориентиров познания и сравнения, постольку и метафоры в различных языках могут иметь глубокое отличие. На коннотативном уровне это может проявляться в различных отношениях к одному и тому же объекту. Опыт сопоставительного анализа семантических систем различных языков показывает, что одни и те же объекты или ориентиры сравнения могут предоставлять в распоряжение национальной метафорики различные когнитивные признаки, определяя тем самым характер языковой картины мира. Иногда характер эволюции знака с большим трудом поддается интерпретации в соответствии с механизмом метафорического переосмысления. В обычных случаях раскрытие этого механизма не представляет собой особой сложности. Так, между двумя классами объектов устанавливается хотя бы один общий признак, служащий основанием для сопоставления вообще. Как правило, в семантической структуре исходного слова такой признак носит периферийный характер. В структуре метафоры такого рода периферийный признак передвигается в центр семантической структуры, что само по себе носит характер семантической игры. Как известно, академик В. В. Виноградов говорил, что семантическое развитие слова

идет от однозначности к многозначности, а затем к омонимии. Следовательно, законы семантической эволюции лексем представляют собой игровое поле. На поверхностном уровне омонимия и многозначность являются очевидным потенциалом языковой игры. Собственно, на обыгрывании полисемии и омонимии и строится каламбур.

Сопоставление языков выявляет различную специфику метафоризации, отражающую на глубинном уровне когнитивные основы восприятия внешнего мира. На наш взгляд, метафорика качественных прилагательных выпукло представляет принципы семантической комбинаторики в разных языках.

Например, в современном азербайджанском языке существует слово *tünd*, обнаруживающее различные значения, между которыми на первый взгляд мало общего. Тем не менее, семантический анализ позволяет определить ассоциативные мосты, связывающие семантическую структуру слова в органическое единство. В Азербайджанско-русском словаре под редакцией проф. М. Т. Тагиева слово *tünd* зафиксировано в шести значениях, причем почти по каждому значению выделяются еще одно-два значения. Эти значения, на наш взгляд, являются совершенно равноправными семемами, возможно, более конкретными, но не фиксацией употребления или оттенком. Так, первое значение этого слова определяется как «темный»: «по цвету близкий к черному; не светлый»². Следовательно, основное номинативное значение слова *tünd* представляет собой цветообозначение. Словарь приводит такие словосочетания, как *tünd rəng* (темный цвет), *tünd paltar* (темное платье), *tünd pərdələr* (темные занавески), *tünd lak* (темный лак)³. Во всех этих словосочетаниях слово *tünd* обнаруживает именно значение «темный». Второе значение данного слова определяется как «крепкий»⁴. На первый взгляд, никакой связи между цветообозначением и указанным качеством не обнаруживается. Однако если исходить из возможности обыгрывания сем, то ассоциативный признак, связывающий эти две семы, вполне можно установить. Например, признак «темноты» непосредственно представляет в другом измерении признак «сгущения» или «нагнетания». «Сгущение» означает «стать более густым», а «густой» актуализирует такие семы, как «концентрация», «непроницаемость», «плотность», что, в общем, может быть определено как «интенсивность» и «сила». А если так, то сема «густота» может рассматриваться как ассоциативный признак, объединяющий значения «темный» и «крепкий». В значении «крепкий» содержится два более конкретных значения: 1) «насыщенный, малоразбавленный» и 2) «содержащий большое количество алкоголя, наркотиков; сильнодействующий»⁵. Первое конкретное значение иллюстрируется словосочетаниями *tünd qəhvə* (крепкий кофе), *tünd çay* (крепкий чай), *tünd sirkə* (крепкий уксус), а второе — *tünd içkilər* (крепкие напитки), *tünd araq* (крепкая водка), *tünd şərab* (крепкое вино).

Третье значение слова *tünd* определяется как ‘резкий’, четвертое как ‘острый’, пятое — ‘быстрый’, это значение снабжается пометой *переносное*, приводится словосочетание *tünd at* — ‘быстрая лошадь’⁶. Наконец, шестое значение слова *tünd* определяется как ‘крутой, суровый’ и в скобках указывается ‘твердый, непреклонный, лишенный мягкости — о человеке, его характере, нраве’.

Относительную сложность составляет связь между первыми двумя значениями, последние пять значений обнаруживают четкую логику переноса.

Эквивалентом азербайджанского слова *tünd* в русском языке является лексема *темный*. В четырехтомном академическом «Словаре русского языка» (так называемый *Малый академический словарь*) слово *темный* приводится в восьми значениях, анализ которых вскрывает «игру» с обозначенным смыслом. Интересно, что в русском языке основным номинативным значением слова *темный* является ‘лишенный света, освещения, со слабым, скудным светом’⁷. Основное номинативное значение слова *tünd* является вторым у слова *темный*: ‘по цвету близкий к черному, не светлый’⁸.

У русского слова, кроме этих двух значений, выделяется еще шесть значений, которые снабжаются пометой *переносное* и демонстрируют эволюцию значения. Исключение составляет восьмое значение, в котором слово *темная* субстантивируется:

«помещение для арестованных, карцер»⁹. Интересно, что ни одно из этих переносных значений не соответствует значениям слова *tünd*. Академический словарь выделяет следующие значения: ‘мрачный, безрадостный’, ‘несущий, причиняющий зло, вред, низкий, злобный’, ‘сомнительного свойства или репутации, непорядочный’, ‘неясный, непонятный’, ‘невежественный, отсталый, некультурный’¹⁰.

Асимметрия значения налицо в обоих языках, номинативные значения совпадают, пусть даже у слова *темный* в качестве первого значения отмечается ‘лишенный света’. По большому счету первым и основным вполне может быть и значение ‘по цвету близкий к черному’, так как при сравнении этих двух значений ‘лишенный света’ выглядит производным.

Значения русского слова носят отвлеченный, метафизический характер, а значения азербайджанского слова, напротив, конкретны и материальны. Значения слова *темный* находят в азербайджанском языке выражение в других словах. Распределение этих значений в русском и азербайджанском языках также носит системный характер. Сопоставление одних и тех же номинативных значений в системе их ассоциативных связей в разных языках, помимо принципов комбинаторики знаков и семем, выявляют и устойчивые когнитивные модели, в той или иной степени проливающие свет на этническую ментальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 85–90.

² Азербайджанско-русский словарь: в 4 т. Т. 4. Баку: Мутарджим, 2000. С. 568.

³ Там же. С. 568.

⁴ Там же. С. 568.

⁵ Там же. С. 568.

⁶ Азербайджанско-русский словарь: в 4 т. Т. 4. Баку: Мутарджим, 2000. С. 568.

⁷ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1984. С. 351.

⁸ Там же. С. 351.

⁹ Там же. С. 351.

¹⁰ Там же. С. 351.

Bakhshiyeva F. S.

METAPHOR AS THE MOST IMPORTANT CHARACTERISTIC OF SIGN COMBINATORIAL ANALYSIS

The article deals with the sign combinatorial analysis. Evolution of the semantic system of language is in the centre of attention and fits into the model of the sign combinatorial analysis and should be considered as one of its varieties. Comparison of languages shows that in the field of combinatorial analysis there are universal values of indicators. Differences has historical and cultural character, both fit the cognitive standard pattern.

Keywords: system, combinatorial analysis, semantics, asymmetry.

Бережных Елена Юрьевна

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Россия

elenaberezhnykh@mail.ru

ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В НОМИНАЦИИ СИНЕГО В ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА И АНТОНИО МАЧАДО

Статья посвящена поэтической номинации цветообозначения синий в языке поэзии А. Блока и А. Мачадо. Словообразовательный подход к языковым явлениям основывается на представлении о двухслойном характере семантики имён со значением цвета, состоящего из внешнего уровня (соответствующего структуральным семантическим представлениям) и внутренней структуры — переносного значения, позволяющего проследить способы индивидуально-авторского семантического становления цветообозначений в художественном тексте.

Ключевые слова: семантическое словообразование, цветообозначение, поэтический текст, символ.

Поэтические тексты, имея много общих черт с текстами в целом и художественными текстами в частности, являют собой весьма специфические объекты. «Поэтический текст — это не просто один из способов языкового мышления, номинации и деятельности человека. Поэтический текст — это единица духа, знак духа; это явление не столько языковое, сколько — при глубоком восприятии его — нечто необъяснимо драгоценное, как язык, время и жизнь»¹.

Лингвистический анализ поэтического текста можно проводить с разных позиций. Однако нас в большей степени интересует раскрытие индивидуально-авторских новообразований в сфере семантики словообразования, сочетаемости слов со значением цвета в русской и испанской поэзии. Своеобразие поэтического текста обусловлено спецификой самой поэтической речи, где слово, выделенное стиховой структурой, раскрывает всю свою многоплановую «биографию» вплоть до значений, приобретённых в окружающем контексте. Необычная сочетаемость лексических единиц порождает ассоциативные связи многозначности каждого отдельного слова поэтического текста.

Известный исследователь стиха М. М. Гиршман нашел очень верное научное определение 'преображения' слова в поэтическом контексте — поэтическое словообразование, так как в поэтическом языке действительно «формируются в

известном смысле новые слова, образные значения которых не просто надстраиваются над прямыми значениями, а присваивают и прямые и другие возможные значения для создания нового индивидуального смысла»².

Поэты, используя общелитературные словообразовательные средства, добиваются того, чтобы ярче и нагляднее проявились выразитель-

ные возможности, заложенные в слове. Характерной особенностью этого использования является более свободное, по сравнению с общелитературным языком, обращение со словообразовательными средствами языка. В поэзии наблюдается целый ряд приёмов использования элементов словообразовательной системы языка в качестве художественной выразительности.

Поэтическое словообразование имеет много общего с семантическим словообразованием в общенародном языке. Множественность значений, возникающая в связи с одновременным утверждением буквальных, переносных и окказиональных значений в поэтическом сообщении, указывающих на внутреннее и внешнее существование слова, приводит к метонимическому характеру поэзии. А метонимия, как известно, лежит в основе поэтического символа.

Синий цвет у А. Блока реализуется чаще всего в поэтических сочетаниях с атрибутивным признаком. Продуктивными в блоковской цветовой палитре становятся определения: *синий, синеватый, синее, синеющий, бледно-синий, иссиня-черный*. Такие обозначения, как *синь, синева*, используются гораздо в меньшей степени: *скрывать синеву, ночная синь*.

Цветообозначение *azul* у Антонио Мачадо гораздо менее частотно, чем у Александра Блока, однако его употребление также является показательным. Несмотря на однообразную словообразовательную типологию (*azul* — 'синий', *el azul* — 'лазурь, синева') и сравнительно узкую лексико-фразеологическую вариативность сочетаний с носителями признака (небо, день, роса, ночь), некоторые образы А. Мачадо являются в определенной степени необычными: *las montañas azules* — 'голубые горы'; *la espuma azul de la montaña* — 'голубая пена горы'; *¡La aguda torre en el azul de España!* — 'башня, заостренная в синеве Испании'. Испанское обозначение такого цвета соответствует русским синий + голубой, в связи с этим при переводе цветообозначения *azul* на русский язык используются имена прилагательные и «синий», и «голубой».

Как основной хроматический цвет ландшафта *синий* используется обоими авторами чаще в пейзажных зарисовках. У А. Блока в переносном значении *синего* цвета эстетически наиболее совершенно воплотились сквозные образы пространственной дальности, безграничности, в целом характерные для русской поэзии: *в синюю глубь, синий сумрак и покой, очи синие бездонные, синяя мгла, в синюю муть*. Обратимся к фрагменту одного из произведений А. Блока, так как мотивация цветообозначений, характеризующих восприятие предметов, явлений природы, часто становится понятной только при рассмотрении всего текста или его отдельного фрагмента.

Навстречу страстному безволью
И только будущей Заре —
Киваю *синему* раздолью,

Ныряю в темном серебре!
.....
А я — серебряной пустыней
Несусь в пылающем бреду,
И в складки ризы *темно-синей*
Укрыл Любимую Звезду³.

Синея раздолье — это и есть небесная пустыня, названная позже серебряной; *темное серебро* — и есть серебро с *темно-синими* ночными отсветами. И одно уже не мыслится без другого. Пройдя сквозь весь текст, эти опорные для поэта слова сочетаются то с одной, то с другой группой слов, а значит, и с различными образными системами, расширяя за их счет «круг значений». Возникает шлейф ассоциаций, который тянется за словом, отраженным сиянием, высвечивая в нем множество смысловых оттенков. Слово оказывается как бы не равным себе, охватывая все более широкую сферу понятий; обозначая не одно явление, а целый комплекс образов; становясь его знаком, символом.

Александр Блок необычайно точен в деталях, поэт добивается подробностей при описании *синего* цвета; *в купол бледно-синий; косами иссиня-чёрными; река была ещё синей*. Для выделения оттенка цвета А. Блок прибегает не только к употреблению сложных имён прилагательных, но и использует семантическую тавтологию: *синий, синий, синий взор; край синий, синий, певучий, певучий*. В поэтическом тексте возникают различного рода внутренние повторы, заключающиеся в возврате к предыдущему на новом смысловом и структурном витке. Стихотворный текст — это изначальный образец нелинейного письма, в связи с этим данные особенности поэтического текста отражаются на его восприятии, которое также не может быть линейным. Содержательная избыточность высказывания, проявляющегося в смысловом дублировании названия цвета, позволяет русскому символисту раскрыть выразительность, силу и яркость проявления цвета.

Для *синего* цвета в поэзии А. Блока и А. Мачадо характерны такие метонимические переносы, как «название *синего* цвета — экспрессивная оценка»: *синеватые дуги бровей; с кругами синими у глаз; и синий дым сигар; на синий берег рая*; исп.: *los días azules y dorados* ‘дни голубые и золотые’; *el azul sereno* ‘голубая ночная роса’; *estrella en el azul* ‘звезда в синеве’; *estos días azules y este sol de la infancia* ‘эти дни голубые и это детское солнце’. Другим метонимическим переносом для *синего* цвета в лирике русского и испанского поэтов является воплощение эстетического идеала. «Лингвопоэтический разбор художественного произведения предстаёт как анализ и систематизация элементов языковой организации текста, воплощающих «образ мира» и «образ автора» с позиций определенного эстетического идеала»⁴. Примером метонимического переноса «название цвета — эстетический идеал» является использование поэтами цветообозначений, включающих сравнительные отношения мотивирующих словосочетаний: исп.:

descansar en el azul del día
como descansa el águila en el viento⁵
‘отдыхать в голубизне дня
как орёл парит в воздухе’;
рус.: твои глаза невинны, как цветик голубой.

Если для русского символиста сочетание *синего* цвета согласуется с определениями бездонный или певучий: *очи синие бездонные, край синий, синий, певучий, певучий*; то для испанского поэта представляется возможным соединение с производным золотой: *los días azules y dorados* ‘дни голубые и золотые’.

При анализе блоковской поэзии мы постепенно переходим к характеристике голубого цвета, поскольку вышеуказанный метонимический перенос чаще всего осуществляется именно в этом случае. Несмотря на то, что в испанском языке существует имя прилагательное ‘*celeste*’, более точно соответствующее русскому прилагательному ‘*голубой*’, однако употребление слова ‘*celeste*’ в значении голубого цвета намного реже, чем ‘*azul*’, притом обычно с актуализацией данного значения. Испанские поэты не стремятся подчеркнуть, какой именно тон — тёмный или светлый — имеется в виду, так как это, вероятнее всего, не является для них главным.

Для русских поэтов значение цвета *голубой* соотносится со словом *голубь*, что является символом любви, мира, чистой души, жизни, света, согласия и добра. Зачастую он выступает как посредник между высшим духовным и человеческим миром, между богом и людьми. В христианстве голубь стал символом Святого Духа; считается, что Дух Святой сошёл на Христа при крещении в облике голубя. В связи с этим в лирике Александра Блока осуществляется метонимический перенос «название цвета — эстетический идеал»: *свод голубой, я — голубой, как дым кадила; а также бог лазурный, чистый, чистый; лазурное сокрыто от умов*. Так, в лирике русского символиста появляется и другое цветоименование — *лазурный, лазоревый*; последнее в словесности имело значение *голубой, лазурный*: *сквозь лазоревый туман, стезя лазурная, в лазурной мгле, виденье лазурное*. Таким образом, параллельно для обозначения оттенков *синего* в блоковской цветовой палитре используются определения: *голубой, дымно-голубой, голубоватый, лазурный, лазоревый*; реже встречаются обозначения: *в бездонной лазури, лазурность на юге*. И в данном случае у А. Блока в переносном значении цвета, за исключением — *небо голубое*, наиболее совершенно воплотились сквозные образы пространственной дальности, безграничности, представленные лексико-фразеологической вариативностью сочетаний с такими носителями признака, как: *голубой туман; голубому сну; голубые края; ветер голубой; ползущий дым голубоватый; лазурная тишь; в лазурной мгле; сквозь лазоревый туман*.

Анализ языковой структуры *синего* в языке поэзии А. Блока и А. Мачадо и взаимодействия слов со значением цвета в художествен-

ном тексте доказывает, что реализуются в поэзии русского и испанского поэтов как серии взаимосвязанных употреблений, как серии целые системы, представляющие образные ряды, в широком понимании — варианты компонентов.

Цвет является основой поэтической номинации, с огромной силой конденсирует в себе разнородные предметные и непредметные интенции, неизмеримо превосходя по своим образным возможностям номинативную лексическую единицу, относящуюся к цветообозначению, превращаясь таким образом в символ.

Как правило, имена со значением цвета являются по внешней структуре своей символами, совпадающими с «лексемами», включающими в себя не столько слова в собственном смысле, сколько «фразовые» объединения. Цветообозначение «синий» в поэзии А. Блока и А. Мачадо обозначает оценку предмета с точки зрения его отношения к эстетическому идеалу, характеризует высокую степень проявления определенного качества, используется поэтами при характеристике ирреального объекта, при эстетической оценке различных явлений.

Подводя итоги проведенного анализа, мы можем утверждать, что актуальность затронутого вопроса заключается в лингвистическом исследовании словообразовательных, синтаксических, семантических закономерностей образования имён прилагательных в языке русского и испанского поэтов в контексте их художественно-эстетической и философской концепции поэтического языка. Изучение формально-семантических особенностей строения и функционирования новообразований в языке поэзии А. Блока и А. Мачадо тесно связано с проявлением синкретичной семантики слова, наиболее полно раскрывающейся в художественном тексте, и проблемой семантического словообразования как собственно лингвистического воплощения данного явления. В связи с этим первостепенную важность и актуальность приобретает сравнительно-сопоставительный подход к исследуемому материалу, позволяющий глубже раскрыть семантику и функциональное своеобразие цветоименования «синий» в каждом из сопоставляемых языков. Сравнение только одного названия цвета и его соединений с различными образами в русском и испанском языках позволяют выявить сходные метонимические переносы, их характерное использование в художественной речи. Главным отличием становится скудность деривационной номинации в языке А. Мачадо по сравнению с лирикой А. Блока, стремящегося к реализации приёмов элементов словообразовательной системы языка в качестве средств художественной выразительности. Тем не менее цветообозначения русского и испанского поэтов, особенности и закономерности их образования, основные модели построений, отражающие, с одной стороны, традиции поэтического словотворчества, а с другой — выявляющие способность прилагательных — становятся символами, остаются, как

правило, достоянием творчества поэтов. Между тем именно в поэзии символистов номинация *синего* достигает своего расцвета, максимально реализуя словообразовательные и семантические ресурсы языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Казарин Ю. В. Филологический анализ поэтического текста: учеб. для вузов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. С. 403.

² Гиришман М. М. Слово в поэтическом контексте // Вопросы теории и истории русского словообразования. Казань, 1972. С. 37.

³ Блок А. А. Стихотворения и поэмы: стихи, дневники, письма, проза. М.: Эксмо, 2005. С. 131.

⁴ Болотникова Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 41.

⁵ Мачадо А. Избранное. М.: Художественная литература, 1975. С. 88.

Berezhnykh E. Yu.

POETIC WORD-FORMATION OF BLUE IN POETRY OF ALEXANDER BLOK AND ANTONIO MACHADO

The subject of this article is poetic word-formation of 'colour' words in poetry of A. Blok and A. Machado. Word-formative approach to the language unit is based on the assumption that colour semantics is a complex two-level structure, which consists of general semantic content (known in structural linguistics as the «meaning» of a unit) and figurative that allows to trace the mental structure semantic development of such such words in work of art.

Keywords: semantic word-formation, 'colour' words, poetry, symbol.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЙ ЯГОД В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Названия ягод часто отражают особенности народного языкового сознания. Сопоставительный и этимологический анализ одних и тех же испанских и русских растительных наименований позволяет глубже понять особенности развития этих языков и проследить общие черты, свойственные русской и испанской культуре.

Ключевые слова: названия ягод, сопоставительный анализ, этимология, русский язык, испанский язык.

В данной статье мы рассмотрим наиболее показательные названия русских ягод и их испанских эквивалентов: *брусника, голубика, ежевика, земляника, клубника, клюква, костяника, малина, рябина, туютник (шелковица), черника*.

В основе большинства наименований ягод русского языка лежат их свойства и внешние характеристики. Так, слова *голубика, земляника, клубника, костяника, рябина, черника* образованы от соответствующих прилагательных при помощи присущих названиям ягод суффиксов *-ик(а), -ин(а)*. Слово *голубика* образовано по цветовой характеристике ягоды (*голубой*), так же, как и английское *blueberry*, немецкое *Blaubeere*. *Черника*, как и во многих других языках, названа по характерному свойству ягоды окрашивать все в черный цвет: немецкое *Schwarzbeere*, английское *blackberry* («черная ягода»). Слово *брусника* этимологически связано со словом *брус*, «точильный камень», растение названо так потому, что его ягоды легко срываются, их бруснут, то есть, проводя рукой, сдергивают с ветки¹ (древнерусское *(о)брусити* — «гладить, точить», старославянское *събрысати*)². *Земляника* связано с *земляной* (поскольку эта ягода касается земли), *костяника* с *костяной* (названа за косточки большого размера), *клубника* с *клубневой* (образовано от слова «клуб, клубень, нечто круглое, увеличивающееся в объеме»)³. Последнее название является восточнославянским и не имеет соответствий в других славянских языках.

У приведенных здесь прозрачных русских наименований в испанском языке имеются менее очевидные эквиваленты, которые часто практически не отличаются друг от друга. *Брусника, голубика и черника* называются, соответственно, *arándano rojo* («красная»), *arándano* и *arándano negro* («черная ягода»). Видно, что эти названия создаются при помощи добавления к основному слову (*arándano*) определителя, указывающего на цвет ягоды. Происхождение термина *arándano* этимологически точно не установлено. По некоторым данным, термин произ-

веден от латинского *rhododendron* — «adelfa» («олеандр») под влиянием дороманского *aran*, что на баскском означает *endrino* («черный с синим отливом, терн»)⁴. В современном испанском языке слово *arándano* продолжает сохранять семантику цвета, уже заложенную в его историческом корне.

Важно заметить, что латинскими научными терминами для *брусника, голубика и черника* являются, соответственно, *vaccinium vitis idaea, vaccinium uliginosum* и *vaccinium myrtillus*. В их основе лежит одно слово *vaccinium* как определитель ягодного типа, что в какой-то степени может объяснять частое неразличение этих ягод носителями испанского языка, в повседневной речи употребляющих только одно название *arándano*.

Отметим, что *клюкву*, так же, как и бруснику, испанцы называют *arándano rojo*, применяя уточняющий цветовой определитель («красная»). Русское слово *клюква* произошло, возможно, от звукоподражания *клюк*, по издаваемому выжимаемыми ягодами звуку, или связано с исходным значением слова «болотная ягода», *ключевина* — «болото»⁵. Вероятна версия и о первоначальном использовании слова *клюква* в значении «отжатый сок, сок из ягод», как в других славянских языках, например, в польском диалектном *klukwa* — «сок брусники и клюквы». В качестве названия ягоды это слово встречается только в русском языке и вошло оно в литературный язык довольно поздно⁶. Характерно, что научное название для клюквы, как и в ранее упомянутых ягодных терминах, имеет составляющую *vaccinium: vaccinium oxycoccos*.

Слова *земляника* и *клубника* также практически не различаются испаноговорящими, несмотря на тот факт, что эта ягода, и ранее известная, с XVII века получила распространение в Европе и стала культивироваться на севере Франции. Испанское название для земляники — *fresa, frutilla*, клубники — *fresa, fresa almizcle* (дословно «мускусная клубника»), *fresa hautbois* («клубника высокого леса»), *fresa de Alemania* («немецкая клубника»), *fresa oboe* («клубника — гобой»). Видно, что определения в этих составных названиях характеризуют эту ягоду по происхождению, вкусу и форме. В повседневной испанской речи оба сорта этой ягоды часто называют одним словом *fresa*, происходящим, скорее всего, от французского *fraise* (латинское *fraga*). *Fraise* могло возникнуть под влиянием древнефранцузского *frambeise* — «frambuesa» («малина») германского происхождения⁷, в связи со сходством этих двух ягод.

Внутренняя семантика слова *frutilla* (распространенного в Южной Америке) перекликается с русским названием *земляника*, поскольку указывает на место произрастания этой ягоды. Так, слово *fruta*, вероятно, происходит от индоевропейского корня **Bhrug-*, обозначающего земельные плоды (готское *Brukjan*, древневерхнемецкое *Bruhhan*, ла-

тинское Frux)⁸. Название *frutas del bosque* (дословно «лесные плоды») в современном испанском языке употребляется часто для общего обозначения понятия *ягоды*. Примечательно, что и в русском языке слово *ягода* во многих западных, восточных и южных говорах является не общим, родовым, как в литературном языке, а видовым названием земляники⁹.

Слово *fresa* («клубника») в испанском языке, как было уже упомянуто, исторически связано с понятием *frambuesa* («малина»), в русском же эти названия не пересекаются. *Малина*, возможно, было образовано от индоевропейского корня *mel-* > *мал-* со значением *цвета (темного), окраски*¹⁰ и, соответственно, является родственным латинскому названию *morum* («ежевика», «тутовая ягода»)¹¹. Само слово *morum* в испанский язык вошло как *mora* и используется оно для обозначения как *ежевика*, так и *костяники* и *тутовника*, а иногда, по ошибке, и для *малины*. Этому явлению можно найти объяснение в том, что *ежевика*, *малина* и *костяника* относятся к одному ягодному классу, в научной терминологии называемому *Rubus*, и похожи между собой. Их латинские названия, соответственно: *rubus*, *rubus idaeus* и *rubus saxatilis*. Тем же словом *mora* называют и другой тип растений — *Morus*, обозначающий ягоды, растущие на деревьях, а не на кустарниках с шипами (как плоды типа *Rubus*), к нему относится *тутовник (шелковица)*.

Рассматриваемые ягоды также часто обобщают в слове *zarza*, например, термины *zarzamora* и *zarza* применяются как синонимы для *mora*. Примечательно, что испанское название *zarza* указывает на колючесть растения, так же, как и его русский аналог *ежевика*. Хотя происхождение *zarza* до конца не установлено, это слово, скорее всего, дороманское, как и многие другие названия колючих кустарников в испанском языке. Среди многочисленных теорий наиболее состоятельна версия о связи испанского *zarza* с баскским *zarzi* («заросли», «темный лес»). В баскском языке встречается большое количество подобных названий, начинающихся с *zar или *zar и обозначающих кустарники¹².

Русское слово *ежевика* также названо по шипам на побегах этого кустарника. «Праславянское *ežina как название колючего растения могло быть связано со словом *ežь «еж», но могло быть и независимым образованием от индоевропейского корня *egh — «колоть» и только впоследствии сблизиться со словом *ežь и восприниматься уже не как «колючая», а как «ежовая (ягода)»¹³.

Интересно проследить и семантическую близость русского названия *рябина* с испанским *serba*, *zurba*, *jerba*. Как указывает М. Фасмер, слово *рябина* связано с древнерусским *рябрь*, *ерябрь* («куропатка»), от исходного *eřeþь «рябчик», *čřeþь «бурый», сравнить с древнеисландским *jarpr* «коричневый», *jarpi* «рябчик», древневерхненемецким *erpf* «темного цвета»¹⁴. Рябина получила свое название, вероятно, по цвету своих ягод или же по причине того, что ее плоды являются главной пищей рябчиков зимой.

По одной из версий, испанское *serba* может указывать на вкусовые свойства рябины, поскольку происходит оно от латинского названия этой ягоды *sorba* (множественное число от *sorbum*), а замена гласной в слове могла быть вызвана влиянием другого похожего названия, например, кельтского *swerwos* («горький») или слова *silva*.

По другой теории, *serba* могло возникнуть при слиянии *sparwi-bari («ягода птиц»), сравним с древневерхненемецким *sparo beri*, немецким *Vogelbeerbaum*, французским *sorbier des oiseaux*, испанским *serbal de cazadores* («дерево охотников»). Это слово, вероятно, появилось в связи с тем, что охотники располагались у дерева рябины для ловли птиц, прилетающих поесть ягоды¹⁵.

Таким образом, рассмотренные названия ягод показывают, что русская терминология отличается своей достаточной семантической прозрачностью, что делает ее понятной для современных носителей языка. В испанском, напротив, исконное значение слова нередко утрачено, что приводит к частому неразличению видов ягод. Некоторые испанские и русские названия отражают семантическое сходство, тем самым выявляя общность в восприятии мира двух народов. Высокая степень детальности в различении ягод по месту произрастания, цветовым и другим характеристикам в русском языке указывает на особую близость русского сознания природе. Испанскому же языку свойственна тенденция к упрощению названий, вероятно, потому что издревле ягодная культура на территории Испании не имела того важного значения, какое она имеет в русской народной традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967. С. 215–216.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / Перевод и дополнения О. Н. Трубачёва. Под ред. Б. А. Ларина. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. С. 221.

³ Меркулова В. А. Указ. соч. С. 219.

⁴ Coromines Joan. Diccionario crítico etimológico de la lengua castellana. Obra completa / Editorial Gredos. Madrid, 1954. V. I. P. 246.

⁵ Фасмер М. Указ. соч. Т. 2. С. 257–258.

⁶ Меркулова В. А. Указ. соч. С. 219–220.

⁷ Coromines J. Op. cit. V. II. P. 575.

⁸ Roberts Edward A., Pastor Bárbara. Diccionario etimológico indoeuropeo de la lengua española / Alianza diccionarios. Madrid, 1996. P. 31.

⁹ Букринская И. А. и др. Школьный диалектологический атлас — Язык русской деревни // URL: <http://www.gramota.ru/book/village/map11.html> (дата обращения: 13.12.2014).

¹⁰ Меркулова В. А. Указ. соч. С. 212–213.

¹¹ Фасмер М. Указ. соч. Т. 2. С. 563.

¹² Coromines J. Op. cit. V. IV. P. 854–855.

¹³ Меркулова В. А. Указ. соч. С. 218–219.

¹⁴ Фасмер М. Указ. соч. Т. 3. С. 534–535.

¹⁵ Coromines J. Op. cit. V. IV, P. 198–200.

Bikkinina E. I.

ON THE ORIGINS OF THE NAMES OF BERRIES IN RUSSIAN AND IN SPANISH LANGUAGES

The author argues that the names of berries often reflect the peculiarities of the national linguistic world image. A comparative and etymological analysis of the same names of plants in Spanish and Russian languages allows to understand more the development of these languages and to follow common features, proper to Russian and Spanish culture.

Keywords: names of berries, comparative analysis, etymology, Russian, Spanish language.

Булыгина Елена Юрьевна
Трипольская Татьяна Александровна

*Новосибирский государственный
педагогический университет, Россия*

bulyginalena2010@mail.ru, tr_tatiana@mail.ru

СТАТИЧЕСКАЯ И ДИНАМИЧЕСКАЯ КАРТИНА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается один из аспектов пространственной картины мира европейцев. Язык городского пространства является составной частью сложного семиотического механизма, отражающего прошлое и настоящее любого города. Городские наименования *улица, via, rue, calle* и др., подчиняясь механизмам антропоморфной метафоры, сочетаются с глаголами движения/расположения в пространстве (*лежать, идти, вести, бежать, извиваться, вливаться, подниматься, спускаться* и т. д.) и создают модель городского пространства в ее статике и динамике.

Ключевые слова: пространственная картина мира, наименования городских пространств, метафорические модели.

Городское пространство представляет собой частную пространственную модель мира, выраженную в языке. Это семиотическое кодирование закрепляется в языковых знаках, в трансляции исторической памяти, в восприятии человеком настоящего, а также одновременно — будущего и прошлого. На первый взгляд кажется, что слова тематической группы «Наименования городских пространств» присутствуют во всех европейских языках и вполне соотносимы по семантике. Ср: *улица, площадь, набережная, переулок, бульвар; via, piazza, lungomare, vicolo, viale, alberato; rue, place, quai, ruelle, impasse, boulevard; calle, plaza, ribera, callejón, rambla, avenida, paseo; street, square, embankment, lane, avenue, boulevard* и др. Однако для человека, осваивающего городское пространство и его язык, читателя переводной литературы или пользователя двуязычных словарей, словом, того, кто пытается увидеть чужой город через свои языковые и ментальные стереотипы, или того, кто готов освоить новое семиотическое пространство, эти лексические единицы характеризуются теми самыми смысловыми зазорами, которые не учтены переводными, а часто и толковыми словарями.

Язык городского пространства, включая как древнейшие, так и недавно образованные лексемы, является составной частью сложного семиотического механизма, отражающего прошлое и настоящее любого города: «<...> архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого <...>. В этом отношении город, как и культура, — механизм, противостоящий времени»¹.

Исконная лексика городских пространств имеется в каждом языке, её следы, отпечатки так же, как и «темпорированные места», позволяют рассматривать город как палимпсест, или текст, написанный на месте прежнего, стертого².

Горизонтальное членение города можно рассматривать как статическую величину (план, схему, карту), так и динамическую: городские наименования *улица, via, rue, calle* и др., подчиняясь модели антропоморфной метафоры, сочетаются с глаголами движения/расположения в пространстве (*идти, вести, открываться, упираться, бежать, извиваться, вливаться, вытекать, подниматься, спускаться* и др.) и создают многомерную модель городского пространства.

Так, слово *улица* имеет многовековую историю, оставаясь ключевым в тематической группе «наименования городских пространств». Эта городская номинация, передающая одновременно статический и динамический облик города, не имеет однозначной этимологической интерпретации. Происхождение слова *улица* связывают то с дырой, отверстием, то с руслом реки: «улица <...> др.-русс. улица ‘площадь; улица; проход’. Праслав. *ula родственно словам, приводимым на *улей*: греч. см. образ «продолговатая полость, дудка», см. образ «русло реки», см. образ «овраг», вестфальск. *ōl, aul* «овраг, луг, впадина, канава» <...>»³.

В итальянском языке *via, strada* обозначают улицу, дорогу, путь и направление; в итальянском и французском языках *córso* и *cours* связаны с быстрым перемещением: *correre* и *courir* — бежать; испанское *avenida* и французское *avenue* мотивируются глаголами движения *avenir/venir*; английское *street* (от лат. *via strāta*) мотивировано семантикой «протяженный, тянуться, распространяться»; французское *rue* этимологически связано с *ruée* «стремительное движение вперёд, натиск, нашествие» и *se ruer* «ринуться, кинуться».

Таким образом, в итальянском, французском, испанском и английском языках понятие улицы связано с идеей движения и перемещения, а в русском языке — с идеей входа/выхода из замкнутого пространства. В романских языках у слов *via, strada, rue* сохраняется живая внутренняя форма (ср. *Via Appia*), а в русском языке внутренняя форма у слова *улица* является затемнённой. Словообразовательные же дериваты от слова *улица* имеют прозрачную внутреннюю форму: *закоулок* — зако- (унификс со значением «то, что примыкает к чему-либо») + -ул-, *перулок* — пере- (приставка со значением «направить из одного места в другое через пространство») + -ул-, *проулок* — про- (приставка со значением «направить сквозь что-н., вглубь») + -ул-⁴.

Отметим, что в русском языке, как и в западноевропейских, в систему городских номинаций также входят лексем, никак этимологически не связанные с улицей, но воплощающие идею движения: *дорога, шоссе, магистраль, проезд, проход* и др. Ср.: *Анисимовская дорога, Шоссе*

энтузиастов, Старое шоссе, Вокзальная магистраль и др. Ср. также в испанском языке: *carreras de San Sebastian, camino de Ronda, camino de San* и др., однако в словах этой группы прослеживается очевидная семантическая связь: движение — место передвижения.

Если рассматривать наименования улиц в испанском языке во всем их многообразии, то можно выделить три группы лексем, реализующих разные аспекты пространственной семантики: 1) наименования пространств, образованные от лексем с семантикой движения: *avenida* от глагола *venir* — собираться, стекаться (устаревшее), *carrera* — бег, скачки, дорога, путь, *paseo* — от *pasear* гулять, ехать на лошади, *subida del lat. subire* — идти, передвигаться; 2) наименования, возникшие от обозначения места передвижения: *travesia* восходит к латинскому *transversus* (поперечный, лежащий накрест), *camino* от *camminus* — дорога, путешествие (в исп. *caminar* — передвигаться, перемещаться, ехать, течь (о реке)), *ronda* — дорога вдоль крепостной стены (вдоль селения), окружная дорога, *estrada* — проезжая дорога, *cuesta* — острый край, сторона, *callejon* — узкая улица; *vereda* — скотогонная дорога; 3) наименования, восходящие к обозначению средств передвижения: *carretera* от *carro*, что в переводе означает «телега, повозка, двуколка»⁵.

Реализация пространственной семантики в испанском языке не является уникальной, в других европейских языках в городских наименованиях присутствует семантика движения, места и средств передвижения: *passaggiata (um.), promenade (фр.)* — прогулка и место для прогулок, *проезд, passaggio (um.)* — проезд, проход и место для проезда и прохода; *проезд* — действие и место действия (*Проезд запрещен; Цветной проезд*).

Вторая версия происхождения слова *улица*⁶ отсылает нас к понятию «русло реки, овраг» и таким образом соотносит основную русскую городскую номинацию *улица* с испанскими топонимами *avenida* и *rambla*, которые в своей семантической структуре сохраняют в качестве производящих значения, связанные с водным потоком: *avenida* (de «*venir*») <...> 2) *Aumento accidental del caudal de un río que produce su *desbordamiento* — резкое повышение уровня воды, которое приводит к разливу реки; <...> 4) *Camino que conduce a algún sitio; por ejemplo, a un pueblo* — дорога, ведущая к населённому пункту; <...> 6) **Calle ancha con árboles, en una población. Alameda, bulevar, costanera, paseo, rambla* — широкая улица, обсаженная деревьями в населённом пункте; *rambla* 1) *Lecho natural de las aguas pluviales cuando caen copiosamente* — русло разлившейся во время обильных осадков реки; <...> 3) *En Barcelona y otras ciudades, calle ancha y con árboles, generalmente con andén central* — в Барселоне и других городах широкая улица, обсаженная деревьями, главным образом центральная улица (Alkopa)⁷. Напомним, что в Венеции *Rio Tera* также обозначает улицу, расположенную на месте засыпанного канала.

Семантика движения в наименованиях городских топосов в европейских языках получает развитие в метафорическом представлении перемещения в пространстве (во французском языке: *rue glisse vers le haut* — улица ползет в гору; *virages de la rue* — улица кружит; в итальянском языке: *la via va/porta/conduce al mare* — улица идет/ведет к морю; *la via sale/scende* — улица поднимается; *la via corre* — улица бежит и др.).

Русское основное городское наименование *улица*, этимологически лишь опосредованно связанное с движением, тоже актуализирует семантику перемещения в метафорических выражениях типа: *улица идет/ведет/бежит/стремится/катится; улица сбегает с горы/ползет в гору; улица извивается/загибается/закругляется/вьется/кружится; улица упирается/пересекает; улица плывет/струится/улица впадает в площадь; переулки, закоулки путаются/вьются; улица лежит/располагается/простирается* и др.

Улица как доминантный тип пространства предстает одушевленным существом, совершающим разные виды перемещения в пространстве и определяющим навигацию человека в городе, как когда-то русла рек определяли расположение основных городских артерий. Кроме того, глаголы движения актуализируют особенности ландшафта местности.

Подобное метафорическое осмысление городского пространства в его динамике является сходным в разных европейских языках и отражается лексикографическими источниками. Приведем примеры «движущегося» по разным траекториям городского пространства в русском и итальянском языках:

- *улица идет/ведет к морю* — *la via va/porta/conduce al mare*. Ср. в Большом словаре итальянского языка Де Мауро (GRADIT)⁸: *andare* 1b. *unito a un complemento di moto a luogo, spostarsi verso un luogo, essere diretto [...]* | *estens. di strade, portare, terminare: dove va questa strada?* — *идти* 1b. Связано с дополнением, выражающим движение к месту, перемещаться к месту, направляться [...] | *расшир. о улицах, вести, оканчиваться: куда идет эта улица?*; *condurre* 15. *far capo, portare a un determinato luogo: questa strada conduce a Siena* (эта дорога ведет к...) — *вести* 15. Приводить, вести в определенное место: *эта дорога ведет в Сиену*; *portare* 2. *permettere di raggiungere un determinato luogo: tutte le strade portano a Roma, questa via porta direttamente alla piazza.* — *вести* 2. Позволить достичь определенного места: *все дороги ведут в Рим, эта улица ведет прямо на площадь*;
- *улица вьется, петляет* — *la strada, la via serpeggia*. Ср. в словаре: *Snodarsi* 3. *estens., seguire un tracciato sinuoso e serpeggiante: è un sentiero che si snoda per il bosco* — *витья* 3. *расшир. следовать кривым и извилистым путем: тропинка, которая вьется по лесу*; *serpeggiare* 1a. *muoversi, procedere strisciando* | *estens. avere un andamento tortuoso, sinuoso: la strada serpeggia tra le vallate* — *петлять* 1a. *двигаться, идти, извиваясь как змея* | *расшир. иметь изогнутый, искривленный ход: дорога петляет среди долин.*

Восприятие «движущейся» улицы определяется в первую очередь антропоморфными представлениями о передвижении пешком и с помощью транспортных средств, по земле и воде, с разной скоростью, по раз-

ным траекториям, по горизонтали и вертикали; человек ведом улицами, переулками, бульварами. Ср.:

Улица эта, взяв разгон, перескочила через широченный пруд и там скоро не могла остановиться, рванула ещё версты на три и как-то устало, изнеможенно рассеялась на подслеповатые избушонки, засыпные времянки <...> (В. Астафьев. Пролетный гусь); *Главная улица <...>, извиваясь, спускается к океану и вливается в рыбацкий поселок* (О. Белоконева. Африканские ямбы); *Вновь вспомнилась горластая улица, ползущая в гору, родительский дом о двух этажах, золотая луна, повисшая над дощатым балконом* (Л. Зорин. Глас народа)⁹.

Таким образом, городские номинации и их метафорические распространители передают идею статической и динамической пространственной картины мира европейцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство. СПб, 2000. С. 35.

² Амин Эш, Трифт Найгель. Внятность повседневного города (Перевод с англ. С Баньковской) // Логос: Журнал по философии и прагматике культуры. № 3–4 (34), 2002. С. 225.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 тт. / Пер. с нем. и доп. академика РАН О. Н. Трубачёва. М.: Астрель АСТ, 2003.

⁴ Там же. С. 159–160.

⁵ Тригубович Е. Ю. Наименования городских пространств как «стертый текст» (этимологический аспект) // Молодая филология / Под ред. Е. Г. Николаевой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. С. 3–9.

⁶ Фасмер М. Указ. соч. С. 159–160.

⁷ Испанский толковый словарь общепотребительной лексики Alkona (Alkona). Режим доступа: <http://www.diclib.com/cgi-bin/d1.cgi?l=ru&base=alkonageneral&page=showindex> (Дата обращения: 15.10.2014).

⁸ De Mauro T. GRADIT: Grande dizionario italiana dell'uso. 6 vol. Torino: UTET, 1999 — 2000.

⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: ruscorpora.ru.

Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A.

STATIC AND DYNAMIC PICTURE OF URBAN SPACE IN EUROPEAN LANGUAGES

The article deals with a part of the spatial pattern of the European world outlook. Language of urban space is an integral part of a complex semiotic mechanism that reflects the past and present of any city. Urban names: улица, via, calle etc. conform to the model of anthropomorphic metaphor, combined with spatial verbs of state and motion and create both static and dynamic models of urban space.

Keywords: spatial picture of the world, the names of the urban spaces, metaphorical models.

Гайнутдинова Альбина Фатхутдиновна

Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, Россия

albina_gain@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу семантических моделей субстантивированных прилагательных в разноструктурных (русском и татарском) языках. Было выявлено, что сопоставляемые языки характеризуются почти полностью совпадающим рядом моделей субстантивированных прилагательных, однако при этом для субстантивов русского и татарского языков отмечаются общие и специфические характеристики, универсальные и уникальные показатели.

Ключевые слова: субстантивация, имена прилагательные, русский язык, татарский язык, семантические модели, универсальное, уникальное.

Важным фактором субстантивации прилагательных является их генетическое родство с именами существительными. В древности одно и то же слово могло употребляться и для наименования предмета, и для обозначения признака, то есть существовала синкретичность формы. «Было время, оставившее в разных индоевропейских языках более или менее явственные следы и донныне, когда свойство мыслилось только конкретно, только как вещь»¹.

Субстантивированные прилагательные в зависимости от общего для ряда слов лексического значения в русском, и татарском языках представлены рядом семантических моделей. Наряду со специфическими семантическими моделями, есть и модели, общие (универсальные) для обоих языков: модель первая → значение лица: *богатый — бай, зеленые — яшеллэр*; модель 2-я → значение различных классификаций растительного и животного мира: а) *бобовые — кузаклылар, злаковые — кыяклылар*; б) *бескрылые — канатсызлар*; модель 3-я → название животных: *вороной — кара, гнедой — туры*; модель 4-я → значение отвлеченных, абстрактных понятий: *главное — мөһим, общее — гомуми*; модель 5-я → значение различных временных понятий: *будущее — киләчәк, вчерашнее — кичәге*; модель 6-я → значение напитков: *белое — ак, хмельное — исерткеч*; модель 7-я → значение различных монет, бумажных денег: *золотой — алтын, сотенная — йөзлек*; модель 8-я → значение «одежда и материал для ее изготовления»: *черное — кара, цветное — чәчәкле*; модель 9-я → значение блюд и кушаний: *второе — икенче, горячее — кайнар*. Среди диалектизмов обоих языков отмечается субстантивированное прилагательное *мягкий — йомшак* в значении 'хлеб' (в рус.: *мягкий сев. вост. сиб.* яичный или пшеничный хлеб, прюг, калач; в та-

тар.: *йомшак* 'мягкий' (калач, белый пшеничный хлеб); модель 10-я → значение отвлеченного понятия цвета: *белое — ак, синее — зәңгәр* и др.

Таковы общие для обоих языков семантические модели субстантивированных прилагательных, которые совпадают не только тематически, но нередко семантически однозначны (*зеленые — яшеллэр, скупой — саран, хромой — аксак*).

Однако субстантиваты имеют специфические проявления в каждом конкретном языке. Так, в 1680 субстантиватах русского языка выявлено 650 единиц со значением лица, а в татарском языке на 1057 субстантиватов приходится 609 единиц со значением лица. Соотношение в двух языках приблизительно одинаковое; некоторая разница объясняется, во-первых, тем, что среди русских субстантиватов определенную долю составляют диалектные и устаревшие слова, ввиду отсутствия реалий не имеющие эквивалентов в татарском языке, напр., диалектные: *амбальный* (рабочий), *караванный* (бурлак), *кислая* (сваха); устаревшие: *благодичный* (помощник епископа), *стряпчий* (выполняющий различные хозяйственные дела при царском дворе) и т. п.

Во-вторых, имеется ряд субстантиватов, заимствованных из русского языка в татарский в своем исконно фонетическом облике: *дневальный* → *дневальный* 'казармада эчке тәртип кагыйдәләренең үтәләшен күзәтеп торучы солдат — солдат, проверяющий выполнение правил внутреннего распорядка в казарме', *подданный* → *подданный* 'билгеле бер дәүләт гражданлыгындагы кеше — человек, являющийся гражданином определенного государства', *связной* → *связной, участковый* → *участковый* (полицейский).

В-третьих, среди субстантивированных прилагательных русского языка, мотивированных в основном относительными прилагательными, есть ряд примеров, не являющихся в татарском языке субстантиватами: *рабочий — эшче, кормчий — койрыкчы, певчий* (в хоре) — *жырчы* (хорда).

Модель субстантиватов со значением абстрактных, отвлеченных понятий последовательно представлена в обоих языках, то есть данные прилагательные в татарском, и их эквиваленты в русском языке субстантивируются: *дорогое — кадерле, должно — тиеш* и др.

В группе субстантиватов, являющихся названиями животных, наряду с присущими обоим языкам лексемами, есть слова, относящиеся только к одному из сопоставляемых языков. В татарском языке есть субстантивированные прилагательные, эквивалентами которых в русском языке выступают несубстантивированные существительные: *йөгерек* — *рысак, бултерек* — летний ягненок. В свою очередь, русские субстантиваты, в значении собачьих пород: *борзая, гончая, легавая, норная*; слова, называющие место, занимаемое лошастью в упряжке: *коренной, пристяжная* являются субстантиватами лишь в русском языке, а их эквивалентами в татарском языке выступают словосочетания из двух

или более слов: *ау эте* 'борзая', *эзэрлекләуче эт* 'леговаяя'; *перэшкэгэ жигелгән ат* (янга жигелгән ат) 'пристяжная'.

Как было отмечено, модель со значением различных напитков характерна для обоих исследуемых языков. Но в русском языке данная группа представлена шире: *горячительное, цимлянское, шампанское, диал. желудочная* (водка), *красное, марочное, сухое, содовая*. Вышерассмотренные примеры находим лишь в русской лексике.

Группа субстантиватов со значением блюд и кушаний отмечена в обоих языках. Однако в русском языке есть слова, эквивалентами которых в татарском выступают несубстантивированные существительные: *жаркое* — *куырдак, кыздырма*; *мороженое* — *тундырма*.

Субстантиваты, обозначающие различные виды платы, пошлин, в основном, характерны для русского языка: *авторские, квартирные, командировочные, комиссионные, наличные, подъемные*. Русским субстантиватам данной группы в татарском языке соответствует форма второго изафета: *командировочные* — командировка акчасы, *комиссионные* — комиссия (комиссионлык) эжере; есть примеры, передающиеся описательной конструкцией, так как в татарском языке еще не утвердился соответствующий термин: *наличные* — *кулда булган акчалар*.

Однако в данной группе отмечены единичные примеры русских субстантиватов, эквивалентами которых и в татарском языке выступают субстантивированные слова: *дорожные* — *юллык, чаевые* — *чэйлек*. Как видно из примеров, субстантиваты со значением платы, пошлин в татарском языке употребляются в единственном числе, а в русском — во множественном.

Субстантивированные прилагательные со значением пространственных понятий присущи обоим сопоставляемым языкам. Однако данная модель в исследуемых языках представлена по-разному: несубстантивированным именам одного языка могут соответствовать в другом субстантивированные существительные. Например, субстантиваты татарского *калку, коры, чит* передаются на русский язык следующими словами: *бугор, взгорье; суша, чужбина*. Русские субстантивированные прилагательные *бечевая, вселенная, мостовая, преисподняя* и др. соответствуют татарским *елга бие, галәм, таи түшэлгән урам, тэмуг*.

Модель, обозначающая различные болезни, представлена в обоих исследуемых языках. Однако в данной группе примеры одного языка не являются субстантиватами в другом. Татарские лексемы соответствуют в русском языке существительным: *ак* — бельмо, *акма* — фурункул, *кырма* — трахома, *сары* — желтуха. В свою очередь, русские субстантивированные прилагательные *ветряная, водяная, лихая, падучая* соответствуют в татарском языке следующим словосочетаниям: *су чэчгге, сары су авыруы, яман чир, зыяндаш*.

Субстантивированные прилагательные со значением посуды, кухонной утвари, имеющиеся в обоих языках, встречаются только в диалек-

тах, чем и объясняется неадекватность примеров по языкам. Например: в татарском: *йомро, жомро* (*литер.* круглый) 'чашка чайная', *тирэн* (*литер.* глубокий) 'чашка', *жэеңке* (*литер.* плоский) 'чайное блюдце', *жэшел* (*литер.* зеленый) 'стеклянная посуда', *түгэрэк* (*литер.* круглый) 'квашня'; в русском отмечены *общее* (чашка), *четвертная* (бутыль).

Наряду с универсальными моделями субстантивированных прилагательных есть и уникальные, присущие только одному из сопоставляемых языков.

Рассмотрим модели субстантивированных прилагательных, характерных для татарского языка: **модель 1-я** → значение оценки: *бишле* 'пятерка', *яшы* 'хорошо'; **модель 2-я** → значение игр: *акчалы* 'игра в деньги', *егермеберле* 'игра в двадцать одно', *тугузлы* 'девятка'; **модель 3-я** → наименования вышедших из употребления, старых вещей: *алама* 'старье', *ватык* 'осколок', *ертык* 'рвань', *черек* 'труха'; **модель 4-я** → субстантиваты, обозначающие «природные явления и состояние»: *кызу* 'жара, зной', *салкын* 'холод'; **модель 5-я** → субстантиваты, обозначающие материал: а) для изготовления одежды (*чалбарлык* 'брючный материал', *чапанлык* 'материал для шитья чапана'); б) для хозяйства и постройки (*бусагалык* 'материал, годный для изготовления порога', *рамлык* 'материал, годный для изготовления рамы'); **модель 6-я** → значение веществ: *ачы* 'кислота', *миңгерэткеч* 'дурман'.

Следующие модели субстантивированных прилагательных характерны только для русского языка: модель 1-я → значение помещения. Модель является многочисленной и продуктивной в русском языке, по своей численности уступая лишь группе со значением лица (255 примеров). В татарском же языке данная модель полностью отсутствует; эквивалентами русских субстантиватов данной группы в татарском выступают несубстантивированные существительные. Большинство этих субстантиватов русского языка передаются на татарский язык формой второго изафета: *гостиная* — *кунак бүлмәсе, детская* — *балалар бүлмәсе, учительская* — *укутучылар бүлмәсе*. Ряд субстантиватов русского языка со значением различных помещений передаются на татарский язык формами: основа + аффикс — *ханә: мастерская* — *һөнәрханә, кярханә; парикмахерская* — *чэчтарашханә, столовая* — *ашханә..*

Двоякую передачу субстантиватов русского языка со значением различных помещений на татарский язык можно объяснить разностью представлений о самих реалиях. Так, слова типа *ванная, гостиная, детская* обозначают отдельную комнату, находящуюся в каком-либо здании или в жилом доме и передаются на татарский язык посредством включения существительного *бүлмә* 'комната'. Например, *спальная* — комната для сна — *йокы бүлмәсе*, а образования типа *мастерская, чайная* обозначают само здание, помещение и передаются на татарский язык посредством осложнения основы аффиксом *-ханә*, который в свою

очередь, был заимствован из персидского языка, где является именем существительным со значением 'дом, здание'; **модель 2-я** → значение различных лекарств, медикаментов. Эквивалентами русских субстантивов данной группы в татарском выступает: а) вторая форма изафета существительных: *снотворное* — йоки даруы; б) описательная конструкция: *рвотное* — костыра торган дару; **модель 3-я** → общее значение «официальная бумага, документ»: *больничный, отпуская, увольнительная*. Большинство русских примеров данной группы — слова устаревшей лексики: *духовная, закладная, купчая* и др., что является одной из причин отсутствия их эквивалентов в татарском языке. Субстантивы типа *больничный, обходной, накладная* передаются на татарский язык описательно: *авыруларга бирелэ торган бюллетень, эштэн киткэндэ тутырыла торган кэгазь, жибэрелэсе товар исемлеге язылган кэгазь*; **модель 4-я** → значение различных мифических существ. Это слова, называющие Бога (*всевышний, предвечный, пресвятая, пречистая*) и духов (*водяной, домовой, леший*). Понятия, обозначающие богов, лакунарны для татарского языка. Их эквивалентом в татарском языке выступает словосочетание: *Аллаһы (ходай) тэгалэ* или слово *Алла*. Это объясняется тем, что народы, представляющие сопоставляемые языки, придерживаются разной религии — христианской и мусульманской; **модель 5-я** → значение «музыкальные инструменты»: ударные, клавишные, струнные, щипковые и т. д.; **модель шестая** → общее значение «виды работ»: контрольная, лабораторная; **модель седьмая** → субстантивы с общим значением «средства связи»: домашний, мобильный, *сотовый*, служебный.

Ниже представлено соотношение семантических моделей в виде таблицы, в графах которой указано процентное отношение числа лексем, составляющих ту или иную семантическую модель, к общему числу субстантивов.

Семантический анализ субстантивированных прилагательных свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве модели субстантивов адекватны в сопоставляемых языках.

Проведенный анализ также позволяет сделать вывод о частой, сравнительно «легкой», субстантивации прилагательных. Причина видится в том, что имена прилагательные и имена существительные слабо дифференцированы между собой. Во-вторых, отметим, что в сочетании «прилагательное — существительное» определяемое слово способно опускаться, при этом свою семантику, морфологические показатели (в татарском языке субстантивированные прилагательные изменяются по числам (имеют показатель множественного числа), падежам, принимают аффиксы принадлежности) оно передает прилагательному — определению; субстантивы русского языка сохраняют грамматические признаки прилагательных (словоизменительные особенности прилагательных).

Табл. Соотношение семантических моделей.

Модели	В татарском языке	В русском языке
значение лица	609 — 59,9 %	650 — 40,7 %
значение различных классификаций растительного и животного мира	116 — 11,4 %	170 — 10,6 %
значение отвлеченных, абстрактных понятий	86 — 8,46 %	110 — 6,9 %
значение различных временных понятий	23 — 2,26 %	23 — 1,44 %
значение пространственных понятий	22 — 2,16 %	27 — 1,69 %
значение отвлеченного понятия цвета	19 — 1,87 %	19 — 1,19 %
название животных	14 — 1,37 %	40 — 2,5 %
значение игр	10 — 0,98 %	10 — 0,62 %
значение различных болезней	10 — 0,98 %	8 — 0,5 %
значение различных монет, бумажных денег	9 — 0,88 %	22 — 1,38 %
значение «одежда и материал для ее изготовления»	8 — 0,78 %	20 — 1,25 %
значение блюд и кушаний	7 — 0,68 %	27 — 1,69 %
значение напитков	5 — 0,49 %	23 — 1,44 %
значение посуды, кухонной утвари	5 — 0,49 %	2 — 0,12 %
субстантивы, обозначающие различные виды платы, пошлин	2 — 0,19 %	90 — 5,64 %
Со значением материал: а) предназначенный для изготовления обуви или одежды; б) предназначенный для хозяйства изготовления	18 — 1,9 %	—
субстантивы, обозначающие природные явления и состояние	14 — 1,37 %	—
значение веществ	14 — 1,37 %	—
субстантивы, обозначающие вышедшие из употребления, старые вещи	12 — 1,18 %	—
значение оценки, отметки	7 — 0,68 %	—
значение помещения	—	255 — 15,9 %
общее значение «официальная бумага, документ»	—	30 — 1,88 %
названия мифологических существ	—	23 — 1,44 %
значение различных лекарств, медикаментов	—	20 — 1,25 %
общее значение «музыкальные инструменты»	—	10 — 0,62 %
общее значение «виды работ»	—	10 — 0,62 %
субстантивы с общим значением «средства связи»	—	5 — 0,31 %
разрозненные	6 — 0,59 %	—
Всего	1016 — 100 %	1594 — 100 %

тельных). В обоих языках субстантивированные прилагательные в предложении выполняют, в основном, функции подлежащего и дополнения.

ПРИМЕЧАНИЕ

* *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. Харьков. 1899. С. 86.

Gainutdinova A. F.

SEMANTIC MODELS OF SUBSTANTIVIZED ADJECTIVES IN THE RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES: COMPARATIVE ASPECT

This article focuses on the comparative analysis of semantic models of substantivized adjectives in Russian and Tatar. It was found out that compared languages are characterized by almost identical number of models of substantivized adjectives, but the substantives in Russian and Tatar languages are marked by universal and unique characteristics.

Keywords: substantivization, adjectives, Russian, Tatar, semantic models, universal and unique.

Гоголина Надежда Андреевна
Фам Ван Тхьюнг

Уральский Федеральный университет
им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

nago@bmail.ru, vanthuong1986@gmail.com

ПЕРИФРАЗЫ СО СЛОВОМ «ЗОЛОТО» И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ ЦВЕТА В РУССКОМ И ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена проблеме сопоставительного исследования семантики перифраз со словом «золото» и прилагательными цвета в текстах русской и вьетнамской печати. Работа выполнена на стыке лингвистики и культурологии и имеет целью выявление национально-культурной специфики перифраз, состоящих из сочетания существительного «золото» с прилагательными цвета. Основное внимание в статье уделяется установлению сходства и различия в употреблении данных перифраз в текстах русской и вьетнамской электронной печати.

Ключевые слова: перифраза, метафора, национально-специфические черты, культурное пространство.

Термином «перифраза» в лингвистике обозначают достаточно широкий круг языковых (речевых) явлений. Чаще всего перифраза рассматривается как описательное выражение (иносказание), стилистический прием. На наш взгляд, если представить весь класс языковых единиц, подводимых под понятие перифраза в виде поля, то ядро его будут представлять образные перифразы метафорического и метонимического типа.

Публицистическая метафора обладает высокой степенью экспрессивности. Язык газеты характеризуется также широким использованием речевых стереотипов (клише). Поэтому для него характерно образование популярных перифраз, опорными словами для которых становятся одни и те же лексемы: *королева, король, царица, лев, золото* и т. д. Различается лишь сочетаемость данных опорных слов: *шоколадный король* (о Порошенке), *королева гламура* (о моде), *царица полей* (о пехоте).

Объектом нашего исследования стали перифразы: *алое золото, белое золото, голубое золото, зелёное золото, коричневое золото, серое золото, чёрное золото*. Наш подход к анализу перифраз ориентирован на сопоставительное изучение русской и вьетнамской лингвокультур, позволяющее раскрыть универсальные и национально-специфические черты культурного пространства русской и вьетнамской языковой общности. В статье представлена лингвокультурологическая специфика перифраз с прилагательными цвета и ее отражение в языке современной вьетнамской и русской электронной прессы. Основное внимание уделяется установлению сходства и различия в употреблении данных перифраз. Материалом исследования послужили тексты электронной прессы. Результаты проведенного исследования отражены ниже*.

АЛОЕ ЗОЛОТО

1. В русском языке: «Донорская кровь»

Такое выражение встречается в заголовке статьи «Алое золото»: «... В стране вводятся в строй крупные современные заводы по производству компонентов крови, «сырье» для которых можно получить только от значительного количества доноров»

Во вьетнамском языке: Не употребляется в подобном значении.

2. Во вьетнамском языке: «Резина». Mặc dù đã được cảnh báo nhưng hàng trăm hộ dân trên địa bàn hai tỉnh Gia Lai-Kon Tum vẫn ò ạt tận dụng quỹ đất để trồng cao su, nuôi trồng làm giàu từ những giọt “vàng trắng” (Несмотря на предупреждение, сотни хозяйств в двух провинциях ЗаЛай-КонТум еще массово использовали землю для посадки резины, с желанием разбогатеть от капель «белого золота»). Кроме того, «белое золото» использовано для наименования других вещей, таких как muối (соль), băng cháy (горелый лед), tiêu (белый перец)...

В русском языке: Не употребляется в подобных значениях.

ГОЛУБОЕ ЗОЛОТО

1. В русском языке: «природный газ». Действительно ли Европу ожидает крах, если вдруг Россия перестанет продавать государствам этой части света «голубое золото»?

Во вьетнамском языке: «Природный газ». Châu Âu đang xem xét khả năng ngừng vận chuyển khí đốt của Nga qua lãnh thổ Ucraina. Trong cuộc họp báo ngày 16/7, Chủ tịch EC Barroso đã thông báo về tranh cãi khí đốt hiện nay giữa Ukraine và Nga liên quan đến giá của «vàng xanh» (Европа рассматривает возможности остановить транспортировку российского газа через территорию Украины. В пресс-конференции 16 июля, президент ЕС Баррозу объявил текущий газовый спор между Украиной и Россией относительно цены на «голубое золото»).

2. В русском языке: «лен». «Голубое золото» сибирских полей: Известно, лен на Руси выращивали уже много столетий, а образ деревенского мужика, одетого в льняную рубаху, давно воспет классиками.

Во вьетнамском языке: Не употребляется в подобном значении.

ЗЕЛЁНОЕ ЗОЛОТО

1. В русском языке: «лес». Лес способен стать одной из главных опор новой экономики. Не случайно его называют «зеленым золотом»

Во вьетнамском языке: Не употребляется в подобном значении.

2. Во вьетнамском языке: «чай ШанТует». Cây chè Shan Tuyết như “vàng xanh” mang lại cuộc sống ấm no cho đồng bào Mông trên vùng cao nguyên Tà Chà, tỉnh Điện Biên. («зеленым золотом» считается чай ШанТует, который принес благополучную жизнь крестьянам на высокогорье ТуаЧуа, провинции Дьен-Бьен).

В русском языке: Не употребляется в подобном значении.

КОРИЧНЕВОЕ ЗОЛОТО

1. В русском языке: «шоколад». Трудно сегодня представить нашу жизнь без шоколада. Он приносит радость, утешение и наслаждение вкусом. Давайте же отправимся в мир шоколада, чтобы разузнать о том, откуда он родом, как его производят, каким разнообразным и полезным может быть это «коричневое золото».

Во вьетнамском языке: Не употребляется в подобном значении.

2. В русском языке: «бурый уголь»

Во вьетнамском языке: «Апатит». Apatit Việt Nam không chỉ hướng tới những con số tăng trưởng ấn tượng mà về lâu dài, công ty đang hướng tới khai thác nguồn “vàng nâu” một cách hiệu quả và bền vững. (Компания «Апатит Вьетнам» не только стремится к внушительным цифрам роста, но и стремится к эффективной и устойчивой добыче «коричневого золота» в долгосрочной перспективе).

СЕРОЕ ЗОЛОТО

В русском языке: «цемент». Большинство людей занятые в сфере строительства знают, что цемент м500 является самым популярным строительным материалом, хотя частично наблюдается и снижение спроса на это «серое золото». Для справки цемент занимает около 70% рынка стройматериалов и эти показатели держатся из года в год

Во вьетнамском языке: Не употребляется в подобном значении.

ЧЁРНОЕ ЗОЛОТО

1. В русском языке: «нефть». Негативные прогнозы относительно падения нефтяных цен получили новое подтверждение. Накануне российское «черное золото» марки Urals торговалось около отметки \$98 за баррель, нефть марки Brent упала ниже \$102 за баррель. По оценкам экспертов, это плохой знак для России, которая уже давно подседела на нефтяную иглу.

Во вьетнамском языке: «нефть». Ngoài ra, thị trường “vàng đen” sẽ tiếp tục chịu sức ép của hoạt động bán ra, do tâm lý lo ngại nhu cầu yếu, trong khi nguồn cung dư dả. (Кроме того, рынок «черного золота» будет находиться под давлением продаж из-за слабого спроса, в то время как поставки нефти будут объемными).

2. Во вьетнамском языке: «уголь». Mặc dù đã khởi tố hàng chục vụ buôn lậu than trái phép sang biên giới với hàng trăm người liên quan, trong đó có nhiều cán bộ nhưng do lợi nhuận cực lớn, “vàng đen” của Tổ quốc vẫn ào ạt chảy qua biên giới. (Несмотря на преследования десятка незаконных контрабанд угля до границы с сотнями людей, в том числе чиновников, в связи с огромной прибылью, большой объем «черного золота» незаконно поставляется через границу).

В русском языке: Не употребляется в подобном значении.

3. Во вьетнамском языке: «осетровые яйца». Trứng cá tầm rất được ưa chuộng, có giá đắt trên thị trường thế giới. Việt Nam đang là quốc gia có tiềm năng xuất khẩu trứng cá tầm, hứa hẹn sẽ là bá chủ ngành «vàng đen» này. (Осетровые яйца [икра] очень популярны в мире, и имеют высокую цену на мировом рынке. Вьетнам является страной с потенциалом для экспорта осетровых яиц и обещает быть гигантом промышленности «черного золота».)

В русском языке: Не употребляется в подобном значении.

В заключение отметим, что, выполняя функции замещения, перифразы уменьшают число повторений одного и того же слова. Они фразы обогащают и активизируют словарь русского и вьетнамского языков, придают речи образность, выразительность, делают ее красивой. Однако перифразы по модели «золото + прилагательное цвета» в русской и вьетнамской печати используются для замещения названий разных предметов и число совпадений значений перифраз в русском и вьетнамском языке незначительно. Различие объясняется национально-специфическими чертами культурного пространства русской и вьетнамской языковой общности, а также индивидуально-авторскими ассоциациями.

Во вьетнамском языке большинство перифраз со словом «золото» и цветowymi прилагательными имеют индивидуально-авторский характер (контекстуальный).

Все приведенные примеры демонстрируют использование образных перифраз, образованных на основе метафоризации и не имеющих лексико-семантической устойчивости.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Все примеры заимствованы из русской прессы на сайтах (*rg.ru; pravda.ru; recepti.tv; ural.ru; bigsc.ru; newdaynews.ru*) и вьетнамской прессы (*qdnd.vn; vietnamplus.vn; baodatviet.vn; baocongthuong.com.vn*).

Gogulina N. A., Pham Van Thuong

PERIPHRAISIS OF THE NOUN «GOLD» AND COLOR ADJECTIVES IN RUSSIAN AND VIETNAMESE

The article deals with the problem of a comparative study of the semantics of rephrasing the noun «gold» and color adjectives in Russian and Vietnamese press. The work is done at the intersection of linguistics and cultural studies, with a view to identifying national cultural specifics of periphrasis consisting of a combination of the noun «gold» with color adjectives. This article focuses on the similarities and differences in the use of periphrases in Russian and Vietnamese electronic press.

Keywords: periphrasis, metaphor, nationally specific features, cultural space.

Горбова Елена Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

e.gorbova@spbu.ru

РУССКИЕ СЕМЕЛЬФАКТИВЫ И АЛЛОМОРФИЯ: ГДЕ ПРОХОДЯТ ГРАНИЦЫ?

Статья посвящена обсуждению гипотезы непрототипической алломорфии суффиксального и префиксального показателя семельфактива в русском языке, предложенной в рамках когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: русский глагол, семельфактив, мультипликатив, суффиксальный показатель, префиксальный показатель, алломорфия, непрототипическая алломорфия

Целью данной работы является обсуждение имеющих отношение к русским семельфактивам (ядро которых составляют глаголы с однократным показателем *-ну-* типа *махнуть*) положений когнитивной теории видовых кластеров (гнезд), разрабатываемой исследовательским коллективом под руководством Лоры Янды (Университет г. Тромсё, Норвегия).

Семельфактив — это одно из аспектуальных значений (и соответствующий глагол), которое входит в семантическую зону, обозначающую множественность ситуации (по Маслову — количественная аспектуальность¹). Семантически семельфактив неразрывно связан с мультипликативом (если не произведен от него): мультипликатив определяется как «единый множественный акт, состоящий из отдельных повторяющихся мгновенных квантов (ср. ситуации типа *кашлять, мигать, стучать*)», в то время как «единичный квант мультипликативной ситуации выражается *семельфактивом* (ср. *кашлянуть, мигнуть, стукнуть*)»²; «мультипликатив ... представляет собой тип множества микроситуаций, характеризующихся следующими признаками: 1) повторение некоторой ситуации с постоянным набором актанта, 2) повторение ситуации происходит в один период времени, который может включать момент речи или другую точку отсчета (*Он мигал*). <...> Мультипликативное значение ... тесно взаимодействует с семельфактивным значением, обозначающим один из квантов деятельности, входящих в серию. Это значение в отдельных языках реализуется с помощью предельных глаголов СВ типа *прыгнуть, кракнуть, кольнуть, мигнуть, скрипнуть, брызнуть, дунуть, тряхнуть*, которые мы будем называть семельфактивными или семельфактивами»³.

Отметим, что в обоих приведенных выше определениях семельфактива, принадлежащих типологам, использованный иллюстративный материал демонстрировал наличие ровно одного семельфактивного по-

---

Работа осуществлена при финансировании из средств гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова» НШ-1778.2014.6.

казателя — суффикса *-ну-*. Однако если обратиться к исследованиям, осуществляемым в рамках одной из частных лингвистик — русистики, то можно увидеть и расширенный подход к семельфактиву и его показателям.

В частности, в книге А. Зализняк и А. Шмелева при описании способа действия (СД), обозначенного как «однократный (= одноактный, семельфактивный)», в качестве его формальных показателей указаны «суффиксы *-ну-* (*крикнуть*), *-ану-* (*мазануть*)»⁴, однако чуть ниже отмечено, что «к однократному способу действия примыкают некоторые глаголы, образованные при помощи приставки *с-* (*состричь*, ... *сжульничать*), а также некоторые глаголы с приставкой *у-* (*ужалить*, *уколоть*, *укусить*)»⁵. Подчеркнем, что глаголы с этими показателями, по мысли авторов, «примыкают» к семельфактивному СД, что является гораздо менее сильной формулировкой, чем включение соответствующих показателей в число показателей семельфактива. К тому же авторы делают и еще одну важную оговорку, имеющую прямое отношение к семантике: «[в]прочем, значение однократности у таких глаголов (с префиксами *с-* и *у-*. — Е.Г.) ослаблено и смыкается со значением результативности. Так, *соврать* означает просто ‘совершить акт вранья’. Для глаголов с приставкой *у-* показатель также сопоставление с подлинно семельфактивными глаголами (ср. *укусить* и *куснуть*, *уколоть* и *кольнуть*)»⁶. Мы так подробно остановились на этом мнении, поскольку на него ссылаются и лингвисты, анализирующие русские семельфактивы в рамках теории видовых гнезд (или кластеров), не останавливаясь, впрочем, на имеющихся нюансах и оговорках и представляя Зализняк и Шмелева сторонниками трактовки префикса *с-* как показателя семельфактива⁷.

Однако в рамках русистики имеется и более ригористичный подход к объему класса русских семельфактивов и его показателей. Сошлемся на М. Шелякина, считавшего показателями одноактного (= семельфактивного) СД исключительно суффиксы *-ну-*/*-ану-*⁸. Семантика семельфактивов этим автором определяется как «осуществление действия в один прием, без расчленения на фазы»⁹, причем относительно моментальности, часто приписываемой семельфактивам, Шелякин настроен скептически. В этом он опирается на авторитет Ю. Маслова, прибегая к показательному примеру из его работы: *Он лениво и медленно зевнул*¹⁰. Останавливается Шелякин и на характеристике широкого, по его мнению, понимания семельфактивного СД, присутствующего в аспектологической литературе. Шелякин отвергает свойственное этому широкому пониманию включение в состав семельфактивного СД тех глаголов, которые «обозначают одноактное действие, не входящее в состав многоактного действия: *ужалить*, *укусить*, *уколоть*, *сробеть*, *состричь*, *заплакать*, *отзаниматься*, *бросить*, *спекульнуть*, *критикнуть* и под.»¹¹ (отметим, что в этом ряду фигурируют и глаголы с суффиксом *-ну-*). Ос-

новным аргументом этого исследователя против расширения (на семантической основе) круга семельфактивов является требование «парного» (как и у типологов!) существования одноактного (=семельфактивного) СД: он обязан быть «противопоставленным многоактному СД (*стучать* — *стукнуть*, *толкать* — *толкнуть*)»¹². Остальные случаи трактуются как «одноактный характер других аспектуальных способов действия (начинательного, финитивного, протяженно-однократного)» или просто как «однократное действие сов. вида как парный коррелят несов. вида: *жалить* — *ужалить*, *кусать* — *укусить*, *колоть* — *уколоть*, *робеть* — *сробеть* и *оробеть* <...>»¹³.

Таким образом, вопрос о круге показателей семельфактива в русском языке и границах множества глаголов-семельфактивов был далек от однозначности и до появления варианта его решения, предлагаемого когнитивной лингвистикой в рамках теории видовых кластеров, к рассмотрению которой мы сейчас и переходим.

Кратко изложим основные положения этой теории, в том числе имеющие непосредственное отношение к семельфактивам:

1. Видовой кластер состоит из исходного имперфектива (глагола НСВ, Activity verb) и 4 типов перфективов¹⁴: естественного (Natural Perfective — NP), специализированного (Specialized Perfective — SP), комплексного (Complex Act Perfective — CAP) и одноактного (Single Act Perfective — SAP)¹⁵.
2. Модель видовых кластеров предлагает следующую импlicative иерархию для возможной представленности перфективов в кластере:
(Natural / Specialized) > Complex Act > Single Act¹⁶
3. Далее в цитируемой статье обнаруживается менее сильное утверждение: «although the implicational hierarchy cannot be retained as an absolute rule, it does correctly identify a statistically robust trend»¹⁷, а также, после статистической обработки данных по глаголам с показателем *-ну-* в ряду (однокоренных) перфективов с наличием и отсутствием комплексного (CAP-) кластера — «[t]he implicational hierarchy is thus supported, but as a trend rather than a rule»¹⁸.
4. В качестве SAP рассматриваются как глаголы с показателем *-ну-* (*плеснуть*) и *-ану-* (*плескнуться*) так и глаголы с префиксом *с-* (*сбросить*, *сробеть*); те и другие анализируются в рамках алломорфии¹⁹.

При предложенном анализе семельфактивов в рамках модели видовых гнезд видятся проблемы, к краткому обсуждению которых мы и перейдем.

Начнем с того, что помещение в один класс одноактных перфективов (SAP) глаголов с *-ну-* (*-ану-*) и префиксом *с-* создает затруднения, поскольку возможно одновременное вхождение обоих показателей, например, *ковыр-ну-ть* → *с-ковыр-ну-ть*²⁰. Признавая такую возможность, Дики и Янда²¹ дают на этот счет следующий комментарий: «The presence of verbs that can either form synonyms using both markers or use them simultaneously suggests that there is semantic overlap between the *-ну-* and *s-* semelfactives. <...> [T]hey are joined to each other and thus part of a single continuum»²².

Однако одновременное присутствие в глаголе обоих показателей можно трактовать и иначе: не посредством апелляции к возникающей семантической избыточности и/или синонимии, а композиционально, с учетом семантического вклада каждого аффикса²³, ср.: *ковырять* (не соотношенная с пределом деятельность — «единый множественный акт, состоящий из отдельных повторяющихся мгновенных квантов» по Плунонгу, см. выше) — *ковырнуть* («единичный квант» этой деятельности) — *сковырнуть* (достижение предела, или кульминация, соотношенного с естественным пределом события, предшествующая стадия которого обозначается имперфективом *сковыривать*, ср. тест Маслова на предельность²⁴ из статьи 1948 года²⁵: *сковыривал, но не сковырнул, — сковыривал, пока не сковырнул, сковыривал и, наконец, сковырнул*; семантический вклад префикса *с-* можно определить как «изменение местоположения участника ситуации, его перемещение из одного локуса в другой, расположенный ниже»); *дуть* — *дунуть* — *сдунуть* (то же).

В то же время, реализация вторичной имперфективации от деривата с присутствием обоих показателей (*-ну-* и *с-*) хорошо согласуется с положением С. Татевосова о доступности вторичной имперфективации после присоединения внутреннего (лексического) префикса²⁶. И, напротив, от беспрефиксных семельфактивов с *-ну-* имперфективы не образуются: *сковырнуть* — *сковыривать*, *сдунуть* — *сдунуть*, но *ковырнуть* — **ковыривать*, *дунуть* — **дунуть*. Таким образом, мы имеем целый ряд семантических, акциональных, синтаксических и деривационных отличий дериватов с наличием суффикса *-ну-* с одной стороны и с одновременным присутствием суффиксального и префиксального показателя в глаголе, с другой (третью возможность — присутствие только префикса *с-* — пока оставим в стороне, чтобы вернуться к гипотезе об алломорфии суффикса *-ну-* и префикса *с-* как показателей семельфактива позже).

Имеющиеся различия: 1) семантическое (отсутствие / наличие префикса с собственной семантикой) и 2) акциональное различие *ковырнуть* и *сковырнуть*: первый глагол соотносится с *ковырять*, обозначая единичный квант единого множественного акта (мультипликатив — семельфактив), а второй соотносится с формой *сковыривать*, обозначая кульминацию направленной на достижение предела деятельности в рамках единичного (по умолчанию) события; 3) способность ко вторичной имперфективации после вхождения в состав глагольной основы лексического префикса *с-*, т. е. закономерное образование *сковыривать* vs. невозможность **ковыривать*; 4) присутствие еще одной (семантической) валентности аблативно-нисходящего характера у приставочного деривата — «прочь и вниз с места, поверхности X», которая довольно часто заполняется синтаксически, ср. (1), (2) и (3)²⁷. Учитывая эти различия, считаю возможным не согласиться с версией об избыточности выражения семельфактивности в случаях с одновременным присутствием суффикса и префикса.

(1) — *Если как следует ковырнуть, то и поинтересней можно что-нибудь найти.* [А. Михайлов. Капкан для одинокого волка (2001)] (2) *В его интересах любым способом сковырнуть бывшего родственника с насиженного места.* [М. Спиричева. Предвыборная война слухов (2003)] (3) *Поверхность зеркала была мягкой. Он попытался спичкой сковырнуть налет. По отражению зеленого поля прошла неглубокая бороздка.* [М. Емцев, Е. Парнов. Последняя дверь]

Далее, использование статистических и относительных характеристик вместо точного инструмента дополнительной дистрибуции (замена «грамматического запрета» «статистическим предпочтением»²⁸), что в интересующем нас контексте приводит к (вряд ли оправданному) расширению понятия алломорфии (как явления прототипического, а не «абсолютного стандарта»²⁹), также является дискуссионным, поскольку предполагает пересмотр одного из наиболее прочных методологических оснований структурной лингвистики. Последнее не является само по себе неприемлемым, однако мы должны убедиться, что для такого пересмотра имеются действительно веские аргументы, более веские, чем апелляция к тому, что «language phenomena often exhibit scalar characteristics»³⁰. Изложим аргументацию в пользу алломорфии суффиксального (*-ну-*) и префиксального (*с-*) показателей из статьи С. Дики и Л. Янды³¹ и попробуем ее проанализировать.

Итак, предложены следующие факты, приводимые авторами указанной работы в качестве аргументов в пользу гипотезы о (непрототипической) алломорфии: 1) распределение по морфологическим классам (корпусное исследование по НКРЯ, в основе — две базы данных³²: 296 глаголов, допускающих деривацию с *-ну-* и/или *-ну-* (от *плескаться* — *плеснуть*, *плескаться*), и 105 глаголов, присоединяющих префикс *с-* в семельфактивном, по мнению исследователей, значении: (*с*)*ходить*, (*с*)*летать*, (*с*)*бегать*, (*с*)*ловчить*): из шести морфологических классов один (непродуктивный 1 спряжения — *лизать*, *дуть*, *колоть*, *сечь*) образует семельфактивы только суффиксально, еще один (глаголы на *-*ěj-*, такие, как *робеть*, *плошать*, *подличать*, а также отнесенные сюда же глаголы на *-nišaj-*, такие, как *оригинальничать*) демонстрирует только префиксальную деривацию на *с-*; а остальные четыре морфологических класса допускают оба типа деривации, хотя классы на *-aj-* (*зевать*, *хвастать*) и *-*ě-* (*свистеть*, *видеться*) обнаруживают сильное предпочтение суффиксальной, а классы на *-ova-* (*малодушествовать*, *клевать*) и *-i-* (*ходить*, *тормозить*) — столь же сильное предпочтение префиксальной деривации³³; 2) распределение по семантическим классам (ярлыки и характеристика из НКРЯ): звука, физического воздействия, движения, физиологической сферы, речи, поведения человека и другое; корпусное исследование глаголов объединенной (из двух обозначенных) базы данных в 401 глагол показало, что глаголы звука и физического воздействия не обнаруживают префиксальную (семельфактивную) деривацию, а остальные классы допускают и ту, и другую деривацию³⁴. Эти

два полученные в ходе корпусного исследования положения служат основой для гипотезы о непрототипической алломорфии.

Дополнительно привлекаются следующие соображения: 3) исторические данные о времени возникновения дериватов с префиксом *с-* в семельфактивном значении (*скривити*, *сгрубити*, *своровати* и т. д.³⁵.) и об увеличении их количества с 12 по 17 век³⁶; 4) с опорой на литературу — данные об общем увеличении приставочных перфективов и о вытеснении суффикса *-ну-* (как основного «перфективатора») префиксами, наряду с параллельной спецификацией значения этого суффикса как выразителя семельфактива³⁷; 5) представление диахронического пути развития префикса *с-* от его начального этапа с двумя пространственными значениями (центростремительного, как в *съштити*, и аблативно-нисходящего, как в *сътрясти*)³⁸ через результивное значение, реализуемое с фактивными глаголами (*сгладити*, *сгустити*) до значения *с-* как «чистого перфективатора (an empty perfectivizer)»³⁹ при его распространении и на глаголы движения *i*-класса (*ходити* — *сходити*), причем в последнем случае значение, определяемое как ‘walk some place and come back once’⁴⁰, признается семельфактивным (хотя и «непрототипически семельфактивным, другими словами, [обсуждаются] семельфактивные глаголы от глаголов, не являющихся явно итеративными»⁴¹).

Обратимся к традиционному (выработанному структуралистами) понятию алломорфии. Обязательным критерием для признания двух морфов алломорфами одной и той же морфемы в обоих подходах к этому явлению — и американскому (школа американского дескриптивизма⁴²), и европейскому (Пражская школа, Петербургская школа российской лингвистики⁴³), признается единство значения двух морфов (с возможностью семантического варьирования, т. е. полисемии). Второй критерий — дополнительная дистрибуция морфов с идентичной семантикой — также присутствует в обоих подходах. Различаются же они тем, что в рамках подхода, характерного для Петербургской лингвистической школы (как одного из вариантов европейской лингвистики), в обязательном порядке учитываются еще и формальные параметры: «принадлежность к одному типу, тождество позиционной характеристики, закономерные чередования фонем (соответствующего языка. — *Е. Г.*»⁴⁴. Однако обсуждать это различие между двумя школами здесь нет нужды, поскольку гипотеза алломорфии русского суффикса *-ну-* и префикса *с-* как показателей семельфактива сталкивается с другими проблемами, а именно: несоответствия тем критериям, относительно которых у двух упомянутых подходов к алломорфии разногласий нет. Первую проблему видят сами авторы гипотезы, и это — критерий дополнительной дистрибуции. Ее они пытаются решить, представляя тождество морфемы (алломорфию) как явление градуальное, а не как (традиционно) строго определенное, с разведением двух случаев: морфы являются вариантами

(алломорфами) одной и той же морфемы (=тождество морфемы) vs. имеются две разные (омосемичные) морфемы. Однако, по-видимому, еще более существенно не сводимое к полисемии отсутствие семантического тождества между суффиксом *-ну-* и префиксом *с-*: первый является показателем семельфактива (соотносимого с мультипликативом), а второй — нет.

Такое решение вытекает и из приведенных выше определений семельфактивов, данных типологами (В. Храковским, В. Плунгяном), и из размышлений русиста-аспектолога М. Шелякина. Об этом очевидным образом свидетельствуют и некоторые положения из статьи С. Дики и Л. Янды⁴⁵ — в частности, признание значения *с-* «непрототипически семельфактивным», см. цитату выше. Полагаю, что расширение семельфактивного значения до «непрототипически семельфактивного» едва ли оправданно (и с типологически ориентированной точки зрения, и в рамках русистики⁴⁶). Тем более, что вполне достаточно оснований для трактовки обсуждаемого значения префикса *с-* (в случаях *скривить*, *сходить*) как результивного (если не как одного из двух обозначенных выше локативных), а соотносимости с мультипликативным глаголом в этих случаях очевидным образом не наблюдается. Действительно, *ходить*, от которого образован *сходить*, может иметь итеративное значение, но не мультипликативное, поскольку ни *сходить* не обозначает «мгновенного кванта», ни для *ходить* нельзя признать доступной семантику «единого множественного акта, состоящего из отдельных повторяющихся мгновенных квантов»⁴⁷, каждый из которых мог бы быть обозначен его дериватом *сходить*. Еще одним (косвенным) аргументом в пользу предлагаемого решения являются и случаи одновременного присутствия в глагольной словоформе обоих обсуждаемых аффиксов (*смахнуть*, *сковырнуть*), то есть те случаи, которые недвусмысленно свидетельствуют об отсутствии дополнительной дистрибуции между обоими показателями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. работу: Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Под ред. Маслова Ю. С. Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 4–44; или ее перепечатку в издании: Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. — 840 с. В последнем издании — С. 312 и 321–322. См. также системное представление значений этой зоны в коллективной монографии Храковский В. С. (ред.) Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989. 311 с.

² Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. С. 221.

³ Храковский В. С. Типология семельфактива // Типология глагольного вида: проблемы, поиски, решения. Под ред. Чертковой М.Ю. М.: Школа «Языки русской культуры». С. 487–488.

⁴ Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 118.

- ⁵ Там же. С. 119.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См. [Dickey, Janda 2009: 233].
- ⁸ Шелякин М. А. Категория аспектуальности русского глагола. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 160.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 77.
- ¹¹ Шелякин М. А. Указ. соч. С. 160.
- ¹² Там же. С. 160–161.
- ¹³ Там же. С. 161.
- ¹⁴ Имперфективы-состояния (стативы) исключены, см. статью Janda L. Aspectual clusters of Russian verbs // Studies in Language. 2007. Vol. 31: 3. P. 614. В раннем варианте концепции признавалось наличие в кластере только одного NP, в более поздней версии допускается наличие более одного: «Русский глагол *прыгнуть* имеет три естественных перфектива с приставками *на-*, *за-* и *по-*», см. Янда Л. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 25.
- ¹⁵ См. работы: Janda L. Op. cit.; Janda L., Korba J. Beyond the pair: Aspectual clusters for learners of Russian // Slavic and East European Journal. 2008. № 52: 2. P. 254–270; Makarova A., Janda L. Do It Once: A Case Study of the Russian *-nu-* Semelfactives // Scando-Slavica 2009, 55. P. 78–99; Янда Л. Указ. соч.
- ¹⁶ Makarova A., Janda L. Op. cit. P. 81.
- ¹⁷ Ibid. P. 83.
- ¹⁸ Ibid. P. 90.
- ¹⁹ Dickey S., Janda L. *Хохотнул, схмурил*: the relationship between semelfactives formed with *-nu-* and *s-* in Russian // Russian Linguistics. 2009. № 33. P. 229–248; Makarova A., Janda L. Op. cit.; Makarova A. Rethinking diminutives: A case study of Russian verbs. A thesis submitted for the degree of PH.D. Tromsø, 2014. 245 p.
- ²⁰ В работах: Dickey S., Janda L. Op. cit.; Makarova A., Janda L. Op. cit.; Makarova A. Op. cit. P. 122–123.
- ²¹ Dickey S., Janda L. Op. cit.
- ²² Ibid. P. 239.
- ²³ Примечательно, что в статье Makarova A., Janda L. Op. cit. предлагается другое решение: квалификация приставочных дериватов от семельфактивов с суффиксом *-ну-* как «специализированных одноактных перфективов (Specialized Single Act Perfective, SSAP)» (Ibid. P. 84). При этом устанавливается направление деривации: Single Act Perfective → Specialized Single Act Perfective при использовании в качестве форманта префикса (*прыгнуть* → *выпрыгнуть*) (Ibid. P. 83–84). Это решение представляется более оправданным, чем апелляция к избыточности (см. выше). Можно, однако, предположить, что из общего решения о SSAP исключены именно дериваты с префиксом *s-*, относительно которых принимается трактовка через избыточность и алломорфию.
- ²⁴ В данной работе Ю. С. Маслова речь идет о «возможности противоположения внутри ... пар по линии ‘попытка’ — ‘успех’ или ‘тенденция’ — ‘осуществление’» (Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в русском литературном языке // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1948. Т. 7. С. 303–316; цитирую по изданию: Маслов Ю. С. ... 2004. С. 83), что может быть соотносено с впоследствии принятым этим автором семантическим противопоставлением предельного и неопредельного действия, а в рамках предельного (=соотношенного с пределом) — достигающего и не достигающего предела (Там же. С. 312). То есть противопоставление ‘попытка’ — ‘успех’ или ‘тенденция’ — ‘осуществление’ эквивалентно, на наш взгляд, противопоставлению достигающего и не достигающего предела соотношенного с пределом действия.
- ²⁵ Маслов Ю. С. Указ. соч. С. 83.
- ²⁶ Татевосов С. Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Под ред. Киселевой К. Л., Плунгяна В. А., Рахиловой Е. В., Татевосова С. Г. Корпусные

исследования по русской грамматике. М.: Пробел, 2009. С. 92–157; Татевосов С. Г. Множественная префиксация и физиология русского глагола // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 42–89.

²⁷ Примеры извлечены из НКРЯ — <http://www.ruscorgpora.ru>. При запросе (дата обращения — 02.01.2015) «ковырнуть» (поиск точных форм) по основному корпусу НКРЯ было найдено 13 вхождений, ни в одном из контекстов синтаксический актант ‘прочь и вниз с места, поверхности X’ реализован не был; при аналогичном запросе «сковырнуть» выдача составила 47 вхождений, из которых в 5 случаях соответствующий актант был реализован эксплицитно. В то же время, в качестве семантического аргумента он присутствует во всех без исключения случаях (см. пример (3) выше, где можно восстановить актант ‘с (поверхности) зеркала’.

²⁸ Татевосов С. Г. Указ. соч. 2013. Сноска 11.

²⁹ Dickey S., Janda L. Op. cit. P. 289.

³⁰ Ibid.

³¹ Dickey S., Janda L. Op. cit.

³² См. в Dickey S., Janda L. Op. cit. P. 234–235.

³³ Ibid. P. 235–238.

³⁴ Ibid. P. 238.

³⁵ Ibid. P. 240.

³⁶ Ibid. P. 240–242.

³⁷ Ibid. P. 242–243.

³⁸ Ibid. P. 244–246.

³⁹ Ibid. P. 244.

⁴⁰ Ibid. P. 245.

⁴¹ Ibid.

⁴² Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. С. 136.

⁴³ См.: Скаличка В. Ассиметричный дуализм языковых единиц // Под ред. Кондрашова Н. А. Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 119–127; Маслов Ю. С. Некоторые спорные вопросы морфологической структуры славянских глагольных форм // Советское славяноведение. 1968. № 4. С. 48–62 (см. также перепечатку в издании Маслов Ю. С. Указ. соч. 2004. С. 710–711); Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987. — 272 с.

⁴⁴ Маслов Ю. С. Указ. соч. 1987. С. 143.

⁴⁵ Dickey S., Janda L. Op. cit.

⁴⁶ Несмотря на авторитет А. В. Исаченко, включившего в «однократную совершаемость» в качестве четырех отдельных случаев: глаголы с суффиксами *-ну-*, с суффиксом *-ану-* и префиксом *s-*, причем с выделением глаголов перемещения с этим префиксом в отдельную группу, см. Исаченко А. В. 1965. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. II. Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1965. С. 266–273.

⁴⁷ Использовано определение мультипликатива и семельфактива В. А. Плунгяна, см. сноску 2 выше.

Gorbova E. V.

RUSSIAN SEMELFACTIVES AND ALLOMORPHY: WHERE DO THE BORDERLINES LIE?

The paper discusses the hypothesis of so-called ‘non-prototypical’ allomorphy of two semelfactive markers in Russian: the suffix *-nu-* and the prefix *s-*, which has been proposed in the framework of cognitive linguistics.

Keywords: Russian verbs, semelfactive, multiplicative, suffix marker, prefix marker, allomorphy, non-prototypical allomorphy.

Дашкевич Дарья Владиславовна

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Россия

dada-sha@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОГО АКЦЕНТА В ОБЛАСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ РУССКИХ ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫХ ШУМНЫХ СОГЛАСНЫХ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РОМАНСКИХ, ГЕРМАНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

В русском консонантизме наиболее нагруженной, как известно, является область переднеязычных согласных. Произношение данных звуков нередко вызывает трудности у иностранных учащихся, однако ошибки, которые делают инофоны, различны. В данной работе представлен анализ фонетического акцента носителей романских, германских и славянских языков в области произношения русских переднеязычных шумных согласных.

Ключевые слова: фонетический акцент, фонетическая интерференция, согласные звуки.

Фонетический акцент — «подчинение чужой фонетики фонологическим навыкам своего языка»¹.

Существует два взгляда на иностранный акцент: «внешний» и «внутренний»². «Внешний» взгляд — это взгляд с позиции слушающего, в этом случае отмечаются черты акцента, зафиксированные в речи инофона, вне зависимости от того, каким является его родной язык. «Внутренний» взгляд — взгляд с позиции говорящего, когда при анализе акцента учитывается проявление фонетической интерференции. «Применительно к анализу интерферированной русской речи иностранцев в центре “фонетики говорящего” находится фонетическая интерференция, в центре «фонетики слушающего» — иностранный акцент»³.

А. А. Реформатский писал, что в зависимости от соотношения фонологических систем своего и чужого языков могут проявляться две тенденции в усвоении системных категорий фонетики изучаемого языка. Первая — «подгонка разного чужого под одно своё, когда меньший фонемный репертуар своего языка накладывается на больший фонемный материал чужого»⁴. Так, в большинстве языков отсутствует противопоставление по твердости/мягкости согласных звуков, что сказывается на фонетическом акценте в русской речи иностранных учащихся. Например, как указывает А. А. Реформатский, одной из распространенных ошибок инофонов является произнесение на месте русских переднеязычных зубных [л] и [л'] альвеолярного [l]: *n[l]охо (плохо).

Вторая тенденция проявляется тогда, когда «фонемный репертуар своего языка шире, чем фонемный репертуар чужого языка на аналогичном участке фонетической системы»⁵. В этом случае носители более богатого фонетического репертуара начинают выделять в пределах более

бедного фонетического репертуара несущественные нефонологические признаки. Например, в болгарском языке аффриката [ц] имеет мягкую пару [ц'], отсутствующую в русском языке. Как следствие в интерферированной русской речи болгар может встретиться ошибка, связанная с произнесением в определенных позициях мягкой аффрикаты [ц'] на месте русской твердой [ц].

В ходе данного исследования были выявлены основные отклонения в области произношения русских переднеязычных шумных согласных в речи носителей испанского, французского, итальянского, английского, немецкого, нидерландского, болгарского, хорватского и чешского языков: как общие для всех испытуемых, так и особенные, характерные для носителей отдельных языков.

Языки разных групп различаются по своему звуковому строю. Русский язык отличается богатой подсистемой переднеязычных шумных согласных звуков, что нередко приводит к ошибкам, обусловленным «подгонкой разного чужого под одно своё»⁶. Прежде всего, как известно, различие русских согласных звуков, противопоставленных по признаку твердости/мягкости, представляет собой трудность для носителей самых разных языков. В ходе данного исследования ошибки, связанные с неразличением твердости/мягкости согласных, были зафиксированы у всех испытуемых: *[s]ейчас (сейчас), *ни[ε]у (нишу), *чу[t] (чуть). Такого рода отклонения носят исключительно частотный характер и встречаются в различных позициях в слове.

Наряду с общими трудностями русской фонетики, характерными для носителей всех рассматриваемых языков, в ходе данного исследования были зафиксированы типологические отклонения в области произнесения переднеязычных шумных согласных, объединяющие носителей как родственных, так и неродственных языков. Например, некоторые представители языков романской группы — итальянец и французенка — последовательно заменяли аффрикату [ч'] на шипящий [ʃ]: *[ʃji] (чи), *то[ʃ]но (точно), *до[ʃ] (дочь). В акценте немцев и нидерландца наблюдалась замена звонкого [з] на глухой [s] перед согласным в абсолютном начале слова: *[s]лой (злой), *[s]наете (знаете).ʃ

Следует обратить внимание на типологическое сходство ошибок, зафиксированных у носителей языков романской и германской групп, а именно французского, итальянского, немецкого и нидерландского. Эти информанты путали шипящий [ш] и свистящий [с], причем в акценте наблюдалась как замена шипящих на свистящие, так и замена свистящих на шипящие; при этом шипящие произносились полумягко: *отвечае[s] (отвечаешь), считае[s] (считаешь), *[ʃ]нег (снег), *ча[ʃi] (часы), *[ʃ]ухо (сухо).

Кроме того, в ходе исследования были обнаружены ошибки, характерные лишь для носителей конкретных языков. Так, испанка в ряде

позиций «сводила» русские шипящие звуки [ш] и [ш':] к аффрикате [ʧ]: *e[ʃ]ĕ (*ещё*), *[ʃ]ека (*щека*), *[sʃ]итае[ʃ] (*считаешь*). Следует отметить, однако, что в позиции абсолютного конца слова в ее акценте шипящий [ш] заменялся не на аффрикату [ʃ], а на щелевой [s]. Например, слово *ищешь* было произнесено как *[iʃes] — первый шипящий был заменен на аффрикату, а второй — на щелевой [s]. Данная черта акцента может быть объяснена тем, что в испанском языке употребление шипящей аффрикаты ограничено: она не может употребляться в абсолютном конце слова.

Специфические особенности отмечались также в интерферированной русской речи носителя нидерландского языка. Так, он произносил на месте переднеязычных зубных [т/т'] мягкую аффрикату с ослабленной смычкой, похожую на [ʃ], а на месте аффрикаты [ц] — либо ту же аффрикату [ʃ], либо шепелявый [sʰ], что нашло отражение в следующих отклонениях: *o[ʃ]e[sʰ] (*отец*), *счи[ʃ]аешь (*считаешь*), *[ʃ]ена (*цена*), *по-неме[sʰ]ки (*по-немецки*).

Таким образом, в ходе данного исследования были выделены универсальные трудности, типологические черты акцента и специфические (в рамках данной работы) ошибки в интерферированной русской речи носителей романских, германских и славянских языков в области произношения переднеязычных шумных согласных. В целом, исследование показало, что ошибки, допускаемые носителями романских и германских языков, нередко являются фонологическими, влияющими на нарушение смысла, что прямым образом мешает коммуникации. Для носителей славянских языков большей проблемой является нарушение нормы произношения, чаще всего не влияющее на значение сказанного. Результаты данной работы открывают возможности создания и совершенствования курсов русской фонетики в смешанных группах, что является актуальным в практике преподавания русского языка как иностранного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Реформатский А. А. Фонология на службе обучения произношению неродного языка // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии: Очерк; Хрестоматия. М., 1970. С. 508.

² Подробнее см.: Программа минимум кандидатского экзамена по специальности 13.00.02 // Русский язык и его история: Программы кафедры русского языка для филологических факультетов государственных университетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 432–433.

³ Бархударова Е. Л. Методологические проблемы анализа иностранного акцента в русской речи // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012. № 6. С. 58. О «фонетике говорящего» и «фонетике слушающего» подробнее см.: Горшкова К. В. О фонеме в языке и речи // *Slavia orientalis*. DXXIX. № 1/2. Warszawa, 1980. С. 79–83.

⁴ Реформатский А. А. Обучение произношению и фонология // Филологические науки. 1959. № 2. С. 147.

⁵ Там же. С. 148.

⁶ Там же. С. 147.

Dashkevich D. V.

PECULIARITIES OF PHONETIC ACCENT IN THE DOMAIN OF CORONAL OBSTRUENT CONSONANTS IN THE SPEECH OF NATIVE SPEAKERS OF ROMANCE, GERMANIC AND SLAVIC LANGUAGES

The author argues that the domain of coronal obstruent consonants is the most loaded in the Russian language. Very often, foreign speakers find it difficult to pronounce these sounds properly, no matter what their first language is. Nevertheless, the mistakes are different. In this paper, challenges and mispronunciations typical for native speakers of Romance, Germanic and Slavic languages are discussed.

Keywords: phonetic accent, phonetic interference, consonants.

Двинова Евгения Олеговна

РГПУ имени А. И. Герцена, Россия

deo1601@mail.ru

КОНТРАСТ И СХОДСТВО КАК ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

В статье рассматривается проблема взаимообусловленности сходства и контраста как основополагающих понятий, на которых строится языковая картина мира. Рассмотрение лексического материала в культурологическом аспекте позволяет затронуть главные вопросы курса «Контрастивная лингвистика»: взаимовлияние и взаимопроницаемость языков, общее и национально-специфическое, формирование национальной языковой картины мира, способы языковой концептуализации действительности.

Ключевые слова: контрастивная лингвистика, контраст, сходство, национально-специфический прототип, универсальный концепт.

Различие, как это часто случается, было не чем иным, как мутировавшим сходством.

В. Пелевин

Выпятив свое «я» или растворить его среди могучего «мы» — вот в чем противоположность Европы и Азии.

Б. Акунин

Языковая картина мира складывается в процессе познания, понимания и осмысления окружающего мира. Изучение чужой культуры и языка всегда начинается со сравнения, а восприятие чужого отталкивается от своего. Как человек воспринимает «чужое»? Какую оценку он дает увиденному и услышанному? Сегодня эти вопросы как никогда значимы, потому что толерантное сосуществование людей разных культур невозможно без понимания не только других, но и себя. Таким образом, не менее актуальным является вопрос национальной идентификации. Но зачастую в процессе межкультурной коммуникации может происходить как осознанное, компромиссное изменение своего видения — во избежание конфликтов, так и неосознанное. Для человека, впервые столкнувшегося с чужой культурой и языком, национально-специфическое представляет наибольший интерес как отличное от своего, знакомого и привычного. Но амбивалентность ситуации состоит в том, что культура другого народа может оставить равнодушной в силу того, что своя культура априори лучше чужой.

В сознании многих народов по разным социокультурным и геополитическим причинам укоренилась мысль о превосходстве своей культуры, на что в немалой степени повлияло и традиционное утверждение: «Восток — это восток, а Запад — это запад», подчеркивающее весь спектр различий между ними и настолько сильно повлиявшее на мировосприятие

и миропонимание, что не позволяет увидеть и рассмотреть общее, а иногда и прототипическое, отражающееся в национальной языковой картине мира. Безусловно, различия всегда лежат на поверхности культурологического сознания, тем не менее, в когнитивном плане гораздо интереснее искать не различное, а общее, поиск которого должен привести к мысли о том, что современная цивилизация — это совокупность разных культур, но связанных друг с другом некоторыми общими константами.

Прекрасной иллюстрацией этой мысли служит фильм «Самсара» режиссера Р. Фрике. Документальность фильма позволяет не только увидеть 25 стран, на первый взгляд, далеких друг от друга, но и медитативно сосредоточиться, не отвлекаясь на слова, как в художественном фильме, на круге жизни как череде явлений, происходящих в разных точках мира, но связанных между собой незримой нитью. Взаимопроницаемы ли культуры и языки? И на этот непростой вопрос есть ответ в фильме.

Кроме того, великолепные картины природы сняты таким образом, что нельзя не почувствовать, с одной стороны, ее величия, а с другой, — трагедийности, когда показываются стихийные явления и бедствия. Является ли природа важным фактором, влияющим на культурные и языковые различия? В фильме ярко показано, какое огромное влияние на формирование национального менталитета и языковую концептуализацию явлений оказывают природные явления. В этой связи уместно вспомнить, какое сильное влияние оказывает природа на языковое самосознание, например, *васёку* — важная сторона японской культуры, в основу которой заложено уважительное отношение японцев к природе. Выражения, произносимые ими до и после еды, выражают благодарность природе, дающей угощения. Глубокое почитание проявляется и в стремлении сохранять натуральный вкус сезонных продуктов, и в подаче блюд в посуде на природные темы, изготовленной из природных материалов.

Традиционные японские сладости *вагаси* тоже носят сезонный характер, а их названия вызывают определенные ассоциации с временами года, например, с цветением сакуры весной, зелеными кленовыми листьями летом, хлопьями снега на листьях падуба зимой. Кроме того, концептуальный «смысл» *вагаси* связан с тем, что они способны воздействовать на все чувства: вкус, зрение (они красивы и приятны глазу), обоняние (нежный аромат), осязание (важна текстура изделия), слух (красивое звучание слов). В отличие от европейских изделий, вся гамма вызываемых *вагаси* чувств приглушена — аромат несильный, цвет неяркий. Например, яркий цвет французского миндального печенья *macaron* сразу же подсказывает, какая в нем начинка. Японские сладости являются «добавкой» к зеленому чаю, а фраза *о-тя укэ* (буквально: принимать чай) означает «подчеркнуть аромат чая с помощью сладостей». Нежный и приятный аромат этого чая, сочетающийся как со сладкими, так и с солеными кондитерскими изделиями, оставляет тонкое послевкусие.

Рисовое печенье *сэмбэй*, приготовленное из рисовой или пшеничной муки, по форме также может представлять гору Фудзи в разное время года и иметь четыре вкуса: зеленый чай *маття* (весна), черный перец (лето), красный перец (осень), сахар (зима).

Контрастное видение природы и культуры, на котором построен сюжет фильма, подводит зрителя к интересным выводам, подкрепленным массой примеров. Независимо от ответа на вопрос, что превалирует в фильме: контраст или сходство, зерно сомнений уже посеяно, что особенно важно в аудитории студентов из Юго-Восточной Азии, в сознание которых идея уникальности, «особости» восточной культуры и философии закладывается в раннем возрасте. Безусловно, виртуальные наблюдения над реальностью и культурной картиной мира подводят к размышлению о языковой картине мира.

Благодатным материалом для этого служит лексико-фразеологическая система языков, в которой выделяются различные группы национально-специфической лексики в зависимости от референциальной отнесенности: лексика, обозначающая специфические концепты, отсутствующие в других языках (*щи, валенки, ушанка*), лексика, обозначающая неспецифические концепты с разными прототипами (*земля, трава, чашка*), и лексика, обозначающая абстрактные понятия (*воля, удаль*)¹. Слова первой группы широко представлены в учебных пособиях для иностранцев, но не всегда сопровождаются необходимым культурологическим комментарием, без которого понимание их весьма затруднительно, например, за многими восточными названиями блюд кроется красивая легенда.

Появление японских сладостей *яцухаси* связывают с легендой о слепом монахе Яцухаси Кэнгё, жившем в XVII в. и сочинявшем музыку для кото — струнного инструмента, в форме которого и стали готовить сладости. *Дзюнцизы* готовят в Китае в день Поэта (праздник лодки дракона) из клейкого риса, сваренного с бобами, мясом, грибами и завернутого в листья. По преданию, поэт Чи Уэнь прыгнул в реку и утонул, так как местный правитель не прислушался к его советам, и его родная провинция была завоевана врагами с севера. В знак уважения к поэту и его слугам люди бросали в реку рис. Но так как этот рис доставался жившему в реке Дракону, люди стали заворачивать рис в листья. Во второй день второго месяца по лунному календарю, когда дракон поднимает голову, принято готовить специальные блюда, в названия которых входит компонент «дракон»: пельмени «глаза дракона», блины «чешуя дракона», лапшу «усы дракона», пельмени с ушками в бульоне «дети дракона», жареные пирожки «желчный пузырь дракона». В день *лунтай-тоу* также едят пельмени «уши дракона», в которых обязательно должно быть и мясо, и овощи. Звучание иероглифов «мясо», «овощи» похоже на звучание других иероглифов со значением «богатство, деньги», которых же-

лают друг другу в Новом году. Многие китайские названия ассоциируются с праздниками: *няньгао* готовят на Новый Год, *юэбин* — на праздник Луны.² В Корее на день рождения готовят специальный суп (*миек кук*) из морской капусты. Интересно отметить, что не всегда носители языка могут объяснить происхождение этих названий и воспринимают их как слова, за которыми нет никакого культурно-исторического «шлейфа».

Наибольшие трудности при понимании и усвоении вызывает вторая группа лексики, ибо узнавание слов этой группы определяется критерием истинного/неистинного знания, заключающегося в понимании особенностей национально-специфических прототипов универсального концепта.³ Универсальность может сбить с толку при встрече с лексическими единицами этой группы именно в силу своей общности. Одинаково ли слово «чашка» в восприятии русского и китайца? Что имеют в виду русские и корейцы, когда говорят о пельменях?

Слова третьей группы трудны и в силу абстрактности своего значения, и в силу зависимости языковой специфики от социальных, природных и климатических условий жизни народа. По этой причине этим словам трудно подобрать соответствия в другом языке.⁴ Обычно словари приводят корреляты, который в данном случае является псевдокоррелятом, не позволяющим разграничить, например, понятия *свобода* и *воля*.

Фразеологическая система, как наиболее яркая и образная, с одной стороны, способна продемонстрировать все нюансы национально-культурной специфики, а, с другой стороны, показать сходство с фразеологическими единицами других языков. Именно в устойчивых выражениях и фразеологизмах «сосредоточена народная мудрость или, вернее, результаты культурного опыта народа».⁵ Фразеологический пласт китайского языка представлен языковыми единицами, имеющими структурные и семантические особенности: *чэньюй* (буквально «готовое выражение»), *яньюй* (поговорки и пословицы), *сехоуэй* (недоговорки — иносказания) и *гуаньюньюй* (привычные выражения). Среди чэньюй немало близких к русским фразеологическим единицам: *чужими руками жар загребать* (буквально «таскать каштаны из огня»), *делать добро за чужой счет* (букв. «одолжить цветы, чтобы возложить их к статуе Будды»), *не видеть дальше своего носа* (букв. «лягушка на дне колодца», «смотреть на небо, сидя в колодце»), *жить чужим умом* (букв. «говорить то, что говорят другие»). В группе яньюй отмечены *нет пророка в своем отечестве* (букв. «в родных краях имбирь недостаточно острый»), *в чужой монастырь со своим уставом не ходят* (букв. «в какие горы идешь, песни тех гор и пой»), *чужая душа — потемки* (букв. «рисуя тигра, рисуешь шкуру, вряд ли нарисуешь кости», «зная человека, знаешь его лицо, а не душу»), *на чужой роток не накинешь платок* (букв. «горлышко кувшина для вина можно закрыть, а людям рта не закроешь»). Недоговорки-иносказания (сехоуэй): *не свое, чужое* (букв. «расшитые

туфельки сватья — позаимствованные»), *учитывать только свои интересы* (букв. «считать на маленьких счетах»), *замечать чужие грехи, но не видеть своих* (букв. «того же рода, что и подставка под лампу — освещает других, но не освещает себя») — это необычные для русского языка фразеологические единицы с усеченной концовкой.

Конечно, национальная специфика фразеологических единиц русского и китайского языков проявляется в различной образности, в своеобразном ментальном видении сходных или непохожих явлений действительности, а вот представления о них и их оценка очень часто являются общими для западных и восточных народов. При их переводе на русский язык подыскивается эквивалент, что обеспечивает первичный, или поверхностный уровень понимания, но при этом обязательно дается буквальный перевод, который выводит фразеологическую единицу на иной уровень осмысления, так как почти за каждой из них скрыта древняя китайская легенда.

Таким образом, при сопоставлении разных языков поиск универсального, общего не только не исключает выявления национально-специфического, но и позволяет посмотреть на свой язык и культуру в новом необычном ракурсе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2011. С. 148.

² Ткаченко Г. А. Культура Китая: словарь-справочник. М.: Муравей, 1999. 383 с.

³ Корнилов О. А. Указ. соч. С. 349.

⁴ Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

⁵ Тер-Минасова С. Г. Язык как зеркало культуры. М.: Слово/ Slovo, 2000. 624 с.

Dvinova E. O.

CONTRAST AND SIMILARITY AS FOUNDATIONS OF BUILDING A LINGUISTIC WORLD VIEW

The article deals with the problem of interdependence of contrast and similarity as foundations of building a linguistic world view. Review of lexis in terms of culturology helps dealing with the main issues of the Contrastive Linguistics course: mutual influence and mutual permeability of languages, common and nationally specific things, building the national linguistic word view, ways of linguistic conceptualization of reality.

Keywords: contrastive linguistics, contrast, similarity, nationally specific prototype, universal concept.

Демидова Елена Борисовна

Московский государственный педагогический университет, Россия

lena2707@yandex.ru

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Фонд латинских и греческих заимствований, накопленный лексикой французского и русского языков, постепенно превращается из чужеродного иноязычного элемента словаря языка в часть словообразовательной системы русского и французского языков. Все способы словообразования русского и французского языков можно разделить на две основные группы: морфологические и неморфологические способы. Среди морфологических способов наибольшее распространение получили аффиксальные способы, т. е. Несмотря на схожесть способов словообразования у обоих языков, во французском языке существует способ словообразования, которого нет в русском языке — грамматикализация. В качестве главной особенности словообразования французского языка следует отметить двойственность словообразовательной основы. Общие исторические корни и взаимовлияния в ходе длительного процесса развития русского и французского языков обусловили общность их словообразовательных систем.

Ключевые слова: словообразование, русский язык, французский язык, морфемы, аффиксы, префиксы.

Французский и русский язык имеют много общего в области словообразования, так как оба языка относятся к индоевропейской языковой семье и развивались под влиянием латинского и греческого языков.

Изменения в лексике, грамматической системе и семантике русского литературного языка XVIII–XIX века были вызваны влиянием «европейского мышления», разными методами синтеза национально-русских и французских элементов речи. «И лексика, и фразеология европейского типа подвергаются своеобразному процессу „этимологизации“ в аспекте русской литературной и разговорно-бытовой семантики, проходят сложный путь символической или “вещественной” ассимиляции с национальным словарем и фразеологией»¹.

Понятие «способ словообразования» как для русского, так и для французского языка в синхронном и в диахроническом словообразовании имеет разное содержание. В синхронном словообразовании оно используется для ответа на вопрос, с помощью какого средства (или каких средств) выражается деривационное (словообразовательное) значение производного слова.

Все способы словообразования русского и французского языков можно разделить на две основные группы: морфологические и неморфологические способы. Среди морфологических способов наибольшее распространение получили аффиксальные способы, т. е. префиксация, суффиксация, нулевая суффиксация, префиксально-суффиксальный способ и т. д. Кроме того, еще есть безаффиксальные способы — сложение и аб-

бревиация. Неморфологические способы словообразования включают лексико-синтаксический, лексико-семантический и морфолого-синтаксический способы.

Табл. 1. Морфологические способы словообразования.

Способы	В русском языке	Во французском языке
Префиксация	Удар — контр-удар Добрый — пре-добрый Читать — про-читать Глупо — сверх-глупо	Voir — re-voir Valeur — non-valeur Ordinaire — extraordinaire
Суффиксация	Портрет — портрет-ист Нарезать — нарез-н(ой) Красный — красн-е-ть Хороший — хорош-о	Balle — ball-on Jardin — jardin-ier
Префиксально-суффиксальный способ	Нос — пере-нос-иц(а) Предел — бес-предел-н(ый) Сложный — у-сложн-и-ть Хороший — по-хорош-ему	Croire — in-croy-able Parler — non-parlement Ball — déballer
Нулевая суффиксация (dérivation régressive)	Синий — синь-0 Вывозить — вывоз-0 Гнилой — гниль-0	Demeurer — demeure-0 Médecine — médecin-0 Violette — violet-0
Сложение в сочетании с нулевой суффиксацией	Светл-о-волос-0(ый) черн-о-глаз-0(ый) Лед-о-ход-0	Autonomie — autonom-0(e)
Чистое сложение	Диван-кровать Бел-о-розовый Засух-о-устойчивый	Beaux-arts Oeil-de-boeuf Passe-montagne Balai-brosse Médecin-dentiste
Аббревиация	МГУ (Московский государственный университет) Вуз (высшее учебное заведение) Мотель (моторизованный отель)	R.F.A. — République Fédérale d'Allemagne Dictionnaire — dico

Табл. 2. Неморфологические способы словообразования.

Способы словообразования	В русском языке	Во французском языке
Лексико-семантический	Кулак — кулак (богатый крестьянин)	L'air (сущ. воздух) — l'air (сущ. Авиационный транспорт)
Морфолого-синтаксический	Столовая (прилаг.) — столовая (сущ.) Батюшки (сущ. мн.ч.) — батюшки (междометие)	Malade (прилаг.) — un malade(сущ.) Allé (прич.) — une allée (сущ.) Devoir (глагол.) — le devoir (сущ.) Le sport (сущ.) — sport (прилаг.) L'ami (сущ.) — ami (прилаг.)

Несмотря на схожесть способов словообразования у обоих языков, во французском языке существует способ словообразования, которого нет в русском языке — грамматикализация.

Этот способ словообразования принадлежит к числу неморфологических способов словообразования. В результате длительного употребления в одном и том же контексте полнозначные лексические единицы могут десемантизироваться и превращаться в служебные слова. Такова судьба вспомогательных и полувспомогательных глаголов, которые в описательных конструкциях потеряли свое собственное значение (глаголы *avoir, être, aller, venir* в сложных глагольных временах: *il va faire* “он идет делать” > он сейчас сделает). Так образовались частицы, в том числе и отрицательные (*un point* “точка” — *je ne vois point* “я не вижу ни точки” > я ничего не вижу), *toujours* “всегда” — *il ne vient toujours pas*. “он всегда не приходит” > он все не идет).

Соответственно, в русском языке также существует способ словообразования, который редко встречается во французском языке. Это — сложносуффиксальный способ. Деривационное значение производного слова выражается с помощью словосложения и суффиксации. Этот способ действует в словообразовании *имен существительных*. Например: *орден-о-нос-ец, земл-е-проход-ец, канат-о-ход-ец и т. д.*

В качестве главной особенности словообразования французского языка следует отметить двойственность словообразовательной основы. Две подсистемы, новая (на книжной основе) и старая (на исконной основе) образовали сложное единство.

Словообразование на книжной основе развивалось отдельно от исконной основы, что подтверждается тяготением книжных аффиксов к исконной производящей основе. Например: *исконная основа + суффикс -iste: Travail-iste, royal-iste, journal-iste, corn-iste, harp-iste, pur-iste, dent-iste, grève-iste, gauch-iste, paysag-iste, défait-iste etc; исконная основа + суффикс -isme: Travail-isme, royal-isme, journal-isme, pur-isme, gauch-iste, défait-iste, affair-isme, attent-isme, pointill-isme etc.*

Книжный и исконный фонды в лексике французского языка сложились в результате различных путей развития словарного состава. К исконному фонду принадлежат слова народно-латинского и германского происхождения, прошедшие длительную фонетическую эволюцию и, в силу этого, утратившие прямую связь с исходным словом. Исконный фонд и сложившаяся на его основе словообразовательная система составляли основную часть словаря французского языка в старо- и среднефранцузский периоды. Книжный фонд лексики представляет заимствования из латинского языка, а также из греческого, итальянского, частично испанского языков. Освоение фонда латинских заимствований лексикой и словообразованием французского языка в XVI–XVII вв. в связи с нормированием национального литературного языка привело к коренным изменениям в словообразовательной системе.

Словообразовательная система, построенная на исконной основе, в которой книжная основа представляла только заимствованный лексический материал, оказалась недостаточной для новых функций, приобретаемых национальным французским языком. Начиная с эпохи Возрождения, новые развивающиеся области словаря французского языка и новые словообразовательные средства создаются за счёт слов книжного фонда.

Слова книжного фонда перестраивают словообразовательную систему французского языка. Новые словообразовательные типы на книжной основе, сложившиеся на базе латинизмов, грецизмов и т. д., образуют самостоятельную подсистему, функционировавшую параллельно со словообразованием на исконной основе. Но, несмотря на высокую степень словообразовательной активности и присутствие книжных основ в главных словообразовательных моделях, книжная основа не могла вытеснить словообразование на исконной основе.

Таким образом, общие исторические корни и взаимовлияния в ходе длительного процесса развития русского и французского языков обусловили общность их словообразовательных систем, которая обнаруживается в заимствовании ряда словообразовательных аффиксов, наличии сопоставительных по значению словообразовательных морфем и самих способов образования новых слов.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Виноградов В. В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка, М.; Л.: «Academia», 2000. С. 462.

Demidova E. B.

THE WORD-BUILDING METHODS OF RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES

The author argues that similarities of the word-building systems of the two languages are well seen, for example, in many French and Russian prefixes, that are loanwords and have the same form and function. Thereby, the same historical roots and the influence from one to another during the long evolution process of Russian and French languages did cause the similarities in word-building system. Those are seen in the same affixes borrowed from Latin and Greek in both languages and in the word-building methods that are the same in both of these languages. The results of the analysis can be used in the practice in teaching Russian language for French-speaking students.

Keywords: word-building, Russian, French, morphemes, affixes, prefixes.

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА УЛЫБКИ В РУССКОЙ И ИСПАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье проведен сопоставительный анализ феномена *улыбка* в современном испанском и русском языках. Внимание автора сосредоточено на происхождении и сочетаемости слов *sonreír / улыбаться; sonrisa / улыбка*, а также на их переносных употреблениях. Рассматривается роль улыбки в различных сферах межличностного общения.

Ключевые слова: улыбка, эмоция, лингвокультура, менталитет, национальная специфика.

В лингвистической литературе феномену улыбки посвящен ряд работ — Л. М. Салминой, О. С. Солдатовой, И. А. Стернина, М. А. Токаревой и др.)¹. Однако в этих исследованиях коррелятом для сопоставления данного феномена в русском языке выступают англосаксонские языки, в то время как с испанским языком параллелей пока не проводилось. В настоящей работе мы попытаемся заполнить этот пробел.

Улыбки бывают самые разные. Вот что говорит по этому поводу В. Билевич: «психолог Пол Экман из Калифорнийского университета много лет занимается исследованием улыбки у человека и насчитал 18 вариантов улыбок — от спонтанной искренней (например, при виде любимого человека) до вымученной (в кресле у стоматолога), а также описал, какие из 43 мышц сокращаются в каждом случае»².

Российская ментальность не поощряет частых улыбок, тем более — улыбок без видимой причины. По этому поводу С. Г. Тер-Минасова отмечает: «...Претензия Запада к „загадочной русской душе“: почему не улыбаются? Тысячи иностранных туристов, особенно из англоязычных стран, уезжая из России и восторженно отзываясь об увиденном, сетуют в конце: но только почему люди на улицах такие мрачные, почему не улыбаются?»³. Развивая логическую цепочку, наши гости из-за рубежа домысливают следующее: «Русские не улыбаются, а отсюда уже — „мрачные дикари“, агрессивные от природы и тому подобный вздор»⁴.

У наших соотечественников имеются свои собственные критерии уместности улыбки. Согласно справедливому замечанию И. А. Стернина, русский человек не улыбается в знак проявления вежливости; если не испытывает личного расположения к собеседнику; если у него плохое настроение; если улыбка не соответствует коммуникативной ситуации; если у него нет «веской причины, известной окружающим: смех без причины — признак дурачины» и т. д.⁵. Вспомним русскую поговорку с аналогичным значением: *Хорошо смеется тот, кто смеется последним*.

Причины неулыбчивости русских людей принято было усматривать в особенностях их воспитания. Однако не следует недооценивать и пси-

хогенетическую составляющую национального характера, ведь «хотим мы того или нет, но дети разных народов отличаются друг от друга не только оттенком кожи и архитектоникой лица. Гораздо важнее врождённая функциональная специфика центральной нервной системы»⁶.

На современном этапе в процессе глобализации общества улыбка приобрела статус неотъемлемого атрибута работников сферы обслуживания, что наблюдается как в странах западной цивилизации, так и в России. Такую улыбку можно назвать профессиональной, или дежурной:

Первое, что я увидел, выйдя из самолёта, — дежурная улыбка аэрофлотовской девицы (Юрий Поляков).

Традиционные эпитеты, сопровождающие слово *улыбка* в рассматриваемых языках, примерно таковы: *добрая / bondadosa; счастливая / feliz; весёлая (радостная) / alegre; милая / dulce; нежная / tierna; дружеская / amistosa; любезная / amable; широкая / amplia (ancha); открытая / abierta; искренняя / sincera; сияющая / brillante; лучезарная / luminosa; озорная / traviesa; лукавая / maliciosa; блаженная / beata; плутовская / pícara; ироничная / irónica; загадочная / enigmática; застенчивая / tímida (corta); удивлённая / sorprendida* и т. д. Приведём типичные примеры в контексте:

На лице его по-прежнему сияла широкая улыбка (Виктор Пелевин). La mujer esbozó una sonrisa amplia y me miró divertida antes de responderme (J. Navarro).

В представлении носителей русского языка улыбка связана со светом — она может *сиять, вспыхивать, включаться, играть, гаснуть и расплываться по лицу*:

Так пускай повсюду на земле, / Словно лампочки, включаются улыбки! (Текст детской песни на стихи М. Пляцковского).

В испанском языке улыбка чаще воспринимается графически; она «чертится, рисуется» на лице, а также — в буквальном переводе — «рассекает губы / лицо»:

Se interrumpe mientras una sonrisa le cruza los labios <...>. El rostro del otro pareció enflaquecer más cuando una sonrisa le abrió la cara de un tajo súbito (A. Pérez-Reverte).

Эпитеты, сопровождающие негативно воспринимаемую улыбку, таковы: *глупая / tonta (boba); наглая / insolente; самоуверенная / engreída; хищная / rapaz; ехидная (издевательская) / socarrona; пренебрежительная / sardónica; презительная / desdeñosa; жалкая / lastimera; деланная / forzosa; искусственная / artificial; фальшивая / falsa; приторная / fingida; ледяная / helada; подлая / vil; подобострастная / servil; лицемерная / hipócrita; злорадная / malévolá; саркастическая / sarcástica* и т. д.:

Синий костюм, целлулоидная физиономия с идиотский, но отважной улыбкой (Дина Рубина). Max se agity <...>. Sentía deseos de golpear la sonrisa

helada, absurdamente cumplice, que tenía a tres palmos de la cara (A. Pérez-Reverte).

На Западе улыбка традиционно расценивается и как показатель довольно высокого имущественного статуса человека, и как визитная карточка его стоматолога. Отсюда — ставшие привычными в русскоязычном обиходе выражения *голливудская улыбка* и *улыбка на миллион*:

Немного терпения и любви к себе — и голливудская улыбка вам гарантирована. <...> УЛЫБКА НА МИЛЛИОН (газета «Метро», 15.11.2012. С. 14).

В обоих рассматриваемых языках бытует фразеологизм *ensecar (mostrar) los dientes / показать зубы*, имеющий значение «demostrar a alguien que no se le tiene miedo, que uno es capaz de defenderse y atacar» — «продемонстрировать кому-л. отсутствие страха, способность к самозащите и атаке»:

Se ríen de ti y te toman el pelo porque eres demasiado bueno. ¿Por qué no ensecas los dientes alguna vez? «Над тобой смеются и подшучивают потому, что ты слишком добрый. Почему бы тебе иногда зубы не показать?»

Демонстрация зубов при улыбке иногда служит проявлением далеко не дружеских эмоций, а, наоборот, выказывает напор и агрессию:

«Молодёжь у нас талантливая, хорошая у нас молодёжь!» — всё это Семеренко говорил, широко улыбаясь, а улыбка у него была зубастая (Юрий Поляков).

Улыбка, заряженная презрением и насмешкой, превращается в *ухмылку*:

(Старичок) подошёл к окну, головой покачал и тихо проговорил, ухмыляясь: «<...> Ах ты, бесполовка!» (Дина Рубина).

Примечательно, что русский язык обладает стилистическими синонимами слова «улыбка»: *усмешка, ухмылка* и даже *оскал*, в то время как испанский язык обходится только существительным *sonrisa*.

Как уже говорилось, человеку свойственно улыбаться не только когда ему весело и комфортно, но также и в те моменты, когда он испытывает отнюдь не положительные эмоции. Так, улыбка может быть *робкой / tímida, нерешительной / indecisa, стыдливой / verescunda, извиняющейся / disculpante, жалкой / miserable, бледной / pálida, хрупкой / frágil, грустной / triste*, а также *кислой / acre* и *горькой / amarga*.

Принято считать, что улыбка красит человека, но — увы! — так бывает далеко не всегда. Если человек не может похвастаться здоровьем зубов, улыбка может его старить:

Sonriy, y la sonrisa le avejentaba, como todos los gestos que muestran el deterioro de un fervor juvenil (C. Martín Gaité).

В русском языковом обиходе улыбка квалифицируется по шкале «хорошо / плохо»:

Вёл (экскурсию) молодой экскурсовод с простодушным лицом романтика, ясными голубыми глазами, хорошей улыбкой и слабыми рыжеватыми усиками (Дина Рубина).

«Хорошая» улыбка должна быть естественной, демонстрирующей здоровые белые зубы и позитивный настрой души:

— Буржуазию уничтожат еду, — сказал он весело, и зубы, белые, блестя в улыбке, осветили загорелое, исхудавшее его лицо. (Павел Нилин).

Улыбка — это в первую очередь мимическое движение губ, рта:

Гусейн улыбался краями рта (Виктор Пелевин). Глаза у неё отчего-то сияют. Ещё и губы хороши, чего-то так загадочно улыбаются! (Маргарита Южина)

<...> Se pasaba una mano por la sien, <...> antes de caminar despacio, entre los compases de la orquesta, dar un suave taconazo y, con una sonrisa en la boca, invitar a la pista a una mujer (A. Pérez-Reverte).

Улыбка нередко приписывается также другим частям тела, и чаще всего глазам:

Сеня <...> щурил серые глаза в рассеянной улыбке (Дина Рубина). Los ojos verdes sonreían de nuevo, seguros y tranquilos, estudiándola (A. Pérez-Reverte).

Способность к улыбке может метафорически придаваться любому объекту или феномену. Так, в сонете XLIII испанского поэта Антонио Мачадо улыбается апрель:

Era una tascana y abril sonreía.. «Было утро, и апрель улыбался несмело»... (Перевод М. Ваксмахера)⁸.

В русскоязычном обиходе уже стало клишированным выражение улыбка судьбы:

Судьба наконец улыбнулась даме широкой белозубой улыбкой! (Маргарита Южина)

В одном из романов Дины Рубиной упоминаются «улыбки» архитектуры:

Дома были двухэтажные, из камня, с верандами, витражными окнами, колонками, балаясинками и прочими архитектурными улыбками в стиле барокко.

Великий знаток природы М. М. Пришвин называет «улыбками земли» многочисленные холмы Среднерусской возвышенности:

<...> Вода до того умерила стихии, что как будто здесь наконец-то земля улыбнулась лесистыми холмами.

А отечественные лётчики приписывают улыбку даже военному самолёту:

Ил-76 <...>, за характерное остекление кабины штурмана прозванный «улыбайкой», был основным тяжёлым военно-транспортным самолётом СССР и России с середины 70-х годов («Аргументы и факты», 2012, № 41. С. 71)

На материале обиходно-разговорной речи прослеживаются также метафорические употребления глагола *улыбаться*. В обоих языках закрепились безличное употребление данного глагола, которое можно проиллюстрировать такими примерами:

Мне совсем не улыбается ехать с чемоданом на метро через весь город. No me sonríe en absoluto darle cara (Запись устной речи).

В испаноязычном обиходе слово *sonrisa* используется в ироническом высказывании о человеке, явившемся в гости с пустыми руками, но «с улыбкой на устах»:

Juan vino con Elena, Enrique con una tarta de chocolate, y Pedro, con una sonrisa en los labios.

Небезынтересно подчеркнуть, что улыбка допускает некоторые количественные градации — от знаменитой полуулыбки Джоконды до картины «рот до ушей»:

А в углу <...> чья-то бабья физиономия с блудливой полуулыбкой (Дина Рубина). Max siente el impulso de acompañar esas palabras con media sonrisa heroica (A. Pérez-Reverte). La luz parecía anidar en el oro de aquellos cabellos <...>. Y bajo la cabellera un rostro todo sonrisa (Miguel de Unamuno).

В русском языке слово *улыбка* по традиции употребляется метафорически для обозначения чего-то хорошего, привлекательного, радостного, светлого:

— Мечта, улыбка, сказка, а не городок, — говорю я (Павел Нилин).

Именно поэтому в русской лингвокультуре данное слово часто используется в заголовках, наименованиях и названиях торговых марок: крымское вино «Улыбка», печенье «Улыбка», медитативная практика «улыбка сфинкса», фильмы «Улыбка Моны Лизы» (США) и «Улыбки Бога, или Чисто одесская история» (Россия).

Рассмотренный нами языковой материал свидетельствует о том, что и в испанской, и в русской лингвокультуре слово *улыбка*, сохраняя в целом традиционную позитивную оценочность, способно сочетаться с эпитетами как положительной, так и отрицательной семантики. Улыбка приобретает статус обязательного атрибута членов современного социума и всё шире задействуется в электронных средствах коммуникации. Специфичным для менталитета русских людей следует признать сдержанное и подчас неодобрительное отношение к немотивированной улыбке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Салмина Л. М. Улыбка как знак в национальной коммуникативной культуре [Электронный ресурс] // Сб. научных трудов Казанского государственного ун-та. Русская и сопоставительная филология. URL: <http://www.ksu.ru/fil/kn/7/index.php?sod=30> (дата обращения 30.09.2014); Солдатова О. С. Межкультурный аспект изучения эмоций // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. М.: Изд-во РУДН, 2010. — № 4. С. 78–82; Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 252 с.; Токарева М. А. Феномен улыбки в русской, английской и американской культуре. Автореф. дис. ... канд. культурологии. / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2007. 195 с.

² Билевич В. Школа остроумия или как научиться шутить. М., СПб., Киев: Издательский дом «Вильямс», 2006. С. 259.

³ Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. С. 240.

⁴ Там же. С. 237.

⁵ Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. С. 211.

⁶ Современная этнопсихология: Хрестоматия/ под ред. А. Е. Тараса. Минск: Харвест, 2003. С. 5..

⁷ Buitrago A. Diccionario de dichos y frases hechas. Madrid: Espasa Calpe, S.A. 2007. P. 271.

⁸ Испанская поэзия в русских переводах. Сб. / Сост. С. Ф. Гончаренко. М.: Прогресс, 1978. С. 546–547.

Denisova A. P.

THE SMILE PHENOMENON AND PECULIARITIES OF ITS REPRESENTATION IN SPANISH AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURES

The article is a comparative analysis of the smile phenomenon in modern Spanish and Russian languages. The author concentrates attention on the etymology and collocations of the words *sonreír* / улыбаться; *sonrisa* / улыбка, pointing out their metaphoric usages. The role of smiling in different spheres of the interpersonal communication is being discussed, as well.

Keywords: smile, emotion, linguistic culture, mentality, specificity of national character.

Джамбаева Жанар Абинсериковна

Евразийский национальный университет
имени Л. Н. Гумилева, Казахстан

sgpi@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЛОГА В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье освещаются результаты сопоставительного исследования слога в разносистемных (русском и казахском) языках, произведенного с позиции теории фонологии сингармонизма. Утверждается, что сопоставительное исследование слога и других звуковых единиц разносистемных языков будет наиболее обоснованным и объективным, если производить его с учетом не только сегментных, но и суперсегментных (просодических) свойств, в частности, в казахском языке – сингармонизма, охватывающего слоги и слова, все виды речевой деятельности.

Ключевые слова: слог, просодические единицы, сингармонизм, сингармотембр, словесное ударение.

Вопросы, связанные с сопоставительными исследованиями разносистемных языков, занимают в современном языкознании довольно заметное место. Существенным в данном аспекте является изучение и просодических свойств речевых единиц.

Традиционно изучение слога осуществлялось с учетом акцентности, что не соответствует научной действительности, так как в конце 20 в. века на первый план была выдвинута теория фонологии сингармонизма (сингармонологии в терминах А. Джунисбекова и сингармофонологии в терминах М. Джусупова), согласно которой главной просодической доминантой тюркских (казахского) языков является не акцент, а сингармонизм.

Сингармонизм — просодическая маркировка казахской звучащей и письменной речи, проявляющаяся как минимум на уровне слога (односложного слова). Без определения и описания сингармонизма невозможно выявление принципов сегментации казахской речи, а также самих сегментов. Поэтому слог казахского языка, в отличие от русского слога, имеет четыре сингармонические окраски (сингармотембра)¹. Данная особенность казахского языка в традиционных сопоставительных исследованиях не рассматривалась, поскольку сингармонизм в них не определялся как главная просодическая единица. В связи с этим для получения объективных научных результатов исследование сингармонического (казахского) и несингармонического (русского) слога следует производить с учетом свойств главных просодических доминант — сингармонизма и словесного ударения².

Установлено, что слог как элемент слова представляет собой одну из универсалий, общих для всех языков. Вместе с тем в каждом языке

слог имеет и свои специфические черты, отличающие его структуру, а также и звуковую структуру всего слова от других языков. Каждый язык характеризуется определенными типами слогов. Количество типов слогов в языках различно — это зависит от числа элементов слога и существующих между ними отношений, что составляет структуру слога. Исследование структуры слога в типологическом плане представляет теоретический и практический интерес — особенно, если для сравнения берутся такие несходные по характеру слога языки, как сингармонический (казахский) и несингармонический (акцентный) (русский).

В современной фонологии неопровержимым стало убеждение, высказанное Л. Р. Зиндером, согласно которому, чтобы определить в полной мере фонологический статус звуков речи, связь между группой фонем, необходимо учитывать не только фонетические, но и следующие основные языковые моменты: участие в чередованиях; дистрибуцию фонем; их роль в слогаобразовании и слогаделении, частотность и другие факторы³.

Фонологический статус слогов в сопоставляемых языках неодинаков, поскольку фонологическое понимание слога непрерывно связано с его местом в структуре определенного языка. Как элемент структуры он может быть установлен не путем механического членения слова, а в соответствии с определенными законами языка.

Как известно, каждый язык располагает определенным набором правил строения слов, которые, в свою очередь, обуславливают слогостроение данного языка. Внутри слога также каждый элемент занимает определенное место и функционирует в соответствии с законами фонотактики данного языка. Люди, связанные языковой общностью, автоматически владеют этими правилами и законами и умеют ими пользоваться.

Следовательно, рассмотрение слога в фонетическом и фонологическом аспектах в зависимости от структуры языка дает возможность установить границы слога в каждом конкретном языке и описать основные слоговые типы. Сопоставление фонетических и фонологических систем разных языков выявляет отличительные признаки этих систем — существование принципиальных различий в характеристике слоговых представлений. В первую очередь, о таком различии можно говорить при сопоставлении акцентных и сингармонических языков.

Интерпретация слога в акцентных и сингармонических языках характеризуется принципиальным отличием, диктуемым тем, что в сингармонических языках минимальной конститутивной единицей является слог. С ролью слога связаны и его фонетические характеристики, а также и морфологическая неделимость слога.

Структура как общеславянского, так и общетюркского слога характеризуется наличием гласного в качестве центрального элемента и согласных, располагающихся в маргинальных положениях. Количество

слогов в слове определяется количеством гласных звуков. В зависимости же от количества, расположения или отсутствия согласных по отношению к гласному выделяются различные структурные типы слогов.

Описание структурных типов слогов показало, что в казахском и русском языках имеются как общие, так и различные структурные типы слогов. Общими являются структурные типы: Г, СГ, ГС, ГСС, СГС, СГСС (всего 6). Четырнадцать типов слоговых структур русского языка оказываются несвойственными для казахского языка. Это объясняется тем, что широкие синтагматические свойства системы консонантизма в целом и отдельных консонантов, в частности в процессе сочетаемости их между собой и с гласными способствовали формированию в русском языке разнообразных типов слоговых структур (всего 20).

После получения полного списка структурных типов слогов была осуществлена их общая типологическая классификация, которая учитывала:

- 1) типы слогов по характеру начала и конца (прикрытые /неприкрытые, открытые /закрытые слоги);
- 2) количество согласных в слове (в пре- и постпозиции): легкие (1 согласный) и тяжелые (2 и более согласных) слоги;
- 3) общее количество звуков (фонем) в слове (длинные типы слогов);
- 4) место расположения слога в составе слова (позиционные типы слогов);
- 5) характер звуков, наполняющих слог (типы по сингармонизму).

В фонетико-фонологической литературе выделяются также структурные типы слогов по ударности-неударности (ударный /безударный, предупредительный /заударный). В русском языке словесное ударение — главная просодическая доминанта. Способ его реализации — это выделение ударного слога, который как бы подчиняет себе безударные⁴. К тому же слоговое деление также обусловлено ударением.

Поскольку главной просодической доминантой казахского языка является сингармонизм, типы слогов по ударности-неударности в нем не рассматривались.

Особое внимание хотелось бы уделить типам слогов по сингармонизму. Итак, по характеру звуков, наполняющих слог, были выделены отдельные типы слогов, которые получили название сингармонические слоги (или типы по сингармонизму). Это слоги, имеющие только твердые согласные и задние гласные или только передние гласные и мягкие согласные. По данному типу могут различаться и несингармонические слоги (иначе ломаные, смешанные). Это слоги, в которых могут сочетаться как твердые, так и мягкие звуки⁵.

В казахском языке выделяются четыре типа сингармонических слогов: 1) лингвотвердые (бемольные, веларизованные, заднеязычные сингармонизации): *сал* (положи), *жаз-да* (летом); 2) лингвомягкие (дизязычные, полумягкие, переднеязычные сингармонизации): *тан* (присущий), *бе-ре-ке* (благодарить); 3) лингволабиотвердые (твердые губные): *тор* (сетка), *бұл-бұл* (соловей); 4) лингволабиомягкие (мягкие губные): *көл* (озеро), *түн* (ночь). Несингармонических слогов в казахском языке нет.

В русском языке по типу сингармонизма выделяют три типа слогов: 1) твердые (бемольные): *дар, ра-ду-га*; 2) мягкие (небемольные): *тень, ве-се-лье*; 3) ломаные (смешанные): *конь, вет-ка, коль-нуть*. Третий тип (ломаные слоги) характеризуется сочетанием в пределах одного слога (слова) твердых и мягких согласных одновременно с передними и задними гласными. Данный тип слога является несингармоническим.

В ходе сопоставления было установлено⁶, что эквивалентными можно признать лингвотвердые (задненебной сингармонизации) слоги казахского языка и твердые слоги русского языка, в составе которых до трех согласных: *тон* (шуба) — *тон, мал* (скот) — *мал, мол* (в достатке) — *мол, бал* (мед) — *бал* и т. д. Частично эквивалентными являются лингвомягкие (полумягкие, передненебной сингармонизации) слоги казахского языка и мягкие слоги русского языка. Это объясняется тем, что мягкие слоги русского языка более дизянные по тембру, более мягкие, чем слоги казахского языка, которые являются полумягкими. Например, *ер* (мужчина) — *ерь, тер* (пот) — *тур*. Не имеют соответствия в казахском ломаные слоги русского языка, так как в составе казахского слога и слова сочетаются либо только твердые, либо только мягкие звуки и слоги, что обусловлено законом сингармонизма. В составе же русского слога могут сочетаться и твердые, и мягкие звуки и слоги, например, *ди-во, во-ля, де-ре-во* и т. д.

Лингволабиотвердые и лингволабиомягкие слоги казахского языка не имеют соответствия в русском, что объясняется, прежде всего, отсутствием в нем такой классификации слогов. Хотя, например, слог *суп* с позиции сингармонизма можно было бы назвать лингволабиотвердым, а слог *тюль* — лингволабиомягким. Если казахское *тұр* (встань) и русское *тур* можно назвать эквивалентными лингволабиотвердыми слогами, то казахское *гүл* (цветок) и русское *тюль* нельзя назвать эквивалентными лингволабиомягкими слогами, что объясняется различием в них степени мягкости.

В казахском языке сочетания твердых и мягких слогов в составе одного слова встречается, но, крайне редко, в основном в сложных словах, представленных двумя или более корнями с противоположными сингармотембрами: *еркетай* (баловник), *желбау* (аркан для юрты), *көлбақа* (озерная лягушка), *Бекжан* (муж. имя) и т. д.

Таким образом, в казахском языке существует сингармонизм слога и слова, в русском языке отмечается сингармонизм слога, который проявляется непоследовательно.

На основании вышеизложенного, была выведена общая типология слогов для каждого языка в отдельности. Для казахского языка общую типологию слогов можно представить следующими типами: 1) типы слогов по характеру начала и конца (закрытые/открытые, прикрытые/неприкрытые, легкие/тяжелые); 2) типы слогов по количеству фонем

(длинностные типы), всего 4 типа; 3) типы слогов по их месту в составе слова (позиционные типы), всего 3 типа; 4) типы слогов по характеру, наполняющих слог, звуков (типы по сингармонизму), всего 4 типа.

Для русского языка типология слогов может быть представлена следующими пятью типами: 1) типы слогов по характеру начала и конца (закрытые/открытые, прикрытые/неприкрытые, легкие/тяжелые); 2) по количеству фонем (длинностные типы), всего 7 типов; 3) по их месту в составе слова (позиционные типы), всего 3 типа; 4) по ударности-неударности (ударные, безударные, преударные, заударные); 5) по характеру, наполняющих слог, звуков (типы по сингармонизму), всего 3 типа.

Итак, в результате проведенного контрастивного анализа структурных типов сингармонического и несингармонического слога казахского и русского языков был выявлен ряд существенных особенностей, характеризующих структуру слога каждого языка в отдельности и в целом слог.

1. Общим для казахского и русского языков является то, что в обоих языках слогаобразующим элементом, центром слога, является гласный звук. Согласные — маргинальные элементы, факультативны. Однако если для центра (ядра) русского слога важное значение имеет его ударность/ безударность, то для казахского слога актуально явление сингармонизма, т. е. произношение соответственно одному из 4-х типов сингармотембра (твердый негубной, твердый губной, мягкий негубной, мягкий губной).
2. Поскольку структура казахского слога характеризуется строгими ограничениями, количество слоговых структур в сопоставляемых языках имеет значительное расхождение. В казахском языке имеется 6 основных структурных типов слогов, в русском языке насчитывается 20 основных слоговых структурных типов.
3. В русском языке преобладают слоги с открытой, а в казахском — с закрытой структурой, что объясняется неодинаковой тенденцией в употреблении открытых и закрытых слогов.
4. Относительная свобода и разнообразие консонантных частей слога в русском языке и жесткая (четкая) регламентация консонантных частей в казахском языке. Если в русском языке в начале слога допускаются до пяти согласных, а в конце слога до четырех, то в казахском языке стечения согласных в начале слова не допустимы, а в конце слова (слога) возможны стечения из двух согласных.
5. Начало слога казахского языка всегда легкое. В конце слога также преобладают легкие слоги, но встречаются и тяжелые слоги, имеющие в своем составе стечение из двух согласных звуков. В русском языке число легких начал слога меньше числа легких концов слога, т. е. в основном, преобладают тяжелые слоги. Следовательно, в русском языке начало слога обладает более богатым консонантизмом, чем конец слога.
6. Максимальная длина слога в казахском языке — 4 фонемы, в русском языке — 7. Употребление позиционных типов слогов имеет существенные различия. Анализ общих, свойственных обоим языкам, шести основных структур показал, что слоги типа Г, ГС, ГСС казахского языка могут встречаться только в начале слова или в виде отдельного слова. Кроме того, слог — ГСС никогда не встречается в середине слова.
7. Слог в казахском языке более тесно, чем в русском языке, связан с морфемой; в русском языке совпадение слога и морфемы случайно, в казахском языке — «нет морфемы меньше слога»⁷.
8. Слог казахского языка характеризуется однородностью его составляющих, в связи с чем в казахском языке выделяют четыре типа сингармонических сло-

гов. В русском языке — три типа сингармослогов. Третий тип для казахского языка не свойствен.

Из сказанного выше следует, что строение слога, структурные типы слогов в сопоставляемых языках имеют сходство и серьезные различия, что свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования этого сложного явления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Джунисбеков А. Просодика слова в казахском языке. Алматы: Наука, 1987. 90 с.; Джусупов М. Звуковые системы русского и казахского языков. Слог. Интерференция. Обучение произношению. Ташкент: Фан, 1991. 240 с.

² Джамбаева Ж. А. Сингармонические и акцентные звуковые системы казахского и русского языков. Семипалатинск: СГУ им. Шакарима, 2003. 122 с.; Джамбаева Ж. А. Сопоставительная фонетика и фонология казахского и русского языков. Астана: «ИД DR-Project», 2014. 122 с.

³ Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. С. 76.

⁴ Буланин Л. Л. Фонетика современного русского языка. М.: Высшая школа, 1970. 208 с.

⁵ Джамбаева Ж. А. Указ. соч. 2014. С. 78–79.

⁶ Там же. С. 78–79.; Джусупов М. Указ. соч. С. 143.

⁷ Джунисбеков А. Указ. соч. С. 57; Джусупов М. Указ. соч. С. 145.

Dzhambaeva Zh. A.

COMPARATIVE STUDY OF SYLLABLE IN RUSSIAN AND KAZAKH LANGUAGES: LINGUISTIC ASPECT

The paper highlights the results of a comparative study of syllables in different systems (Russian and Kazakh) languages produced from the perspective of the theory of phonology of vowel harmony. It is argued that a comparative study of syllables and other audio units of different languages will be the most reasonable and objective, if it is produced with taking into account not only the segment, but super segment (prosodic) properties, in particular, in Kazakh language, where the vowel harmony covers syllables and words, all types of speech activity.

Keywords: syllable, prosodic units, vowel harmony, timbre of vowel harmony, word stress.

Диасамидзе Виктория Григорьевна
Диасамидзе Лейла Яковлевна

Батумский государственный университет, Грузия

victoria.diasamidze777@mail.ru

АНЕКДОТ И ЕГО ЯЗЫКОВАЯ СТРУКТУРА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается языковая структура анекдота в русском и грузинском языках. При анализе фактического материала, при всей пестроте и разнохарактерности сравниваемых корпусов текстов, вырисовывается структурная универсалия, а именно — предпочтение двух- и трехсоставных текстов, максимально соответствующих требованиям идеального текста — связности и целостности, как его конструктивных признаков. Двухрепликовые анекдоты максимально представлены в русском и грузинском корпусах, поскольку в объемных текстах возникают помехи при передаче сообщения. Меньшая популярность многорепликовых анекдотов объясняем тем, что, по теории информации, наше сознание способно удержать не более семи однопорядковых явлений одного ряда.

Ключевые слова: структура анекдота, корпусы текстов, лингвокультурный социум, сопоставительный анализ, русский и грузинский фольклор.

Структурные и семантические специфические признаки текста жанра «анекдот» были рассмотрены в работах Е.Я. и А. Д. Шмелевых, В. И. Карасика, В. В. Дементьева, К. Ф. Седова, Г. Г. Слышкина М. В. Арошидзе и других исследователей.

Говоря о структуре текста жанра «анекдот», исследователи прежде всего обращают внимание на его жестко заданную структуру. Чаще отмечают двухчастную структуру — «более длинный зачин, затем короткий и неожиданный конец, заставляющий слушателя переинтерпретировать начало анекдота». Несмотря на четкую структурированность, текст анекдота далек от того, чтобы его рассматривали как языковое клише. Справедливее будет говорить о клишированной структуре текста анекдота, использующего формулы, схожие с языковыми клише. В работе Е.Я. и А. Д. Шмелевых подробно рассматриваются следующие формулы, использование которых выполняет текстообразующую функцию: это стандартные зачины, элементы языковых масок и клишированные детали. Несмотря на закономерное отрицание текста анекдот как клише, авторы признают наличие в ряде текстов указанного жанра вкраплений из основных разновидностей клише. Материал изучаемых нами языков показывает, что стандартные зачины как в русских, так и в грузинских текстах наиболее популярного двухрепликового диалога, как правило, начинаются с номинации главного действующего лица по профессии, имени, состоянию, социальному или семейному статусу. Метатекстовые вводы в анекдоте ситуативно зависимы как от адресанта в коммуникативном акте, так и от субъекта — инициатора действия в тексте анекдота. При всем их разнообразии весьма сложно систематизировать зачины

в русском корпусе текстов. Мы согласны с тем, что русскому анекдоту не свойствен относительно постоянный набор персонажей, «имеющих стабильные речевые и поведенческие характеристики, известные всем носителям... языка и потому не нуждающихся в представлении».

В грузинских же коротких юмористических историях единственным маркером клишированности зачинов является указание на этническую или региональную принадлежность. В них об этом эксплицитно сообщается в метатекстовом вводе или на протяжении повествования: *Сван и мингрел застревают лифте. Сван кричит: — Помогите! Помогите! Давай вместе будем кричать! — Вместе! Вместе! — кричит мингрел* (перевод с грузинского языка).

Следует подчеркнуть, что в русских анекдотах реже употребляются имена собственные, чем типично грузинские исчисляемые персонажи (*Маро, Михо и Чичико*), свидетельствующие о том, что в грузинском анекдоте эти персонажи менее наделены индивидуальностью: — *Чичико, твой сын «Жигули» украл, знаешь? — В это я никак не могу поверить, он всегда говорил: “Хочу «Мерседес»”!* (перевод с груз.яз.).

В грузинском анекдоте набор действующих лиц относительно постоянен. Итак, это могут быть: 1. представители этнических меньшинств или других национальностей: сваны, мингрелы, рачвелы, кахетинцы, гурийцы, имеретинцы, русские, евреи; жители Тбилиси, Кутаиси, Телави, Зестафони, Батуми; 2. набор постоянных персонажей — типажей; 3. универсальные герои: представители семейства или определенной профессии, наделенные жанровой памятью слушателя-адресата.

Что касается политических деятелей или иных известных лиц, их доля минимально представлена в общем корпусе сплошной выборки грузинских и русских встреченных нами анекдотов. Объясняем это тем, что в исследованных корпусах текстов основное внимание нацелено на освещение бытовых морально-нравственных и межрегиональных проблем взаимоотношений. Отметим, что в русских источниках представители этнических меньшинств значительно реже фигурируют в качестве объектов анекдотного дискурса: — *Поляк приходит на исповедь и говорит священнику: Пан ксендз, я согрешил. — В чем же заключается грех, сын мой? — Я обманул еврея... Ксендз после короткого раздумья: — Это не грех, сын мой. Это чудо.*

Хотя в грузинском фольклоре этнические шутки — одна из ярко выраженных доминант, однако, по мнению самих носителей языка, это не вызывает отрицательных эмоций у этнических прототипов. Думается, это можно объяснить тем, что юмор является одним из средств самоидентификации нации и одним из способов указания на самобытность ее культуры и национальной специфики в положительном смысле слова. Ведь, как известно, юмор носит критическую направленность и оценочные суждения, за пределами которых остается значительное простран-

ство позитивных фоновых знаний. Именно высокая степень позитивных фоновых знаний позволяет преодолеть коммуникативный барьер этнической чувствительности и это является фактором, препятствующим коммуникативному сбою. Следует упомянуть и такой распространенный психологический момент, как ощущение превосходства и некоторое самолюбование, позволяющие подшучивать над собой при сохранении этнического достоинства. В грузинской лингвокультурной традиции не отмечено анекдотов, жестко клишированных по форме — возможно, потому, что в грузинских анекдотах акцент делается скорее на парадоксальности содержания, чем на клишированности формы: — *У вас симптом бешенства, возьмите бумагу и пишите: Чтобы избежать бешенства, надо... Подождите, подождите, не пишите завещания, я вас вылечу. — Доктор, это не завещание: это список тех, кого мне надо успеть укусить!»* (перевод с груз. яз.).

С точки зрения формальной структуры будем разделять тексты жанра «анекдот» на двух-, трех- и многосоставные в зависимости от количества реплик. Диалогический текст искусственного диалога анекдота обычно представлен как сочетание реплик разных лиц. Анализ тысячи грузинских и тысячи русских анекдотов, взятых сплошной выборкой из тематических сборников, выявил следующее количественное соотношение:

1. По количеству реплик в диалоге анекдота:

- 2 реплики (500 и 423, т. е. 50% и 42,3%, соответственно, в груз. и рус. яз.);
- 3 реплики (256 и 225, т. е. 25,6% и 22,5%, соответственно, в груз. и рус. яз.);
- 4 реплики в анекдоте (137 и 149, т. е. 13,7% и 14,9%, соответственно, в груз. и рус. яз.);
- 5 реплик (49 и 53, т. е. 4,9% и 5,3%, соответственно, в груз. и рус. яз.);
- 6 реплик (29 и 58, т. е. 2,9% и 5,8%, соответственно, в груз. и рус. яз.);
- 7 реплик (12 и 25, т. е. 1,2% и 2,5%, соответственно, в груз. и рус. яз.);
- 8 реплик (9 и 30, т. е. 0,9% и 3%, соответственно, в груз. и рус. яз.);
- 9 реплик (5 и 10, т. е. 0,5% и 1%, соответственно, в груз. и рус. яз.);
- 10 реплик (0 и 9, т. е. 0% и 0,9%, соответственно, в груз. и рус. яз.);
- 11 реплик и более, до 26 реплик в русском языке (3 и 18, т. е. 0,3% и 1,8%, соответственно, в груз. и рус. языках).

При анализе фактического материала, в первую очередь, бросается в глаза большое сходство в объеме русских и грузинских корпусов текстов, предпочитающих краткость. Далее картина радикально меняется: за пределами пяти реплик количество текстов, содержащих от шести до тринадцати реплик вдвое, а то и втрое выше в русском языке. Часть текстов не соответствует определению анекдота, как короткого юмористического текста. По этому определению они даже перестают быть таковыми, т. е. краткими, что по сути, противоречит законам жанра. Из анализа фактического материала также следует, что нижняя граница грузинских полилогов в изучаемых текстах составляет одиннадцать реплик, зато в русском языке более, чем в два раза — 26 реплик. Здесь

наблюдается определенная антиномия между формой и содержанием текстового кода анекдота.

Антиномия текстового кода, как правил построения короткого юмористического текста, создается за счет повторения синтаксически однотипных фраз со сменой только ремы, что позволяет адресату, с одной стороны, в прагматической ситуации презентации анекдота сохранять в памяти объемный текст, а с другой — облегчает адресанту задачу его воспроизведения: — *Джимшер, одолжи 20 лари! — Не могу. — Ну, тогда 10 лари! — И десять не могу. — Пять? — И пять! — Ваа, ну тогда, ты, попросайка, хоть скажи который час?* (перевод с груз. яз.).

Что касается двурепликового анекдота, то отметим, что в двусоставном искусственном диалоге участники коммуникативного акта состоят в отношениях равноправного партнерства, подразумевающего полную независимость личной инициативы и реакции адресата на вопросительную реплику адресанта. Это блиц-поединок с мгновенной реакцией респондента в прагматическом аспекте коммуникации. При этом характерно отсутствие объемного зачина с объяснениями ситуативного характера.

Наводящие, уточняющие вопросы в анекдотах русского и грузинского городского постфольклора появляются, начиная с трехрепликовых коротких юмористических историй. С этого момента меняется качественная сторона общения коммуникантов искусственного диалога, а именно — все истории теперь содержат **просьбу** в различной синтаксической форме пояснить ранее сказанное: — *Официант, вина и фруктов! — Поконкретнее, пожалуйста! — Сто грамм и огурец!* Уточнение, просьба, опровержение, содержащиеся в трехрепликовых анекдотах, с возрастанием количества реплик сменяются полилогом, допросно-опросной формой «общения», включая переключку, или же плавно переходят в нескончаемый диалог с имбецилом, слабослышащим, пациентом и т. п. Многорепликовые — и грузинские, и русские — анекдоты свою протяженность компенсируют минимализмом реплик; груз.: *Разговор у психолога: — Доктор, у меня руки дрожат. — Пьете? — Пил. — Курите? — Курил. — И вы все это бросили? — Нет, собираюсь. — Ну вот, видите, вы только собираетесь, а организм ваш уже испугался;* рус.: *В армии переключка: — Рядовой Орлов! — Я! — Орел ты наш! Рядовой Соколов! — Я! — Сокол ты наш! Рядовой Козлов! — Я! — Ну, ничего, бывает...». Диалог в текстах двух корпусов идет по руслу, заданному лидером — врачом, шефом, начальником и пр. На каком-то этапе ремодинамическое равновесие находится под угрозой: это происходит в пределах шести-семи реплик, где по ожиданию адресата должна появиться пуанта. Этот предел отражает объективную закономерность в природе, ограничивающей мир наших одновременных восприятий пределом — семью репликами. Такой полилог не рассчитан на непосредственный*

эмоциональный отклик адресата, а требует от него терпения и выдержки в том, что касается удержания большего объема информации. «Золотая» середина, т. е. шести-семи-репликовые анекдоты, значительно менее представлены в русском и грузинском материале. Их непопулярность объясняется избытком уточнений и расспросов, вызванных недопониманием «коммуникантов» анекдотного дискурса; в этом недопонимании заключена вся соль истории, что уже само по себе неаттрактивно для восприятия и проблематично для запоминания с целью дальнейшего воспроизведения. Именно поэтому пятирепликовые анекдоты представляют собой нейтральную зону в русских и грузинских анекдотах, а семи-репликовые являют собой практически мертвую зону состязания в остроумии.

Отметим, что при всей пестроте и разнохарактерности двух корпусов текстов, вырисовывается структурная универсалия, а именно — предпочтение двух- и трехсоставных текстов, максимально соответствующих требованиям идеального текста — связности и целостности, как его конструктивных признаков. По своему семантическому наполнению они могут передавать любую информацию, но их главное достоинство заключается в блиц-успехе коммуникативного акта, что и делает двухкомпонентную структуру столь популярной вне зависимости от территории циркуляции. Меньшая популярность многорепликовых анекдотов объясняется, по нашему мнению, фактором, который в теории информации зовется приемом «помехоустойчивого кодирования». На языке гуманитариев это один из элементарных и базовых законов восприятия, согласно которому наше сознание способно удержать не более семи однопорядковых явлений одного ряда. В «длинных» текстах анекдотов возникают помехи при передаче сообщения: у участника диалога анекдота ослаблен слух, память, внимание, сообразительность и тогда появляется необходимость в избыточной величине сообщения по сравнению с передаваемой информацией.

Итак, двухрепликовые анекдоты, наиболее представленные в русском и грузинском корпусах, воплощают в себе черты текста, в котором отсутствуют все информационные и другие помехи, препятствующие успешности коммуникативного акта: 1) в них максимально реализованы критерии грамматической, синтаксической и смысловой связности; 2) двухкомпонентный анекдот со структурой «вопрос-ответ» требует минимум усилий и временных затрат от адресанта и адресата; 3) ситуативно такой блиц-анекдот комфортен, так как идеально вписывается в силу своей краткости в любую по протяженности ситуацию; 4) как правило, такой текст стереотипен или содержит стереотипы анекдотического пространства данного лингвокультурного социума. Именно это объясняет значительный перевес таких анекдотов в проанализированных корпусах текстов русского и грузинского языков.

The article deals with the linguistic structure of anecdotes in Russian and Georgian languages. The material of the languages under the study not withstanding its diversity, displays structural universality, namely, preference of the texts with two and three remarks, which meet best the requirements of an ideal text: coherence and integrity as its structural features. Thus, anecdotes of two remarks are most frequent in Russian and Georgian text corpora. Voluminous texts have numerous clarifications and questions caused by mutual misunderstanding of «communicants» in anecdote, and that misunderstanding is the whole point of a story. Multi-remark anecdotes are less popular and this can be explained in our opinion by the basic laws of perception, according to which our consciousness is not able to keep more than seven unordinal phenomena at the same time.

Keywords: structure of anecdotes, texts corpora, lingua cultural and contrastive studies, Russian, Georgian folklore.

НА ВСЕХ ПАРАХ/ПАРУСАХ: ОСОБЕННОСТИ ВАРЬИРОВАНИЯ ИДИОМ «ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА»

В данной работе сопоставляются русские и английские идиомы, близкие по образной основе и словарному значению, — *на всех парах/парусах* и *full speed/steam ahead*. Цель — рассмотреть влияние технического прогресса на внутреннюю форму идиомы и возможность дальнейшего изменения ее формы. Обнаруживается тенденция к изменению компонентного состава обеих идиом (в русском языке, скорее, к ее «осовремениванию», а в английском — к генерализации).

Ключевые слова: национально-культурная специфика идиом, фразеологическая эквивалентность, фразеологические интернационализмы, идиомы «технического прогресса», варьирование, образная составляющая.

В фразеологии существуют два взаимосвязанных направления — исследование эквивалентности идиом и изучение их национально-культурной специфики. Эти исследования имеют значение для теории перевода и лексикографии. Вопрос эквивалентности фразеологизмов довольно сложен, поскольку даже идиомы, полностью совпадающие по компонентному составу и на первый взгляд полностью эквивалентные (например, рус. *на седьмом небе [от счастья] [быть...]*, англ. *[to be...] in the seventh heaven*, нем. *im siebten/siebenten Himmel [sein/sich fühlen...]*), в разных языках могут приобретать различные оттенки значений и иметь неодинаковую сочетаемость¹. Фразеологические эквиваленты или аналоги с почти полным совпадением образной составляющей и актуального значения известны как фразеологические интернационализмы² или «общие фразеологические единицы»³.

Подобные идиомы могут иметь различное происхождение — прецедентный текст религиозного или светского характера (например, Библия, агиографическая литература, басни, трактаты), поэмы, жесты и мимика, научно-технические достижения. Так, Э. Пирирайнен⁴ выделяет в своем списке общих фразеологических единиц таксон *Intellectual and Technical Achievements* ‘интеллектуальные и научно-технические достижения’ с подтаксонами *Writing, Reading, Counting: Basic Cultural Techniques* ‘Письмо, чтение, счет: базовые культурные умения’, *Inventions and Technology* ‘Изобретения и технологии’. В данной работе мы рассмотрим один из случаев влияния технического прогресса на идиому и возможность дальнейшего изменения ее формы. Речь идет о русской и английской фразеологических единицах, близких по словар-

ному значению и образной основе, — соответственно, об идиомах *на всех парях/парусах* и *full speed/steam ahead*. Рассмотрим случаи их употребления в корпусах текстов, а именно в «Национальном корпусе русского языка» [НКРЯ]⁵ и «Корпусе современного американского варианта английского языка» [СОСА]⁶.

Русская идиома *на всех парусах* зафиксирована в словаре М. И. Михельсона «Русская мысль и речь»⁷ с пометой иноск.: ‘о быстром движении к цели — о полной удаче’. Составитель словаря проводит параллели с латинскими и греческими выражениями: *plenissimis ventis navigare* (букв. «преисполненными ветрами плыть»; вероятно, отсюда и *плыть с попутным ветром*) и Πλησίστον φέρεσθαι ‘плыть с надутыми парусами’, соответственно. Лежащая в основе идиомы метафора недвусмысленно указывает на один из способов передвижения парусного судна: поднятие всех парусов увеличивает скорость корабля, но может привести к повреждению мачт и оснастки во время шторма. Зафиксирован случай употребления *на всех парусах* в буквальном смысле:

1. Корабль медленно входил в порт. Медленно, в шторм, *на всех парусах*. Он занял половину порта, серый как скала. Молча, без огней, двигался медленно, тяжело, чуть накренившись на бок. Не спуская парусов, он стал посреди порта. [Б. С. Житков. Элчан-Кайя; НКРЯ].

Очевидно, что здесь *на всех парусах* употреблено в несловарном значении (на это указывает и ввод обстоятельства *медленно*) и должно пониматься именно как «с поднятыми парусами».

Идиома *на всех парях* получает в словаре А. И. Федорова⁸ пометы разг. экспрес. и толкуется следующим образом: ‘1) очень быстро (бежать, ехать и т. п.); 2) Очень скоро, без промедлений (делать что-либо)’. *На всех парях*, очевидно, имеет то же или близкое значение, т. е. может считаться вариантом идиомы *на всех парусах* (с другой стороны, в «Большом словаре русских поговорок»⁹ у оборота *на всех парусах* фиксируется значение, явно отсутствующее у фразеологизма *на всех парях*: ‘в состоянии сильного алкогольного опьянения’).

Сравним ряд контекстов.

2. а. Республика была задушена, и Рим *на всех парусах* шел к единоличной тирании. [Александр Мень. Сын Человеческий (1969); НКРЯ]. б. Не было мамы, и папа *летел по волнам на всех парусах!* [Людмила Гурченко. Аплодисменты; НКРЯ]. с. Сейчас он не просто оживлен, он *летит на всех парях*, бескорыстно и вдохновенно: [Дина Рубина. Окна; НКРЯ]. d. Далее, свернув на Астраханскую, не менее насыщенную транспортом, водители увеличивают скорость и до *Дачных мчат на всех парях*. [Елена Налимова. Властители дорог, или Мифы о пассажирском автотранспорте // «Богатей» (Саратов), 2003.10.09; НКРЯ].

Судя по поисковым запросам [НКРЯ] именные компоненты *пар* и *парус* встречаются в следующем соотношении: *на всех парях* — 182 контекста употребления, *на всех парусах* — 109 контекстов. Глагольные компоненты могут варьировать: [*идти/ нестись/ лететь/ мчаться...*]

на всех парусах. В одном примере, который приведен выше (2а), в состав идиомы введено обстоятельство (*по волнам*), не противоречащее ее актуальному значению и образной составляющей.

Среди контекстов употребления *на всех парях* мы только один раз обнаружили лексико-синтаксическую модификацию:

3. *На всех возможных для тщедушной машины парях* мчался и пел некто в сопровождении двух собак, скорее всего дворняг, всегда к нему равнодушных, и вскоре показавшейся милицейской машины с сиреной и мигалкой... [Кира Сурикова. Инвалидная коляска; НКРЯ].

В большинстве контекстов употребления *на всех парусах* речь идет об управлении судном:

4. Был темный, беззвездный вечер, мы *неслись на всех парусах*, а над нами, чуть не задевая за снасти, кружилась белая птица. [Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Привратник; НКРЯ].

Обнаруживается один случай ввода генитивного атрибута:

5. Украина своих позиций не меняет и *на всех парусах той части Черноморского флота, которая достанется ей*, мчится к полному суверенитету — граница, таможня, армия, валюта. [А. Крайний. Записки на подкладке офицерской фуражки // «Комсомольская правда», 1992; НКРЯ].

Ввод генитивного атрибута, как правило, служит для указания на контекст высказывания, т. е. приводит к образованию контекстно-зависимой модификации¹⁰. В данном примере, однако, модификацию нельзя считать контекстно-зависимой. Субъект *Украина* воспринимается одновременно в прямом (государство) и в переносном значении (синекдоха: *Украина* как ‘правительство Украины’). Это, в сочетании с вводимым атрибутом *та часть Черноморского флота, которая достанется ей*, вызывает материализацию метафоры. Выражение иронически прочитывается и как идиома (в словарном значении), и как свободное словосочетание: правительство Украины быстро переходит к полному суверенитету «на парусах» той части флота, который достался ей после распада СССР. Перед нами модификация двойной актуализации (т.н. *double-take effect*).

Отдельно стоит отметить, что поиск в корпусе не выявил ни одного случая употребления идиомы в значении ‘в состоянии сильного алкогольного опьянения’. Разумеется, мы не можем утверждать наверняка, что так сказать нельзя (как известно, потенциально возможны разнообразнейшие по форме модификации идиом и лексические окказионализмы, особенно в публицистике и поэзии — ср. исследования потенциальности и использования окказионализмов в оригинале и переводе поэтического текста)¹¹. Тем не менее, отсутствие или слишком малое количество подобных примеров делает включение таких значений в словарь неоправданным.

Подобно ФЕ *на всех парусах*, вариант *на всех парях* может употребляться в контекстах, посвященных характерному виду транспорта:

в качестве субъекта, движущегося на всех парах, выступает судно или локомотив. Примеров такого употребления довольно много — всего 54 контекста; ср. (6).

6. а. Маневровый паровоз *на всех парах врезался* в наш состав. [Р. Б. Ахмедов. Промельки // «Бельские Просторы»; НКРЯ]. б. Лишь по всем дорогам и *на всех парах неслись* сцепленные между собой два самых мощных из строящихся в России паровоза серии «К-17–51 м», а к ним была приторочена высокая платформа с гробом, завернутым в кумачовый бархат. [Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря; НКРЯ].

В позиции субъекта может быть и иное транспортное средство с двигателем (но не парусное судно), ср. (7):

7. Бесконечная пустыня, по которой *мчится на всех парах* американский танк, — таким предстал Ирак сегодняшнему телезрителю. [Владимир Абарин. Валтасаров пир // «Совершенно секретно», 2003.05.05]

Интересно, что в двух контекстах обнаруживается варьирование именного компонента: *на всех газах / на всем газу* (в последнем случае следует говорить и о морфологической модификации):

8. а. Когда он выскочил во двор, то увидел, что из него *на всех газах вылетает* серый «Плимут». [Владимир Черкасов. Черный ящик; НКРЯ]. б. По финальному свистку он вылетел на своем мотоцикле на поле, завалил Льва в коляску и *на всем газу промчался* через тучу камней к воротам, которые никто не догадался закрыть. [Юрий Буйда. По имени Лев; НКРЯ].

По сути, замена компонента *пар* на *газ* приводит к «осовремениванию» метафоры, лежащей в основе идиомы: очевидно, что современные транспортные средства, как правило, используют двигатели внутреннего сгорания.

Английская идиома *full steam ahead* толкуется в словаре¹² следующим образом: ‘if you go full steam ahead with a project, you start to carry it out in a thorough and determined way’. Дефиниция также сопровождается справкой об использовании пара в качестве источника энергии для паровой машины (*The following expressions refer to the use of steam to provide power for a machine, especially steam engine*). По своей внутренней форме идиома ближе к рус. *полный вперед*¹³, однако функциональным ее эквивалентом следует, скорее, считать *на всех парах*, ср. (9а, б) — ср., однако, ниже пример (10).

9. а. So Zsa Zsa’s 67-year-old husband, the prince, *is moving full steam ahead* with the plans to have this baby with Zsa Zsa. [2011; SPOK; COCA]. б. We played a couple of club dates, one of which was filmed as the next video for ‘Back To The Light’, and then we did three smallish stadium gigs with Joe Cocker and the B-52s, and they went very well too.’ If it *is full steam ahead* for next year, I’d predict that it won’t be a marathon slog, although we’ll probably try to do as many countries as possible. [C91; BNC¹⁴].

Судя по контекстам употребления, допускается варьирование именного компонента: *full speed ahead*.

10. а. We’ve seen diplomacy is not working, the Iranians are going *full speed ahead*. So does that mean a vote for you is a vote for war with Iran? [2008; SPOK; COCA].

- с. ‘The good of the voters must come first. Let the town meeting proceed!’ ‘*Full speed ahead, sir!*’ called the admiral. [BNC].

Интересно, что поиск в корпусах британского и американского вариантов английского языка выявил различия в частотности употребления: если в [COCA] (т. е. в американском варианте) *full steam ahead* встречается 68 раз, а *full speed ahead* — 129 раз, то в [BNC] количество контекстов равно, соответственно, двадцати трем и семи. Вероятно, в словарях *full steam ahead* и *full speed ahead* следует давать не как отдельные идиомы, а как варианты, сопровождая их пометами *chiefly British* и *chiefly American*, соответственно.

Изредка встречаются единичные случаи замены именного компонента, например, *full spleen ahead* ‘в ожидании выволочки’ (букв. «полная раздражительность впереди»). В двух контекстах из [COCA] именной компонент «осовременивается»:

11. а. «Are you giving it the gas, Max Hans?» «*Full gas ahead,*» replied the driver, who was wearing an SS-Einsatzgruppen uniform and had a gas mask at his feet. «Step on it, Max Hans,» said the Feldweibel after a while. «It won’t go any faster,» replied the driver. «The gas pedal’s right to the floor.» [1990; FIC; COCA]. б. Gon na (*sic*) try to float the net wide, behind and below it, then give the boat full engines ahead and the net full winch, haul it in quick. [2010; FIC; COCA].

В (11а) используется ИГ *gas* ‘газ, бензин’ (в данном случае имеется в виду педаль газа), в (11б) — *engines* ‘двигатели’. Чаще — так же, как и в русском языке — для обозначения движения транспортных средств используется *full steam ahead*.

На основе анализа двух идиом и их варьирования, можно прийти к следующему выводу: на данный момент налицо тенденция к изменению компонентного состава обеих идиом (в русском языке, скорее, к «осовремениванию», а в английском — к генерализации). При этом и в обоих корпусах обнаруживается весьма незначительное число контекстов, в которых идиома употреблена с иным компонентным составом: *на всех газах, full gas/engines ahead*. По-видимому, дальнейшее «осовременивание» русской и английской идиом маловероятно, по крайней мере — в данный момент.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Козеренко А. Д. Альфа и омега: идиомы с одинаковой внутренней формой в русском, английском и немецком языках // Грэнн А., Клонова О. (ред.) Русский язык в контрастивном аспекте. 2 (3) Oslo: Studies in Language, 2010 [https://www.journals.uio.no/index.php/osla/article/viewFile/63/138]; Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008. С. 251–287; Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии. М., 2013. С. 205–218; Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Современная русская фразеология (семантика — структура — текст): монография. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. С. 157; Korhonen, J. Probleme der kontrastiven Phraseologie // Burger, H., Dobrovolskij, D., Kühn, P., Norrick, N.P. (Hrsg.) Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international handbook on contemporary research. 2. Halbband/Volume 2. Berlin, New York, 2007.

² Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.

³ Piirainen, E. Widespread Idioms in Europe and Beyond: Toward a Lexicon of Common Figurative Units. Berlin, 2012.

⁴ Op. cit.

⁵ НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>

⁶ СОСА — Corpus of Contemporary American English // <http://corpus.byu.edu/coca/>. Здесь и далее в библиографических данных помета FIC означает «художественная литература» (*fiction*), SPOK — «записи звучащей речи» (*spoken*).

⁷ Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В 2 тт. Т. 2. СПб., 1903.

⁸ ФСРЛЯ — Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008.

⁹ Мокшенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007.

¹⁰ См.: Дронов П. С. О вводе контекстно-зависимого определения в состав идиомы // Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) Логический анализ языка. Адресация дискурса. М.: Индрик, 2012.

¹¹ Например: Тарасова М. А. Переводы современной англоязычной поэзии на русский язык в аспекте потенциальности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.

¹² Collins COBUILD Dictionary of Idioms / Sinclair, J. (Ed). HarperCollins Publishers, 1997.

¹³ Функциональным эквивалентом последней идиомы является, по-видимому, выражение *full go ahead*, ср.: You mentioned the Saudi deal has been announced, but so far it's only for the Tornado and not *the full go ahead to* (unclear) [BNC]. Нужно заметить, что это словосочетание встречается весьма редко: так, в [BNC] оно обнаружено всего один раз.

¹⁴ BNC — British National Corpus (BYU — BNC) // <http://corpus.byu.edu/bnc/>

Dronov P. S.

FULL STEAM / SPEED AHEAD: PECULIARITIES OF VARIABILITY IN 'TECHNICAL ACHIEVEMENT' IDIOMS

The paper deals with analyzing underlying metaphors in widespread idioms that refer to technical achievements. To consider their variability and changes of underlying metaphors, the author contrasts the Russian idiom *na vseh parah / parusah* (lit. "on all steams / sails") and its English counterpart, *full speed / steam ahead*. The analysis reveals that in both languages, the idioms in question tend to alter their shape. While the Russian phrase is more likely to "modernize" its metaphor, the English one seems to be turning more generalized.

Keywords: ethnic and cultural specificity of idioms, phraseological equivalence, widespread idioms / common figurative units, 'technical achievement' idioms, variability, underlying metaphor.

К ВОПРОСУ ОБ АНАЛИЗЕ УЧЕБНИКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В БОЛЬШИНСТВЕ ВУЗОВ КИТАЯ

В данной статье представлены результаты анализа первых томов трёх учебников, с которыми максимально часто работают преподаватели большинства университетов Китая. Также настоящий материал является иллюстрацией основных характеристик изученной литературы и её недочётов для организации учебного фонетического материала. Основное направление данной работы — потенциальное развитие методики исправления фонетических ошибок для дальнейшей работы китайских преподавателей русского языка.

Ключевые слова: русский язык, учебник, фонетика, сравнение, ошибка.

В процессе обучения иностранному языку важное место занимают учебники и учебные пособия. В настоящее время в Китае на факультетах русского языка широко используются учебники, созданные на факультетах русского языка Пекинского университета иностранных языков, Шанхайского университета иностранных языков и Хэйлунцзянского университета. Был проведен анализ только первых томов каждого комплекса учебников, в которых представлен фонетический курс.

Первую книгу комплекса русского языка «Восток» для китайских студентов-русистов составили специалисты факультета русского языка Пекинского университета иностранных языков и Института русского языка имени А. С. Пушкина. Первое издание вышло в 1994 году. Учебник состоит из двадцати трёх уроков, представляющих вводно-фонетическую и лексико-грамматическую части. Вводно-фонетическая часть занимает первые девять уроков. Немаловажным можно считать тот факт, что и в лексико-грамматической части также уделяется внимание правилам произношения и интонационным конструкциям.

Первый том комплекса учебников «Новый курс русского языка» составили специалисты Шанхайского университета иностранных языков в 1989 году. Исправленное издание выпущено в 1999 году, и этим изданием пользуются до сих пор. Учебник делится на вводный и основной курсы (14 и 10 уроков соответственно). Фонетика в основном изучается во вводном курсе, в основном курсе внимание продолжает уделяться произношению отдельных особенно трудных для китайских учащихся звуков, правилам произношения, ударению, ритмической организации речевого потока и т. д.

Первый том комплекса учебников Хэйлунцзянского университета «Русский язык» составили специалисты — сотрудники факультета русского языка. Широко используемое в северно-китайских вузах пособие было выпущено в 2009 году (второе исправленное издание). Оно также

делится на вводно-фонетический и основной курсы. Важно отметить, что в отличие от двух предыдущих вторая часть комплекса учебников Хэйлунцзянского университета не содержит материалов по фонетике. Такие разделы фонетического курса, как интонационные конструкции, общие правила произношения и правила произношения отдельных звуков входят только в первую часть учебника.

На основании сравнения трёх учебников можно сделать следующие выводы.

1. В указанных пособиях даны иллюстрации постановки звуков и описана артикуляция только на китайском языке. Пекинский университет иностранных языков (далее «Пекин») и Хэйлунцзянский университет (далее «Хэйлунцзян») предлагают описание артикуляции в каждом уроке, а Шанхайский университет иностранных языков (далее «Шанхай») даёт информацию о постановке артикуляции только в конце фонетического курса. Можно предположить, что иллюстрации и описание артикуляции в каждом отдельном уроке являются более удобным и логичным способом изложения материала.
2. Обучение основным звукам русской фонетической системы заканчивается на пятом уроке (Пекин), на восьмом (Хэйлунцзян) и на девятом (Шанхай). Каждый из перечисленных университетов уделяет внимание различным аспектам в обучении произношению звуков. «Пекин» особенно детально описывает произношение мягких согласных звуков. «Хэйлунцзян» сосредоточивается исключительно на общих правилах произношения. «Шанхай» глобально изучает темы редукции гласных и ассимиляции согласных. Следует отметить, что представляется вполне возможным объединить достоинства трёх учебников. Кроме того, для удобства запоминания непростых элементов при обучении фонетики необходимо создать отдельную таблицу с правилами произношения звуков.
3. Говоря об интонационных конструкциях (ИК), «Пекин» перечисляет шесть типов ИК в своём первом учебнике, а остальные два университета приводят только четыре типа.
4. «Шанхай» предпочитает постоянно закреплять пройденный материал. Каждый пятый урок является уроком повторения.
5. Что касается описания артикуляции звуков, то все три учебника частично отличаются друг от друга. «Шанхай» описывает артикуляцию более научным языком (например, при описании артикуляции гласного [у]: «...Губы вытянуты вперёд и округлены; задняя часть спинки языка поднята к мягкому нёбу...»). «Пекин» при описании артикуляции какого-либо звука часто сравнивает её с другими русскими звуками, например: «Язык оттянут назад как при образовании [ж] и [у]...». Кроме того, язык описания у «Пекина» более яркий и образный (например: «Губы растянуты в стороны, и образуется щель, как при улыбке...», «...рот открыт в форме овала...»). «Хэйлунцзян» тоже основывается на принципе сравнения, но не с русскими, а с китайскими звуками, например: «Рот более широко открыт, губы свободно растянуты, по аналогии с китайским /a/» и т. д.

Кроме этого, существует разница в описании артикуляции отдельных звуков. Рассмотрим некоторые из них.

1. [ф]: «Пекин» замечает, что «верхние зубы слегка касаются нижней губы, образуется щель», а «Шанхай» указывает на то, что «нижняя губа слегка прижимается к верхним зубам, образуется щель». «Хэйлунцзян» использует более нейтральный вариант: «Верхние зубы и нижняя губа образуют щель». По мнению

Н. А. Любимовой, «при артикуляции [ф] активной является нижняя губа, которая сближается с верхними передними зубами и образует щель...»¹. В таком случае описание артикуляции «Шанхай» представляется более правильным.

2. [н]: При произнесении этого звука «Пекин» и «Хэйлунцзян» отмечают, что «кончик языка прижимается к нижним зубам/упирается в нижние зубы, передний участок спинки языка находится за верхними зубами/прижимается к верхним зубам и альвеолам», а «Шанхай» описывает только тот процесс, где «передняя часть спинки языка находится за верхними зубами и альвеолами»; т. е. авторы учебника не упоминают о конкретном способе постановки кончика языка. «Шанхай» же считает кончик языка частью передней части спинки языка, которая прижимается к верхним зубам и альвеолам. Относительно позиции кончика языка при артикуляции [н] в русских учебных пособиях по фонетике также существуют разногласия. Так, О. Н. Короткова считает, что «при коррекции произношения звуков [т], [д], [н] следует обратить внимание на положение кончика языка (он опущен и слегка прижат к нижним зубам)»². Т. М. Бальхина и другие авторы также полагают, что «при произнесении русских звуков [т], [д], [н] кончик языка плотно прижимается к нижним зубам, передняя часть языка смыкается с верхними зубами...»³. Н. А. Любимова же отмечает, что «при артикуляции звука... передний участок спинки языка с кончиком упирается в верхние зубы и альвеолы...»⁴. Можно предположить, что для большей эффективности необходимо объяснить постановку артикуляции [н] в различных позициях. Например, в слове «студент» для произнесения [н] удобнее поместить кончик языка к нижним зубам. А в слове «комната» — к верхним.
3. [р]: В описании артикуляции этого звука три вуза выражают разные мнения. «Пекин» считает, что при произнесении звука «язык не загибается»; «Шанхай» делает акцент на том, что «кончик язык приподнят вверх»; «Хэйлунцзян» разделяет мнение коллектива авторов вышеуказанного пособия. По мнению Любимовой Н.А., «фонема /р/ представлена переднеязычным дрожащим сонантом, при артикуляции которого кончик языка чуть загнут вверх и вибрирует в проходящей воздушной струе. Задний участок спинки языка имеет выпуклую форму: приподнят и вместе с корнем оттянут назад. Средний участок спинки языка оказывается вогнутым»⁵. Из этого следует, что при произнесении звука нужно несколько загнуть кончик языка, но не сильно. Следует упомянуть, что произношение [р] почти для каждого из иностранных студентов, изучающих русский язык, является трудным.

Объединившись в 2009 году, специалисты по русскому языку ведущих ВУЗов Китая издали первый том нового комплекса учебников «Курс русского языка». В создании учебника участвовали не только китайские специалисты, но и русские. Учебник объединил все достоинства вышеуказанных трёх пособий. Он делится на фонетическую и основную части (по 12 уроков в каждой). Во введении с помощью рисунков описывается артикуляционный аппарат — с переводом на китайский язык. Постановка артикуляции русских звуков осуществляется в каждом уроке.

По сравнению с предыдущими учебниками следует отметить, что содержание раздела по фонетике данного учебника явно усовершенствовалось. 1) Порядок изучаемых звуков отрегулирован, а некоторые трудные для китайских студентов звуки, например, [р], [л], [ч'], [ш':], перенесены в последующие уроки. 2) Составители трёх вышеуказанных пособий объединили их достоинства, обобщили правила постановки звуков, исправили большинство ошибок, используя несколько способов описания:

ненаучный (художественный), чисто теоретический и сравнительный. 3) Представлено больше типов интонации. 4) В уроках повторения больше внимания уделяется трудным звукам, нормам и правилам произношения, интонации.

Однако в учебнике имеются следующие недочёты.

1. В данном пособии отмечается, что произношение русского [y] схоже с китайским [ɥ]. Согласиться с этим не представляется возможным, потому что русский [y] отличается от китайского [ɥ] следующим: «По сравнению с русским [y] при произнесении китайского гласного [ɥ] язык менее отодвинут назад, а губы не так сильно выдвинуты вперёд»⁶.
2. Также в этом новом учебнике указано, что на любом этапе при произнесении [a], [o], [y] форма губ и положение языка не изменяются. Следует помнить, что гласный [o] является дифтонгоидом.
3. Составители учебника указывают, что начальный этап произнесения русского [н] схож с китайским [n], но в процессе артикуляции губы неподвижны. Китайские фонетисты описывают постановку китайского [n] следующим образом: «Кончик и передняя часть спинки языка прижаты к месту слияния верхних зубов и альвеол, закрывается проход в ротовую полость, мягкое нёбо и маленький язычок опущены вниз, носовая полость открыта, воздушная струя, одновременно доходя до носовой и ротовой полости, сталкивается в ротовой полости со смычкой и выходит из носовой полости. Голосовые связки вибрируют»⁷. Становится очевидным, что позиция кончика языка при произнесении русского и китайского [н] неодинакова.
4. При обучении произнесению [ы] в учебнике «Курс русского языка» упоминается следующее предупреждение: «Не перепутайте произношение русского гласного [ы] и английского [eɪ]». Однако для обучения китайских студентов важным представляется не только не перепутать произношение русского гласного [ы], английского [eɪ], но и китайского [e]. Постановка китайского [e] схожа с артикуляцией переднего этапа дифтонгоида русского [ы]: «Язык приподнят и оттянут назад, задняя часть спинки языка поднята к мягкому нёбу. При произнесении мягкое нёбо и маленький язычок поднимаются и закрывают проход в носовую полость. Раствор средний, губы растянуты, голосовые связки вибрируют».
5. В пособии указано правило произношения слова: дождь — [дош:']. Следует указывать и московскую, и петербургскую школы произношения, то есть [дош:'] — для первой, и [дошт'] — для второй. Для китайских студентов-русистов знание о школах произношения русского языка является необходимым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Любимова Н. А. Лингвистические основы обучения артикуляции русских звуков. Постановка и коррекция. М.: Русский язык. Курсы, 2011. С. 47.

² Короткова О. Н. По-русски — без акцента! Корректировочный курс русской фонетики и интонации: для говорящих на китайском языке. СПб.: Златоуст, 2006. С. 9.

³ Балыхина Т. М., Евстигнеева И. Ф., Маерова К. В. и др. Учебник русского языка для говорящих по-китайски. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Курсы, 2008. С. 7.

⁴ Любимова Н. А. Указ. соч. С. 152.

⁵ Там же. С. 171.

⁶ Шешнев Н. А. Введение в китайский язык. СПб.: КАРО, 2008. С. 40.

⁷ Цзинь Сяода, Лю Гуанхуэй. Фонетика китайского путунхуа. Учеб. пос. с рисунками постановки артикуляции для преподавателей. Пекин: Изд-во Пекинского лингвистического университета, 2009. С. 71.

Du Yunsha

ON THE PROBLEM OF ANALYSING THE RUSSIAN LANGUAGE TEXTBOOKS USED IN CHINA UNIVERSITIES

The article is a summary, which includes the results of the analysis of the first three textbooks' parts, which are often used by teachers in China universities. Also this material is an illustration of the main characteristics of the studying literature and its defects in the organization of educational material phonetic units. This treatise is focused on the potential development of the correction method of phonetic mistakes for the future work of the Chinese teachers of Russian.

Keywords: Russian language, textbook, phonetics, comparison, mistake.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНОЧНОСТЬ РУССКОЙ И ИСПАНСКОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

Статья посвящена исследованию в сопоставительном плане прагматического аспекта семантики языковых единиц на материале русской и испанской эмоционально-оценочной лексики и фразеологии. Использование прагматических критериев в контрастивном анализе позволяет создать систему экспрессивных помет, которая может быть использована в практике лексикографического описания различных языков. Автором предложен новый тип классификации лексико-тематических групп (ЛТГ). Было установлено, что принадлежность слова к определенной ЛТГ и определяет знак эмоциональной оценки вторичного значения.

Ключевые слова: семантика, прагматика, лексика и фразеология русского и испанского языков, эмоциональная оценка, экспрессивные лексикографические знаки, лексико-тематическая группы.

Сравнение двух языковых подсистем невозможно без уточнения ряда теоретических положений в рамках формирующейся теории экспрессивной и эмотивной акцентологии. Мы исходим из предположения, что эмоциональная оценочность может быть определена и описана на основе объективных лингвистических маркеров, через ее компоненты, доступные объективному анализу и компьютерной обработке другими словами, возможно объективировать языковую интуицию исследователя, используя лингвистические критерии и лексикографическое описание. Критерием возникновения эмоциональной оценки на лексическом и фразеологическом уровнях для нас является значимость внутренней формы слова либо компонентов фразеологических единиц (семантическая мотивированность).

Собственно образное значение слова является компонентом лексического значения, передающим сопутствующие представления. Данная трактовка восходит к русской филологической традиции (работам А. А. Потемби, Д. Н. Овсяннико-Куликовского и др.), а также концепциям В. Гумбольдта, Ш. Балли, рассматривающим понятие внутренней формы слова как ассоциативно-образный мотив при выделении психологической данности представления, вызывающего соответствующий образ на основе его языковой мотивированности: «внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление»¹.

Данная работа осуществлена при поддержке и в рамках проекта DIANA-CONSTRUCCIONES: BUSCANDO EL CONOCIMIENTO OCULTO EN LOS TEXTOS Испанского министерства экономики и развития

Сущность семантической мотивированности заключается в уподоблении двух предметов по общему для них признаку, при этом признак называется опосредованно, через образ-символ, существующий в языковом сознании носителей данного языка как воплощение этого признака: метафорический перенос, ассоциативные характеристики.

Специфика образности как средства создания экспрессивности обуславливает наличие коннотативных сем (в том числе эмоциональной оценочности), наслаивающихся на денотативное значение и разграничение функций предикации и идентификации, в связи с чем эмоционально-оценочная образность, определяющая предикацию, обладает повышенной силой воздействия.

Для автора является существенным замечание о том, что корни языковой образности лежат не в семантике, а в тезаурусе, в системе значений, свойства, закрепленные за образным значением слова, могут быть предполагаемыми или переосмысленными. Возможность одновременного восприятия старого и нового понятия на основе закона ассоциации определяет смысловую двуплановость языковых единиц, в то же время чувственная наглядность признака обуславливает возникновение эмоциональной оценочности как частной разновидности экспрессивности: «образ будит эмоциональное переживание»².

Осознание важности мотивационного основания фразеологизмов-идиом определило необходимость исследовать саму образную структуру внутренней формы — ее метафорический, метонимический и т. п. характер, а также роль в ней различного рода символов или квазисимволов (например, квазисимвольное прочтение слова *рука* в идиомах, где этот компонент ассоциируется с идеей власти: *держат в руках, иметь руку*), а также эталонов или квазиэталонов (типа *дрожать над каждой копейкой, от горшка два вершка*)³. Все вышеизложенное относится не только к фразеологической, но и к лексической образной семантике любого знака оценочности.

Существует значительное число наблюдений, указывающих косвенно на оценочное значение компонентов фразеологических единиц (см. работы В. М. Мокиенко, А. М. Мелерович, В. П. Фелициной и др.): «*кровь с молоком* — Белое лицо и румянец — красота, свидетельство хорошего здоровья, отсюда — положительная тональность выражения»⁴; «*видеть (все) в розовом (радужном) свете* — Розовый цвет ассоциировался с добрым здоровьем и благополучием, с благодушием и совершенством»; «*темная лошадка* — Широкая употребительность переносных значений прилагательного темный — «неизвестный», «неясный», «сомнительный»: *темное дело, темная история, темное прошлое, темная личность*»⁵.

Можно утверждать, что компонент семантики образность является субкомпонентом категории эмоциональная оценочность.

Исходя из позиции автора, на лексическом уровне компонентами эмоциональной оценочности являются:

- метафорическая образность: *ворона* — `пренебр. Зевака, ротозей; о рассеянном, невнимательном человеке; первоначально: птица семейства вороновых`; *блеск* — `восх. О чём-н. очень хорошем, впечатляющем, красота; первоначально: яркий искрящийся свет, отсвет`; *cabrón* — `palabra ofensiva para el hombre; persona indeseable` (оскорбление для мужчины, нежелательный человек; первоначально: козел — здесь и далее перевод А.З.), *maravilla* — `нечто чудесное, замечательное, бесподобное; первоначально: чудо`;
- интенсивность выражаемого признака: *великолепный* — `восх. Очень хороший, превосходный`; *guay* — `bueno, excelente, bonito` (замечательный, отличный);
- звуковая образность: *тыуха* — `пренебр. Простофиля, фофан, пентюх`; *симпомпончик* — `одобр./ласк. О человеке, приятном на вид, пухленьком, румяном`;
- словообразовательные аффиксы, обладающие собственным оценочным значением: *папочка* — `ласк. Папа`, *книжонка* — `пренебр. Книга`, *escribidor* — `mal escritor` (плохой писатель, писака), *jugón* — `игрочище`);

Маркерами, определяющими эмоциональную оценочность фразеологических единиц признаются:

- наличие образности метафорического характера: (*пальчики оближешь, пень трухлявый, в самом соку, tener tucho ángel* (быть обаятельным, привлекательным), *jugar sucio* (грязная игра);
- неясная семантическая мотивированность, которая также может быть обусловлена экзотической звуковой формой компонентов: *нести ахинею, балбешка стоеросовая; comer raja y madera* (быть крайне невежественным, дремучим невеждой);

Эмоциональная оценочность представлена положительным и отрицательным спектром; среди видов положительной эмоциональной оценочности выделяются:

- дружелюбное отношение: *дружище* — `друж. Дружелюбное обращение к лицу мужского пола. *Дружище, дай закурить!*; *кореш* — `друж. Дружелюбное обращение к лицу мужского пола в значении: близкий друг, приятель. *Кореш, помоги!*; *amigo* — `tratamiento amistoso` (дружелюбное обращение), *tronco* — `compañero, amigo` (друг, приятель); *закадычный друг* — `друж. Близкий, душевный друг, приятель`, *тёртый калач* — `друж. Старый, закадычный друг`, *amigo de asa* — `близкий, закадычный друг`, ... *de mis amores* — `милый, дорогой, любезный (в обращении)`;
- ласковое отношение (разница по сравнению с дружелюбным отношением в характере эмоционального отношения и интенсивности): *лапушка* — `ласк. Ласковое обращение (чаще к женщине)`, *мамочка* — `ласк. Мама, мать. *Мамочка, как я рад тебя видеть!*; *cielo* — `palabra cariñosa` (ласково), *pequetín* — `niño palabra cariñosa` (о ребенке ласково); *ангел души моей* — `ласк. В обращении: милый (-ая); ласковое обращение к кому-либо`, *жизнь моя* — `ласк. В речевом этикете: формула ласкового, фамильярного обращения (обычно к любимой женщине)`, *mi dulce sueño* — `возлюбленный/ая, предмет мечтаний, зазноба`, *mi tesoro* — `ласковое обращение к кому-либо`;
- одобрение: *железный* — `одобр. перен. Сильный, крепкий. *Железное здоровье. Железный человек*`, *огурчик* — `одобр. о ком-л. здоровом, крепком, свежем на вид`; *molón* — `elegante; atractivo, bonito, guapo` (элегантный; привлекательный, симпатичный), *chêvere* — `bonito, bueno, estupendo, excelente` (симпатичный, хороший, замечательный, отличный); *душа в душу* — `одобр. Очень друж-

но, в полном согласии (жить)`, *человек железного здоровья* — `одобр. О человеке с хорошим здоровьем`, *de miel(es)* — `ласковый, приветливый, любезный, приятный, сладостный`, *de oro y azul* — `нарядный, разодетый как картинка`;

- восхищение (разница по сравнению с одобрением в высокой степени интенсивности): *жемчужина* — `восх. перен. тот, кто (или то, что) выделяется своими достоинствами среди других, является лучшим украшением, сокровищем чего-л.`; *не жизнь, а масленица* — `восх. О хорошей, привольной жизни`, *дороже золота* — `восх. о том, что чрезвычайно ценно, важно`; *a (las mil) maravillas* — `чудесно, замечательно, бесподобно, превосходно`, *bajado (venido) del cielo* — `прекрасный, чудесный, отличный, безупречный`, *angel* — `замечательный, изумительный человек`, *jugón* — `игрочище`.

Отрицательная эмоциональная оценка дробится на такие виды, как

- неодобрение: *окрошка* — `неодобр. перен. Беспорядочная смесь. *Окрошка из чужих мыслей*`; *нож в спину* — `неодобр. Коварное предательство, предательский поступок по отношению к кому-либо`;
- крайнее неодобрение (разница по сравнению с неодобрением в интенсивности): *осёл* — `крайнее неодобр. перен. О тупом упрямце, глупце`, *абракадабра* — `крайнее неодобр. Бессмысленный, непонятный набор слов`;
- пренебрежение (наличествует позиция сверху вниз со стороны субъекта оценки): *пентюх* — `1. пренебр. Неуклюжий человек, увалень. 2. пренебр. Медленно соображающий, непонятливый человек`; *глухой как пень* — `пренебр. Совершенно глухой.`;
- презрение (разница по сравнению с пренебрежением в интенсивности): *баба* — `презр. перен. О робком слабохарактерном мужчине, мальчике.`; *Алёха сельский* — `презр. Безнадёжный дурак, глупый, невежественный человек.`;
- уничижение (дополнительная к пренебрежению семантика умаления объекта оценивания): *мужичишка* — `пренебр. уничиж. Мужчина.`

Автор предлагает новый тип классификации, основанный на отнесённости к ЛТГ, при этом выявлено, что принадлежность первичных номинативных значений лексических единиц либо компонентов семантики фразеологических единиц к определённой ЛТГ обуславливает возникновение вторичной эмоционально-оценочной семантики:

ЛТГ божественного, небесного: *не житьё — просто рай; рай земной; ангел во плоти, быть на седьмом небе; más pura que el ave del paraíso, tener uno (tucho) ángel, como un serafín;*

ЛТГ драгоценного: *моё сокровище, на вес золота, золотая голова, oro molido, plata labrada, valer un tesoro uno;*

ЛТГ блеска, света: *с блеском, во всём блеске, звезда первой величины, хватать звёзды с неба, bonito como una estrella, brillante como una estrella, de perlas;*

ЛТГ сладости: *не жизнь, а малина; сделать конфетку, медовый месяц, все в шоколаде, hacer de algo un caramelo, azúcar y canela, como de mazapán, más sabroso que la miel;*

ЛТГ волшебного: *как по мановению волшебного жезла, маг и волшебник, чудо из чудес, восьмое чудо света; hacer maravillas;*

ЛТГ знатного: *кум королю, с царём в голове, князь князем, a lo príncipe, tratarle a uno como una reina, estar hecho un rey; parecer un rey; vivir a lo rey.*

Определены сквозные семы «волшебного», «небесного», «блестящего», «сказочного», «сладкого» положительного спектра,

обуславливающие возникновение оценочных квазистереотипов: *ангел/ángel, чудо/maravilla, волшебный/mágico, золото/oro, солнце/sol, звезда/estrella, рай/paraíso* и др.

Пейоративную эмотивную оценочность выражают ЛТГ фразеологических единиц со сквозными образными семами:

чёрного, тёмного: *чёрная душа, чёрными красками, чёрное дело, чёрный день, тёмное дело; pasarlas negras, ponerse negra, verlo todo negro;*
дьявольского: *ад кромешный* (также темнота), *Баба-Яга, ад в душе, Дантов ад, кромешный ад на душе, исчадие ада; a la diabla, diablo predicador;*
деревянного: *бревно неотёсанное, голова еловая, бесструнная балалайка, дубина безголовая, дубовая голова,, пень березовый, чурка с глазами, деревянное ботало, балбешка стоеросовая, дубина дубиной, чурбан чурбаном, пень пнём, глуп как пень; como un tadero; echo un tadero;*
соломенного: *соломенная душа, мякинное брюхо, толоконный лоб, толоконное брюхо, голова соломой набита, сено-солома; raja molida; todo es raja;*
пустоты: *пустая башка (голова), голова дырявая, пустые звуки, пыльным мешком ударенный, пустое место, пустой кошелек, пустой карман; irse de vacío; dar en vacío; agitarse en el vacío, caer en el vacío;*
грязи: *из грязи да в князи, зарастать грязью, марать бумагу, грязной (поганой) метлой, марать руки, нечист на руку; jugar sucio; la mancha encima; no es mancha de judío.*

Можно говорить об определенных оценочных квазистереотипах метафорического характера во фразеологических единицах (эквивалентах оценочных лексических единиц): значение «всё самое положительное» — единицы типа *ангел, блеск, волшебный*, значение «внутренней пустоты» — единицы типа *пузырь: лопнет как мыльный пузырь, лезть в пузырь, дутый пузырь, надутый пузырь*; значение «переменчивости» — единицы типа *ветер: ветер в голове, ветреная голова, ветряная мельница, подбитый ветром, со сквозняком в голове; parar viento, lleno de viento* (в целом мелиоративная оценка более обобщена по семантике, а пейоративная в большей степени связана с конкретно-оценочными признаками).

Выводы, касающиеся тематической отнесенности лексической и фразеологической семантики в русском и испанском языках: в первую очередь отмечается параллелизм механизмов формирования эмоциональной оценочности при безусловном совпадении тех же самых или близких образов, квазисимволов и квазистереотипов — данная общность, вероятно, обусловлена не только принадлежностью русского и испанского языков к индоевропейской группе языков, но и общностью христианской традиции, а также универсальностью человеческого мышления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М., 1999. С. 125.

² Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. С. 14.

³ Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва, 1996. С. 45; Wierzbicka Anna. Русский язык: Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 83.

⁴ Фелицина В.П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы. М., 1990. С. 77.

⁵ Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Санкт-Петербург, 2001. С. 519, 350.

Zaynuldinov A. A.

EMOTIONAL EVALUATION OF RUSSIAN AND SPANISH VOCABULARY AND PHRASEOLOGY

The present work investigates the pragmatic aspect of meaning based on Russian and Spanish vocabulary and phraseology with positive and negative emotional evaluation. Such kind of research helps to resolve various problems with lexicographical marks and create a new improved system of expressive marks. A word internal structure is a criterion, which let us refer some words to the emotional evaluative vocabulary. It is offered the new type of classification based on LTG (lexical-thematic groups). It has been found out that belonging of a word to the determinate LTG according to its primary nominative semantics defines the sign of emotional evaluation in its secondary evaluative meaning.

Keywords: semantics, pragmatics, vocabulary and phraseology of Russian and Spanish, emotional evaluation, expressive lexicographical marks, lexical-thematic groups.

Игнатьева Наталия
Игнатьева Ольга

Центр преподавания иностранных языков,
Мексиканский национальный автономный университет

ignatiev@unam.mx, olga.ignatieva7@gmail.com

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПОРЯДОК СЛОВ В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В данной статье сравнивается порядок слов в русском и испанском языках с учетом из типологии языков и функциональной перспективы предложения. Такой подход позволил увидеть, что оба языка принадлежат к группе языков с основным порядком расположения подлежащего, сказуемого и дополнения и имеют прагматический порядок слов. Функциональная перспектива объясняет порядок слов в этих языках в терминах актуального членения предложения. Различия заключаются в основном в степени свободы перемещения основных компонентов предложения.

Ключевые слова: порядок слов, актуальное членение, функциональный, коммуникативный.

1. Введение

В данной статье мы сравниваем порядок слов в русском и испанском языках, исходя из типологии языков и функциональной перспективы предложения. Порядок слов рассматривается в терминах основных компонентов простого предложения (подлежащего, глагола и объекта). Кроме того, анализируется функциональное, или коммуникативное, описание порядка слов в терминах темы и ремы.

Данный сопоставительный анализ, в свою очередь, не представляет собой самоцель, а служит теоретической базой для экспериментальных исследований по усвоению русского языка испаноязычными студентами¹.

2. Порядок слов в типологической перспективе

С точки зрения *типологии языков* каждый язык имеет *основной* порядок слов (ПС), который выражается универсальными составляющими: подлежащее (*subject*), глагол (*verb*) и дополнение (*object*): SVO. Существует 6 вариантов сочетания этих компонентов: SOV, SVO, VSO, VOS, OVS, OSV² — и соответственное количество групп языков, принадлежащих к каждому типу. Такие языки, как испанский и русский, принадлежат к группе языков SVO, а также относятся к языкам с так называемым «свободным» порядком слов. Рассмотрим пример из русского языка:

- (1) а. Олег встретил Нину.
- б. Олег Нину встретил.
- в. Встретил Олег Нину.
- г. Встретил Нину Олег.
- д. Нину встретил Олег.
- е. Нину Олег встретил.

Все 6 вариантов возможны в русском языке и являются грамматически правильными предложениями в силу того, что окончания существительных позволяют выразить «кто делает что кому», они меняются в зависимости от грамматической функции. Поэтому неважно, в каком бы порядке мы ни поставили компоненты этого предложения, окончание *-у* в слове *Нину* маркирует это существительное как прямое дополнение, а нулевое окончание в слове *Олег* свидетельствует о том, что это подлежащее.

Что касается испанского языка, то его основным порядком также является SVO, и он входит в группу языков со свободным порядком слов³. Тем не менее, не все из шести возможных вариантов в нем допустимы. Так, для испанского лингвиста С. Хили Гайя только четыре варианта являются приемлемыми⁴:

- (2) а. *Mi padre comprO una casa*⁵.
(Мой отец купил дом)
- б. *ComprO mi padre una casa*.
- в. *ComprO una casa mi padre*.
- г. *Una casa comprO mi padre*.

Как можно заметить, испанский лингвист исключает из списка возможных вариантов порядка SOV и OSV. Другие лингвисты считают недопустимыми при нейтральной интонации порядка OSV и OVS⁶. Однако эта проблема может быть разрешена путем введения в предложение клитических местоимений:

- (3) а. **A MarIa Juan vio ayer*.
- б. **A MarIa vio Juan ayer*.
(Марию Хуан видел вчера)
- а. *A MarIa Juan la vio ayer*.
- б. *A MarIa la vio Juan ayer*.

Так неграмматичные предложения (3а) и (3б) становятся приемлемыми в примерах (4а) и (4б) благодаря неударному местоимению *la*, которое дублирует прямое дополнение.

Итак, при типологическом подходе налицо большое сходство между русским и испанским языками. Различие касается в основном степени свободы размещения основных компонентов в предложении: в русском языке все шесть возможных вариантов предложения легко допустимы и употребляются в речи, тогда как в испанском некоторые варианты (SOV) считаются неграмматичными, в то время как допустимость некоторых других вариантов (OSV, OVS) зависит от введения в предложение дополнительных элементов.

3. Порядок слов в функциональной перспективе

С точки зрения функциональной, или коммуникативной, ПС является формальным средством выражения так называемого актуального членения предложения⁷, разработанного чешскими⁸ и русскими лингвистами⁹.

В рамках этого подхода существует несколько вариантов, мы будем придерживаться здесь термина «актуальное членение предложения» (АЧП), принятого в русской лингвистической литературе.

Согласно АЧП, каждое предложение делится на две части: тему и ремю, где тема приблизительно соответствует данной, или известной, информации, а рема представляет новую, неизвестную информацию. Другими словами, тема является отправным пунктом сообщения для передачи актуальной информации, а рема содержит то, что сообщается о теме. Именно рема заключает в себе коммуникативный центр высказывания¹⁰.

В неэмоциональной русской речи, т. е. в речи с нейтральной интонацией, тема предшествует реме¹¹, например:

- (5) а. *Марина заболела.*
б. *Заболела Марина.*

В предложении (5а) темой сообщения является *Марина*, а ремой — *заболела*, тогда как в (5б) глагол перемещается в начало предложения и становится темой, а подлежащее передвигается на второе место и возвращается в ремю высказывания.

Таким образом, АЧП позволяет объяснить разный порядок слов в русском предложении соответствующим тематико-рематическим вариантом сообщения. В русской лингвистической традиции такие варианты считают коммуникативными вариантами предложения. Так, в предложении (5) имеются два коммуникативных варианта, в примере (1) их шесть, а предложение модели (6) располагает 120 коммуникативными вариантами, причем все они являются нормальными, грамматическими предложениями в русском языке¹²:

- (6) *Студент вчера вечером читал газету.*

Следовательно, ПС может меняться, но его нельзя считать действительно свободным, так как различные формы одного и того же предложения выражают разные коммуникативные задачи. Поэтому в настоящее время предпочитают говорить о прагматическом, а не о свободном ПС в языках подобных русскому.

Итак, ПС в русском языке служит для выражения АЧП и, наоборот, АЧП, или коммуникативная перспектива, способны объяснить прагматический ПС этого языка.

Обратимся теперь к испанскому языку. ПС в предложении является обычно игнорируемой темой в грамматиках испанского языка. Традиционные грамматики объясняют изменения порядка слов в испанском предложении в терминах стилистических или экспрессивных факторов¹³. Тем не менее, среди испанских и американских лингвистов предпринимались также попытки объяснить ПС в рамках функционального подхода¹⁴. В этом случае описание предложения с использованием поня-

тий темы и ремы примерно такое же, как в русском языке. Сравним предложение (7) с примером (6):

- (7) а. *RamOn se enojO.*
б. *Se enojO RamOn.*

(Рамон рассердился)

Как и в русском языке, в нейтральной речи тема предшествует реме, а следовательно, в (7а) подлежащее является темой, а глагол — ремой, тогда как в (7б) они меняются ролями, и темой становится глагол, а ремой — подлежащее. Таким образом, (7а) и (7б) представляют собой функциональные варианты одного предложения.

Итак, можно обнаружить определенное сходство между русским и испанским языками с функциональной точки зрения.

4. Заключение

Настоящий сопоставительный анализ позволил нам установить, что между двумя языками наблюдается большое сходство: оба языка принадлежат к группе языков с основным порядком SVO и оба имеют прагматический ПС. В то же время наблюдаются различия, которые заключаются в степени свободы перемещения основных компонентов предложения: русский язык допускает все возможные типы такого перемещения, тогда как в испанском языке существуют некоторые ограничения на него, что соответствует типологическим исследованиям, которые утверждают, что чем флективнее язык, тем свободнее его синтаксический порядок¹⁵.

Рассмотрение ПС в данных языках в функциональной перспективе также обнаруживает аналогию между ними. Основные положения АЧП одинаково применимы как к русскому, так и к испанскому языку. Имеются также и некоторые различия, которые выходят за рамки этой статьи, они касаются, в основном, формальных средств выражения темы и ремы в этих двух языках.

Таким образом, наш анализ позволил более полно охватить исследуемое явление, выявить его главные черты и показать его сложный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ignatieva N.* (ed.) *Orden de palabras, gramática universal y adquisición de segundas lenguas.* México: UAEM-UNAM, 2012. 334 p.

² *Denning K. & S. Kemmer* (eds.). *On language: Selected writings of Joseph H. Greenberg.* Stanford: Stanford University Press, 1990. P. 43.

³ *Hernans M. L. & J. M. Brucart.* *La sintaxis: 1. Principios teóricos. La oración simple.* Barcelona: Editorial Crítica, 1987. P. 72–73.

⁴ *Gili Gaya S.* *Curso superior de sintaxis española.* Barcelona: Bibliograf, 1983. P. 83.

⁵ Прописными буквами в испанских примерах нами выделено ударение.

⁶ *Contreras H.* *El orden de palabras en español.* Madrid: Cátedra, 1983. 159 p.

⁷ *Русская грамматика.* Т. II. Синтаксис / АН СССР. Москва: Наука, 1980. С. 191.

⁸ *Firbas J.* *Functional sentence perspective in written and spoken communication.* Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 265 p.

⁹ См., например: *Сиротинина О. Б.* Порядок слов в русском языке. 2 издание. Москва: УРСС, 2003. 172 с.

¹⁰ *Ковтунова И. И.* Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. 2 издание. Москва: УРСС, 2002. С. 7.

¹¹ *Крылова О. А., Хавронина С. А.* Порядок слов в русском языке. 2 издание. Москва: Русский язык, 1988. С. 12.

¹² *Ерина Т. Н., Михайлов М. М.* Коммуникативные качества русской речи. Чебоксары: Изд-во Чувашского университета, 1992. С. 71.

¹³ *Real Academia Española.* Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. Madrid: Espasa-Calpe, 1985. 592 p.

¹⁴ *Contreras H.* Op. cit.

¹⁵ *Mathews P. H.* Syntax. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 255.

Ignatieva, N., Ignatieva O.

FUNCTIONAL AND TYPOLOGICAL VIEW OF WORD ORDER IN RUSSIAN AND SPANISH: A COMPARATIVE ANALYSIS

In this article word order (WO) in Russian and Spanish is compared from the theoretical positions of language typology and functional sentence perspective. This approach allows to observe that both languages belong to a group of SVO languages and both have pragmatic WO. The functional framework explains WO in these languages in terms of “actual division of the sentence”. Differences between them consist in a degree of free movement of the main sentence constituents.

Keywords: word order, actual segmentation, functional, communicative.

Карель Фуре Барбара Элена

Гаванский университет, Куба

barbara.karell@gmail.com, bkarell@mes.gob.cu

Фомина Зинаида Евгеньевна

Воронежский государственный

архитектурно-строительный университет, Россия

SinaidaFomina@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ, СРАВНИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Статья посвящена некоторым важным аспектам семасиологии, сравнительной типологии и их тесной взаимосвязи с методикой преподавания русского языка как иностранного. Рассматриваются отдельные вопросы теории семантической валентности, которая открывает широкую перспективу для изучения синтаксического содержания предложения. Делается акцент на ориентацию исследований от содержания к форме в синтаксисе, что позволяет рассматривать определённые семантико-синтаксические парадигмы предложений. В первую очередь речь идет о предложениях, обладающих различными смысловыми и формальными структурами, но объединённых определённой, единой содержательной категорией. Обосновывается ценность такого подхода для сравнительной типологии языков, а также его неопределимое значение для практического преподавания языков.

Ключевые слова: семантика, валентность, актанта, сирконстант, сопоставительная типология, методика преподавания.

Вопросам лингвистической семантики всегда уделялось большое внимание в мировой лингвистике. Изучение семантического аспекта языка исключительно важно не только с теоретической, но и с практической точки зрения. В рамках современной лингвистики отмечается значительное количество работ и исследований, посвящённых изучению семантической системы русского языка. Семантический синтаксис занимает важное место в лингвистической семантике. Объектом его изучения является семантический аспект предложения. Традиционное учение о членах предложения уделяло достаточно внимания грамматическому содержанию членов предложения. Особенно тщательно здесь изучена смысловая сторона категории обстоятельства (обстоятельства места, времени, образа действия и т. д.). Несколько иначе дело обстоит с такой фундаментальной категорией, как главный член предложения — подлежащее. Известны все противоречивые позиции исследователей, пытающихся дать однозначное определение подлежащего. Достаточно вспомнить грамматическое, логическое подлежащее, проблему данного и нового и т. д. Если рассмотреть полную модель членов предложения, относящихся к глаголу (подлежащее, дополнение, обстоятельство), то можно заметить, что при движении от обстоятельства к подлежаще-

му постепенно исчезает семантическая определённая этих категорий: от широкой гаммы значений обстоятельства к менее дифференцированной системе значений дополнения (объект, результат, заинтересованное лицо...), к почти что полностью формальной категории подлежащего. Таким образом, определение центральной единицы учения о членах предложения и связанное с этим определением его содержательного статуса представляет серьёзную теоретическую проблему в рамках самой теории.

В теории валентности, впервые предложенной французским лингвистом Люсьеном Теньером¹, центром предложения признаётся глагол. Любой глагол всегда обозначает какое-нибудь событие в широком смысле. В любом событии всегда можно определить, с одной стороны, участников события, которые его собственно создают, и, с другой стороны, обстоятельства, в которых данное событие имеет место. Соответственно этому каждый глагол интенционален на определённое количество имён, отображающих участников ситуации, т. е. для экспликации своего смысла требует определённое число имён определённой семантики: *актанты*, т. е. имена, наличие которых обусловлено в предложении семантикой глагола, и *сирконстанты*, наличие которых дополняет семантику глагола, они отображают обстоятельства события. Так, в предложении *Я читаю книгу* представлен двухактантный глагол действия «читать», который требует два актанта: действующее лицо (агенс) и объект действия. В предложении *Через два дня я уезжаю в Москву*, в котором отображается направленное движение, присутствует двухактантный глагол «уезжать», актантами «я» и «Москва» (действующее лицо и направление движения) и сирконстант «через два дня» (время). Актант — обязательный член предложения.

В настоящее время в синтаксисе очень чётко различаются уровень формы (синтаксические позиции, образуемые определёнными предложно-падежными формами) и уровень содержания. Типовая структура предложения записывается как на уровне формы, так и на уровне синтаксического содержания. Напр., в предложении *Он режет хлеб ножом*, глагол «резать» отражает категорию действия над предметом, «он» является действующим лицом в позиции подлежащего (им. п.), «хлеб» является объектом воздействия в позиции прямого дополнения (вин. п.), «ножом» является инструментом в позиции косвенного дополнения (твор. п.). Таким образом, в теории валентности теория подлежащего обусловлена тем, что семантическая характеристика имени в позиции подлежащего определяется в зависимости от роли предмета, обозначенного этим именем в ситуации, которую отображает предложение. В предложении *Я режу хлеб ножом* в позиции подлежащего — действующее лицо. В предложении *Он огорчён* — лицо, испытывающее определённое состояние. В предложении *Книга на столе* — предмет в пространстве.

Теория семантической валентности открывает широкую перспективу для изучения синтаксического содержания предложения. Этому в значительной мере способствовали исследование ленинградской группы по изучению залога и диатезы во главе с А. А. Холодовичем² и исследования И. И. Арутюновой (1976), Т. П. Ломтева³, Ю. С. Степанова (1966, 1975) по русскому и общему языкознанию, В. Г. Гака, Т. В. Алисовой (2007) по романистике, О. И. Москальской⁴ (1983, 2004), Г. Г. Почепцова (1981) по германистике и др.

Систематизация семантических актанта, определение их набора и сочетаемости фактически представляет собой моделирование языкового отражения человеком внешнего мира. Здесь определяются такие важные функционально-семантические категории, как предмет в пространстве, существование, движение, действие, процесс, состояние и тд. Определённая категория может передаваться множеством семантико-синтаксических структур. Ориентация исследований от содержания к форме в синтаксисе позволяет рассматривать некоторые семантико-синтаксические парадигмы предложений, обладающих различными смысловыми и формальными структурами, но объединённых какой-либо единой содержательной категорией. Так, например, состояние человека выражается в следующих разнотипных моделях: 1. *Он спит*. (Семантическая структура — лицо, испытывающее определённое состояние); 2. *У него радость*. (Объект-обладатель); 3. *Он в тревоге*. (Лицо, испытывающее состояние, абстрактное место); 4. *Ему не спится*. (Адресат-состояние); 5. *Ему ничего не хочется*. (Объект-адресат).

Особенно ценным представляется подход от содержания к форме в плане сравнительной типологии языков. Различные языки имеют не только различные формальные структуры, но и различные смысловые возможности интерпретации окружающей действительности. С психолингвистической точки зрения это можно представить как различные средства и способы формирования мысли. Акцентируя важность изучения этих способов в методическом плане, И. А. Зимняя⁵ приводит пример о запрещении действия. Русский язык, как и испанский, предпочитает отрицательно-повелительную форму (*Ne разговаривай, No hables*), английский — положительно-повелительную форму (*Keep silence*). Подобное различие в способах формирования мысли пронизывает всю лингвистическую семантику, как лексическую, так и грамматическую. Неоценимое значение для практики преподавания языков имеют исследования в области сравнительной типологии французского и русского языков известного романиста В. Г. Гака⁶, а также испанского и русского языков российских языковедов В. С. Виноградова и И. Г. Милославского⁷.

В области лексики важнейшими компонентами значения у глаголов движения в романских и русском языках являются направление движения и способ передвижения: направление движения: испанское «*llegar*»;

русское «*прибыть*»; способ передвижения: испанское «*correr*»; русское «*бежать*»; направление и способ: русское «*прибежать*»; направление + способ: испанское «*llegar corriendo*»

Развитая система локальных префиксов в русском языке и её отсутствие в испанском обуславливает различные тенденции в отражении категории движения двумя языками. Испанский язык также предпочитает глаголы с семантической формулой «направление или способ движения»; русский — «направление и способ движения».

При передаче движения в русском языке употребляются глаголы с более сложной семантической структурой. В испанском наиболее употребительны — геометрические глаголы, показывающие лишь пространственное отношение между предметами. Большой содержательности русских глаголов движения соответствует и большая их роль в языке в целом: *Они подползли — Llegaron arrastrándose; Они перешли через мост — (Ellos) cruzaron el puente; Вы едете с юга? — ¿Viene del sur?*

Таким образом, при организации русского высказывания ведущим оказывается компонент способа движения, обозначающий внутреннюю характеристику процесса. При построении испанского высказывания ведущий компонент — направление, обозначающее внешние связи процесса с другими субстанциями.

В области морфологии наиболее сильные расхождения между романскими языками и русским наблюдается в корреляции «вид-время». В испанском языке имеет место довольно развитая система глагольных времён, организованная четырьмя грамматическими системами: абсолютность, относительность, актуальность, ограниченность. Число прошедших времён индикатива достигает пяти. Русский язык в истории своей эволюции потерял эти временные оппозиции, и в нём осталась лишь система абсолютных времён. Но за счёт потери временных оппозиций в русском языке развивается компенсирующая, дополнительная к категории времени, категория глагольного вида.

К вышесказанному следует добавить, что у носителей русского и испанского языков нет одинакового представления понятия «ограниченность / неограниченность действия» (законченность / незаконченность). Для испаноговорящих данное понятие касается истечения времени проведения действия, т. е. имеет временную перспективу, тогда как для носителей русского языка оно представляет собой завершённое проявление внутренней характеристики, качества действия, выраженного в самой семантике глагола. В данном случае, временная перспектива передается категорией времени. Психолингвистические данные свидетельствуют о том, что категория славянского вида, образуемая такими оппозициями, как завершённость — незавершённость, предельность — не предельность, результативность — не результативность и т. д., принадлежит к наиболее трудноусваиваемым категориям. Поэтому при изучении этой

категории особое внимание следует обратить на её семантику, сделать именно значение форм точкой отсчёта во введении, объяснении и работе с этой категорией.

В области синтаксиса, на первый взгляд, различия в структуре предложения индоевропейских языков не столь существенны (подлежащее и сказуемое касаются в первую очередь формальных элементов). Семантическая же типология синтаксических систем обнаруживает, что именно в семантике синтаксической структуры предложения таятся наиболее глубокие и трудноуловимые различия, которые обуславливают сильные и устойчивые интерференции в прогнозировании высказывания в процессе его порождения. В синтаксисе чётко прослеживаются диалектика синтаксической формы и лексического содержания. Наиболее существенные различия в синтаксисе романских и русского языков также касаются глагола.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

² Холодович А. А. Сб. Проблемы грамматической теории. Л., 1979. 304 с.

³ Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 2007. 200 с.

⁴ Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка 2004. 352 с.

⁵ Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Просвещение, 1991. 222 с.

⁶ Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским. М., «Русский язык», 1975. 278 с.

⁷ Виноградов В. С., Милославский И. Г. Сопоставительная морфология русского и испанского языков. М.: «Русский язык», 1986. 160 с.

Karell Fure B. K., Fomina Z. E.

SOME ASPECTS OF LINGUISTIC SEMANTICS, COMPARATIVE TYPOLOGY AND METHODOLOGY OF RFL TEACHING

The paper deals with some important aspects of semasiology, comparative typology and their close connection with methodology of teaching Russian as a foreign language. It examines some questions of the theory of semantic valency, opens wide prospects for the study of syntactic content of a sentence, emphasizes the orientation of the research from content to the form in syntax that allows to consider certain semantic and syntactic paradigm sentences with different semantic and formal structures, but united by a specific, single content category. The authors substantiate the value of this approach for comparative typology of languages, as well as its importance for the practice of language teaching.

Keywords: semantics, valency, actant, comparative typology, methodology of teaching.

О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ОЖИДАЕМОГО / НЕОЖИДАННОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И СЕРБСКОГО ЯЗЫКОВ)

В данной работе категория ожидаемого/неожиданного рассматривается в качестве самостоятельной функционально-семантической категории, имеющей свое значение и свои средства выражения.

Ключевые слова: ожиданность/неожиданность, эпистемическая модальность, эвиденциальность.

В современной лингвистике, ориентированной на «языковую личность», как уже не раз было сказано и написано многими авторами, возрастает интерес к исследованию функционально-семантических категорий (ФСК), являющихся языковыми универсалиями. По нашему мнению, к данным ФСК, несомненно, относится и ФСК «ожидаемое/неожиданное».

В настоящей работе автором предпринята очередная попытка¹ доказать следующий тезис: категория «ожиданности» (предсказуемости)/неожиданности является самостоятельной функционально-семантической категорией (ФСК) в системе других, уже признанных лингвистической теорией — в частности, категории модальности и категории эвиденциальности.

Таким образом, в данной работе в центре нашего внимания находится, образно говоря, «равносторонний треугольник»: ожидаемое/неожиданное — эпистемическая модальность — эвиденциальность.

ФСК ожидаемое/неожиданность включает две грамлемы², одна из которых отражает факт соответствия полученной говорящим информации его представлениям о данной части окружающей его реальной действительности (ожиданность), в то время как вторая грамлема, естественно, указывает на несоответствие полученной информации о картине мира говорящего (неожиданность).

Например:

Ожидаемое:

1а. рус.: *Как мы и думали, они приехали вовремя.*

1б. серб.: *Као и што смо очекивали, стигли су тачно на време.*

Пресуппозиция: *Х считает, что существуют все условия, чтобы Y и другие пришли вовремя.* Ассерция: *Х утверждает, что Y и другие пришли вовремя.*

Неожиданность:

2а. рус.: *И возглавить его может отнюдь не либерал, как это уже было в 1998 году, когда вместо Сергея Кириенко кресло премьера занял Евгений Примаков³.*

Пресуппозиция: *Х считает, что кресло премьера займет Y.* Ассерция: *Х утверждает, что кресло премьера занял не-Y.*

2б. серб.: *«А где си ти до сад?» Душан, као да не чује питање, уместо одговора загрме⁴.*

Пресуппозиция: *Х считает, что в словах Y будет содержаться ответ.* Ассерция: *Х утверждает, что в сказанном Y не было ответа.*

О соотношении ожидаемого /неожиданного, эпистемической модальности и эвиденциальности на основе существующей литературы можно дать три разных ответа: 1) данные категории находятся в дизъюнктивном соотношении; 2) данные категории находятся в инклюзивном соотношении друг с другом; 3) наконец, данные категории частично покрывают друг друга⁵. Нам ближе всех мнение, согласно которому, говоря о данном явлении, надо говорить о трех категориях.

Попробуем это показать на двух примерах.

Ожиданность/неожиданность и эпистемическая модальность⁶

Если ситуация Р является ожидаемой или неожиданной для говорящего, можно ли сказать, что ожидаемость/неожиданность всегда подразумевает субъективную интерпретацию диктума в смысле отражения знания говорящего о сообщаемой в высказывании информации и его отношение к ней с точки зрения ее достоверности?⁷ Как нам представляется, такой ответ был бы неверным. Данное утверждение проиллюстрируем следующими примерами:

3а рус.: *Все пришли, КРОМЕ Ивана.*

(→ Все пришли, ТОЛЬКО/ОДИН Иван [⇒ вопреки ожиданию] не пришел.)

Пресуппозиция: *Х считает, что все придут.* «Все» включает Y. Ассерция: *Х утверждает, что Y не пришел.*

3б серб.: *Помоћ нуде сви ОСИМ државе⁸ (Все оказали помощь, ТОЛЬКО/ОДНО государство [⇒ вопреки ожиданию], поддержки не оказало).*

Пресуппозиция: *Х считает, что все должны оказать помощь.* «Все» включает Y. Ассерция: *Х утверждает, что Y не оказал помощь.*

По нашему мнению, здесь не имеется информации о достоверности/недостоверности информации, есть только информация о несоответствии полученной информации картине мира говорящего.

Ожиданность/неожиданность и эвиденциальность

В сербском языке маркерами неожиданности могут выступить аорист и форма прошедшего времени без вспомогательного глагола (так наз. «крњи перфект»).

Особого внимания заслуживают формы аориста. Сравним следующих два примера: *Он оде без поздрава* и *Удаде се, јагода, удаде се, драга душо*. Высказывание *Он оде без поздрава* можно употребить только в том случае, если событие или ситуация, о которых идет речь, непосредственно предшествует моменту речи. Здесь ясно усматривается основное свойство аориста: указывать на лично пережитое (серб. *доживљеност*). И здесь можно было бы говорить об аористе как показателе эвиденци-

альности (если событие Р непосредственно предшествует моменту речи, то говорящий получает/воспринимает сообщаемую информацию непосредственно — эксперитив, или косвенно — с помощью слуха — аудитив). Высказывание *Удаде се, јагодо, удаде се, драга душо* не зависит от отдаленности события от момента речи. В первом плане находится не отношение времени ситуации к моменту речи. Более того, говорящим на первый план ставится не локализация на оси времени, а характеристика происшедшего события как несоответствующего картине мира говорящего. Как нам кажется, в отличие от аориста в дейктическом режиме, функцией аориста в нарративном режиме может быть вербализация граммемы неожиданности⁹.

Итак, мы считаем, что даже небольшой по объему материал достаточен, чтобы отстоять выдвинутый нами тезис: ожидаемость/неожиданность, эвиденциальность и эпистемическая модальность в русском и сербском языках представляют собой самостоятельные независимые семантические признаки. Во многих случаях можно говорить о кумулятивном выражении данных категорий одной и той же грамматической или лексической формой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. также *Керкез Д.* Неожиданность и отрицание (на материале русского и сербского языков // Сб. докл. Десятый междунар. симпозиум МАПРЯЛ, Велико-Тырново, 2010; Уступительные конструкции как средство выражения неожиданности (на материале русского и сербского языков) // Русское слово на Балканах. Матер. I междунар. симпозиума. Шумен, 2011. С. 85–89; Предложно-педезные конструкции, выражающие неожиданность в русском языке (в сравнении с сербским языком) // Русистика: язык, культура, перевод: Сб. докл. юбилейной междунар. конф. Восток-Запад. София, 2012; Прилози нежданно/неочекивано, внезапно/изненада као средство изражавања неочекиваности // Славистика XVI, Претеритална времена и неочекиваност у српском језику (у по-ређењу са руским) // Српско језичко наслеђе на простору данашње Црне Горе и српски језик данс. Зборник радова са Међународног научног скупа одржаног у Херцег-Новом 20–23. априла 2012. Никшић, 2012. С. 459–468.

² Насколько нам известно, ожидаемость/неожиданность в качестве самостоятельной категории выделял только В. С. Храковский, именуя ее категорией характеристики говорящим передаваемой информации и включающей две граммемы. См.: *Храковский В. С.* Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность. Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб. С. 600–632.

³ ruscorpora.ru — Национальный корпус русского языка.

⁴ korpus.matf.bg.ac.rs — электронный корпус сербского языка.

⁵ Обзор литературы по данному вопросу см. в: *Макарцев М. М.* Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. Примечание: во всех упоминаемых М. М. Макаревым работах, а также в работе его самого не упоминается категория ожиданности/неожиданности, а только лишь одна из ее граммем — неожиданность ((ад)миратив).

⁶ В нашей работе, как и в работах других авторов, рассматривается соотношение только неожиданности как одной из граммем ФСК ожиданности/неожиданности с эпистемической модальностью и эвиденциальностью.

⁷ *Швец В. М.* Субъективная (эпистемическая) модальность и ее выражение в детской речи // Семантические категории детской речи. СПб.: Нестор-история, 2007. С. 161–180.

⁸ www.pravda.rs/2011/03/08

⁹ *Керкез Д.* Op. cit. Претеритална времена и неочекиваност у српском језику (у по-ређењу са руским).

Kerkez D.

ON FUNCTIONAL AND SEMANTIC CATEGORY OF EXPECTEDNESS / UNEXPECTEDNESS (BASED ON RUSSIAN AND SERBIAN MATERIAL)

In this paper the author considers the category of expectedness / unexpectedness as an independent functional and semantic category, with its own meaning and its own means of expression.

Keywords: expectedness / unexpectedness, epistemic modality, evidentiality.

АНАЛИЗ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА В ТРУДЕ А. С. ЧИКОБАВА «ПРОБЛЕМА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ»

В настоящей статье рассмотрен труд Арнольда Чикобава «Проблема простого предложения в грузинском языке», где рассмотрена синтаксическая концепция русского лингвиста Ф. Ф. Фортунатова. Анализируется письмо Ф. Ф. Фортунатова «О преподавании грамматики русского языка в средней школе», которое было зачитано в 1903 году на съезде преподавателей русского языка военных училищ. Его высказывания о словосочетаниях и членах предложения касаются русского языка, но значимы для других языков с точки зрения общего языкознания.

Ключевые слова: синтаксис, подлежащее, сказуемое, грамматика, словосочетание.

Русский лингвист Ф. Ф. Фортунатов внес большой вклад в разработку проблематики общего языкознания и сравнительной грамматики индоевропейских языков. Он создал стройную и последовательную грамматическую теорию, которая оказала большое влияние на русскую грамматическую теорию. Его основными трудами являются «Сравнительное языкознание» (1898), «Сравнительная фонетика индоевропейских языков» (1902), «Сравнительная морфология» (1901) и другие¹.

Среди лингвистов существуют разные мнения о предмете синтаксиса. С одной точки зрения, объектом исследования синтаксиса является сочетание, соединение слов, с другой — предложение, члены предложения, с третьей — предмет синтаксиса считается сочетание, соединение слов и предложения, члены предложения.

Другое понимание предмета синтаксиса и его научный анализ даны в труде Арнольда Чикобава «Проблема простого предложения в грузинском языке» (1968). По мнению исследователя, предмет синтаксиса является синтаксически организованное соединение, сочетание слов, а цель исследования состоит в том, чтобы изучить структуру словосочетания.

В вышеуказанном труде А. Чикобава исследовал синтаксическую концепцию Ф. Ф. Фортунатова, проанализировав его письмо «О преподавании грамматики русского языка в средней школе», которое в качестве доклада было зачитано 27.07.1903 года на съезде преподавателей русского языка военных училищ.

Ф. Ф. Фортунатов рассматривает язык как единство слов и словосочетаний, дает определение слова и словосочетания и в связи с этим ставит вопрос о структуре единиц языка. Основная единица синтаксиса — словосочетание. Синтаксис изучает формы указанных единиц.

По мнению А. Чикобава, основная точка зрения Ф. Фортунатова представлена в той части письма, где говорится, что изучение значения

различных языковых форм предполагает учет отношений между речью и мыслью, а это дело синтаксиса². По его мнению, проблема определения предложения связана с рядом вопросов, которые возникают при изучении нашего мышления. В работе дается определение словосочетания: «Словосочетанием в речи я называю то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражение целого психологического суждения, или выражение его части». Каково строение словосочетания? «Во всяком словосочетании различаются по значению две части: зависимая, несамостоятельная, и независимая, самостоятельная»³.

Что думает Ф. Ф. Фортунатов о частях предложения? В первую очередь он выделяет подлежащее и сказуемое. Определение подлежащего основано на определении сказуемого. Определение же сказуемого таково: «Грамматическое сказуемое — такое слово или такое соединение слов, в котором формой языка обозначен данный предмет мысли в открываемом мыслью сочетании его с другим предметом»⁴. Грамматическое подлежащее — это слово, с которым соединяется, к которому относится в словосочетании грамматическое сказуемое. «В психологическом суждении, или в предложении в мысли, подлежащее образует первую часть, а сказуемое — вторую часть, являющуюся после первой, но откуда мы не вправе делать заключения относительно порядка слов в полных предложениях в речи»⁵. По мнению Арнольда Чикобава, взгляды Ф. Ф. Фортунатова заключаются в следующих положениях: 1. Предложение является отражением психологического суждения. 2. Части предложения не есть и не будут выражением частей психологического суждения: грамматическое подлежащее может быть психологическим сказуемым (предикатом), грамматическое сказуемое — психологическим подлежащим (субъектом) и наоборот. Последовательность психологического субъекта вовсе не определяет последовательность слов в предложении. 3. Определение подлежащего основывается на определении сказуемого; ни первое, ни второе не определяются с опорой на психологические понятия (субъект-предикат). Формами сказуемости считаются форма времени и наклонения в глаголе⁶.

А. Чикобава отмечает: «Фортунатов привлекает наше особое внимание; это объяснимо, если вспомнить, что Фортунатов является родоначальником той школы, которая положила в основу грамматики понятие формы, разбила слово на предметные и формальные части, возложила на морфологию изучение формы слова, а предметом синтаксиса определила словосочетания, формы словосочетаний»⁷.

Ф. Ф. Фортунатов рассматривает язык как общественное явление. Он особо подчеркивает внутреннюю взаимосвязь языка с развитием соответствующего общественного коллектива — «каждый язык принадлежит народу, как тем или иным членам общества. Те изменения, которые происходят в обществе, соответственно отражаются и в языке»⁸.

Таким образом, Арнольд Чикобава в своем труде «Проблема простых предложений в грузинском языке» досконально рассмотрел различные взгляды на предмет синтаксиса, в том числе взгляды Ф. Ф. Фортунатова на словосочетание и члены предложения, и отметил, что у каждого языка свое специфическое, характерное для него грамматическое строение, правила словоизменения и словообразования и поэтому различным будет и их синтаксис. Синтаксическая концепция Ф. Фортунатова касается русского языка, но значима для других языков с точки зрения общего языкознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Чрелашвили К. Т.* История лингвистических учений. Издательство Тбилисского университета. Тбилиси, 1990, С. 142.

² *Чикобава А. С.* Проблема простых предложений в грузинском языке. Издательство «Мецниереба». Тбилиси, 1968, С. 37.

³ *Фортунатов Ф.Ф.* О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Русский филологический вестник. Т. 53. № 2. 1905. С. 58–74.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ *Чикобава А. С.* Указ. соч.

⁷ Там же.

⁸ *Чрелашвили К. Т.* Указ. соч.

Koberidze M. Zh.

FORTUNATOV'S ANALYSIS OF SYNTACTIC CONCEPT IN ARNOLD CHIKOBAVA'S WORK "THE PROBLEM OF SIMPLE SENTENCES IN GEORGIAN"

The paper discusses Arnold Chikobava's work "The Problem of Simple Sentences in Georgian", where the author had discussed Russian Linguist Filipp Fyodorovich Fortunatov's syntactic concept, especially Fortunatov's letter "On Teaching Grammar of Russian Language in Secondary School", which had been delivered as a report at the Meeting of Russian Language Teachers of Military Schools in 1903. Fortunatov's opinions about members of collocation and sentence are important for many languages from the point of view of general linguistics.

Keywords: syntax, subject, predicate, grammar, word collocation.

Ковальская Анна Владимировна

Московский государственный
лингвистический университет, Россия

creativeslow@mail.ru

Савостина Дарья Андреевна

ГБОУ «Школа № 1288», Московский государственный
областной университет, Россия

dar-savostina@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМАХ ВЫРАЖЕНИЯ ПОСТОЯННОГО / НЕПОСТОЯННОГО КАЧЕСТВА В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА)

Представлен сопоставительный анализ грамматических форм русского и испанского языков, выражающих семантику постоянного признака (испанский глагол *ser*, русские членные формы прилагательного) и качественного состояния, проявляющегося во времени (испанский глагол *estar* и русский предикатив), описана специфика их употребления. Установлено, что и в русском, и в испанском языках наличествует значение постоянного/непостоянного признака/состояния и специализированные формы выражения данных значений.

Ключевые слова: грамматическая форма, предикатив, качественное состояние, глаголы *ser*, *estar*.

В системе частей речи отражается стадия развития языка, его грамматический строй. В языке произведений каждой эпохи наблюдаются приоритетные грамматические категории и синтаксические структуры. В поэтических текстах русской литературы I-й половины XX века активно употребляется «гибридная» грамматическая категория, активная со смешанных списком частеречных признаков — *предикатив*. Предикатив совмещает признаки прилагательного (род, число, степени сравнения, способность сочетаться с глаголами-связками) и глагола (время, наклонение, вид, лицо, способность управлять именем) и противопоставляется одновременно глаголу и прилагательному как самостоятельная часть речи. *Близок вой похоронных труб, / Смутен вздох охладевших губ* (А. Блок); *Благостны осенние отблески вечерние / В северной губернии* (И. Северянин); *Но годы страшные пройдут, / Ты скоро снова будешь молод* (А. Ахматова); *Восхитительна новая звезда. / Всех ослепительней она. / Недвижна темная вода, / И в ней звезда отражена* (А. Блок). Таким образом, предикатив — это особая часть речи, оформившаяся в результате обособления краткой формы в парадигме имени прилагательного, имеющая собственное категориальное значение качественного состояния, проявляющегося во времени¹. Категориальная

специфика предикатива сделала его своеобразным и характерным элементом языковой картины мира русской поэзии начала XX столетия. Способность предикатива дать емкую, краткую, образную характеристику качественного состояния, проявляющегося во времени, обусловила активность и регулярность употребления данной грамматической категории в литературе анализируемого периода. Функционально обособленные безличные формы предикатива обозначают состояние без привлечения внимания к субъекту, что позволяет поэту представить наиболее объективно действительность: *Холодно и пусто в пышной спальне, / Слуги спят и ночь глуха; За окном черно и пусто, / Ночь полна шагов и хруста* (А. Блок). Таким образом, предикатив представляет аналитическую форму — именной компонент со связкой: *радостно* (нулевая форма связки) — *было радостно*. Связка оформляет модально-временной план предикатива, может варьироваться лексически и грамматически, а именной компонент содержит вещественное значение: *Не потому ли, что небо голубо, / а земля мне любовница в этой праздничной чистке, / я дарю вам стихи, веселые, как би-ба-бо, / и острые и нужные, как зубочистки!* (В. Маяковский); *Но годы страшные пройдут, / Ты скоро снова будешь молод* (А. Ахматова); *И вспомнишь все, и смех исчезнет с уст, / И мир покажется угрюм и пуст* (С. Соловьев).

В современном русском языке можно зафиксировать процесс расхождения полных прилагательных и восходящего к ним предикатива по форме, семантике и функции. Полное прилагательное обозначает признак вневременной, постоянный, присущий субъекту всегда. Предикатив, благодаря входящей в его структуру связке, называет качественное состояние, проявляющееся во времени, то есть непостоянный признак субъекта. Принадлежность предикатива к словам с формами времени составляет его отличительную грамматическую черту. «Формами времени краткие прилагательные больше всего отличаются от полных <...> Формы времени кладут резкую грань между ними и полными прилагательными <...>»². Говоря о семантической основе кратких прилагательных, Виноградов указывает на то, что нечленные формы присущи только тем качественным прилагательным, которые допускают видоизменение качества и превращение его в качественное состояние, протекающее во времени, тогда как полные прилагательные обозначают признак вневременной (к определенному времени его можно отнести лишь в контексте). Ср.: *Как труден горный путь и как еще далёко, Далёко все, что грезилось мне* (В. Соловьев) — *И гул езды далекой, как дальний плеск, И свечки одинокой печальный блеск* (Н. Минский); *Тяжела ты, любовная память* (А. Ахматова) — *Какой тяжелый, темный бред! / Как эти выси мутно-лунны!* (Ин. Анненский); *Живы дети, только дети, / — Мы мертвы, давно мертвы* (Ф. Сологуб) — *Дома и призраки людей / — Все в дымку ровную сливалось / И даже пламя фонарей В тумане мертвом задыхалось* (Д. Мережковский). В оформлении темпоральной

характеристики принимают участие словоформы с временной семантикой (полузнаменательные связки, наречия): *Твоя печаль, для всех не явная, / Мне сразу сделалась близка* (А. Ахматова); *Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд / И руки особенно тонки* (И. Северянин); *Иногда я бываю печален, / Я, забытый, покинутый Бог* (Н. Гумилев). Таким образом, в современном русском языке форма предикатива употребляется в речи, если говорящий определяет признак предмета как непостоянный, способный меняться со временем, присущий субъекту на каком-то отдельном этапе. Когда речь идет о постоянном признаке субъекта, его свойствах, употребляется полная форма прилагательного. Ср. в обычной речи: *здоровый ребенок — ребенок здоров*.

Грамматическая система испанского языка обладает своим набором морфологических форм для выражения значения постоянного / непостоянного признака. К таким грамматическим формам относятся глаголы *ser* и *estar*. *Ser* используется в испанском языке для обозначения неотъемлемых характеристик или постоянных состояний *Todas las rosas son blancas, / tan blancas como mi pena, / y no son las rosas blancas, / que ha nevado sobre ellas* (Х. Р. Хименес). Вариант перевода: *Все розы белые, / как горе мое, как возмездье, а если они не белые, то снег их выбелил вместе*. Ср.: у И. Северянина употребление предикатива: *В те времена, когда роились грезы / В сердцах людей, прозрачны и ясны, / Как хороши, как свежи были розы / Моей любви, и славы, и весны! // Прошли лета, и всюду льются слезы... / Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране... / Как хороши, как свежи нынче розы / Воспоминаний о минувшем дне! // Но дни идут — уже стихают грозы. / Вернуться в дом Россия ищет троп... / Как хороши, как свежи будут розы, / Моей страной мне брошенные в гроб!* Х. Р. Хименес указывает на постоянный признак цветов, их природный цвет, который, совершенно очевидно, не может измениться. Следовательно, употребление глагола *ser* объясняется экстралингвистическими факторами. «В составном именном сказуемом глагол *ser* с прилагательными, обозначающими качества или состояния, определяет эти качества и состояния как постоянные»³. И. Северянин выражает субъективное восприятие цветов в разное время, что выражается глаголом-связкой в составе предикатива.

Estar употребляется для обозначения временных состояний. «Как глагольная связка глагол *estar* с прилагательным, причастием или наречием выражает обычно временное качество или состояние»⁴. *Siempre que cruce su calle, / al ponerse el sol de mayo / estaba seria, en su puerta, / toda vestida de blanco* (Х. Р. Хименес). Вариант перевода: *С тех пор, когда через площадь / я шел на майском закате, / она стояла у двери, / серьезная, в белом платье*. Форма описательного времени глагола (имперфекто) указывает на то, что героиня была серьезна только в момент, описываемый в тексте. Ср. еще: *Creímos que todo estaba / roto, perdido, manchado... / — Pero, dentro, sonreía / lo verdadero, esperando*

(Х. Р. Хименес); *Se está la orilla dorando. / El último pensamiento / del sol la deja soñando... / Se está la orilla dorando* (Х. Р. Хименес); *Cesó el clarín agudo, y la luna está triste. / Grandes nubes arrastran la nueva madrugada. / Ladra un perro alejándose, y todo lo que existe / se hunde en el abismo sin nombre de la nada* (Х. Р. Хименес); *Mi alma está madura / hace mucho tiempo, / y se desmorona / turbia de misterio* (Ф. Г. Лорка); *La tarde está tendida / a lo largo del río. / Y un rubor de manzana / tiembla en los tejadillos* (Ф. Г. Лорка).

Глагол *ser* употребляется при описании постоянного качества, неизменной характеристики; при назывании имени человека, при обозначении профессии, времени, дня недели, места рождения, родственных отношений, вероисповедания, возраста, цвета, размера. *El aire es inmortal. La piedra inerte /ni conoce la sombra ni la evita. /Corazón interior no necesita / la miel helada que la luna vierte* (Ф. Г. Лорка); *Cómo me dice el agua / que el sueño se deshizo para siempre! / ¿El sueño es infinito? / La niebla lo sostiene, / y la niebla es tan sólo /cansancio de la nieve* (Ф. Г. Лорка); *El dormir es como un puente / que va del hoy al mañana. / Por debajo, como un sueño, / pasa el agua, pasa el alma* (Х. Р. Хименес).

Глагол *estar* употребляется при указании на местоположение, временное состояние, действие в настоящий момент, температуру, время года. *Morado y verde limón / estaba el poniente, madre. / Morado y verde limón / estaba mi corazón* (Х. Р. Хименес); *Detrás, la casa está vacía. / Delante, carreteras / que llevan a otras partes, solas, yertas. / Y la lluvia que llora ojos y ojos, / cual si la hora eterna se quedase ciega* (Х. Р. Хименес); *Aunque la casa está muda y cerrada, / yo, aunque no estoy en ella, estoy en ella. / Y... ¡adiós, tu que caminas / sin volver la cabeza!* (Х. Р. Хименес); *La luna tiene dientes de marfil. / ¡Qué vieja y triste asoma! / Están los cauces secos, / los campos sin verdes / y los árboles mustios / sin nidos y sin hojas* (Ф. Г. Лорка).

Безусловно, поэтический текст может иметь грамматическую погрешность, нарушение правил построения языковых единиц в целях сохранения ритмо-мелодики стиха, это приводит к некоторой грамматической алогичности, с точки зрения грамматики: *Andando, andando; / ¡que quiero ver todo el llanto / del camino que estoy cantando* (Х. Р. Хименес). Вариант перевода: *Иду неустанно, / чтоб слышать все слезы и раны / дорог, о которых пою постоянно! Es olor todo el ámbito. Por la marisma hueca, / los juncos tienen alas. Y en la lama — ancho viento / el sol que muere, como a una gran hoja seca, / pinta nervios de luz, en tejido sangriento* (Х. Р. Хименес). Вариант перевода: *Стали запахом дали. В обмелевшей низине — / тростниковые крылья. И, как тусклую ризу, / солнце тклет — умирая, словно лист на осине, — / световые прожилки по кровавому бризу.*

Употребляясь с одним и тем же словом, глаголы *ser / estar* полностью меняют семантику высказывания. Например, *es aburrido — он скучный, está aburrido — ему скучно; es bueno — он хороший, está bueno — как*

хорошо! как вкусно!; es malo — он плохой, está malo — он плохо себя чувствует; es vivo — он живой, está vivo — он жив.

В русском языке также случаи семантического сходства полных прилагательных и личных форм предикатива конкурируют со случаями разрушения параллелизма между ними. Обособившись от полных форм, предикатив стал развивать лексические значения, не находящие соответствий в членных формах. Например, лексема *плох, -о, -а, -и* в значении 'слабый, не подающий надежды на поправку'⁵, вообще не имеет аналога в полной форме (*Дело было плохо*) Прилагательное *бедный* в значении 'обладающий очень скудным достатком, неимущий'⁶ образует предикатив (*Она была бедна*), а в значении 'несчастный, возбуждающий жалость, сострадание' краткая форма невозможна (*Бедная ты моя! Устала?!*).

Таким образом, и в русском, и в испанском языке существует свой набор грамматических форм для передачи постоянного / непостоянного качества (признака, состояния). Испанские глаголы *ser / estar* схожи по функции с русским глаголом-связкой, предназначенным для выражения персонально-темпоральных характеристик. Семантическое расхождение членных прилагательных с предикативом в русском языке схоже с изменением значений одного и того же слова при употреблении с испанскими глаголами *ser / estar*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дегтярева М. В. Частеречный статус предикатива. М., 2007. 162 с.; Лекант П. А. Часть речи предикатив // Структура, семантика и функционирование в тексте языковых единиц: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1995. С. 3–8.

² Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М., 1972. С. 216.

³ Родригес-Данилевская Е. И., Патрушев А. И. и др. Учебник испанского языка. Практический курс. Книга 1. 3-е изд. М. С. 60.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2004. С. 683.

⁶ Там же. С. 55.

Kovalskaya A. V., Savostina D. A.

SOME FORMS OF EXPRESSION OF PERMANENT / NON-PERMANENT (VARIABLE) QUALITY OF THE OBJECT IN RUSSIAN AND SPANISH LANGUAGES (ON THE MATERIAL OF THE POETRY OF THE 1ST HALF OF THE 20TH CENTURY)

The article presents a comparative analysis of grammatical forms of Russian and Spanish languages, expressing the semantics of a constant feature (in Spanish it can be expressed by the verb *Ser*, and in Russian by full form of an adjective) and the quality state of an object, manifested in time condition (it is expressed in Spanish by the verb *Estar* and in Russian by predicative). The specific of their use is also described in this article. It was found that in both languages, Russian and Spanish, exists the meaning of permanent / non-permanent property / state and specialized forms of expression of set meanings.

Keywords: grammatical form, predicative (form), quality state, verbs *Ser, Estar*.

Куратчик Магдалена

Варшавский университет, Польша

M. Kuratczyk@uw.edu.pl

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ КОРПУСА РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ И ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

В статье даётся характеристика двух новых общедоступных параллельных корпусов с текстами на русском и польском языках, представляющих независимые друг от друга проекты, возникшие, однако, во взаимном сотрудничестве. Кроме того, приводится конкретный пример использования параллельных корпусов в сопоставительном исследовании языков, имеющем значение не только для двуязычной лексикографии и переводоведения, но и при обучении русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: параллельный корпус, русский и польский языки, сопоставительное изучение языков, лингводидактика.

Теоретические обобщения в области сопоставительной лингвистики, переводоведения и двуязычной лексикографии основываются в некоторой степени на данных, полученных в результате сравнения текстов оригинала и перевода. До недавнего времени как подбор текстов, так и поиск интересных исследователя языковых фактов проводился вручную. В настоящее время наиболее удобным и эффективным инструментом для получения обширного и достоверного двуязычного материала, обладающего заданными характеристиками и позволяющего наблюдать за переводчески релевантными межязыковыми соответствиями, являются параллельные корпуса.

Цель данной статьи — дать общую информацию о двух новых корпусах с русским и польским языками и сферах их применения, а также проиллюстрировать возможности их использования на одном лишь примере (из-за ограничения места) — способах перевода польского неопределённого местоимения-числительного *kilkanaście*, обозначающего количество от 11 до 19 и не имеющего в русском языке точного эквивалента. Кроме анализа используемых переводчиками функциональных аналогов данного местоимения и сравнения полученных результатов с тем, что предлагают польско-русские словари, в статье, на основе корпусных фактов, строятся новые модели перевода¹ конструкций, содержащих местоимение *kilkanaście*.

Параллельные корпуса, о которых здесь пойдёт речь, представляют собой базы русских и польских текстов, выровненных по предложениям, т. е. каждому предложению исходного текста соответствует его перевод на другой язык². Оба появились в Интернете в 2013 году в открытом доступе. Первый из них (далее ПК-PL) создан небольшой группой сотрудников Варшавского университета под руководством М. Лазинского в качестве са-

мостоятельного проекта³. Второй (далее ПК-Ru) — группой сотрудников Российского государственного гуманитарного университета под руководством С. О. Минлос и представляет собой отдельный модуль параллельных корпусов в составе *Национального корпуса русского языка*⁴.

Стоит обратить внимание на факт, что оба корпуса развивались во взаимном сотрудничестве. В реализации польского проекта существенную роль сыграли русские коллеги из Москвы и Уфы. Саму идею создания ПК-PL выдвинули и свою помощь предложили полонисты и русисты из Башкирского ГПУ им. М Акмуллы — Елена Слободян и Борис Орехов. Немаловажную помощь при подготовке и выравнивании текстов оказали сотрудники *Национального корпуса русского языка* — Дмитрий Сичинава и Светлана Минлос. Поляки отблагодарили передачей находящихся в их распоряжении битекстов, благодаря чему русско-польский модуль является одним из самых больших в составе параллельных корпусов НКРЯ⁵. Этим объясняется также тот факт, что базы текстов обоих корпусов отчасти совпадают.

ПК-PL включает ок. 30 млн. слов. Большая часть текстов (ок. 66%) находится в открытом доступе. Остальные, охраняемые авторским правом, доступны лишь русистам и полонистам Варшавского университета для исследовательских целей.

Структура корпуса следующая: тексты художественной литературы составляют 90%, документальная литература и юридические тексты — 5%, публицистические тексты (журнала Forum и сайта inosmi.ru) — 1%, религиозные тексты (Библия) — 4%.

База текстов включает оригинальные польские тексты (50%), оригинальные русские (33%) с их переводами соответственно на русский и польский языки, а также тексты русский и польских художественных переводов с третьего языка (15%) — английского, немецкого, французского и итальянского.

Поиск может вестись или по всему корпусу, или с разбиением по жанрам, причем в рамках художественной литературы в двух временных отрезках: до 1945 г. и после 1945 г.

ПК-Ru — второй из новых корпусов с русским и польским языками, по своему объёму занимает среди параллельных корпусов НКРЯ высокое третье место после русско-английского и русско-украинского. Польские оригинальные тексты с их русскими переводами имеют объём 5 млн. слов, русских оригиналов с польскими переводами меньше — 1,3 млн.

Польские тексты представлены 34 художественными произведениями, созданными с 80-ых годов XIX в. до начала XXI в., и двумя современными юридическими (Законом о Верховной Контрольной Палате от 1995 г. и Уголовным кодексом Республики Польша от 1997 г.). Русских текстов значительно меньше — всего 18 произведений художественной литературы, написанных с половины XIX в. до половины XX в.

В обоих корпусах возможен поиск в двух направления — от русского или от польского языка, в обоих запрос может касаться как точных форм, их сочетаний или отрезков⁶, так и лексико-грамматических параметров (по лексеме или по набору грамматических характеристик). Оба корпуса предоставляют также возможность поиска с исключением из рассмотрения «ненужной» формы. В ПК-Ru (как и в НКРЯ), а также в ПК-PL при всех видах поиска, кроме параллельного, для этого используется оператор минус (-).

ПК-PL дает, сверх того, возможность параллельного поиска, при котором условия поиска задаются одновременно тексту оригинала и перевода, что дает, напр., возможность отдельно рассмотреть случаи, когда польскому *prawda* соответствует в переводе *правда*, а когда *истина*. При таком поиске в ПК-PL достаточно поставить «галочку» в созданном для этого окошке отрицания.

ПК-Ru, как и весь НКРЯ, предлагает, в свою очередь, разнообразные дополнительные возможности уточнения поискового запроса, напр.: поиск слова перед/после точки, запятой или другого знака препинания, поиск слова в начале/конце предложения и др., а также поиск сочетаний лексем (до десяти) с возможностью задать расстояние между ними.

Параллельные корпуса представляют собой основной источник материала в сопоставительном изучении языков, в теории и практике перевода, в двуязычной лексикографии, в лингвокультурологических и психолингвистических исследованиях, в которых важна частотность тех или иных слов в сравниваемых языках, в лингводидактике. При обучении иностранному языку параллельные корпуса позволяют на обширном текстовом материале проиллюстрировать конкретные лексические и грамматические явления, облегчают подбор текстов к задачам и упражнениям, причём текстов соответствующим образом профилированных (ограниченных, напр., заданными временными рамками, сферой употребления, языком исходного языка, морфологическими характеристиками), помогают организовать самостоятельную работу студентов⁷.

Источником иллюстративного материала для представления потенциала параллельных корпусных исследований будут оба охарактеризованных выше и дополняющих друг друга по возможностям поиска корпуса. В качестве примера рассмотрим основные виды переводческих решений относительно местоимения *kilkanaście*.

Три разных больших польско-русских словаря предлагают разнообразные решения проблемы перевода: *более десяти*, *десятка полтора* и *несколько*. ПК-PL содержит 646 примеров (ПК-Ru — 343 примера) употребления местоимения *kilkanaście* (в польском оригинале в разных грамматических формах), из которых меньше, чем половина, переводится одним из приведённых выражений. Оказывается, наиболее часто (186 примеров) переводчиками выбирается — наименее точный — экви-

валент *несколько*, напр.: *Znowu posunął się **kilkanaście** kroków wzdłuż amfiteatru, a za nim wzruszeni słuchacze.* [Faraon, Prus B.] — *Он сделал еще **несколько** шагов вдоль амфитеатра, за ним последовали взволнованные слушатели.* [Фараон, Прус Б.]

В переводах лексемы *kilkanaście* регулярно используется ок. 50 различных конструкций с числительными *десять*, *пятнадцать*, *двадцать* или существительным *десяток*, напр.: *десять с лишним*, *десять-пятнадцать*, *десять и больше*; *больше, чем десять*; *десять, а то и двадцать*; *около пятнадцати*, *пятнадцать-восемнадцать*, *каких-нибудь двадцать*, *около двадцати*, *почти двадцать*, *хоть двадцать*, *что-то около двадцати*, *десяток с небольшим*, *десяток-два*, *какой-нибудь десяток*, *не меньше десятка*, *немногим больше десятка*. Значение приблизительного количества передаётся часто также конструкциями с инверсией числительного, напр.: *Palił się jakiś śpichlerz czy łamie o **kilkanaście** kroków od okna.* [Popioły, Żeromski S.] — *Горел какой-то не то амбар, не то склад шагах в **пятнадцати** от окна.* [Пепел, Жеромский С.]

Те же аналоги употребляются при переводе синонимичного рассматриваемому местоимению *paręnaście*, напр.: *Poszli w stronę budynku stacji, najpierw Hanemann, **paręnaście** kroków za nim Hanka z Adamem.* [Hanemann, Chwin S.] — *Они пошли в сторону вокзала, впереди Ханеман, за ним, **шагах в двадцати**, Ханка с Адамом.* [Ханеман, Хвин С.]

Как показывает анализ корпусных данных почти в 14 % случаев лексема *kilkanaście* оставлена без перевода, а в 11 % переводчик избрал индивидуальный, нестандартный эквивалент, резко расходящийся по смыслу с оригиналом. Ср., напр.: *Z gąszczy kaktusów, **dochodzących niekiedy do kilkunastu stóp wysokości**, dolatywały mnie wesole szczebioty i pogwizdy ptaków.* [Biały Jaguar, Fiedler Arkady] — *Из зарослей кактусов, **достигавших порой чуть ли не метра в высоту**, доносился веселый щебет птиц.* [Белый ягуар, Фидлер А.]

Интересно также заметить, что если в польских оригиналах лексема *kilkanaście* представлена сотнями примеров, то в переводах с русского встречается редко — лишь в 15 случаях в ПК-PL и в трёх в ПК-Ru.

Анализ корпусных примеров употребления местоимения *kilkanaście* заставляет обратить внимание на довольно частое его использование после количественных числительных (типа *sto kilkanaście*, *dwieście kilkanaście*). Такие сочетания не приводятся ни одним из существующих польско-русских двуязычных словарей, несмотря на то что при переводе они требуют использования особого типа конструкций, набор которых — по корпусным данным — является закрытым. Ср.: *W parę tygodni czasu z naszego batalionu, który tysiąc miał ludzi, zostało nas **stu kilkunastu**.* [Stefan Żeromski. Popioły (1902)] — *Через две недели из батальона, в котором было тысяча человек, осталось нас **сто с небольшим**.* [Стефан

Жеромский. Пепел (Е. Н. Троповский, Е. М. Егорова, 1967)]; [*Kotwica*] *werznięta się była w dno i zahaczyła o głazy. Stu kilkunastu nas dołożyło ramienia.* [Stefan Żeromski. *Popioły* (1902)] — [*Якорь*] *зарылся в дно и зацепился за камень. Сто с лишним человек помучились с ним.* [Стефан Жеромский. Пепел (Е. Н. Троповский, Е. М. Егорова, 1967)]; *Zaledwie trzeciego dnia zebrała się koło niego wataha złożona z dwustu kilkunastu tołojców (...).* [Ogniem i mieczem, Sienkiewicz H.] — *Только на третий день около него собралась ватага казаков из двухсот с небольшим человек (...).* [Огнем и мечом, Сенкевич Г.].

Приведённые примеры дают основания построить и ввести в двуязычный словарь следующее переводческое правило: **sto** (dwieście, trzysta itd.) **kilkanaście** сто (двести, триста и т. д.) с небольшим, сто (двести, триста и т. д.) с лишним.

Отдельную группу, заслуживающую внимания с точки зрения сопоставления языков и двуязычной лексикографии, составляют сочетания местоимения *kilkanaście* с названиями временных отрезков (типа: *sekunda, minuta, godzina, dzień, miesiąc*). Как показывает материал, они относительно часто переводятся с помощью конструкций с существительными, обозначающими временные отрезки на порядок выше, напр.: *kilkanaście sekund — чуть ли не полминуты, kilkanaście minut — (с) четверть часа, kilkanaście godzin — почти сутки, kilkanaście dni — недели две*. Ср.: *Od kilkunastu godzin straciliśmy panowanie nad sterem.* [Biały Jaguar, Fiedler A.] — *Почти сутки мы без руля.* [Белый ягуар, Фидлер А.]. К сожалению, эти отношения менее регулярны и довольно вариативны, что затрудняет построение общей модели их перевода.

Итак, параллельные корпуса представляют собой обширную базу реальных текстовых примеров переводческих трансформаций, которая легко и быстро поддается самым разнообразным формам лингвистического поиска. Пользователь, овладевший — не так уж сложными — принципами построения поискового запроса, может обращаться к ним как в поисках примеров употребления конкретных слов и выражений, так и при верификации и/или коррекции поставленной ранее гипотезы и исследованиях индуктивного типа, при которых изучение корпусных фактов позволяет строить обобщения, релевантные при установлении межъязыковых соответствий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под моделью перевода здесь понимается образец конструкции переводного языка регулярно используемый в переводе однотипных сочетаний определенной коммуникативной сферы исходного языка. Ср. *Сичинава Д. В.* Параллельные корпуса в составе национального корпуса русского языка как инструмент лексико-грамматической типологии // *Tipologia léxica*, ed. R. Guzmán Tirado, I. A. Votyakova, Granada, 2013. С. 77–82; <http://www.academia.edu/3366459>.

² Под параллельным корпусом понимается иногда также корпус, содержащий оригинальные тексты двух языков, близкие друг другу в каком-либо отношении, напр., по тематике, функциональному стилю или времени создания.

³ См.: <http://www.pol-ros.polon.uw.edu.pl>. Проект финансируется на средства Национального центра науки Республики Польша в 2010–2013 гг. (грант N N104056638). Участники: М. Лазинский (профессор, Институт польского языка), М. Куратчик (доцент, Институт русистики), Н. Годлевская (аспирантка, Институт польского языка).

⁴ См.: <http://ruscorp.org.ru/search-para-pl.html>. НКРЯ включает 11 корпусов-модулей: Основной, Газетный, Синтаксический, Обучающий, Поэтический, Диалектный, Исторический, Акцентологический, Устный, Мультимедийный и Параллельный. Параллельный же модуль охватывает 11 двуязычных подкорпусов, включающих русский и английский, армянский, белорусский, болгарский, испанский, итальянский, латышский, немецкий, польский, украинский и французский языки, а также мультязычный подкорпус.

⁵ На сайтах обоих корпусов даются ссылки друг на друга. См.: <http://www.pol-ros.polon.uw.edu.pl/index.php?id=08&lang=pl> и <http://www.ruscopora.ru/corpora-other.html>.

⁶ Для этого в ПК-PL используются два метасимвола — точка (.), заменяющая один буквенный знак, и точка со звездочкой (.*), применяемая для замены любой последовательности знаков. В ПК-Ru звездочка (*) заменяет один или больше буквенных знаков.

⁷ Стоит обратить внимание, что корпусам с русским и польским языкам посвящены уже первые научные статьи, напр. *Laziński M., Kuratczyk M., Orekhov B., Slobodjan E.* The Polish-Russian Parallel Corpus and Its Application in the Linguistic Analysis // *Prace Filologiczne*. 2012. № LXIII. С. 209–218; *Kuratczyk M.* Polsko-rosyjskie korpusy równoległe i przykład ich wykorzystania w gramatyce konfrontatywnej // *Komunikacja Specjalistyczna. Tropy lingwistyki*. № 6. Warszawa. 2013. С. 44–62; *Kuratczyk M.* Параллельные польско-русские корпуса в обучении переводу юридического текста // *Komunikacja Specjalistyczna. Languages for Special Purposes — a Tool of Modern Science*. № 7. Warszawa. 2014. С. 111–128; *Kuratczyk M.* Przydatność korpusów równoległych w leksykografii z językiem polskim i rosyjskim (в печати); *Laziński M., Kuratczyk M.* Польско-русский параллельный корпус Варшавского университета (в печати).

Kuratczyk M.

POLISH-RUSSIAN PARALLEL CORPORA AND EXAMPLE OF THEIR APPLICATIONS TO CONTRASTIVE STUDIES AND LANGUAGE TEACHING

The article presents two new open-access Polish-Russian parallel corpora that, while being independent projects, are the result of collaboration between Polish and Russian linguists. Besides a general description and characterisation of the corpora, the article includes example of the application of parallel corpora to both linguistic research (contrastive studies, bilingual lexicography, translation studies) and the teaching of Russian as a foreign language.

Keywords: parallel corpus, Russian and Polish languages, bilingual lexicography, contrastive analysis, language teaching.

«ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА» ПРИ КОНТАКТЕ РУССКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Анализ трехязычных «ложных друзей переводчика» (на материале русского, французского и английского языков) позволил создать типологию, включающую три группы диапаронимов: синонимические, контактные и диапаронимические сплетения, а также определить направление и вероятность их смешения.

Ключевые слова: интерференция, «ложные друзья переводчика», синонимия, контакт.

«Ложными друзьями переводчика», или диапаронимами¹ (по аналогии с определениями «диасистема», «диалексема») являются сходные по форме слова двух и более контактных языков, воспринимаемые носителями как семантически тождественные и ошибочно используемые в качестве эквивалентов при переводе с одного языка на другой. Сравните: рус. *азарт* // франц. *hasard* «случай», рус. *вельвет* // англ. *velvet* «бархат», англ. *library* «библиотека» // франц. *librairie* «книжный магазин». Явление «ложного друга переводчика» изучается в рамках более общего механизма — лексической интерференции, т. е. регулярного смешения или сближения сходных слов, исходя из внутренней формы термина (лат. *inter* «между» и *ferire* «ударять»: взаимопроникновение, взаимоударение). Отметим также, что межъязыковая интерференция может быть *интраверсивной* — с чужого языка на родной и *экстраверсивной* — с родного языка на чужой. И тот, и другой виды интерференции характерны для носителей обоих контактных языков.

Если до сих пор изучение «ложного друга», заключалось, в основном, в составлении специальных словарей, словарей-справочников, то проблема теоретического обоснования и создания типологий были разработаны гораздо в меньшей степени. Традиционно феномен «ложного друга» рассматривался при контакте двух языков, принципиально новым в нашем исследовании является трехмерный подход, изучение одновременно трех языковых стыков: русско-французский, русско-английский, англо-французский. В нашу задачу не входило изучение абсолютно всех «ложных друзей» при контакте трех языков, анализируемый материал был подобран по функциональному принципу, т. е. из множества потенциальных русско-французско-английских корреляций в работу были включены примеры, зафиксированные в словарях «ложных друзей» как реальные интерференционные ошибки.

Практическим материалом исследования послужили 170 коррелятивных слов русского, французского и английского языков, отобранных

с помощью сплошной выборки по трем двуязычным словарям «ложных друзей переводчика»². Примеры употребления выявленных трехязычных коррелятов обогащались за счет материалов современных двуязычных и одноязычных толковых словарей соответствующих языков, а также верифицировались информантами — носителями русского, французского и английского языков.

В основу разработанной нами типологии русско-французско-английских диапаронимов была положена классификация И. Н. Кузнецовой³, занимавшейся проблемой французско-русских «ложных друзей переводчика». Данная типология позволяет не просто изучить семантику коррелятивных слов (полное или частичное несовпадение семантических объемов коррелятивных слов, что мы находим в большинстве работ по «ложным друзьям», напр., А. Алин⁴, М. Баллар, К. Векстин⁵, А. Яла⁶), но и определить направление интерференции в зависимости от лексико-семантического класса диапаронимов. Дополнительный анализ морфологической интерференции дает возможность спрогнозировать морфологические смешения на трехязычном материале.

В ходе нашего исследования были выявлены три класса русско-французско-английских диапаронимов, первый из которых представлен синонимическими диапаронимами (68%), т. е. формально сходными словами трех языков, одно или несколько словарных значений которых совпадают, таким образом, в этом/этих значениях они в норме взаимозаменяемы, и интерференция исключена, тогда как остальные значения коррелятов оказываются неравными, и если в речевом взаимодействии данные значения приравниваются вопреки их словарному различию, это приводит к интерференционной ошибке.

Наглядным примером может служить корреляция рус. *журнал* // франц. *journal* // англ. *journal*. Данные диапаронимы обладают общими значениями на стыке трех и двух языков, напр., в значении «отраслевое периодическое издание в виде книжки»: *литературный журнал / journal littéraire / literary journal*. Несмотря на сходство словарного значения, описываемые корреляты имеют разную дистрибуцию в каждом из рассматриваемых языков, а потому их реальные эквиваленты при переводе могут не совпадать, напр., русскому сочетанию *научный журнал* соответствует коррелятивное английское *scientific journal* и некоррелятивное французское сочетание *revue / périodique scientifique*.

Все три рассматриваемые коррелята в диахронии были тождественны в значении «записи личного характера, ведущихся изо дня в день; дневник», тем не менее, интерференция, исключавшаяся в диахронии, в синхронии возможна: *вести дневник / tenir un journal / to keep a journal*.

В этой триаде наблюдаются также синонимичные отношения на стыке двух языков — русскому и французскому коррелятам свойственно значение «книга или тетрадь для регулярной записи событий, решений,

постановлений и т. п.» в отличие от английского диапаронима: *судовой, бортовой журнал / journal de bord следует переводить английским log book*. Французский коррелят обладает также значениями «газета» (преимущ. ежедневная) и «информационный бюллетень, новости», ср., *утренняя/ вечерняя газета / journal du matin/du soir / morning/evening paper; телевизионные новости / journal télévisé / television news*.

Вышеописанная триада манифестирует словарное равенство всех коррелятов в двух значениях, но интерференция в этих значениях возможна, так как в первом случае сочетаемость коррелятов различна, а во втором — общее значение, свойственное трем диапаронимам, оказывается устаревшим и, следовательно, малоупотребительным для одного из «ложных друзей» (речь идет о русском корреляте).

Контактные диапаронимы (16%) являются вторым классом трехязычных диапаронимов и представляют собой сходные по форме и по значению слова, принадлежащие к одному семантическому полю. Если в двуязычных исследованиях мы находим пары контактных «ложных друзей», то работа с трехязычным материалом показала, что одновременный контакт русского, французского и английского коррелятов невозможен: как правило, два компонента триады являются синонимическими «ложными друзьями», а третий диапароним образует с ними внешний семантический контакт.

В качестве примера разберем корреляцию рус. *коммунальный* // франц. *communal* // англ. *communal*, которая манифестирует синонимические отношения французского и русского коррелятов при контакте английского диапаронима. Русский и французский диапаронимы совпадают в значении «относящийся к коммуне или принадлежащий коммуне», сопоставьте: *коммунальные земли / les (terrains) communaux / common land*.

Несмотря на то, что английский и русский выступают в роли заимствующих языков в данной корреляции, именно английский диапароним выражает родовое понятие «общий, совместный, находящийся в общем пользовании нескольких лиц», напр.: *англ. communal kitchen* переводится на русский как *общая кухня*, на французский — *cuisine commune*. Здесь необходимо вспомнить о сходном в русском языке употреблении *коммунальная квартира* «квартира, занимаемая несколькими семьями (съемщиками)» (франц. *appartement communautaire*, англ. *shared apartment*).

Английское значение «относящийся к религиозным, расовым, культурным группам» является контактным гипонимическим по отношению к гиперонимическому «общий»: *проблема (национальных, религиозных и т. д.) меньшинств / problème communautaire / communal problem*. Тот же вид семантических отношений характерен для русского «относящийся к городскому хозяйству, связанный с ним»: *коммунальные услуги / services publics / public services*.

Таким образом, особенностью трехязычных контактных «ложных друзей» является неполнота контакта: два диапаронима объединены синонимической связью при контакте третьего, который может образовывать как родо-видовые, так и видо-видовые связи с вышеуказанными коррелятами. Если в синонимичном значении двух диапаронимов интерференция является нулевой, то контактные отношения вызывают максимальное смешение как при экстраверсивном, так и при интраверсивном переводе.

Третий выявленный нами класс представляет собой особый лингвистический феномен — диапаронимические сплетения (16%), характерные именно для трехязычного материала. Вместо трех диапаронимов в корреляцию входят четыре и более (до девяти) «ложных друзей», при этом все компоненты корреляции сходны в формальном выражении, однако они могут проявлять разные семантические связи: синонимические, контактные и иногда даже дистантные (дистантные диапаронимы не имеют сходных словарных значений, смешение происходит исключительно на основе звукового подобия). В состав диапаронимических цепочек могут включаться омофоны, морфологические дубликаты и т. д., которые способны спровоцировать морфологическую интерференцию.

Обратимся к анализу пятикомпонентного диапаронимического сплетения рус. *блок¹* «грузоподъемное устройство» // рус. *блок²* «объединение государств и т. д.» // франц. *bloc* «глыба» // англ. *bloc* «объединение государств и т. д.» // англ. *block* «глыба». Двум омонимичным формам русского языка и двум графически разным английским коррелятам соответствует лишь одно французское *bloc*. Такое причудливое соотношение форм и, как будет продемонстрировано ниже, значений непосредственно связано с этимологией корреляции: исходным словом послужила именно французская форма, в свою очередь, образованная от нидерландского *bloc* «срубленный ствол, бревно». В английском языке слово-этимон приобрело двойную графику для различения прямых и переносных значений (англ. *bloc / block*), а в русском языке омонимы имеют разную этимологию: *блок¹* «грузоподъемное устройство» восходит к английскому *block* с тем же значением, а *блок²* «объединение государств и т. д.» — к французскому *bloc*.

Несмотря на общее происхождение, пять коррелятов являются «ложными друзьями», которые выстраиваются в три коррелятивных соответствия, характеризующиеся контактной связью. Рус. *блок²* // франц. *bloc* // англ. *bloc* обладают синонимичным значением «объединение государств, партий, организаций, группировок для совместных действий», напр.: *восточный блок / bloc de l'Est / eastern bloc*. Семантическая интерференция данных коррелятов равна нулю, при этом графическое смешение не исключено при экстраверсивном переводе с русского языка (возможна подмена данного коррелята сходной, более частотной английской формой *block*).

Интересно развитие семантических соотношений коррелятов, составляющих вторую триаду: рус. **блок**² // франц. **bloc** // англ. **block**. Все три корреляты равны в техническом значении «искусственный строительный камень большого размера (строительный блок)»: **бетонный блок** / **bloc de béton** / **concrete block**.

Однако более общее — гиперонимическое значение «большой кусок дерева, камня, глыба» свойственно только французскому и английскому коррелятам: **каменная глыба** / **bloc de pierre** / **block of stone**. Парным русско-французским синонимичным значением является *tex.* «узел, сборный элемент»: **кухонный блок** / **bloc-cuisine** / **modular kitchen**.

Русский омоним **блок**¹ (английского происхождения) заимствовал из языка-источника только одно техническое значение, в котором они синонимичны и по сей день: «простейшее грузоподъемное устройство в виде вращающегося на оси колеса с желобом, через которое перекинут канат, цепь и т. п.», что соответствует французскому *poulie*. Французский коррелят имеет также контактное значение «блокнот». Английское *block* развило новые контактные значения: 1) «большое здание», 2) «группа, масса однородных предметов», 3) «препятствие, преграда», 4) *разг.* «дурак, кретин».

Слова-корреляты трех языков, будучи этимологически родственными, образуют контактные связи между собой, что повышает возможность семантической интерференции, но, поскольку в английском языке существует графические дублеты, семантическое смешение может сопровождаться и графической ошибкой при выборе необходимой формы со стороны носителя русского и французского языков.

Общий принцип разработанной типологии «ложных друзей переводчика» на русско-французско-английском материале строится на движении от большего семантического сходства к меньшему. Этот аспект функционально очень важен потому, что такой принцип построения предполагает градуальное движение от меньшей вероятности смешения (нулевой интерференции в равных значениях) к наибольшей (возможной для носителей всех трех языков как в экстраверсивном, так и в интраверсивном направлении).

Преобладание синонимических корреляций этимологически оправданно, поскольку «ложные друзья» как лингвистический феномен связаны с языковыми заимствованиями, предполагающими перенос слова вместе с его значениями. Данное положение тем более актуально для трехязычного материала, так как в основе образования трехязычных «ложных друзей переводчика» лежит общая этимология.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чинчлей Г. С. Внутрязыковая и межъязыковая паронимия // Функционально-семантический аспект языковых единиц разных уровней: межвуз. сб. / под ред. Г. С. Чинчлея. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 3–10.

² Муравьев В. Л. Faux amis, или «ложные друзья» переводчика. М., 1969; 2) Van Roey J., Granger S., Swallow H. Dictionnaire des faux-amis: français-anglais. P., 1988; 3) Акуленко В. В. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М., 1969.

³ Кузнецова И. Н. Теория лексической интерференции: дис. ... д-ра филол. наук / МГУ. М., 1998. 379 с.

⁴ Allinne F. Les faux amis de l'anglais. Paris: Belin, 1999. 377 p.

⁵ Ballard M., Wecksteen C. Les faux amis en anglais. Paris: Ellipses, 2005. 207 p.

⁶ Yala A. Les faux amis en anglais. Levallois-Perret: Studyrama, 2008. 111 p.

Kurbanova K. I.

MISLEADING WORDS IN RUSSIAN, FRENCH AND ENGLISH LANGUAGES

The analysis of trilingual misleading words (Russian, French and English languages) made it possible to draw up the typology including three groups of diaparonyms: synonymic, contact diaparonyms, diaparonymic chains and also to determine the direction and the probability of its confusion.

Keywords: interference, misleading words, synonymy, contact.

ИНТОНАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТРУКЦИЙ С ЧАСТИЦЕЙ *ЭТО* И КОНСТРУКЦИЙ С МЕСТОИМЕНИЕМ *QUE* ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ ФОКУСА В РУССКОМ И ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье представляется предварительный анализ механизмов выражения фокуса в русском и португальском (бразильском варианте) языках. Рассматриваются конструкции с частицей *во*, в русском языке, и с местоимением *que*, в португальском языке. Основной предмет данного исследования касается интонационных аспектов этих конструкций. Для этого, употребляются данные разговорной речи в обоих языках.

Ключевые слова: фокус, русский язык, португальский язык, интонация.

0. Введение

Вполне известно, что язык обслуживает коммуникативные потребности носителей. Какими бы ни были разнообразными естественные языки, самым главным в большинстве случаев является передача информации, которая может быть известной или абсолютно новой собеседникам.

В лингвистической литературе часто встречается определение двух видов информации в высказывании, трактовка которых может варьировать особенно по номенклатуре, в зависимости от использованного подхода и, в качестве примера, можно отметить такие противопоставления, как тема-рема¹, топик-фокус, данное-новое, известное-неизвестное² и т. п. В данном случае речь идет об актуальном членении.

Естественным образом, лингвисты пытаются ответить на вопрос, как говорящие передают информацию в высказываниях, учитывая ее на разных грамматических уровнях. В данной статье будут проанализированы специальные механизмы маркирования фокуса в предложениях в русском языке и в бразильском варианте португальского языка (далее — португальский). В русском языке будут рассматриваться предложения с указательной частицей “это” (ср.: “**Это вы** меня извините!”), а в португальском языке будут рассматриваться конструкции с местоимением “*que*” (ср.: “*João que organizou a festa — Жоао que* устраивал вечеринку). Здесь подчеркивается просодия этих предложений, с целью определения их интонационных контуров³, в сопоставительной перспективе.

1. Категория фокуса и предмет исследования

В изучении актуального членения часто встречается употребление понятия “фокуса”. Независимо от подхода или теоретической концепции, большинство лингвистов относит к этому термину статус новой или самой главной информации с точки зрения говорящего. Майкл Халлидей, например, определяет фокус как вид эмфазы, посредством которой говорящий подчеркивает часть (или целое) сообщения, с целью выраже-

ния новой информации⁴, а у Кнуда Ламбрехта фокус характеризуется как относительная прагматическая категория, которая может выражаться с помощью языковых средств в пропозиции для того, чтобы маркировать новую или непредполагаемую информацию⁵.

Известно, что в естественных языках существует ряд механизмов для выражения фокуса. Эти механизмы могут включать интонационные, морфологические и синтаксические средства. Перед большим количеством лингвистических способов маркирования фокуса в русском и в португальском языках, настоящая работа ограничивается исследованием “конструкции *que*”, в португальском, и “конструкции *это*”, в русском языке.

В португальском языке часто употребляются расщепленные предложения для маркирования фокуса, в том числе и один специальный вид конструкции называемой “конструкция *que*”, как в нижеуказанном примере:

(1) *Minha mãe que comprou o livro.*

Моя мать **QUE** купила книгу.

В примере (1) синтагма “*minha mãe*” (моя мать) является фокусом предложения. Употребление местоимения *que* в конструкции, связанное с определенной интонацией, позволяет слушателю понять, что самой главной информацией в предложении является подлежащее.

Для русского языка обычно не характерны расщепленные предложения, так как фокус выражается посредством других механизмов, среди которых выделяется употребление указательных частиц⁶:

(2) **ЭТО** я виновата.

Такой вид предложения, и в русском и в португальском, можно было бы создать и без употребления указательных частиц при определенной интонации, как в примерах (3) и (4), без ущерба для грамматичности предложения:

(3) *Minha mãe comprou o livro.*

Моя мать купила книгу.

(4) **Я** виновата.

В связи с этим можно задать следующий вопрос: чем отличается использование одного и другого вида предложения? Как интонация сочетается с грамматической формой для маркирования фокуса? Какие контексты допускают употребление той или иной формы? Прежде чем ответить на эти вопросы, требуется понять, какую интонацию представляют конструкции с такими элементами.

Известно, что один из контекстов, допускающих употребление конструкций, изучаемых в данной статье, — это контекст выражения контраста, как указано в (6) и (7).

(6) *Eu fiz a massa, eles **que** enrolaram.*

Я готовила тесто, они **QUE** закрутили.

(7) Она ничего не боится. **Это** я боюсь.

Основным языковым средством маркирования фокуса, по словам разных ученых, является просодия. Здесь обращается внимание на интонацию, которая складывается из определенного сочетания движения тона, силы звука, длительности.

Для того, чтобы идентифицировать, как просодия выражается в выбранных механизмах маркирования фокуса в данной статье, использовались данные, доступные в мультимедийном корпусе Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) и в Amostra Censo do Programa de Estudos sobre o Uso da Língua (Программа исследований использования языка) Федерального университета Рио де Жанейро. Эти данные были обработанные с помощью тонограммы Praat для определения интонационных контуров. В данной статье представлен анализ интонации конструкций с “это” и с “que” только в контекстах выражения контраста.

3. Результаты

Были проанализированы 20 предложений в русском языке и 20 предложений в португальском языке, с целью определения интонационных контуров конструкций с “это” и с “que”.

Что касается акцента в русском и португальском языках, следует отметить следующие пункты:

- в русском языке можно заметить восходящий тон (L*+H), который определяет контекст контрастного фокуса. Кроме того, главный тональный акцент падает на ударный слог фокуса в большинстве рассмотренных предложений и максимальная сила звука совпадает с ударным слогом фокуса.

(8) Это я виновата.
(L*+H) L%
(максимальная сила звука на ударном слоге фокуса: 72.52363566891955 дБ)

(9) Это ты туда ездил.
(L*+H) L%
(максимальная сила звука на ударном слоге фокуса: 67.59721143648592 дБ)

(10) Это он тебя сдал.
(L*+H) L%
(максимальная сила звука на ударном слоге фокуса: 77.94510173336309 дБ)

- в португальском языке тоже можно заметит восходящий тон (L*+H) в контексте контрастного фокуса, главный тональный акцент падает не на ударный, а на ударный слог, особенно в пункте произношения местоимения que, в контексте контраста. Кроме того, максимальная сила звука может и не совпадать с фокусом предложения. В рассмотренных предложениях замечается высшая сила звука в ударном слоге глагола или причастия предложения, как в нижеуказанных примерах:

(11) Ela que encarregada.
Она **que** есть назначена. (это она отвечает [за что-либо])
(L*+H) L%
(максимальная сила звука на ударном слоге причастия: 80.26727753847437 дБ)

(12) Ela que teve.
Она **que** родила. (Это она родила [детей])
(L*+H) L%
(максимальная сила звука на ударном слоге причастия: 75.43818087715469 дБ)

(13) Eu que gosto de salada.
Я **que** люблю салат. (Это я люблю салат)
(L*+H) L%
(максимальная сила звука на ударном слоге причастия: 72.15309838527806 дБ)

4. Заключение

Это был предварительный анализ конструкций фокуса (с частицей **это** в русском языке и с местоимением **que** в португальском языке). Рассматривались интонационные контуры эти предложения как первый шаг для определения их употребления в разговорной речи, как и в русском, так и в португальском языках. Результаты являются еще неокончательными.

Исходные данные позволяют заметить, что в русском и в португальском языках восходящий тон в области маркирования фокуса предложения определяет интонационный контур проанализированных конструкций. В русском языке существует тенденция к совпадению акцента фокуса и выражения максимальной силы звука, чего в большинстве случаев не происходит в португальском языке.

Для более конкретного определения результатов, касающихся интонационных контуров этих конструкций фокуса, требуется увеличение количества данных, а также расширение контекстов употребления этих конструкций, что и планируется в дальнейшей работе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Halliday M. K. A. Linguistics and the Teaching of English // A Handbook for English Teachers. Talking and writing/ ed. by. J. N. Briton. London: Methuen, 1967. С. 80–90.*

² *Moraes J. A. Variações em torno de tema e rema. // Anais do IX Congresso Nacional de Linguística e Filologia, UERJ. Cadernos do CNFL, Vol IX, 17, 2006. P. 279–289.*

³ *Pierrehumbert J., Hirschberg J. The meaning of intonational contours in the interpretation of discourse. // Intention in communications/ ed. by Cohen, P., Morgan, J, Pollack, M. Cambridge: The MIT Press, 1990. P. 271–311; Янко-Триницкая Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте // Москва: Языки Славянских Культур, 2008.*

⁴ *Halliday M. A. K. Notes on transitivity and theme in English : part I // Journal of Linguistics. V. 3.1.1967. P. 37–82.*

⁵ *Lambrecht K. Information Structure and sentence form. A theory of topic, focus, and the mental representation of discourse referents. Cambridge University Press, 1994.*

⁶ *Grenobl, L. Deixis and Information Packaging in Russian Discourse. Pragmatics & Beyond, 50. Amsterdam: John Benjamins Press, 1998.*

Leite de Oliveira D.

INTONATIONAL ASPECTS OF CONSTRUCTIONS WITH PARTICLE ETO AND CONSTRUCTIONS WITH PRONOUN QUE FOR FOCUS ENCODING IN RUSSIAN AND PORTUGUESE

The article presents a preliminary analysis of focus encoding mechanisms in Russian and Portuguese (Brazilian variety). There are analyzed eto constructions, in Russian, and que constructions, in Portuguese. The main object of this research regards intonational aspects of these constructions. So in this research data of speech from both languages are used.

Keywords: focus, Russian, Portuguese, intonation.

ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ БИЛИНГВОВ В ГЕРМАНИИ

В настоящей статье рассматриваются основные особенности фонетического оформления речи русскоязычных билингвов в Германии, выявленные в результате проведения экспериментально-фонетического исследования их русской речи и касающиеся фонетических, фонологических, акцентуационных и интонационных модификации, допускаемых в устной речи русскими эмигрантами 4–5 волны, проживающими на территории Германии.

Ключевые слова: русскоязычные билингвы, фонетические, фонологические, акцентуационные, интонационные модификации.

Данная статья посвящена обобщению предварительных результатов экспериментально-фонетического исследования, проведенного в Германии в ноябре 2014 года в городе Бохуме (земля Северный Рейн-Вестфалия) в Рурском университете, на кафедре Славянской Лингвистики¹. Это исследование выявило реальный корпус фонетических, акцентологических и интонационных нарушений в устной речи русских эмигрантов IV–V волны, проживающих на территории Германии.

С целью получения реального корпуса нарушений нами был проведен фонетический эксперимент, который состоял из четырех опытов.

Целью первого опыта было проверить сформированность фонемозвуко-буквенных соответствий при декодировании графического сигнала в звуковой при чтении вслух фонетического представительного текста²⁶.

Целью второго опыта было определить, какие фонетические модификации происходят в устной речи русскоязычных билингвов при их рассказе по картинкам.

Целью третьего опыта явилось получение реакций испытуемых на коммуникативные ситуации, предполагающие использование основных интонационных конструкций русского языка.

Целью четвертого опыта было получение спонтанной речи испытуемых при рассказе о себе.

Методика проведения эксперимента: В первом опыте в соответствии с инструкцией испытуемые читали вслух данный текст. Материал подавался в виде печатного списка пронумерованных предложений. В этом списке ударение над словами не было проставлено. Предварительно испытуемые имели возможность прочитать весь текст про себя.

Во втором опыте в соответствии с инструкцией билингвы должны были составить рассказ по картинкам с опорой на слова для справок, которые были даны внизу картинок — с переводом на немецкий язык. Предварительно у них была возможность познакомиться с картинками и словами и продумать свой рассказ.

В третьем опыте в соответствии с инструкцией испытуемые имели возможность предварительно прочитать 10 коммуникативных ситуаций и продумать свои реплики.

В четвертом опыте в соответствии с инструкцией испытуемые должны были рассказать о своих увлечениях, о себе, о том, что им нравилось больше всего.

Все ответы испытуемых записывались на диктофон Roland R-05.

Материал исследования — фонетический текст, в котором были представлены гласные и согласные во всех позициях в слове, а также использованы основные акцентно-ритмические структуры слов и основные виды вопросительных и утвердительных высказываний, учтена частотность слогов в словах.

Во втором опыте использовались картинки рассказа Мерсера Майера «Лягушка, где ты?».

В третьем опыте использовались 10 коммуникативных ситуаций, которые предполагали ответы-реплики, проверяющие знание основных интонационных конструкций русского языка.

В четвертом опыте записывалась спонтанная речь испытуемых, в которой они рассказывали о себе.

Испытуемые: в эксперименте приняли участие 4 русскоязычных студента-билингва, 11 детей-билингвов и их родителей.

Студенты в возрасте от 19 до 27 лет. Большинство из них приехали в раннем возрасте (от 1 до 5 лет) в Германию из Сибири и Казахстана, Северного Кавказа (русские немцы) в 90-е годы. Один испытуемый был студентом Рурского университета города Бохума, старшекурсник; двое студентов учились в Западном Рурском Университете города Мюльхайма; один являлся студентом Технического Университета города Дортмунда. Двое — юноши. Двое — девушки.

Дети — подростки — школьники: 11 детей в возрасте от 9 до 16 лет, большинство из которых родились на территории Германии, в Северном Рейне-Вестфалии; только 3 из 11 родились в южных регионах России и Тулы и переехали в Германию в возрасте от 1 до 3 лет. Из них 5 юношей и 6 девушек.

Их родители: 9 родителей от 35 лет до 51 года (6 женщин и 3 мужчин), выходцы из бывших республик СССР, из Украины, Казахстана, Беларуси, России. Все они покинули СССР в 90-е и 2000-е годы в возрасте от 23 до 36 лет.

В раннем детстве все школьники и студенты-испытуемые начали говорить на русском языке, являющемся для них родным. Практически у всех русские родители, поэтому дома большинство из них разговаривает по-русски, лишь некоторые используют дома оба языка — это зависит от других членов семьи. Почти все студенты и дети думают, считают, предпочитают читать на немецком языке, но владеют и другими иностранными европейскими языками.

Практически все родители предпочитают думать, считать, писать, читать на русском языке или это может зависеть от ситуации общения. Все родители владели только одним иностранным языком — немецким, имели высшее образование, но в Германии работали на рабочих специальностях, кроме одного отца двоих испытуемых, который был ученым-физиком.

Все дети-подростки-школьники и студенты изучали русский язык в школе или университете, умели читать, писать и говорить по-русски. Их уровень владения русским языком мог варьироваться от элементарного до 4-го уровня. Все они умели строить русские высказывания творчески и осмысленно, но могли допускать разного рода нарушения, особенно яркие на фонетическом уровне.

Методы исследования: слуховой фонетический анализ экспериментатором магнитофонных записей интерферентной русской речи с последующим транскрибированием и лингвистической интерпретацией (некоторые спорные участки записи были проанализированы с помощью программы Wave Assistant Pro), аудиторский анализ, осуществляемый носителями русского литературного языка, статистическая обработка данных, анкетирование³.

Как показали предварительные результаты эксперимента, все отмеченные нарушения можно разделить на несколько групп.

1. Фонологические нарушения в произношении гласных русского языка, связанные с нарушениями их дифференциальных признаков: гласный переднего ряда [i] заменялся гласным заднего ряда [ы] — например, б[*i*]ло вместо б[*ы*]ло, оп[*i*]ты вместо оп[*ы*]ты, в[*i*]шнул вместо в[*ы*]нул, мал[*i*]ша вместо мал[*ы*]ша, гласный заднего ряда нижнего подъема первой степени редукции [а] заменялся на гласный заднего ряда среднего подъема полного образования [о]: гор[*о*]д вместо гор[*а*]д, [о]гни вместо [а]гни, к[*о*]тор[*о*во] вместо котор[*а*ва], и, наоборот, вместо ударного гласного заднего ряда среднего подъема [о] был гласный заднего ряда нижнего подъема [а]: разгов[*а*]р вместо разгов[*о*]р, гласный переднего ряда среднего подъема [е] вместо гласного переднего ряда верхнего подъема [i]: вп[*е*]р[*е*]ди вместо вп[*i*]р[*i*]ди, гласный переднего ряда среднего подъема [е] вместо гласного заднего ряда среднего подъема [о]: уч[*е*]ных вместо уч[*о*]ный, гласный переднего ряда среднего подъема [е] вместо гласного заднего ряда верхнего подъема [ы], например, [е]ксперимент вместо — [ы]ксперимент, гласный заднего ряда верхнего подъема огубленный [у] вместо гласного заднего ряда верхнего подъема [ы]: ж[*у*]ткости вместо ж[*ы*]ткости, гласный переднего ряда среднего подъема открытый [е] вместо гласного переднего ряда верхнего подъема [i], например, [е]диниц вместо [i]диниц, гласный заднего ряда нижнего подъема [а] вместо гласного переднего ряда верхнего подъема [i]: [jа]зык вместо [i]зык, гласный переднего ряда среднего подъема [е] вместо гласного переднего ряда верхнего подъема [i]: с[*е*]час вместо с[*i*]час.

2. Фонологические нарушения русских согласных.

А. твердость — мягкость: изуча[*t*] вместо изучи[*t'*], соотно[š'e]ние — вместо соотно[š'e]ние, у ни[*x'*] вместо у ни[*x*], и[*x'*] вместо и[*x*], вызывает[*t's'a*] вместо вызывает[*ca*], рассерди[*t's'a*] вместо рассердит[*ca*], ма[*l'i*]ша вместо ма[*лы*]ша, [l'a]мпочку вместо [la]мпочку;

Б. глухость-звонкость [zaša]ла вместо [saža]ла, задумав[*зы*]сь и задумав[šy]сь, пѣ[*z'i*]ка — пѣ[*s'i*]ка;

В. место образования: среднеязычный щелевой [C] вместо заднеязычного [x]—u[C]-u[x];

Г. способ образования: щелевой свистящий [s] плюс аффриката [č'] вместо длиннощелевого [š':] [sč]умает вместо [š':]умает, заходя[*c'*%]ево вместо заходя[š':]во.

3. Фонетические нарушения русских согласных связаны с нарушениями интегральных признаков: А. какуминальный — апикальный соотно[š':]ение — соотно[s']ение, го[Ń]од (увулярный) — го[r]од (переднеязычный дрожащий); Б. апикальный — дорсальный дос[t]аточно/ В. долгий — краткий следу[S]ую —следу[š':]ую.

4. Нарушения звуко-буквенных соответствий, связанных с незнанием правил чтения безударных гласных и согласных в определенных позициях (нарушения орфоэпической нормы русского языка, а также с фонетико-графической интерференцией: в латинице и кириллице буквы имеют схожее написание, но читаются по-разному): **нарушение орфоэпических норм в области гласных** — горОд вместо горАд, Огни вместо Агни, кОторОВО вместо которАВА, разговАр вместо разговор, впЕрЕди вместо впИрИди, учЕных вместо учОных, Эксперимент вместо Ыксперимент, жУткости вместо жЫткости, Эдиниц вместо Йидиниц, Язык вместо Йизык, сЕЙчас вместо сИЙчас; **фонетико-графическая:** ЛИЧ вместо ЛУЧИ, паССЫЖиров вместо пасСАЖиров, Жуткости — Жидкости, ФИнкции — Функции; **в области согласных** —ЗАШАла вместо САЖАла, МАЛИн — Шалун, КОПротивления вместо СОПротивления.

5. Нарушение акцентно-ритмической структуры русских слов: **минус-сегментация:** ЛИЧ вместо ЛУЧИ, ЖИЗНЬ вместо жизнИ, **нарушение места ударения** (связь с нарушением качества гласных): БЕда вместо беДА, ВИдны вместо видНЫ, вызВАЛ вместо ВЫзва, ХОдила вместо ходИла, туЧАми вместо ТУчами, шуРОчка вместо ШУрочка, СТРАнице вместо страНИце, АВтоБУс вместо авТОбус, отДАла вместо отдаЛА, преПОдаватель вместо преподаВАтель.

6. Нарушения функций и компонентов интонации.

Функции интонации: А) искажение цели высказывания: Сколько километров в секунду он проплывает. (точка) вместо Сколько километров в секунду он проплывает? (вопрос) Кто его нарисовал. (точка) вместо Кто его нарисовал? (специальный вопрос). **Нарушение интонационно-мелодических компонентов:** Б) движение основного тона

на постцентре общего вопроса (тон на постцентре не идет вниз, а остается наверху): *Кит СИЛЬНЫЙ?* вместо *Кит СИЛЬный?* *Он ест МЯСО?* вместо *Он ест Мя-со?* *худОЖНИК?* вместо *худОжник?* В) **неверное синтагматическое членение высказываний** — чтение каждого слова в высказывании по отдельности.

В целом в устной речи детей в большей степени проявилось влияние фонетической, акцентологической и интонационной системы немецкого языка, а также диалектная устная речь их родителей. На устную речь родителей большое влияние оказали диалекты и недостаточное знание произносительных и акцентуационных норм русского языка, в меньшей степени наблюдается влияние немецкой фонетической и просодической системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выражаю искреннюю благодарность DAAD, СПбГУ и заведующей кафедрой Славянской Лингвистики Рурского университета в Бохуме д.ф.н, проф. Тана Анштатт за поддержку данного совместного научного проекта и предоставления возможности проведения эксперимента и прохождения стажировки.

² Фонетический текст был взят из работы С. Б. Степановой: *Степанова С. Б. Фонетические свойства русской речи: реализация и транскрипция: дис. ...канд. филол. наук. Л., 1988.*

³ Анкетирование проводилось по анкетам, разработанной Е. А. Земской. См.: *Земская Е. А. Язык русского зарубежья // Русский язык в научном освещении. № 1. М., 2001. С. 114–131; <http://rulit.org/read/609>*

Lypkan T. V.

PHONETIC PROCESSING FEATURES OF RUSSIAN-SPEAKING BILINGUALS' SPEECH IN GERMANY

This article discusses the main features of phonetic processing of Russian-speaking bilinguals' speech in Germany identified as a result of experimental phonetic study of the Russian language and on phonetic, phonological, and intonation accent modifications permitted in speech Russian emigrants 4–5 waves residing in the territory of Germany.

Keywords: Russian-speaking bilinguals, phonetic, phonological, accent, intonation modifications.

Любимова Нина Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Nina-lubimova@yandex.ru

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ЗВУКОВЫХ СИСТЕМ: МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ И ВНУТРИЯЗЫКОВОЙ ХАРАКТЕР ПРОЯВЛЕНИЯ В СИТУАЦИИ ОБЩЕНИЯ «НОСИТЕЛЬ — НЕ НОСИТЕЛЬ ДАННОГО ЯЗЫКА»

В статье обсуждается вопрос о характере проявления межъязыковой и внутриязыковой фонетической интерференции в ситуации общения «носитель — не носитель данного языка». Дается авторское определение интерференции, а также промежуточной фонетической системы. Суждения основываются на результатах экспериментального исследования национально-русской интерференции в ситуации становления субординативного двуязычия.

Ключевые слова: интерференция, промежуточная фонетическая система.

В процессе овладения новым языком — неродным, иностранным — человек осуществляет фонетическое оформление речи и её восприятие на этом языке по «правилам» так называемой промежуточной или, иначе, переходной индивидуальной системы. Он строит свою речь на другом языке, используя в той или иной мере «материал» первичной языковой системы и слухопроизносительные навыки, сформированные на его основе. Но не только. Поиск физических эквивалентов тех функциональных единиц другого языка, которые не находят соответствий в первичной системе, приводит к тому, что в речи иноязычных появляются искажённые реализации, не известные ни первичной, ни вторичной системам. Наряду с этим степень распространённости и частотность нормативных реализаций варьируются и определяются уровнем владения данным языком. В результате фонетическая система индивида носит своего рода гибридный характер, что проявляется как в составе единиц, так и в их парадигматических и синтагматических отношениях. Например, звуки, которыми он оперирует, будучи представителем фонемного языка и овладевая фонемным языком, могут представлять собой реализации фонем родного языка, нормативные и ненормативные реализации фонем изучаемого языка, а также фонем из ранее изученных языков (независимо от уровня владения ими) и, наконец, — реализации, не принадлежащие ни первичной, ни вторичной системам. Парадигматически это единицы переходной индивидуальной системы — диафонемы, имеющие, достаточно богатый спектр реализаций, отличающихся свободным варьированием, а также (в меньшей степени) дополнительной дистрибуцией. Синтагматически же эти звуки представляют собой реализации фонем языка, изучаемого данным индивидом¹. Другим характерным признаком таких систем является лабильность, поскольку их состояние нестабильно и отражает определённый этап на пути формирования вто-

ричной языковой системы. Функционирование единиц носит непоследовательный характер. Можно говорить только о большей или меньшей степени вероятности тех или иных реализаций. Однако на фоне неустойчивости фонетических соответствий чётко прослеживается системность отклонений, направление которых, как правило, обусловлено спецификой родного языка или языка, функционально превалявавшего в речевой деятельности индивида. Добавим: парадигматика промежуточной системы, её дифференциальные признаки определяются типологическим сходством/несходством контактирующих языков, а также уровнем владения изучаемым языком.

Переходная, или промежуточная, индивидуальная система возникает в условиях действия межъязыковой фонетической интерференции в процессе формирования как учебного, так и естественного двуязычия. Межъязыковая фонетическая интерференция понимается здесь как психофизиологический механизм взаимодействия в сознании индивида двух и более языковых систем, под которым, в свою очередь, подразумевается совокупность психофизиологических закономерностей, служащих объясняющей причиной по отношению к процессу взаимодействия систем и его результату. Результат действия интерференции определяется не только специфическим, но и универсальным, не только различием, но и сходством, а потому может быть не только отрицательным, но и положительным. Отрицательный результат — ошибка, которая возникает прежде всего на основе ложного физического сходства в ходе восприятия и как следствие — использование моторной программы, сформированной на основе первичной системы, при продукции. В этом случае справедливо говорят об отрицательном переносе. Однако возможен «поиск» моторной программы, когда прямых соответствий не обнаруживается. Например, при отсутствии в первичной системе звонких смычных их реализация в речи на языке вторичной системы сопровождается глotalлизацией или включением/выключением голоса². Квалифицировать такую ошибку как перенос, не представляется возможным. Положительный перенос в буквальном смысле этого слова — явление крайне редкое в силу идиоматичности системы конкретного языка, иначе его специфичности. Оба типа переноса суть не что иное, как разные проявления механизма взаимодействия, взаимовлияния «контактирующих» языков в сознании индивида. Однако подчеркнём, что интерференция звуковых систем не сводится только к переносу.

Есть основания предполагать, что фонетическая некорректность речи в процессе овладения другим языком — это ещё одно проявление вариативности в пределах системы данного языка, но обусловленное действием межъязыковой интерференции. Фонетическое варьирование речи иноязычных может выходить за пределы свойственных данному национальному языку систем (подсистем), образуя свою систему (подси-

стему). Но оно может и совпадать в каких-то чертах с диалектом или просторечием, что открывает выход в другую систему, но совсем не обязательно предполагает слияние с ней³. Преподавателям-практикам хорошо известны ошибки такого рода, допускаемые учащимися-иностранцами на русском языке.

Как свидетельствует опыт общения с представителями разных языков, а также специальные исследования в этой области, носитель языка всегда реагирует на фонетические погрешности в речи иноязычных и может с разной степенью успешности реконструировать «ущербные» сегменты при декодировании смысла высказывания. Объяснением этому служит то, что уже при общении на родном языке человек приобретает опыт распознавания речи, в той или иной степени фонетически некорректной. Хорошо известно, что воспринимаемая речь на родном языке, человек может производить коррекцию не только фонетически неопределённых, «ущербных» сегментов, возникающих при неполном типе произнесения⁴, но и умеет восстанавливать сегменты, искажённые в результате того или иного дефекта речи, а также диалектную речь и речь детей. Различного рода дефекты речи занимают особое место в ряду фонетических нарушений на родном языке. Так, шепелявость, картавость в русской речи хотя и не воспринимаются как нечто чужеродное системе языка, однако фиксируются как нарушения принятой в данном языковом коллективе нормы. Такие нарушения находят своё место в зоне допустимых фонетических отклонений, правда, последнее зависит от степени их выраженности.

Естественно думать, что при восприятии так называемой интерферентной речи иноязычных носитель данного языка использует свой прошлый речевой опыт на родном языке. Это согласуется с исследованиями поведения человека в изменённых условиях⁵. Воспринимаемая фонетически некорректную речь иноязычных, носитель данного языка реагирует на любое проявление акцента. Стремясь опознать слово, слушающий вынужден производить коррекцию звукового сигнала, опираясь на фонемную систему родного языка и в соответствии с хранящимся в памяти звуковым образом данного слова. В этом случае имеет место внутриязыковая интерференция: носители языка осуществляют процедуру сравнения ненормативных элементов с имеющимися у них представлениями о нормативном эталоне — ситуация, аналогичная той, когда при общении между собой носителей данного языка, речь одних не является нормативной, поскольку отражает влияние диалекта. Иначе говоря, имеет место взаимодействие элементов нормы и антинормы⁶. В ситуации общения носителя и не носителя данного языка речевое поведение первого определяется действием внутриязыковой интерференции, а речевое поведение второго — межъязыковой интерференцией. В своё время У. Вайнрайх, описывая восприятие иностранного акцента, говорил

о двойной интерференции, имея в виду, с одной стороны, нарушения иноязычных в речи на данном языке, а, с другой, — восприятие и интерпретацию этих нарушений носителями языка. В последнем случае он также усматривал действие «интерференции со стороны <...> родной фонетической системы»⁷, рассматривая оба случая как проявление межъязыковой интерференции.

На основе прошлого опыта восприятия фонетически неправильной речи у человека вырабатывается и система субъективных оценок, отражающая его ощущения, вызываемые качеством звукового оформления воспринимаемой речи и лёгкостью-трудностью распознавания смысла. Носитель любого языка располагает системой экспертных оценок, выработанных у него на основе жизненного опыта как представителя определённой социальной общности. У русских это может быть пятибалльная шкала оценок. Крайними точками субъективного пространства ощущений, связанных у носителя языка с распознаванием смысла при восприятии интерферентной речи, являются ощущения предельной лёгкости или предельной трудности декодирования речевого сигнала. Изменение субъективных ощущений от *очень легко* до *с большим трудом* может получить промежуточные оценки: *легко*, *не очень легко*, *с трудом*.

Оценка качества произнесения, отражающая субъективное впечатление носителя языка о соответствии фонетического оформления речи системе и норме данного языка, не всегда находится в прямой зависимости от оценки степени трудности распознавания смысла. Тем не менее на основе данных проведённого исследования⁸ можно говорить об общей закономерности, характерной для речевого поведения носителя языка, согласно которой низкая оценка качества речи — 2 коррелирует с представлением о трудности распознавания смысла. В свою очередь, высокие оценки 4 и 5 соответствуют пониманию, которое совершается без особых усилий. Если определённое нарушение фонетического оформления речевого сигнала приводит к пониманию его смыслового значения *с большим трудом*, *с трудом* или *не очень легко*, то такое нарушение находится в представлении носителей данного языка в зоне существенных, а, следовательно, и недопустимых нарушений, например, фонемных признаков. Напротив, те нарушения, при которых распознавание смысла происходит легко, в меньшей степени оказывают отрицательное влияние на процесс общения. Тот факт, что носитель языка оценивает подобные нарушения менее строго, как будто бы свидетельствует о том, что с позиции смыслового восприятия они менее значимы и потому могут рассматриваться как относительно допустимые. Существенно, что в группе абсолютно недопустимых и относительно допустимых нарушений фонемных реализаций представлены как орфоэпические, так и орфофонические ошибки, т. е. нарушения дифференциальных и интегральных признаков фонем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Любимова Н.А. 1) Фонетическая интерференция и общение на неродном языке (экспериментальное исследование на материале финско-русского двуязычия): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1991. 375 с. 2) Финско-русская фонетическая интерференция при формировании субординативного двуязычия // Фонетический аспект общения на неродном языке: коллективная монография / науч. ред. Н. А. Любимова. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2006. С. 122–140.

² Там же.

³ Любимова Н. А. Фонетическая интерференция и общение на неродном языке (экспериментальное исследование на материале финско-русского двуязычия): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1991. 375 с.

⁴ Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В. и др. Стили произношения и типы произнесения // Вопр. языкознания. 1974. № 2. С. 64–70.

⁵ Анохин П. К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М.: Медицина, 1968. 547 с.; Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966. 349 с.; Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1961. 210 с.; Вероятностное прогнозирование речи / отв. ред и авт. предисл. Р. М. Фрумкина. М.: Наука, 1971. 199 с.; Фрумкина Р. М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М.: Наука, 1971. 168 с.; Прогноз в речевой деятельности / отв. ред. Р. М. Фрумкина. М.: Наука, 1974. 239 с.

⁶ Виноградов В. А. Стратификация нормы, интерференция и обучение языку // Лингвистические основы преподавания языка / отв. ред. Н. А. Баскаков, А. М. Шахнарович. М.: Наука, 1983. С. 44–65.

⁷ Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования: Пер. с англ. Киев: Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те, 1979. С. 48.

⁸ Любимова Н. А. Фонетическая интерференция и общение на неродном языке (экспериментальное исследование на материале финско-русского двуязычия): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1991. 375 с.

Lubimova N. A.

INTERFERENCE OF THE PHONETIC SYSTEMS: INTERLINGUAL AND INTRALINGUAL TYPE OF REALIZATION IN CASE OF “NATIVE — NON-NATIVE SPEAKER” COMMUNICATION

The article deals with the question of the type of interlingual and intralingual phonetic interference in situation of “native — non-native speaker” communication. The author gives definition of the interference and of the interim phonetic system. Conclusions were made on basis of the experimental research of the interference of different languages and Russian in situations of the subordinate bilingualism formation.

Keywords: interference, interim phonetic system.

ИРРЕАЛЬНОСТЬ В ГЛАГОЛЬНЫХ СИСТЕМАХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Рассматриваются ирреальные наклонения в славянских языках. Многовековое развитие славянских языков привело к сокращению членов парадигмы императива: четырехчленная парадигма не сохранилась ни в одном из славянских языков. В русском языке установилась двучленная парадигма. В украинском, белорусском и западнославянских языках сохраняется трехчленная парадигма императива. В сослагательном наклонении в некоторых славянских языках сохранилась глагольность вспомогательного компонента.

Ключевые слова: ирреальные наклонения, императив, парадигма, сослагательное наклонение.

Одной из важнейших грамматических категорий в сфере глагола в славянских языках является категория наклонения, представленная изъявительным и ирреальными наклонениями. Действие, выражаемое формами изъявительного наклонения, связано с моментом речи и может быть представлено в формах настоящего, прошедшего, будущего времени. Поэтому изъявительное наклонение называют также реальным, так как выражаемое действие реально совершается в разных временных планах относительно момента речи. Предметом нашего рассмотрения являются ирреальные наклонения в славянских языках, а именно, повелительное и сослагательное наклонения, противопоставленные изъявительному наклонению, так как они не связаны с моментом речи.

Повелительное наклонение

Категориальным значением повелительного наклонения является, как известно, значение побуждения: действие представляется как требуемое, к которому побуждает кого-либо говорящий. В современном русском языке парадигма повелительного наклонения состоит из двух форм: формы второго лица единственного числа (побуждение обращено к одному лицу) и второго лица множественного числа (побуждение обращено к двум или более лицам)¹. В значении, которое выражает императив глагола, четко прослеживается связь с планом будущего. И это особенно заметно не только благодаря выражаемому им значению, но и тому, что форма императива от глагола *быть* образуется от основы будущего времени: ср. *быть* — *будешь* — *будь* — *будьте*. Отметим также, что описательные формы императива также включают в свой состав форму будущего простого времени; ср.: *Давай(те) пойдём на концерт джазовой музыки*.

Парадигма морфологических форм современного императива в русском языке представлена, как отмечалось выше, двумя членами. Между

тем в древности, во всех славянских языках и в древнерусском языке в том числе парадигма императива была четырехчленной и состояла из следующих форм: 2–3 лицо единственного числа (*моли*) — 1 лицо множественного числа (*молимъ*) — 2 лицо множественного числа (*молите*). Кроме того, были формы императива и в двойственном числе: в 1 лице (*моливъ*), 2–3 лице (*молита*). Как можно заметить, обе формы императива в единственном числе были омонимичны. Форма 3 лица единственного числа императива употреблялась в древнерусском языке, в частности, когда надо было выразить призыв, побуждение к действию божественной силы. Так, читаем в «Остромировом евангелии» (1056–1057 гг.): «Даи емоу господь богъ благословение святыхъ евангелистъ», что в переводе на современный язык означает: «Пусть даст ему господь бог благословение святыхъ евангелистов».

Форма повелительного наклонения, по сути, является чаще всего принадлежностью диалога². В современном русском языке для выражения значения побуждения применительно к какому-либо лицу, не являющемуся участником диалога, используется аналитическая форма, состоящая из побудительных частиц *пусть*, *пускай*, *да* (последняя реже всего) и простой формы будущего времени в 3 лице единственного числа, например: *Пусть напишет письмо*. Аналогична ситуация и с формой 1 лица множественного числа: описательная форма побуждения к действию образуется посредством побудительной частицы *давай(те)* и формы простого будущего времени в 1 лице во множественном числе; например: *Давайте уедем завтра*. Такие конструкции называются формами императива совместного действия: субъектом действия, к выполнению которого обращено побуждение, является не только слушающее лицо, но и сам говорящий³. Четырехчленная парадигма императива в современном русском языке в ходе исторического развития глагольной системы сузилась до двучленной, но в ряде случаев дефицит и востребованность утраченных морфологических форм компенсируются и восполняются использованием аналитических конструкций. Так, достаточно употребительна упомянутая выше форма совместного действия. В некоторых случаях употребляется и побудительная частица *-те*, занимающая постпозитивное местоположение в побудительной частице или глаголе: ср. *Давайте поедём* и *Поедёмте*. Эта описательная форма императива может осложняться также частицей *-ка*, употребляемой как с *-те*, так и без нее: ср. *Поедёмте-ка* или *Поедем-ка* и под. Отметим, что частица *-ка* вносит значение дружеского побуждения, но все же имеет большее распространение в просторечии и в диалектном языке⁴.

Четырехчленная парадигма императива, унаследованная всеми славянскими языками из праславянского языка, не сохранилась полностью ни в одном из славянских языков. Анализ этих форм показывает следующую картину. Если в русском языке сохранилось только 2 члена

парадигмы императива (2 лицо в единственном и множественном числах), то в украинском и белорусском языках, также восточнославянских, действует трехчленная парадигма императива: утрачена форма 3 лица единственного числа, но сохранилась форма 1 лица множественного числа. Аналогичная картина отмечается в группе западнославянских языков, в которых и сегодня функционируют морфологические формы 2 лица единственного числа и 1–2 лица множественного числа. Такое положение дел наблюдается в польском, чешском, словацком языках: так, *Pomozte mi* (чешск.) — *Давайте поможем ему*.

В южнославянских языках формы императива ближе к русским формам повелительного наклонения: так, в болгарском и македонском языках морфологические формы императива составляют парадигму, включающую только формы 2 лица единственного и множественного числа. При этом отметим довольно широкое употребление аналитических форм императива в болгарском и македонском языках: в последнем функционируют формы 1 лица множественного числа с побудительными частицами *да, нека* и формой настоящего времени глагола в 1 лице множественного числа (*да дойде — да дойдеме*)⁵.

Сослагательное наклонение

В славянских языках сослагательное наклонение широко употребительно и его формы выражают категориальное значение потенциальной возможности, предположительности, желательности в разных его оттенках. Действие (состояние) представляется формами сослагательного наклонения как предположительное, обусловленное, нереализованное действие.

Формы сослагательного наклонения с глубокой древности во всех славянских языках были аналитическими, состоящими из двух глагольных форм: знаменательная часть выражалась действительным причастием прошедшего времени на -л (-l), имевшим родовую и числовую парадигму, а вспомогательная часть — аористом (простой формой прошедшего времени) от глагола *быти*, указывавшим лицо и число. В современных восточнославянских языках сослагательное наклонение образуется с помощью частицы *бы* и глагола прошедшего времени на -л, который выражает действие: *писал бы* (русск.) — *писав би* (украинск.) и *писаў бы* (белорусск.). В западнославянских языках сослагательное наклонение сохранило в определенной степени личную парадигму вспомогательного глагола. Так, в польском языке видим в единственном числе формы *but* (1 лицо) — *buń* (2 лицо) — *by* (3 лицо), а во множественном числе формы *buńtu* (1 лицо), *buńcie* (2 лицо), *by* (3 лицо). Как можно увидеть по личным формам вспомогательного компонента, его парадигма в целом сохранилась и глагол в сослагательном наклонении имеет вид: *czytał byt — я читал бы, czytałby — он читал бы* и др. Аналогична картина и в чешском языке, в котором сослагательное наклонение образует-

ся также посредством действительного причастия прошедшего времени на -l и тех же глагольных форм вспомогательного компонента, восходящих к аористу от глагола *být: bych — bys — by — bychom — byste — by*. Так, значение *я читал бы* в сослагательном наклонении чешского языка передается следующим образом: *četl bych*. В то же время в словацком же языке, очень близком чешскому языку, утрата личных форм глагола *byť* в сослагательном наклонении привела к его трансформации в частицу *by* (*robil by — он работал бы*)⁶.

В западнославянских языках (польском, чешском, словацком) представлена яркая индивидуалия, не имеющая аналога в других славянских языках: в сослагательном наклонении различаются две формы — кондиционал настоящего времени и кондиционал прошедшего времени. Эти формы различаются значениями следующим образом. Кондиционал настоящего времени передает значение гипотетической и потенциальной модальности: действие, выражаемое им, еще может осуществиться при определенных условиях (*studoval bych — я бы учился*, чешск.). Именно эта форма сослагательного наклонения и соотносится с соответствующими формами сослагательного наклонения русского языка. Кондиционал прошедшего времени обозначает действие нереальное, нереализованное, которое могло осуществиться в прошлом, но не осуществилось, то есть выражает значение абсолютно ирреальной модальности (*byl bych studoval*). Форма кондиционала прошедшего времени очень напоминает форму славянского плюсквамперфекта (давнепрошедшего времени), утраченного славянскими языками в ходе их исторического развития. Отметим, что форма кондиционала прошедшего времени, нечасто употребляемая, сегодня скорее уже представляет собой сугубо книжную форму.

В южнославянских языках сослагательное наклонение, выражающее те же значения, что в восточно- и западнославянских языках, образуется также посредством действительного причастия прошедшего времени на -л, но различие кроется во вспомогательной части. Так, в болгарском языке это вспомогательный глагол в аористе, который вербализуется в полной личной парадигме следующим образом: *бях — би* (2–3 лицо) — *бихме — бихте — биха*, тогда как в близком ему македонском языке в сослагательном наклонении в качестве вспомогательного компонента функционирует уже не глагол, а частица *би* для всех лиц в соединении с теми же причастными формами на -л: ср. *Бих (я) прочел за един ден* (болг.) и *Јас би носел* (макед.)⁷.

Подведем итоги нашего рассмотрения. Ирреальные наклонения в славянских языках, сохранившиеся как грамматическая категория, выражают те же значения, что и в прошлом. Однако в одних славянских языках их парадигмы сузились: так, императив в русском языке сегодня имеет две морфологические формы, такая же картина установилась и в таких южнославянских языках, как болгарский и македонский язы-

ки. Четырехчленная парадигма не сохранилась ни в одном из славянских языков. Однако в украинском, белорусском, западнославянских языках и сегодня функционирует трехчленная морфологическая парадигма повелительного наклонения.

Сослагательное наклонение во многих славянских языках состоит из знаменательной части — формы глагола прошедшего времени на –л-, а также неизменяемого компонента — частицы *бы*. В западнославянских языках, а также в болгарском (южнославянском) языке сослагательное наклонение продолжает эксплицироваться посредством двух глагольных форм, то есть вспомогательная часть в них не трансформировалась в частицу, сохраняя и сегодня глагольность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русская грамматика. Том 1 / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. С. 690.

² Манушарян И. К. Очерки по типологии русского и чешского языков / Отв. ред. Р. Р. Грдзелян. Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 2006. С. 89.

³ Русская грамматика. С. 622.

⁴ Манушарян И. К. Указ. соч. С. 90.

⁵ Иллич-Свитыч В. М. Краткий грамматический справочник / под ред. Н. И. Толстого. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. С. 566.

⁶ Лифанов К. В. Морфология словацкого языка / ред. М. Арабоглы. М.: Филологический факультет МГУ, 1999. С. 132.

⁷ Иллич-Свитыч В. М. Указ. соч. С. 566.

Manachurian I. K.

IRREALITY IN VERB SYSTEMS OF SLAVIC LANGUAGES IN SYNCHRONY AND DIACHRONY

The article deals with the verb systems of Slavic languages in synchrony and diachrony.

Keywords: verb systems, Slavic languages, synchrony, diachrony.

Маркова Елена Михайловна

Университет св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Словакия;
Московский государственный областной университет, Россия

Elena-m-m@mail.ru

ФОРМА И СЕМАНТИКА ОБЩИХ ЛЕКСЕМ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: ЕДИНСТВО И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В докладе речь идет о разнообразии проявлений внешнего изоморфизма и семантического несоответствия языковых фактов современных славянских языках, представляющих собой «подводные камни» при изучении инославянского языка. С этой точки зрения рассматриваются словообразовательные и фразеосемантические гнезда, межъязыковые омонимы и полисеманты, синтагматика этимологически общих лексем и их лингвокультурные различия, подчеркивается необходимость специальной группировки лексики при изучении русского языка как инославянского с учетом описанных явлений.

Ключевые слова: изоморфные лексемы, семантика языковых единиц, межъязыковая омонимия и полисемия, словообразовательное гнездо, фразеосемантическое гнездо, лингвокультурный компонент.

Лексиконы современных славянских языков характеризуются значительной асимметрией, несмотря на родство и формальную близость. Асимметрия связана с внутренним планом лексических единиц, поэтому внешний изоморфизм оборачивается нередко семантическим несоответствием. Это представляет собой не только лингвистическую проблему, но имеет и лингводидактическую трудность, ибо приводит к возникновению скрытых, непредвиденных препятствий при изучении инославянского языка. Любые сходные по форме языковые факты двух славянских языков принадлежат к проблемным в плане лингводидактики в силу неизбежной семантической интерференции («приписыванию» одинакового по звучанию с родным языком факту изучаемого языка семантики, свойственной ему в родном языке).

В результате эволюции праславянского лексического фонда в разных славянских языках оказались по-разному «рассыпанными» общие для них корневые и аффиксальные морфемы, что привело к их лексико-словообразовательной асимметрии. Среди унаследованных славянскими языками праславянского корневых морфем было немало синонимичных. В результате действия тенденции к избавлению от дублетности один из синонимов закреплялся в качестве основного номинанта, тогда как другой смещался на языковую периферию либо изменял свою семантику или стилистическую принадлежность. Разные языки могли «предпочесть» разные синонимы. Показательно в этом плане сопоставительное исследование словообразовательных гнёзд, т. е. совокупности слов с одинаковой корневой морфемой.

Статья выполнена в рамках гранта VEGA 1/0424/13 «Hlavne vyvinove tendencie v lexike súčasnych spisovných slovanských jazykov (na materiáli ruskeho a slovenskeho jazyka)»

Так, между сравниваемыми русским, чешским и словацким языками наблюдается асимметрия в использовании синонимичных праславянских корней *-бол-, -хвор-/ -хор-, (не)мош-* (чеш. и слвц. *(не)мос-*). В русском языке в общем употреблении стал использоваться корень *-бол-*, представленный в дериватах: *боль, болезнь, больной, больница, болевщик*. В чешском и словацком языках словообразовательный ряд с корнем *-bol-* не такой многочисленный: чеш. *bolet*, слвц. *boliet'* (только о каком-л. органе), чеш. и слвц. *bolest* «боль», чеш. *bolení* и *bol* получили более узкое значение: первый дериват стал обозначать только физическую боль, а второй, напротив, «душевную боль, печаль». В словацком языке бытует и адъектив *bol'avý* с семантикой «больной, болезненный» (ср. с рус. прост. и диал. *болявый* «больной, болезненный»).

В чешском языке наибольшее распространение получил корень *(не)мос-* (от *мос* «сила» из **mog-tь*)¹: *byt nemocen* «болеть», *nemoc* «болезнь» (ср. рус. *немошь, немочь, занемочь* «заболеть»), *nemocný* «больной», *nemocnice* «больница». В словацком более популярным стал корень *-chor- (-chvor-)* (представленный в рус. прост. *хворать-захворать, хворый*), от которого были образованы корреляты *byt' chorý* «болеть», *chorý* «больной», *chorobný* «болезненный», хотя в значении «больница» в нем активно используется и бжемизм *nemocnice*. В значении «болеть за команду» в чешском и словацком языках бытуют глаголы с заимствованным корнем чеш. *fandit* и слвц. *fanúškovať'*, с которыми связаны и агентивы чеш. *fanoušek* и слвц. *fanúšik* «болеющий», восходящие к англ. *fan, fanatic* (ср. рус. *фанат*)².

Проблема ложного сходства распространяется и на словообразовательные форманты. Большая часть словообразовательных средств, а также многие деривационные модели в славянских языках совпадают, являясь рефлексом праславянского единства. Совпадает в значительной мере и семантика словообразовательных средств и моделей. Изменяется, однако, распределение морфем: одно и то же значение передается подчас при помощи различных корней или различных аффиксов. В результате совпадение лексиконов славянских языков оказывается мнимым, а приставки и суффиксы становятся настоящим бичом при изучении другого славянского языка, что определяет важность специальной работы над ними в инославянской аудитории.

При наличии в словацком языке глагола *говорить* — *hovoriť*, в нем в этом значении используется еще и глагол *rozprávať*, а также *vraviieť*, что создает значительную асимметрию в словообразовательных гнездах с глаголом *говорить* в русском и словацком языках. Отдельные из приставочных дериватов глагола *говорить* в обоих языках совпадают, напр.: *поговорить* — *rohovoriť si* (наряду с *porozprávať sa*), *договориться* — *dohovoriť sa* (наряду с *dohodnúť sa*, дериват от него *договор* выражается суц. *zmluva, dohoda*), *отговорить* — *odhovoriť* (но: *отговорка* — *vý-*

hovorka), совпадает и пара существительных: *разговор* — *rozhovor* (напр., *telefonický rozhovor*), однако в других приставочных производных наблюдаются расхождения, нередко приводящие к возникновению омонимии: слвц. *zhovorčivý* «разговорчивый» — рус. *сговорчивый* «тот, кого можно легко уговорить», слвц. *nahovoriť, prehovoriť* «подговорить, уговорить кого-л.» — рус. *наговорить* «много чего-л. сказать», *проговорить* «произнести что-л.», слвц. *dohovor* «уговор» — рус. *договор* «документ о сотрудничестве».

Словообразовательная асимметрия славянских языков связана и с неодинаковой продуктивностью разных деривационных формантов в отдельных языках и, как следствие, с их разной стилистической маркированностью. Так, продуктивностью суффиксов *-ec-* и *-ař-* в чешском языке объясняется наличие чеш. *stařec, věnec, rybař, pastyř*, эквивалентных по своей семантической и стилистической характеристике рус. *старик, венок, рыбак, пастух*. Вместе с тем их формальные корреляты *старец, рыба́рь, пастырь, венец* являются в русском языке устаревшими, стилистически маркированными и употребительными лишь в определенных, очень ограниченных контекстах. Каждый русский чувствует разницу между *старик* и *старец, венок* и *венец* и т. п., но для чеха или словака эта разница совсем не ощутима без специальных комментариев и контекстов.

Среди приведенных выше коррелятов много примеров межъязыковой омонимии: фактов случайного внешнего изоморфизма при семантической нерелевантности, представляющих собой настоящие «подводные камни» при изучении РКИ. Помимо случаев глагольного изоморфизма, можно привести много примеров омонимичных существительных и прилагательных, напр., рус. *вычитка* «чтение текста с целью исправления ошибок» и слов. *výčitka* «упрек, укор» (*výčitky svedomia* — «угрызения совести»), слвц. *rozsudok* «приговор» — рус. *рассудок* «разум», рус. *погреб* «помещение под домом для хранения зимой овощей и солений» и слов. *pohreb* «похороны», рус. *внимание* и слов. *vnímanie* «восприятие», рус. *давка* «многолюдье, при котором люди давят друг на друга» и слов. *dávka* «доза; пособие; налог», чеш. *dávka* «порция», рус. *уплотнение* «действие по глаголу *уплотнить*» и слов. *uplatnenie* «применение, использование» (от *uplatniť* «применять, использовать»), рус. *сушка* «маленькая баранка» и чеш. *suška* «худая женщина» и др. Нередко они транслируют этнокультурную специфику. Так, к названиям с ярко выраженной культурной маркированностью относится чешская лексема *rohanka*, обозначающая гречневую кашу, изоморфная рус. *поганка* «несъедобные грибы».

Подобные трудности возникают и с межъязыковой полисемией, которую от омонимии отличает общее происхождение коррелятов. Настаивая на размежевании этих явлений, можно выделить несколько факторов

семантической дифференциации как следствия эволюции общего этимона: семантическое развитие общих лексем праславянского лексического фонда (напр., рус. *губы* «выпуклые части рта» и чеш. *houby* «грибы», рус. *худой* и чеш. *chudý* «бедный, нищий»), общие заимствования из неславянских языков (типа рус. *роба* «грубая рабочая одежда» и чеш. *roba* «вечернее платье», рус. *маляр* «рабочий» и чеш. *malíř* «художник»), заимствования из одного славянского языка в другой (рус. *табор* из чеш., слов. *tabor* «лагерь», рус. *колготки* из чеш. *kalhoty* «брюки» и т. п.).

Нередко генетически общие лексем даже при их полном денотативном сходстве различаются культурно-коннотативными наращениями, например, названия животных в славянских языках. Они также должны стать объектом межъязыкового сопоставления на занятиях РКИ. К примеру, *рыба* при полном сходстве в плане денотации имеет эмоционально-образные различия в русском и чешском языках: образ рыбы связан в русском сознании с инертностью, вялостью, безынициативностью человека, что вербализуют фраземы: *молчать как рыба, открывать рот как рыба*. У чехов образ рыбы ассоциируется со здоровьем, свежестью, бодростью, ловкостью, что эксплицируют устойчивые сравнения с этим образом: *zdravý jako ryba* (ср. с рус. *здоровый как бык*), *čilý / čerstvý / mrštný jako ryba*³ (букв. «бодрый, свежий, ловкий как рыба»), нетипичные для русской культуры.

При работе над образной составляющей подобных лексем в родственных родном и изучаемом языках целесообразно обратиться к сравнению образуемых ими фразеосемантических гнезд, к примеру, с прилагательными-колоративами. Здесь можно выделить общую фразеосемантическую составляющую, напр., колоратив *зеленый* в составе фразеологизмов русского и чешского языков одинаково символизирует молодость, юность: рус. *зеленый возраст, зеленая молодежь, молодо-зелено*, чеш. *věčně zelené písně (milodie)* (букв. «вечно зеленые песни, мелодии»), а также «разрешенный, не имеющий преград, свободный»: рус. *давать/дать зеленую улицу, зеленый свет* («дорога открыта») чеш. *dát zelenou*.

Специфичными являются русские фраземы *зеленый змей* («алкоголь»), *тоска зеленая* («о чем-то очень скучном»), *елки зеленые* (в качестве междометия при выражении удивления или досады); в чешском языке выделяются не известные в русском устойчивые выражения: *zelený čtvrtek* («зеленый четверг») в значении «Страстной четверг», *rozhodovat od zeleného stolu* (букв. «решать от зеленого стола») в значении «решать дела в кабинетном порядке», *stavět, dělat, vznikat na zelené louce* (букв. «начинать с зеленого луга») означает «начинать с нуля», *dítě ze zelené krve* (букв. «ребенок зеленой крови») — «внебрачный ребенок».

Синтагматические векторы также являются важными указателями семантического сходства или дифференциации генетически общих лексем в родственных языках. В силу того, что наша речь имеет линейную

структуру, работа над синтагматикой слова важна и в плане выведения его в речь. Особенно актуальной подобная работа представляется при изучении прилагательных и глаголов русского языка в инославянской аудитории в силу их частого изоморфизма с лексемами родного языка. Это позволяет быстро и эффективно закрепить различия в их семантике и предотвратить неизбежную в данном случае семантическую интерференцию.

Например, адъективные образования с суффиксом *-л-* от глагола *идти* с приставками: *пришлый, прошлый, пошлый, дошлый, ушлый* — встречаются и в русском, и в чешском языке. Но если рус. *прошлый* образует сочетания *прошлый год, в прошлый раз*, то чеш. *prošlý* часто используется в сочетании *člověk, prošlý světem* (буквально «человек, прошедший по миру»). *Пошлый* — «низкий в нравственном отношении, безвкусно-грубый», вступает в сочетания *пошлая среда, пошлый анекдот*. В чешском языке прилагательное *pošlý* известно в значении «дохлый, околевший» как дериват от глагола *pojít* (рус. *пойти*) «сдохнуть, околесть», с ним возможны такие словосочетания, как *pošlý kůň, pošlá vlně*. Рус. *дошлый* «способный дойти до всего, смысленный, ловкий» образует сочетания *дошлый парень, дошлый студент*. Чеш. *došlý* сохраняет связь с глаголом *dojít* «дойти» и потому встречается в выражениях типа *došlá pošta*. Рус. *ушлый* — «ловкий, хитрый»: *ушлый ребенок, ушлый малый*; чеш. *ušlý* — «уставший от ходьбы» (ср. с рус. *уходить* в пословице *уходили сивку крутые горки*), поэтому с ним возможны такие сочетания: *ušlý stařec, ušlá babička*, а также «такой, который ушел», на основе чего было образовано вторичное «потерянный», например, в терминах *ušlý zisk* «потерянная прибыль», *ušlá mzda* «потерянная зарплата»⁴.

Демонстрация синтагматических возможностей важна и в случаях с вторичными номинациями, которые демонстрируют не только совпадения, но и спецификации. Так, в значении «большое количество чего-л.» известны, например, названия водоемов: *поток, море, реки (поток слов, море людей, реки слез* — чеш. *potok, more, řeka* и т. д.). Но не известны в этом значении чеш. *ocean* «океан» и чеш. *rybník* «пруд» (ср. рус. *океан любви, улыбок, пруд* в выражении *хоть пруд пруди* «очень много»); в то же время популярно с такой семантикой чеш. *záplava* «наводнение»: *záplava dopisů* «писем», *nabídek* «предложений», *hostů* «гостей». Используются для выражения большого количества и слова со значением «вид транспорта больших размеров»: *вагон (вагон и малая тележка), воз, мешок, пакет: времени вагон; воз подарков, угрушек; мешок денег; пакет документов, законов*. В чешском языке соответствующему переносу подверглись не только лексем *pytel* «мешок», *žok* «мешок, куль», *balík* «пакет», но и слово *fůra*⁵ «воз, вагон»;: *fůra novinek* «вагон новостей», *peněz* «денег», *děti* «денег», *prace* «работы», *má fůru rozumu* «у него ума палата», чего не произошло с рус. *фура*.

Выделенные нами аспекты описания фактов внешнего изоморфизма и внутренней асимметрии лексем славянских языков, касающиеся таких явлений, как межъязыковая омонимия и полисемия, асимметрия словообразовательных гнезд, асимметрия фразеосемантических гнезд, различия синтагматического характера и лингвокультурной значимости общих лексем, имеют не только лингвистическое, но и лингвометодическое значение, определяя специфику группировки лексики при изучении русского языка как инославянского. Группируемый по названным критериям лексический материал должен сопровождаться этимологическим и культурологическим комментарием, морфемным анализом, что будет способствовать когнитивно-системному его усвоению. Подобное билингвальное сравнение и описание сходных и дифференцированных языковых явлений нацеливает на то, что, занимаясь изучением даже близкородственного языка, нужно смотреть на него с точки зрения иной лингвокультуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этимологический словарь славянских языков: Праoslavянский лексический фонд. Под ред. Трубачева О. Н. Вып. 1–32. М.: Наука, 1974–2005.

² Velký česko-ruský slovník (Pod ved. L. Kopeckého, J. Filipce a O. Lešky). Praha: Leda, 2005; Slovník slovenského jazyka. Bratislava: Veda, 1987.

³ Mokienko V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc, 2002.

⁴ Příruční slovník jazyka českého. T. 1–9. Praha, 1935–57.

⁵ Klégr A. Tezaurus jazyka českého. Praha, 2007.

Markova E. M.

RUSSIAN AS FOREIGN SLAVIC LANGUAGE: THE LINGUISTIC AND LANGUAGE EDUCATIONAL BASES FOR THEIR DIFFERENTIATION AND DESCRIPTION

The paper is dedicated to the proof of the specific character of description and teaching of the subject “The Russian Language as Foreign Slavic” and its singling out of the sphere “The Russian Language as Foreign”. On the basis of lexical units taken from Russian, Czech and Slovak languages the work demonstrates the peculiarities of definite lexical groups as objects of studying carried out by foreign Slavic students on the basis of main lexical difficulties that face other Slavic people in the process of studying the Russian Language as foreign: the asymmetric character of derivational families of words as well as of phraseological-semantic families, interlingual homonyms and polysemantic units, the differences in the syntagmatics of common lexemes, the linguistic and cultural peculiarities of secondary nominations. At the same time the work draws attention to the converging point, connected with common tendencies of linguistic development and also to common processes of globalization.

Keywords: Russian Language as foreign Slavic; linguodidactic lexical groups, lexical, word-formational, phraseological semantic asymmetry, linguistic and cultural specificity.

Микулац Ирина

Университет в Пуле, Хорватия

imikulaco@unipu.hr

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ В ХОРВАТСКОЙ И РУССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХОРВАТСКОЙ И РУССКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

В данной статье рассматривается проблема толкования терминов *преступление* и *наказание* в хорватской и русской уголовно-правовой терминологии. Статья является сопоставительным диахроническим и синхроническим анализом хорватской и русской системе уголовного права и их сопутствующих терминологических единиц.

Ключевые слова: право, Уголовный кодекс РФ, Kazneni zakon RH, терминологические единицы уголовного права, концепты *преступление* и *наказание*.

По выражению А. А. Реформатского «термины, как их составные части, являются инструментом, с помощью которого формируются научные теории, законы, принципы, положения», то есть «в терминах отражается социально организованная действительность, поэтому термины имеют социально обязательный характер»¹. Сферой нашего исследования является определение юридических терминов по признаку функционального назначения и семантика таких терминов, которая конкретизируется в сочетаниях с узкоспециальными терминами, как напр. *преступление; преступление небольшой тяжести; преступление продолжаемое; kazneno djelo; prava kaznena djela nečinjenjet...* В разбирательстве терминов важно учитывать определение терминов и их фиксацию в словарях, т. е. их юридическое точно определённое понятие, а принцип «один термин — одно понятие» поможет при работе со сложными словосочетаниями, независимо от контекста. Но, это не обозначает, что термин совершенно не зависит от контекста, он активно функционирует в контексте. Термин должен быть кратким и точным, т. е. «буквальное значение составляющих его компонентов должно соответствовать смысловому содержанию»². В качестве источника выбора терминов для настоящего исследования мы избрали Уголовный Кодекс Российской Федерации³ (далее УК РФ) и Kazneni zakon Republike Hrvatske⁴ (далее KZ RH), потому что полагаем, что тексты уголовных законов являются наиболее полными и репрезентативными источниками терминов уголовного права. Чаще всего именно в законе термины получают первоначальную «легализацию», поэтому мы остановили свой выбор на текстах основных уголовных законов каждого из государств — в качестве источника анализируемых терминологических единиц. Оба Уголовных закона недавно обновлялись. Последняя редакция Уголовного Кодекса Российской Федерации датирована июлем 2014 года, а вступил

он в силу в августе 2014 г., а в Республике Хорватии новый Закон вступил в силу в январе 2013 года. Извлечение терминов осуществлялось в результате анализа Законов и подтверждения дефинициями терминов в словарях и научных произведениях, потому что в целях данного исследования наше внимание сосредоточено на терминологических единицах *преступление* и *наказание*.

Терминосистема и словарный состав языка изменяются под влиянием экстралингвистических факторов, как, например, в общественно-политической сфере, материальной и духовной культуре и социальных отношениях. В конце XX и в начале XXI вв. произошли изменения в общественно-политической сфере в Хорватии и в России: смена политической системы (1989 г.), формирование новых социальных и экономических отношений, интеграция в Европейский союз (Хорватия, 2013 г.). Хорватский язык стал официальным языком ЕС, официальная документация ЕС стала переводиться на хорватский язык, и в связи с этим появилась необходимость привести хорватское законодательство в соответствие с законодательством ЕС. Все эти факторы привели к множеству новых или снова оживающих понятий и своё отражение нашли в терминологии права в целом, и уголовного права в частности.

Контактные точки в истории хорватского и российского уголовного права были отмечены во время после Второй мировой войны, когда в 1947 г. был принят *Krivični zakonik* (Уголовный кодекс), который вступил в силу в феврале 1948 года и был под сильным влиянием советского уголовного права. Аналогия была в том, что *попытка*, в принципе, была приравнена к *завершённой делу* (преступлению), а также *подготовительные действия* были наказуемы при обвинении в *тяжких преступлениях*. В современном хорватском законодательстве слово *krivični* изменилось в *kazneni* (с 1997 г. *Kazneni zakon*).

Современные тенденции в законодательстве и развитии терминологии повлияли на изменение, обусловленное принципом терминологичности и точности термина, сужая его семантическое поле. Слово, как главная терминологическая единица, им. сущ. *krivnja* (им. прил. *krivični*) имеет значение *вина*, а слово *kazna* — значение *наказание*. Им. прил. *kazneni* образовано из им. сущ. *kazna*, имеет более конкретное значение и имеет меньшее семантическое поле. *Kazna* относится к результату, к наказанию. Правильный термин будет *kazneni*, а не термин *krivični*, потому что он означает окончательный результат — наказание за преступление или правонарушение — и является терминологически оправданным. Эквивалентом термина *преступление* (самого тяжёлого правонарушения), в современном хорватском языке является *kazneno djelo*, а термин *zločin* является синонимом термина *ubojstvo* и пользуется в стиле разговорной речи и в литературе⁵. Уголовные законодательства государств, которые принимают двойное или тройное разделение

правонарушений⁶ используют этот термин для квалификации самых тяжёлых уголовных преступлений. Положительное хорватское законодательство не имеет понятия *zločin*, но в международном праве, в соответствии с традицией, существует термин *ratni zločin*⁷.

В терминологической системе уголовного права под влиянием ряда экстралингвистических факторов происходят динамические процессы, цель которых — сделать текст максимально понятным, точным и кратким и приспособить к современным требованиям. На основании сопоставительного анализа хорватских и русских терминов *преступление* и *наказание/kazneno djelo*, *zločin* и *kazna* мы попытались обосновать комплексность проблематики современной терминологии уголовного права. Детальная разработка темы потребует больше места по сравнению с заданным здесь форматом статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1968. С. 103–125.

² Пронина Р. Ф. Пособие по переводу английской научно-технической литературы. Высшая школа. М., 1973. С. 200.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ug-kodeks.ru/> (дата обращения: 28.10.2014)

⁴ Kazneni zakon Republike Hrvatske. [Электронный ресурс] URL: <http://www.zakon.hr/z/98/Kazneni-zakon> (дата обращения: 26.10.2014)

⁵ Роман Ф. М. Достоевского, *Преступление и наказание* переводится на хорватский язык *Zločin i kazna*, а не *Ubojstvo i kazna* или *Kazneno djelo i kazna*. В русском языке термину *преступление* соответствует в хорватском языке двухсловный термин *kazneno djelo*, но в контексте романа перевод его названия словом *zločin* оправдан — в целях сохранения двух однословных терминов и сохранения авторской формы названия романа: *Преступление и наказание* и *Zločin i kazna*. Хорватский Уголовный кодекс *Kazneni zakon o zločinstvih, prestupcih i prekršajih* (1852) (по источнику австрийского УК) является первым источником кодифицированного уголовного законодательства в Хорватии и имел в своём названии термин *zločin* (более экспрессивный термин *zločinstvo*); сегодня заменяется термином *kazneno djelo*.

⁶ Значение терминов *двойное* или *тройное разделение правонарушений*: хорватское уголовное право не признает особый вид *правонарушения/kazneno djelo*, а в самом широком значении разделяет *kažnjiva ponašanja* на *kaznena djela, prijestupe* и *prekršaje*. В России правонарушения принято разделять на две группы: *проступки* и *преступления*.

⁷ Horvatić Ž. Rječnik kaznenog prava. Masmedia. Zagreb, 2002. С. 692.

Mikulaco I.

CRIME AND PUNISHMENT IN CROATIAN AND RUSSIAN LEGAL CONTEXT

The article deals with the problem of interpretation of the terms Crime and Punishment in the Croatian and Russian Criminal Law. Author gives a comparative diachronic and synchronic analysis of Croatian and Russian criminal justice systems and associated with them, terminological units.

Keywords: Law, Criminal Law, legal terminology, Crime and Punishment.

АСПЕКТУАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ СЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛА

В статье рассматриваются видо-временные и аспектуально-темпоральные отношения в системе славянского глагола на материале исследования русского, болгарского, чешского, словацкого, польского языков. Отмечается, что бинарная категория совершенного/несовершенного вида охватывает подавляющее большинство глаголов славянских языков. Данная категория в высокой степени грамматикализована, имеет преимущественно морфологическое выражение и является ведущей составляющей единой видо-временной системы славянских языков.

Ключевые слова: вид, время, славянские языки.

Категория глагольного времени и вида — это две грамматические категории, которые имеют место как в русском, так и во всех славянских языках, в отличие от романских, германских, тюркских и других языков, где самостоятельной грамматической категории вида не существует, так как в этих языках нет специальных грамматических способов выражения данной категории. Категории глагольного времени и вида настолько связаны и спаяны между собой, что их часто называют видо-временными грамматическими категориями, они находятся в постоянном взаимодействии. Взаимозависимые грамматические категории предложено называть «сопряженными». При «сопряженности» грамматических значений, например, значения вида и времени и наклонения у глагола обнаруживается взаимозависимость этих последних¹.

Трактовка сущности видо-временной грамматической категории — вопрос, постоянно притягивающий к себе внимание многих лингвистов и являющийся одним из спорных вопросов общего языкознания. Как известно, вид — это форма глагола, указывающая на протекание действия во времени, а время — глагольная категория, выражающая отношение реального действия к моменту речи. И, следовательно, между этими двумя категориями существует тесное взаимодействие, временная категория подчиняется категории вида. Формой вида называется словообразовательная форма от основы глагола, выражающая различия в отношении законченности или незаконченности действия во времени.

Категория вида обозначает отношение действия к его внутреннему пределу, т. е. характеризует действие или состояние с точки его времени, независимо от момента речи.

В видовых различиях глагола выражаются различия действия с точки зрения его продолжительности, ограниченности и неограниченности, повторяемости и мгновенности.

Известно, что именно славянским языкам свойственна категория вида в своем специфичном для данных языков состоянии. Налицо как семантика совершенности или несовершенности глагола, так и формальные грамматические показатели вида.

В современной русистике и славистике существуют разнообразные подходы к изучению категории вида и времени. Различные, даже иногда противоположные теории, стремящиеся постичь и объяснить сущность видо-временной категории, реализованы в монографических исследованиях на обширном языковом материале, на их основе получены интересные и убедительные результаты.

Аспектология (и прежде всего, то ее направление, основателем которого стал Ю. С. Маслов) была той первоначальной сферой исследования, в которой обобщались и объяснялись такие явления, как связь вида и способов действия, взаимодействия категориальных значений видовых форм и контекста.

Анализ данных явлений привел к необходимости определения и обоснования понятия аспектуальности как функционально-семантического поля (ФСП).

Для постановки рассматриваемого вопроса существуют объективные предпосылки, одна из них заключена в соотношении понятий грамматической категории (ГК) и ФСП. Если ГК включается в состав ФСП как его центр, ядро (ср. соотношения типа «глагольное время — центр поля темпоральности», «категория вида — центр поля аспектуальности»), то фактически подразумевается, что существуют признаки, объединяющие эти категории.

Основные достижения в изучении категории времени и вида в последние десятилетия связаны, главным образом, с двумя лингвистическими дисциплинами — грамматической типологией и формальной семантикой. В последнее время наблюдается бурный рост исследовательской активности в сфере формального анализа темпоральной и аспектуальной семантики.

Продолжаются исследования грамматических категорий времени и вида в славянских языках, с описанием которых связана длительная лингвистическая традиция. Так, исследование видо-временной системы русского языка, опирающееся на труды А. А. Потебни, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, Ю. С. Маслова, в последние десятилетия связано в первую очередь с именами А. В. Бондарко, Е. В. Падучевой и их последователей.

Так, темпоральность трактуется А. В. Бондарко как «семантическая категория, охватывающая в ее языковом выражении различные типы отношения обозначаемых ситуаций к моменту речи говорящего, или исходной точке отсчета (производной от момента речи) на основе признаков одновременности (настоящее), предшествования (прошлое) и следования (будущее)»².

Что касается аспектологии, то внимание аспектологов давно уже привлекает следующая проблема: «категория вида и лексические значения глаголов». В настоящее время данная проблематика занимает одно из центральных мест в «актуальном поле» славянской аспектологии. «Говоря об аспектуальности как функционально-семантическом поле (ФСП) мы имеем в виду билатеральное единство, план содержания которого объединяет взаимодействующие языковые средства (морфологические, словообразовательные, синтаксические, лексические), связанные с выражением характера протекания действия во времени»³.

В различных славянских языках был собран и описан огромный языковой материал, связанный с категорией вида. Возникло множество аспектологических направлений и школ.

Как известно, большое влияние на развитие славистики оказала как школа Ю. С. Маслова и А. В. Бондарко, так и московские направления в русской аспектологии (В. В. Виноградов, П. С. Кузнецов, Н. С. Авилова, Е. В. Падучева). Широко известны труды пражских русистов В. Барнетова, В. Стракова, а также московского богемиста А. Г. Широковой, исследовавшей в чешском и ряде других славянских языков вид и глагольную категорию многократности. Имеются и обобщающие сопоставительные описания видовых систем славянских языков (Ю. С. Маслов, Е. В. Петрухина, А. Г. Широкова и др.).

Основываясь на выводах, сделанных учеными при исследовании категории вида в отдельных славянских языках, а также на имеющиеся сопоставительные работы, можно констатировать ряд важнейших показателей общности аспектуальных систем славянских языков, базирующейся на: а) функциональных сходствах глаголов совершенного и несовершенного вида; б) аналогичности грамматических последствий словообразовательных процессов префиксации и суффиксации глаголов — перфективации и имперфективации и в) возможности словообразовательными средствами выразить разнообразнейшие параметры протекания глагольного действия во времени. Отмеченные сходства сопровождаются некоторыми функциональными и формальными различиями.

Как отмечает Е. В. Петрухина, «между славянскими языками наблюдаются также существенные расхождения в функционировании видов. Так, различна сочетаемость вида с показателями кратности действия; наблюдаются значительные различия в употреблении видов в отдельных временных (например, в настоящем историческом) и модальных (например, в императиве) планах при отрицании, в некоторых синтаксических конструкциях»⁴.

Необходимо отметить, что степень взаимодействия категории вида и времени в славянских языках различна.

В употреблении видов при обозначении повторяющихся действий, между сопоставляемыми славянскими языками наблюдаются суще-

ственные различия. Данной проблематике посвящена обширная лингвистическая литература: имеются русско-болгарские, русско-чешские, русско-польские, русско-словацкие сопоставительные исследования.

Особый лексико-грамматический класс многократных глаголов в чешском языке детально изучен в сопоставлении с другими славянскими языками А. Г. Широковой. В своих исследованиях она показывает семантическую специфику трех способов выражения повторяющихся действий: при помощи форм НСВ, СВ и многократных глаголов НСВ.

По данным А. Г. Широковой, класс многократных глаголов в словацком языке сходен с чешским, в польском языке группа этих глаголов довольно ограничена, в русском они представляют реликтовую категорию, а болгарскому языку такие глаголы вообще несвойственны.

По мнению Е. В. Петрухиной, «в чешском и словацком языках бо́льшая, чем в русском языке свобода выбора видов при повествовании в прошедшем времени обусловлена потенциальной возможностью противопоставления глаголов СВ и в других временных планах и типах контекста (настоящем историческом, при обозначении кратности действий, в отрицательных конструкциях и др.), где в русском языке (а также болгарском) обязательна нейтрализация видовой оппозиции и господствует НСВ»⁵.

Всем славянским языкам свойственны однотипные функциональные различия между СВ и НСВ, проявляющиеся, прежде всего, в том, что при обозначении актуально длящегося процесса (в частности, совпадающего с моментом речи) и в сочетании с фазисными глаголами, не могут быть употреблены глаголы СВ, а только глаголы НСВ. НСВ при таком употреблении противопоставит СВ, но в определенных контекстуальных условиях во всех славянских языках возможно и синонимическое употребление глаголов СВ и НСВ, что позволило сделать вывод, прозвучавший во многих славистических работах, о немаркированном характере НСВ в видовой оппозиции.

Что касается степени грамматичности вида в славянских языках, то, основываясь на данные ученых-славистов, можно констатировать, что степень грамматичности вида в русском языке меньше, чем в болгарском (где данная категория обособлена от словообразовательных значений способов действия, а имперфективация достигла регулярности словоизменительного формообразования), и больше, чем в чешском и словацком языках (в которых более значительна зависимость видообразования от словообразовательной структуры глаголов) значения приставки⁶.

Следует также отметить, что степень обязательности употребления прежде всего НСВ (при выражении повторяющихся действий в настоящем историческом, в императиве, в отрицательных конструкциях), а также СВ (при повествовании в прошедшем времени) в русском языке больше, чем в западнославянских языках.

В целом, правила употребления видов в чешском и словацком языках проще, чем в русском: с одной стороны, при обозначении факта в прошлом употребление видов в большей степени определяется категориальной семантикой СВ и НСВ, с другой — во многих типах контекста возможно употребление обоих видов.

В польском языке полное формальное выражение категория времени имеет лишь в формах изъявительного наклонения глаголов несовершенного вида, а ограниченное — в изъявительном наклонении глаголов совершенного вида. Особенно тесно (семантически и формально) формы времени связаны с категорией вида. Как отмечает исследователь польского языка Т. С. Тихомирова, «видо-временным формам глагола свойственны различные значения, в том числе и обусловленные контекстуально, однако формально противопоставленными являются лишь значения: действие, длившееся в прошлом до момента речи (несовершенный вид); целостное действие, совершившиеся в прошлом (совершенный вид); действие, длящееся в настоящем, в момент речи (несовершенный вид), действие, длящееся в будущем после момента речи (несовершенный вид); целостное действие в будущем (совершенный вид)»⁷.

Бинарная категория совершенного/несовершенного вида охватывает подавляющее большинство глаголов славянских языков. Данная категория в высокой степени грамматикализована, имеет преимущественно морфологическое выражение и является ведущей составляющей единой видо-временной системы славянских языков.

Выделение чисто видового и временного значения возможно лишь условно, поскольку категория вида и времени в славянских языках находятся в крайне сложном соотношении и взаимодействии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ярцева В. Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков // Типология грамматических категорий: сб. статей / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Наука, 1975. С. 5–23.

² Бондаренко А. В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени / СПб.: Издательство С.-Петербургского ун-та, 2001. 260 с., С. 66.

³ Там же. С. 115.

⁴ Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: Издательство Московского университета, 2000, 256 с., С. 57.

⁵ Там же. С. 87.

⁶ Там же. С. 105.

⁷ Тихомирова Т. С. Польский язык // Языки мира. Славянские языки. М.: Akademia, 2005, С. 347–381.

Muqimova N. R.

ASPECT AND TENSE RELATIONS IN THE SYSTEM OF SLAVONIC VERB

The paper deals with the tense and aspect relations in Slavonic verb system. The results of different investigations of Russian, Bulgarian, Czech, Slovakian, Polish languages were enlisted in the investigation.

Keywords: aspect, tense, Slavonic languages.

Муджири Софья Александровна
Капанадзе Ирина Бидзиновна

Тбилисский государственный университет
им. Ив. Джавахишвили, Грузия

s_mudshiri@yahoo.com, irina-kapanadze@mail.ru

КОНТРАСТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АКЦЕНТИРОВАНИЯ ОДНОУДАРНЫХ СЛОВ В ГРУЗИНСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В работе предпринята попытка теоретико-лингвистического и экспериментального описания словесного ударения в грузинском, русском и немецком языках, а также проведения контрастивного анализа средств выделения ударного слога и правил ударения в данных языках. Проведенное исследование, включавшее несколько этапов, направлено на определение закономерностей акцентирования того или иного ударного слога в грузинских, немецких и русских словах и установление типичных ошибок в соблюдении норм ударения. Разработаны методические рекомендации для формирования произносительных навыков немецкого и русского словесного ударения, проверена их эффективность на основе опытно-экспериментального обучения в грузинской аудитории.

Ключевые слова: словесное ударение, грузинско-немецко-русское триязычие, контрастивная фонетика, методические рекомендации.

Интенсификация языкового и межкультурного общения, а также интеграционные процессы, происходящие в Европе, обусловили значительные изменения в сфере преподавания иностранных языков. В контексте требований Евросоюза, касающихся многоязычного обучения, необходимым становится знание минимум двух иностранных языков, что в свою очередь в значительной степени определяет актуальность контрастивной лингвистики. Являясь одним из разделов контрастивной лингвистики, контрастивная фонетика вносит свой вклад в оптимизацию как лингвистических, так методико-дидактических исследований при сопоставительном изучении разноструктурных языков. Возросший интерес к проблемам контрастивной фонетики объясняется также и тем, что исследование процессов и механизмов фонетической интерференции обуславливает успешную устную коммуникацию между носителями разных языков и «становится залогом социального успеха»¹.

В работе дается теоретико-лингвистическое и экспериментальное описание словесного ударения в грузинском, немецком и русском языках, а также анализ средств выделения ударного слога и правил ударения в данных языках.

Следует отметить, что для студентов-грузин, участвующих в эксперименте, немецкий язык является первым иностранным языком, а русский — вторым.

На основе экспериментального исследования, включающего несколько этапов, в работе выявлены закономерности акцентирования того

или иного слога немецких и русских слов, а также типичные акцентные ошибки студентов-грузин.

Как показали наши наблюдения, существенными лингвистическими факторами, влияющими на нарушение норм немецкого и русского ударения, являются различия между акцентными моделями грузинского, немецкого и русского языков и их многообразие, а также подвижность русского и отчасти немецкого словесного ударения.

В первую очередь необходимо отметить, что для грузинского языка характерно более динамическое ударение, чем музыкальное². В грузинском языке ударение выражено весьма слабо, оно бывает еле заметным, как правило, падает на первый или второй слог от начала слова. Даже носитель грузинского языка не всегда может определить, на какой слог падает ударение, так как в грузинском языке в большинстве случаев первый ударный слог выделяется динамически, а второй — тонально (так называемое заударное повышение тона). В немецком языке принято считать словесное ударение динамико-музыкальным, т. е. ведущим признаком является сила, а движение основного тона — сопутствующим, выражающимся в более четком выделении ударного слога динамическими, мелодическими средствами, а также долготой гласного.

Русское словесное ударение, выступая как индивидуальный признак каждого отдельного слова, выполняет вспомогательные грамматические функции при словообразовании и словоизменении наряду с аффиксацией.

Словесное ударение в немецком языке, как и в русском, является свободным, т. е. может падать на любой слог в слове, например: *'richtig* (правильно), *kní'ga* (на первый слог), *ver'stehen* (понимать), *no'ká* (на второй), *unter'werfen* (подчинять), *peren'óc* (на третий), *vergegen'wärtigen*, *neu'zná'váemýj* (на четвертый). Словоразличительная функция ударения в немецком языке проявляется прежде всего в том, что для каждого данного слова ударение на определенном слоге является обязательным, без него слово невозможно узнать и понять: *'lutherisch* — *lu'therisch*, *'Passiv* — *pa'ssiv*, *'Aktiv* — *ak'tiv*. Однако таких пар слов в немецком языке немного, поэтому студентам следует их запомнить. При словообразовании ударение в немецком языке, закрепившись в силу исторических условий развития языка за определенными морфемами (приставками, суффиксами), может перейти с одного слога на другой, например: *Marsch* (марш) — *mar'schieren* (маршировать), *'backen* (печь) — *bäcke'rei* (пекарня).

Однако в отличие от русского языка свободное немецкое ударение подчиняется определенным правилам, которые позволяют легко определить место ударения в любом слове.

В русском языке ударный слог может отличаться от безударных слогов большей длительностью. Однако в ряде экспериментов, в которых «выявлено наличие изменений качественного компонента русских ударных гласных» указывается, что в русском языке «ударение в основном квантитативное, но есть и динамическое и тоническое»³. Именно поэто-

му «в русском языке ударение сильноцентрализующее, т. е. разница по силе между ударными и безударными слогами очень существенная»⁴, однако в немецком языке эта разница намного значительнее, поэтому в целях преподавания немецкого и русского как иностранных языков при работе над ударением и ритмикой следует прежде всего опираться на этот компонент артикуляции ударного слога.

Необходимо обратить внимание обучаемых на то, что если качественная редукция гласных в грузинском языке выражена очень слабо, в основном в конечном слоге слова, то в русском языке — сильно. Так, в русском языке гласный [а] в слове *голова́* по мере отдаления от ударного слога становится менее четким, приобретает ы-образный оттенок. Немецким гласным свойственна в основном количественная редукция. Немецкое ударение более напряженное, более сильное, чем в русском. Однако безударные гласные в немецком языке как пишутся, так и произносятся, хотя и не так напряженно и долго, как ударные: *rekonstru'ieren* (реконструировать), *zer'brechen* (разбивать), а это в свою очередь облегчает процесс усвоения обучаемыми их произносительных особенностей.

Будучи закрепленным за определенными морфемами, ударение в слове в немецком языке называют морфологически связанным⁵. Исходя из этого, следует обратить внимание студентов на то, что при произнесении безударных слогов корня, а также безударных суффиксов и префиксов (кроме тех, в которых произносится [ə]) нужно артикулировать гласные четко, следя за тем, чтобы они не изменили своего качества.

Наиболее трудным для грузиноговорящих студентов является практическое усвоение акцентных моделей русских слов с подвижным ударением, которые являются довольно частотными, а также безударных гласных неверхнего подъема после твердых и мягких согласных. Именно поэтому обучение русскому словесному ударению должно быть тесно связано с обучением орфографии, правописанием безударных гласных. Устные упражнения должны быть связаны с письменными.

На основании проведенного исследования можно отметить, что в русском и немецком языках выделяются аспекты, по которым можно охарактеризовать ударение, например, по его месту в слове, по подвижности или неподвижности, по выполняемой им функции в слове, по его количеству в слове и т. д.

Таким образом, при практическом усвоении акцентных моделей немецких и русских слов, а также особенностей произнесения ударных и безударных гласных внимание студентов-грузин следует обратить на следующие моменты.

1. В русском языке ударный гласный всегда дольше безударного, тогда как в немецком языке: краткий гласный в ударном слоге может быть короче гласного в безударном слоге, гласный конечного ударного слога может произноситься короче так называемых полудолгих гласных предшествующих безударных слогов.

2. Грузиноговорящие студенты сталкиваются с трудностями при произнесении редуцированных гласных, так как в грузинском языке редукция гласных выражается слабо и в основном в конце слова. В русском языке гласные безударных слогов подвергаются настолько сильной редукции, что они не только изменяют звучание, но иногда даже совсем выпадают, а в немецком языке имеется особый гласный безударных слогов [ə], произносимый только в строго ограниченном числе приставок (be- и ge-), в суффиксах и окончаниях, а качественная редукция гласных в других безударных слогах совершенно отсутствует. При относительно высокой степени фиксированности немецкого ударения оно никогда не выступает как единственный различитель словоформ, тогда как русскому языку характерна такая роль ударения.

3. В русских производных словах сохраняется одно ударение независимо от числа составляющих эти слова морфем. В немецком языке в большом числе производных слов возможно многоступенчатое ударение разной силы при обязательном наличии двух — главного и второстепенного.

4. В немецком языке под действием ритмического и эмоционального факторов может изменяться место и сила ударения в слове. В русском языке это встречается только в поэзии. Студентам следует также обращать внимание на качество гласного: если безударный слог в немецком языке закрытый, то гласный произносится как краткий, открытый и ненапряженный с сильным отступом; если слог открытый, то гласный произносится как полудолгий, напряженный и закрытый со слабым отступом. Эти различия в длительности и отступе неударных гласных и четкое нередуцированное их произнесение в неударном слоге грузиноговорящим студентам следует строго соблюдать, так как в этом заключается одно из самых характерных различий между русским и немецким произнесением слов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Марчук Ю. Н. Основы компьютерной лингвистики. Учеб. пос. 2-е изд., доп. М.: Изд-во МПУ «Народный учитель», 2000. С. 160.

² Ахведиани Г. С. Основы общей фонетики. Тбилиси: Изд-во Илиауни, 1999. 441 с.

³ Златоустова Л. В., Потапова Р. К., Потапов В. В., Трунин-Донской В. Н. Общая и прикладная фонетика. М., 1997. 262 с.

⁴ Битехтина Н. Б., В. Н. Климова В. Н. Русский язык как иностранный: фонетика. М.: Русский язык. Курсы, 2011. С. 51.

⁵ Милюкова Н. А. Фонетика немецкого языка: Учеб. пособие для студ. лингв. и филол. фак-тов высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2004. 176 с.

Mujiri S. A., Kapanadze I. B.

CONTRASTIVE ANALYSIS OF ACCENTUATION OF SINGLE-STRESS WORDS IN GEORGIAN, GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES

The paper is an attempt of theoretico-linguistic and experimental study of word stress in Georgian, Russian and German languages, as well as contrastive analysis of the means of

identification of stressed syllable and the rules of word accentuation in these languages. The research embraced several stages and defines the laws of accenting this or that stressed syllable in Georgian, German and Russian words; typical errors related to the norms of accentuation are identified; recommendations are given regarding the development of pronunciation skills in Russian and German; their efficiency is proved on the basis of experimental teaching of Georgian students.

Keywords: word stress, Georgian-German-Russian trilingualism, contrastive phonetics, methodical recommendations.

Невская Ирина Анатольевна

Франкфуртский университет,
Институт эмпирического языкознания, Германия

nevskaya@em.uni-frankfurt.de

Тажимаева Сауле Жаксылыкбаевна

Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева, Казахстан

sauletazhibaeva@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЦЕЛЕВЫХ КОНСТРУКЦИЙ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

Статья посвящена сопоставительному анализу семантических типов русских и тюркских (казахских и шорских) целевых полипредикативных конструкций (ППК).

Ключевые слова: целевые конструкции, целевое долженствование, антицель.

В тюркологии, в частности в казахском и шорском языкознании, семантические типы целевых полипредикативных конструкций (ППК) не были объектом специального исследования, хотя отдельные структурные и семантические типы затрагивались в работах авторов данного исследования¹. Целевые ППК казахского и шорского языков в основном представлены формами инфинитивного типа (каз. *-мақ* и *-у*, часто в сочетании с каузальным послелогом *үшін* или в форме дательного падежа *-ға*; шор. *-рға*, восходящим к причастию будущего времени *-ар* в дательном падеже), выполняющими ту же функцию, что и инфинитивы в европейских языках. В роли зависимых предикатов они ориентированы на субъект главного действия, т. е. преимущественно являются моно-субъектными. Если субъекты главной и зависимой частей ППК различны, то используются ППК с зависимым предикатом в форме императива 3 л. (*-сын*); зависимая часть таких конструкций присоединяется к главной частицей, вводящей прямую или косвенную речь и восходящей к деепричастной форме глагола говорения *де-/те-*. Подобная конструкция возможна и в моносубъектных ППК, при этом зависимый предикат принимает форму императива 1 л. (*-айыын*). Итак, в казахском языке имеется семь специфических форм, формирующих целевую семантику: *V-мақ*, *V-мақшы*, *V-у-ға*, *V-у үшін*, *V-мақ үшін*; *V-сын деп*, *V-айыын деп*, а в шорском это формы *V-рға*, *V-сын деп*, *V-айыын деп*².

Русская академическая лингвистическая традиция в семантическом плане противопоставляет собственно целевые конструкции несобственно целевым. Первые характеризуются тем, что в главной части этих предложений говорится о целенаправленном, сознательном действии, а в зависимой раскрывается цель этого действия: *Чтобы волосы не пада-*

ли на лицо, Никита повязал их веткой березы (А. Горький); *Луи взял сына, покачал его, чтоб он не плакал* (Эренбург).

В русских несобственно целевых предложениях значение цели деформируется, хотя форма выражения остается та же, что и в собственно целевых, т. е. придаточная часть имеет форму “*чтобы* + инфинитив”. Выделяются три типа несобственно целевых построений: 1) ППК со значением долженствования, 2) ППК недостаточного, достаточного или избыточного основания, 3) ППК антицели. Предложения с семантикой долженствования лексически связаны: в их главной части обязательен лексический выразитель значения необходимости типа: *надо*, *нужно*, *понадобится*, *требуется* и др. Предложения достаточного и избыточного основания содержат квантификаторы с соответствующей семантикой (*слишком*, *достаточно* и т. п.). В предложениях же антицели событие совершается не по воле субъекта, а независимо от его желания: *Так мы встретились и разошлись, чтобы больше не увидеть друг друга*³.

Цель — это заранее мыслимый, ожидаемый и желаемый результат тех действий, которые произойдут в будущем; для достижения этого результата необходима активная, сознательная и преднамеренная деятельность человека. Тем самым, понятие цели неприменимо к природным явлениям, процессам, субъект которых — предмет, стихия, то есть то, что не способно к активной и сознательной деятельности: **Дождь идет, чтобы росли грибы*. Целевое значение невозможно и в предложениях, в которых обозначается произвольное состояние или действие, не контролируемое человеком: *замерзнуть*, *вздрыгнуть*, *чихнуть*.

В то же время любой язык располагает целевыми предложениями (их немного, но они есть), в которых субъект представлен неодушевленными предметами. Это конструкции назначения⁴. Их основное значение заключается в выражении цели существования предмета или ситуации с точки зрения некоторого субъекта, мнение которого вербально не выражено: *Шай қою болу үшін, қастарында электроплиткада бүйірлі құман қайнап тұр* (СМ, 25) — Чтобы чай был густым, рядом с ними на электроплитке кипит пузатый чайник. В этой фразе можно выделить следующую цепочку семантических звеньев: 1) человек поставил чайник на плитку; 2) чтобы его вскипятить; 3) конечная цель: чтобы пить густой чай. В зафиксированной фразе первое звено — активное действие человека — устранено.

При анализе смысловой организации целевых ППК казахского и шорского языков в качестве основной значимой оппозиции мы также принимаем противопоставление собственно целевых и несобственно целевых предложений. Собственно целевые предложения выражают действие, которое запланировано, заранее задумано, для реализации которого необходима активная, сознательная деятельность. В числе несобственно целевых ППК мы также выделяем ППК целевого долженствования, основания и антицели.

Целевые ППК в плане выражения являются бипредикативными и состоят из двух диктумных событий: события зависимой части и события главной части. В плане содержания целевые ППК являются трехкомпонентными (полипропозитивными) синтаксическими единицами. Модальный план *желания* всегда присутствует в сознании говорящего, поэтому нет необходимости в ее вербализации.

В тюркских языках характер целевого значения существенно зависит от того, какой формой выражено сказуемое зависимой части и какова семантика финитного глагола в главной предикативной единице. Значение модальности желательности является необходимым условием целевых ППК. В русском языке модальность желательности включена в значение союза *чтобы*. В тюркских языках эта семантика эксплицируется в волитивной форме зависимого сказуемого на *-айын/-сын деп*. Например:

Каз. *Ертеңгі сағат алты жарымда Атос маған кел=сін деп кешқұрым хабар жіберді* (АД, 81) — Чтобы утром Атос пришел (букв.: пусть, мол, придет) к нему в 6.30, он вечером отправил (ему) весть об этом; шор. *Ичем палалар тоғ=ба=зын теп өдік тық перген*. — Чтобы дети не мерзли, мать сшила им сапожки.

Семантика цели содержится и в значении послелого *үшін* ‘для, ради’⁵. А. М. Щербак отмечает, что общетюркский послелог *үшін* этимологически восходит к форме орудного падежа от *уч* ‘конец, цель’⁶.

Семантика целевых конструкций тюркских языков существенно зависит и от семантики финитного глагола главной предикативной единицы (ГПЕ). Анализ материала показывает, что в главной части целевых ППК чаще всего функционируют глаголы с семантикой движения и перемещения в пространстве. Именно глаголы этой лексико-семантической группы (ЛСГ) способствуют выражению собственно целевых отношений. К ним примыкают конструкции, в которых в качестве главной предикативной единицы функционируют глаголы действия. Периферию системы составляют ППК с глаголами речемыслительной деятельности.

Движение живого существа, а, особенно, человека, — сознательное действие, естественно предполагающее цель, ради которой это движение предпринимается.

Каз. *Бұл тапсырманы да ойдағыдай орындап, тындырылған жұмысты хабарлау үшін трест директорына келдім* (ҚӘ, 1984: 27) — Успешно справившись и с этим заданием, я пришел к директору треста, чтобы отчитаться (букв.: с целью отчитаться) о проделанной работе. Шор. *Мен нек аларға парарым*. — Я пойду покупать корову.

К собственно целевым конструкциям казахского языка относятся и такие ППК, в которых в качестве главной предикативной единицы функционируют глаголы любого целенаправленного произвольного действия (например: изменения положения в пространстве и перемены состояния, социального действия, интеллектуального действия и т. п.).

Зависимый предикат оформляется инфинитивом только в тюркских моносубъектных ППК, в то время как русские ППК с инфинитивом такого ограничения не знают. Сравните казахские разносубъектные и моносубъектные ППК.

Каз. *Ел жат=сын деп, басқа жерге келіп отырды* (КЕ, 179) — Чтобы люди легли, он пересел на другое место (разносубъектная ППК); *Біздің самолет Борисполь аэропортына қон=у үшін төмендеді* (СЛ, 24) — Чтобы приземлиться в аэропорту Борисполь, наш самолет идет на посадку (моносубъектная ППК).

Оппозицию собственно целевым ППК казахского языка составляют несобственно целевые конструкции — ППК долженствования, (не)достаточного основания и антицели:

Долженствование: Каз. *Арманды жүзеге асыр=у үшін, аябай күресу керек* — Чтобы осуществить свою мечту, надо бороться не жалея сил; *Халықты биле=у үшін адам бізі замалатқа жету керек* — Чтобы править народом, человеку надо достичь зрелости.

Основание: Шор. *Аны чолап пар=арға арға мойнуң тыңығалақ*. — Чтобы ехать за ним следом, ты еще не окреп (буквально: твой шея и спина еще не окрепли) — недостаточное основание; *Мен қара пол пардым, қыстап чір=ерге*. — Я стал слишком старым, чтобы за девушками бегать. — избыточное основание.

Антицель: Каз. *Апам Алматыға өл=у үшін келген жоқ*. — Моя бабушка приехала в Алматы не для того, чтобы умереть. В данном случае акцентируется бессмысленность, нежелательность или непредвиденность ситуации, представленной в придаточной части; она противопоставляется первой как алогичная. Ситуация, выраженная в зависимой части, не является потенциальной, отношения между частями ППК скорее соединительные, чем целевые: *Моя бабушка приехала в Алматы и умерла*. Ср. пример из русского языка: *Садовод любовно ухаживает за яблонькой, чтобы ее сломал хулиган; Он (Горький) не двигается из Крыма и приезжает в Москву, чтобы немедленно слечь с бронхитом*. (Н. Берберова).

Несобственно целевые ППК долженствования в тюркских языках, хотя и имеют формальные показатели, выражающие целевые отношения, утрачивают гипотетическое значение желательности, которое заменяется модальностью долженствования. Ср. аналогичную фразу с семантикой долженствования в русском языке: *Ой как много еще надо сделать, чтобы из этого чуть шевелящегося, полуслеплого и беспомощного дитяти получился человек, чтобы встал на ноги и пошел в люди*. (В. Астафьев). В этой фразе содержится указание на необходимость наличия определенного, процессуального признака, а не на желательность достижения цели.

Таким образом, так же как и в русском языке, собственно целевые ППК тюркских языков составляют оппозицию несобственно целевым. В собственно целевых конструкциях выражается осознанное намерение, желание, намеченное к осуществлению. Если же желание переходит в необходимость, то происходит сдвиг в семантике: целевая семантика потенциального действия переходит в виртуальную плоскость, т. е. в условную семантику: *Чтобы поступить в университет (если хочешь поступить в университет), нужно хорошо учиться*.

Русист Р. Гусман Тирадо, исследовавший генеративные предложения русского языка, считает, что термины «целевые отношения», «целевое значение», «целевые придаточные» не совсем точны и их следовало бы заменить каким-то другим, более адекватно отражающим суть дела, и отмечает, что «мы бы вступили в спор с традицией, не оставляющей надежды на выигрыш»⁷.

Анализ целевых ППК казахского и шорского языков, а также выражаемых ими отношений позволяет нам присоединиться к мнению испанского лингвиста. Собственно целевые отношения представляются нам особым случаем причинно-следственных. Цель — это причина, обращённая в будущее: *Чтобы поступить в университет, она хорошо учится.* — *Она хорошо учится, потому что хочет поступить в университет.* Однако для целевых предложений обязательным условием является наличие активно действующего лица, в то время как для причинно-следственных предложений этот факт не столь существенен. Причинно-следственные отношения формируются независимо от того, есть или нет субъект сознания. Как форма закономерной связи явлений объективной действительности причинно-следственные отношения не зависят от желания и воли говорящего. При анализе конструкций и отношений долженствования, мы установили, что они семантически близки условным.

Сравнительно-сопоставительные исследования, проводимые на материале языков разных систем, позволят по-новому взглянуть на природу и семантическую специфику целевых синтаксических единиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Невская И. А.* Формы деепричастного типа в шорском языке. Новосибирск: Издательство НГУ, 1993. 119 с.; *Čeremisina M. I. & Nevskaya I. A.* 'I stood to lie down' and 'I sat down to leave': analytical modal infinitive constructions in South Siberian Turkic languages // *Turkic Languages*. 2000. Volume 4. No. 2. С. 77–113; *Тажипбаева С. Ж.* Каузальные полипредикативные конструкции казахского языка. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 271 с.

² Тем самым, тюркские конструкции близки немецким, где также употребляются различные конструкции для моносубъектных и разносубъектных целевых ППК.

³ *Русская грамматика*. Т. II. Синтаксис / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Наука, 1980. 714 с.; *Теремова Р. М.* Функционально-грамматическая типология конструкций обусловленности в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / РГПУ им. А. И. Герцена. Л.: 1988. 32 с.; *Шаева А. М.* Несобственно целевые сложноподчинённые предложения с союзом «чтобы»: автореф. дис. ... к-а филол. Наук / Московский ПГУ им. В. И. Ленина. М.: 1992. 16 с.

⁴ *Савичуте Г. С.* Предикаты цели и предикаты каузации // *Известия АН СССР. Серия Литература и язык* 1980. Т. 39. № 6. С. 541.

⁵ *Древнетюркский словарь* / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. С. 622.

⁶ *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Наречие, служебные части речи, образительные слова. Л.: Наука, 1987. С. 92.

⁷ *Гусман Тирадо Р.* Генеративные сложноподчинённые предложения в русском языке. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1998. С. 117.

Nevskaya I. A., Tazhibayeva S. Zh.

SEMANTIC TYPES OF PURPOSE CONSTRUCTIONS IN TURKIC LANGUAGES IN COMPARISON WITH RUSSIAN

The article is devoted to comparative analyses of semantic types of Russian and Turkic (Kazakh, Altay, Shor) polypredicative constructions of purpose (PPC). Purpose is a desirable and expected action which occurs as a result of an active subject's actions. If these preconditions are violated language forms with primarily purpose semantics can express other relations: obligation, preconditioning, anti-purpose. Thus, purpose PPC proper are opposed to non-purpose PPC with these forms both in Russian and in Turkic languages.

Keywords: purpose constructions, obligation, anti-purpose.

НАРЕЧНО-ПРЕДЛОЖНАЯ БИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ

Предметом исследования являются бифункциональные наречно-предложные единицы, возникающие на периферии функционально-грамматических полей в русском и сербском языках. В работе проводятся параллели в грамматическом устройстве этих языков, описываются лексемы, обладающие способностью в разных контекстах выполнять функции разных частей речи и занимать синтаксическую позицию, характерную как для предлогов, так и для наречий.

Ключевые слова: бифункциональность, наречие, предлог, русский язык, сербский язык.

Настоящее исследование проведено в рамках функционально-коммуникативной грамматики, которая рассматривает язык с точки зрения его полевой устроенности. Существуют поля разных типов: семантические, понятийные, синтаксические и др. Наше внимание акцентируется на функционально-грамматическом поле (ФГП). Этот тип поля был выделен М. В. Всеволодовой в отношении предлогов и предложных единиц русского языка. Он объединяет единицы в первую очередь на основании их грамматических, а не семантических или иных свойств. В центре функционально-грамматического поля находятся единицы, в полной мере обладающие всеми присущими своему классу характеристиками, они составляют ядро поля. Периферию же составляют единицы, совмещающие в себе свойства разных грамматических классов, а также слова других частей речи, способные выполнять в разных контекстах различные функции¹.

Наша работа посвящена зоне бифункциональности на пересечении этих полей. Исследовав наречно-предложные единицы в русском языке, мы обнаружили процесс адвербиализации предлогов, то есть приобретения ими наречных свойств, выделили ступени и признаки этого перехода².

Случаи наречно-предложной бифункциональности были обнаружены нами и в сербском языке. Так, одни и те же лексемы могут выполнять как наречные, так и предложные функции и занимать в предложении позиции, характерные для наречий и предлогов соответственно.

Проанализированный материал позволил нам выделить три группы словоформ: 1) лексемы, обладающие свойствами обоих грамматических классов в зависимости от контекста, то есть являющиеся собственно бифункциональными; 2) наречные конкретизаторы предлогов; 3) лексемы, чётко относящиеся к своему категориальному классу слов в одном языке и являющиеся бифункциональными в другом.

Рамки статьи заставляют нас ограничиться несколькими наиболее характерными словоформами в качестве примеров, однако к каждой из проиллюстрированных нами групп относится множество лексем как в русском, так и в сербском языке.

Первая группа — бифункциональные единицы, в разных контекстах выступающие как принадлежащие к разным частям речи. В русском языке к этой группе относятся, например, словоформы *вокруг* и *после*, *мимо* и др. Рассмотрим в качестве примера лексему *после* в русском и её аналог в сербском языках.

В предложениях типа (1) словоформа *после* явно является предлогом, так как управляет падежом существительного *урок*:

(1) *Зайдите ко мне после урока.*

Однако конструкция (2) явно иллюстрирует наречную принадлежность данной единицы:

(2) *Поговорим об этом после.*

В предложении (2) наречная функция слова *после* доказывается также тем, что мы можем заменить его на наречие *потом* (см. пример 3) без ущерба смысловой нагрузке предложения, в то время как в предложении (1), где данная лексема функционирует как предлог, мы не можем произвести такую замену (4):

(3) *Поговорим об этом потом.*

(4) **Зайдите ко мне потом урока.*

Таким образом, видно, что лексема *после* также имеет как предложный, так и наречный вариант употребления. Вероятно, данные случаи можно считать различными лексико-семантическими вариантами этого слова.

В сербском языке нам также удалось выделить контексты, иллюстрирующие бифункциональный этап адвербиализации предлога. В предложении (5) словоформа *после* является предлогом, требующим от припредложного существительного формы родительного падежа, однако в предложении (6) позиция данной единицы приближает её к классу наречий:

(5) *Дођи до мене после часова.* (рус. *Приходи ко мне после уроков.*)

(6) *Он се често сећао тог сусрета и света што се десило после.* (рус. *Он часто вспоминал ту встречу и всё, что случилось после.*)

В предложении (6) припредложное существительное не выражено явно, тем не менее оно прослеживается в предшествующем контексте. Здесь лексема *после* занимает характерную для наречия позицию в конце высказывания, однако она всё ещё должна быть отнесена нами к классу предлогов, потому что мы легко можем видоизменить предложение, эксплицировав отсылку к припредложному существительному в начале (7):

(7) Он се често сећао тог сусрета и света што се десило *после* њега. (рус. Он често вспоминал ту встречу и всё, что случилось после неё).

Однако можно привести и примеры адвербиализации наречия *после*. Так, в предложении (8) данная лексема уже не имеет никаких формальных признаков предлога и проявляет только наречные свойства:

(8) Причаћемо о томе *после*. (рус. Поговорим об этом *после*).

Можно было бы отметить, что семантически *после* относится здесь к моменту речи, то есть поговорим после момента произнесения данного высказывания, однако грамматически предложные свойства лексемы не проявляются, и в данном контексте она должна быть определена как темпоральное наречие.

Интересно отметить, что, как и в русском языке, в сербском в данных высказываниях существует вариативность. В русском языке *после* в наречной функции может быть заменено словом *потом* (см. пример (3)), в сербском же языке таким же образом функционирует лексема *касније* (рус. *потом*). Существует возможность заменить словоформу *после* словоформой *касније* в предложениях (8) и (6) (см. примеры (9) и (10) соответственно):

(9) Попричаћемо о томе *касније*.

(10) Он се често сећао тог сусрета и свега што се десило *касније* (рус. Он часто вспоминал ту встречу и всё, что случилось *потом*).

Так, замена возможна в тех контекстах, где рассматриваемая лексема занимает позицию наречия. Однако в предложениях, где данные словоформы выступают в роли предлога, такая замена невозможна ни в русском (см. пример 4), ни в сербском языках (11):

(11) *Он се често сећао тог сусрета, и свега што се десило *касније* њега. (рус. *Он часто вспоминал ту встречу и всё, что случилось *потом* неё).

Таким образом, явно видно, что сербская лексема *после* (как и русская *после*) обладает бифункциональной природой, в то время как лексемы *касније* в сербском и *потом* в русском являются наречиями и не могут принимать на себя функции предлогов. А сербском языке к этой группе бифункциональных слов относятся также лексемы *поред*, *близу* и др.

Теперь рассмотрим вторую группу словоформ — наречные конкретизаторы предлога. В таких случаях наречная единица входит в состав предлога, являясь его семантически обусловленным компонентом³. Наречные конкретизаторы предлога могут быть свободными и связанными в зависимости от того, могут ли они употребляться самостоятельно, без предложной единицы. Например, *почти* является свободным конкретизатором в сочетании *почти до сорока лет*, потому что может употребляться и отдельно от предлога *до* (*почти закончил*), а *вплоть* — это связанный конкретизатор, потому что его употребление возможно только с предлогом: *вплоть до*.

Относительно сербского языка проанализируем в качестве примера слово *заједно* (рус. *вместе*). В предложении (12) эта лексема, несомненно, стоит в позиции наречия:

(12) Не брину, урадићемо то *заједно*.

Эта лексема не может считаться бифункциональной, так как нет предложений, где бы она выполняла чисто предложные функции. Однако в предложении (13), сохраняя свои наречные свойства, эта словоформа входит в состав предложной единицы *заједно с*, являясь, однако, её свободным компонентом, что доказывается возможностью удалить её из высказывания без потери смысла (см. предложение (14)):

(13) Дошао сам у школу *заједно са братом*.

(14) Дошао сам у школу *са братом*.

В качестве примера связанного конкретизатора приведём слово *далеко*, способное как выполнять чисто наречную функцию (15), так и быть неотделимой частью предлога (16):

(15) Он живи *далеко*, зато не може да дође.

(16) *Далеко од ока далеко од срца*.

В третью группу мы объединили случаи, в которых разные языки выражают одни и те же значения разными грамматическими способами. Обработанный нами материал показал, что бифункциональность менее характерна для сербского языка, чем для русского. Русский язык часто выражает бифункциональными наречно-предложными единицами те смыслы, для которых сербский язык использует разные лексемы или порой даже разные конструкции.

Приведём примеры соответствия между конструкциями с бифункциональными словами в русском и разными решениями в сербском языках. Проиллюстрируем это одной из самых частых в употреблении и описанной выше наречно-предложной лексемой *вокруг*. Она может играть роль предлога, как в предложении (17), а также может быть наречием образа действия (см. предложение 18):

(17) Два раза я обошёл *вокруг* дома номер три, но дом пять не нашёл.

(18) Но каким-то чудом именно комнату с картинами огонь обошёл *вокруг*.

Существуют и контексты, в которых та же словоформа выступает как локативное наречие:

(19) *Вокруг* есть разные люди.

В сербском же языке данная лексема в качестве предлога (предложение 17) имеет соответствие в предлоге *око* (см. предложение 20):

(20) Обошао сам два круга *око* кући број 3, али кућу број 5 нисам нашао (рус. Я обошёл два круга *вокруг* дома номер 3, но дом номер 5 не нашёл).

Наречные же функции лексемы *вокруг* в сербском языке выражены либо через семантику глагола, либо через синтаксическую конструкцию

в целом. В предложении (21) глагол *заобићи* включает в себя компонент значения, который в русском выражается бифункциональной единицей с глаголом *обойти вокруг*, а предложения (22) и (23) представляют собой разные реализации локативного смысла наречия *вокруг* различными грамматическими конструкциями:

(21) *Неким чудом управ особу са сликама ватра је заобишла* (рус. *Каким-то чудом именно комнату с картинами огонь обошёл вокруг*).

(22) *У околини постоји различити људи* (рус. *В окружении существуют разные люди*).

(23) *Има различитих људи* (рус. *Есть разные люди*).

Похожим образом сербский язык разделяет между двумя лексемами наречные и предложные функции в предложениях (24) и (25):

(24) *Надам се да га видим недуго после рођења сина.*

(25) *Надам се да га видим ускоро.*

В русском языке в обеих приведённых конструкциях используется лексема *вскоре* (26), (27), в первом случае в качестве наречного конкретизатора в предложной единице *вскоре после*, во втором случае — как темпоральное наречие *вскоре*:

(26) *Надеюсь увидеться с ним вскоре после рождения сына.*

(27) *Надеюсь вскоре с ним увидеться.*

Таким образом, видно, что бифункциональность наречий и предлогов в меньшей степени свойственна сербскому языку, чем русскому. В сербском языке существуют единицы, в различных контекстах играющие роль наречия и предлога, однако количество этих единиц меньше, чем в русском. Существуют и наречные конкретизаторы предлога, как свободные, так и связанные.

Результаты проведённого анализа позволяют нам сделать предварительный вывод, что возможно, и наречно-предложная бифункциональность, и конкретизаторы при предлоге свойственны славянским языкам в целом — во всяком случае, эти явления прослеживаются и в сербской, и в русской грамматике. Однако в большинстве случаев сербский язык функционально разграничивает данные классы слов, выражая необходимые смыслы различными конструкциями или разделяя их лексически.

Исследование параллелей в грамматическом устройстве языков и функциональное описание слов создаёт материал для сравнительных грамматик, а также имеет большое значение как для изучения этих языков иностранцами, так и для последующей работы с неродным языком, в том числе перевода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Всеволодова М. В.* Поля, категории и концепты как единицы структуры Языка // Вопросы языкознания. 2009. № 3. С. 76–99.

² *Патаракина Е. О.* Процесс адвербиализации языковых единиц на периферии функционально-грамматических полей наречия и предлога в русском языке // Мир русского слова. 2013. № 3. С. 19–23.

³ *Панков Ф. И.* Русские наречия в их соотношении с русскими предлогами // Мир русского слова. 2009. № 1. С. 12–19.

Patarakina E. O.

BIFUNCTIONALITY OF ADVERBS AND PREPOSITIONS IN RUSSIAN AND SERBIAN LANGUAGES

The subject of this research is the bifunctionality of adverbs and prepositions on the periphery of functional-grammatical fields in Russian and Serbian languages. The paper draws parallels with the grammatical structure of these languages, describes the words that have the ability to have functions of different parts of speech in different contexts and to occupy a position which is characteristic for prepositions and adverbs as well.

Keywords: bifunctionality, adverb, preposition.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ ЛЕКСИКЕ

Современное развитие русского и болгарского языков тесно связано с глобализацией конца XX века, в результате чего в лексике активизировались интернационализационные тенденции. Нарастает количество заимствований, наблюдается также высокая продуктивность образования новых аналитических номинаций с помощью интернациональных словообразовательных элементов. В статье рассматриваются лексические заимствования в обоих языках в области общественно-политической и дипломатической лексики последних десятилетий.

Ключевые слова: лексические заимствования, интернационализмы, дипломатическая лексика, общественно-политическая лексика.

К существенным переменам, которыми в конце XX века характеризуется международное развитие, относится глобализация. Это объективный процесс, который объединяет почти все сферы жизни и деятельности человека, а также распространяется на науку, культуру и образование.

Современное развитие русского и болгарского языков (а в более широком плане и всех славянских языков) находится в тесной связи с общественно-политическими изменениями конца XX века, с наступлением эпохи глобализации, в результате чего в лексике обоих языков активизировались интернационализационные тенденции.

Интернационализация связывается с общественно-политическими изменениями начала 90-х годов прошлого столетия, в результате которых в русский и болгарский языки стало проникать значительное количество иноязычных слов. «Особую роль в данном процессе играет английский язык, который на современном этапе развития общества приобрел статус языка международного общения в разных сферах коммуникации: науке, политике, экономике, искусстве, моде, туризме, технике и др.»¹. Активной тенденцией в русском языке начала XXI века, также как и в других славянских языках, является образование абсолютно новых словообразовательных гнезд от многочисленных английских заимствований и усиление адаптивной функции словообразовательных типов². Так, с одной стороны, нарастает количество заимствований, а с другой, наблюдается постоянно высокая продуктивность образования новых аналитических номинаций (это особо касается русского языка) с помощью интернациональных словообразовательных элементов.

По определению Большого энциклопедического словаря, *интернационализмы* — «слова, совпадающие в разных языках по своей внешней форме (с учетом закономерных соответствий звуков и графических единиц), с полностью или частично совпадающим смыслом. Источник

интернационализмов — какой-нибудь язык (ср. рус. *спутник*, нем. *Sputnik*, англ. *Sputnic*) или греко-латинские корни слов, лежащие в основе интернациональной терминологической лексики»³.

По словам В. Н. Крупнова⁴, интернациональные термины попадают в язык благодаря заимствованию из другого языка, либо вследствие того, что два или несколько языков заимствуют термин из какого-либо языка одновременно. В первом случае заимствования заполняют существующие лакуны при отсутствии необходимого слова в заимствующем языке и могут приниматься только в одном или нескольких значениях, в то время как в исходном языке они продолжают функционировать во всем своем семантическом многообразии. Во втором случае слова эволюционируют в двух языках, и под воздействием культурно-исторических условий, а также самих языков, это развитие может происходить по-разному, приводя к различиям в объеме значения слов.

По нашим наблюдениям, заимствованные слова используются в русских и в болгарских дипломатических и международно-правовых документах довольно широко. Некоторые заимствования существуют и употребляются параллельно с исконной лексемой как контекстуальные синонимы (*визит* — *посещение*; *дебаты* — *обсуждения*; *денонсация* — *прекращение*, *сертификат* — *свидетельство*). Употребление заимствованного термина при наличии активно используемого исконного слова представляет отражение современной практики и языковой моды в эпоху глобализации.

Мы сосредоточимся на лексических заимствованиях, наблюдавшихся в указанный выше период (конца XX — начала XXI вв.). Следует отметить, что наряду с широко распространенным термином *лексические заимствования* в научной литературе используется термин *ксенолексика*. Так, например, О. Г. Щитова утверждает, что «термин *ксенолексика* имеет более широкое значение по сравнению с термином *заимствованное слово (заимствование)*. Заимствованные слова — это иноязычные лексические единицы, ассимилированные, освоенные принявшим их языком, а для ксенолексики (слов иноязычного происхождения) вопрос о степени освоенности в языке-реципиенте не решается однозначно, остается открытым и должен исследоваться отдельно для каждого слова»⁵. Автор подразумевает, что в понятие *ксенолексика* входят иноязычные вкрапления, иностранные слова (варваризмы), экзотизмы, заимствованные слова.

Под *иноязычными вкраплениями* (нетранслитерированными иноязычными единицами) понимаются слова и выражения, графически оформленные в языке-реципиенте средствами языка-источника. В основном это слова латинского происхождения, поэтому их пишут по-латински: (*ad hoc*; *ad hoc комиссия* («специальная комиссия») (рус.) / «*ад хок*» *комисия* (болг.), *status quo* («положение, в котором», в значении

«существующее положение вещей»), *Primus inter pares* (первый среди равных), *de jure* (де-юре: «по (согласно) праву»), *de facto* (де-факто: «на деле», «фактически»), *ad referendum* (ад референдум: «под условием, нуждается в последующем утверждении»); болг. *persona non grata, ad referendum, clausula rebus sic stantibus* (при наличие на коренна промяна на обстоятелствата), *a priori, In Varietate Concordia* («Обединени в различие» — девиз Европейского союза).

Иностранная лексика (или т.н. *варваризмы*) охватывает иноязычные слова или выражения, встречающиеся в речи носителей принимающего языка, оформленные его графическими средствами, но еще не закрепившиеся в нем на правах составного элемента (*ноу-хау, вето; де-факто, де-юре* (рус и болг.), *дуајен / доайен, раунд переговоров* (рус.) / *кръг, персона нон грата, спикер / председател на парламента, статус-кво / статукво, брифинг, дэмпинг, факторинг, холдинг, ноу-хау, маркетинг, лизинг, гуд-уил, роялти, рейтинг, конгрессмен*).

Собственно под *заимствованной лексикой* понимаются иноязычные слова, освоенные заимствующим языком и вошедшие в словообразование языка-реципиента. В последние годы наблюдается активное усвоение таких слов (главным образом из английского), как в русском, так и в болгарском языках.

Среди причин, которые приводят к заимствованию, Е. И. Литневская выделяет следующие:

- потребность назвать новые реалии (*мораторий, брифинг*);
- необходимость разграничить содержательно близкие, но все же различающиеся понятия (*разрешение — лицензия*);
- тенденции заменять словосочетания одним словом (*саммит* вместо словосочетания *встреча в верхах, встреча на высшем уровне; ноу-хау* вм. *передовые технологии; прерогатива* вм. *исключительное право, привилегия государственного органа*);
- стремление к повышению в статусе называемого объекта — престижность иноязычного слова (*презентация — представление, преференция — льгота*)⁶.

С точки зрения межкультурного взаимодействия и коммуникации интересно проследить лексические заимствования русским и болгарским языками последнего времени, среди которых выявляются существенные различия. Так, в официальных документах и в публицистической речи на болгарском языке прочно утвердилось словосочетание *среща на високо равнище, среща на върха*, в то время как в русском языке, помимо русских словосочетаний *встреча на высоком уровне, встреча в верхах*, гораздо чаще употребляется заимствование из английского языка *саммит* (слово вошло в активное употребление в русском языке в середине 1980-х годов). Хотя в словаре Ефремовой его значение определяется как «встреча и переговоры глав государств, правительств»⁷, в современном русском языке оно активно развивает более широкое значение — используется также для номинации международного форума. СМИ предлагают богатый набор примеров: *металлургический саммит, бизнес саммит, деловой саммит,*

Черноморский контейнерный саммит. Многочисленные примеры наглядно свидетельствуют о расширении семантического значения данного слова и об активизации его употребления в русском языке.

Выше было сказано, что большинство терминов — интернационального происхождения, следовательно, используются в нескольких языках, часто в большом числе языков. С особой силой это относится к терминологии международного права и дипломатии. Наряду с эквивалентными по семантике терминами /или терминологическими сочетаниями/ имеют место в теории перевода «ложные друзья переводчика». Этот термин употреблен первоначально во французской лингвистике для обозначения слов, «ассоциируемых и отождествляемых (благодаря сходству в плане выражения) в двух языках, которые в плане содержания или по употреблению не полностью соответствуют или даже полностью не соответствуют друг другу»⁸.

В. Н. Крупнов определяет два типа возможных несоответствий в значении:

- частичное совпадение объема значения слов в двух языках, т. е. наличие только одно — двух общих значений;
- полное несовпадение объема значений слов в сопоставляемых языках⁹.

В качестве иллюстрации частичного совпадения заимствованных значений можно привести несколько примеров:

- (1) Английское слово *round*, которое вошло в русский язык в форме *раунд* в двух значениях: 1) «трехминутная часть в поединке боксеров» и 2) «Самостоятельный этап, тур переговоров»¹⁰. В болгарском языке слово *рунд* развило лишь первое значение. Во втором значении в дипломатическом дискурсе употребляется слово *круг* (болг. *кръг*);
- (2) Согласно Longmen dictionary¹¹ в английском языке слово *speaker* имеет шесть значений. В русском оно развило одно значение¹²: 1) *спикер, т. е. «председатель парламента»*, которое активно употребляется в данном значении. В болгарском языке этот термин означает 1) «диктор (радио)» и 2) «спортивный журналист»¹³. В обоих значениях термин имеет ограниченное употребление, отдаётся предпочтение болгарским терминам *говорител, коментатор*.
- (3) Слово греческого происхождения *charter* [греч. *Chartēs*] в русский язык вошло в форме *хартия* со значением «название документа». Фонетическое соответствие этого слова в болгарском языке означает «бумага». В значении важного политического документа используется слово *харта*.

В сопоставительном плане интерес вызывает, например, данные термины:

- (4) *пролонгация (договора)* (рус.), активно употребляющийся в русском языке и вошедший в словообразование (*пролонгировать*) и его отсутствие в болгарском: ср. *Подновяване, Продължаване на действието (на договор)*.
- (5) *реинвестиция* в болг. — в рус. *повторное капиталовложение*.

Нам кажется правомерным к лексическим заимствованиям отнести и т.н. кальки терминов /терминологических сочетаний/, вошедшие в активное употребление в русский и болгарский язык из английского. К примеру:

(6) *diplomatic shuttle* — челночная дипломатия — (болг.) дипломатическа совадка.

Изучение иноязычной заимствованной лексики становится одним из немаловажных вопросов, выявляющих интенсивное расширение языковых контактов. По словам А. П. Садохина, значение заимствованного слова не исчерпывается лишь лексическим понятием (денотацией слова), а в значительной степени зависит от его лексико-фразеологической сочетаемости и коннотации¹⁴.

Приведенные примеры свидетельствуют о частичном расхождении или полном несовпадении значения заимствованных слов в русском и болгарском языках. Неправильное употребление этих терминов при переводе с одного языка на другой привело бы к искажению смысла высказывания. Их употребление очень важно учитывать как с переводческой, так и с лингводидактической точки зрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Щитова О. Г.* Процесс словообразовательной ассимиляции иноязычной лексики в русском языке как отражение культурных и языковых тенденций // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Серия: гуманитарные науки (филология). 1'2004. Выпуск 1 (38). Томск: Изд-во ТГПУ, 2004. С. 15–20.

² *Петрухина Е. В.* Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Междунар. научной конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Междунар. комитете славистов. Под ред. проф. Е. В. Петрухиной. М.: Филол. факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. С. 424 — 443.

³ Большой энциклопедический словарь. Под ред. А. М. Прохорова. [Электронный ресурс] // URL:<http://www.vedu.ru/bigencdic/24075/> (дата обращения: 13.03.2014).

⁴ *Крупнов В. Н.* В творческой лаборатории переводчика (Очерки по профессиональному переводу). М.: Междунар. отношения, 1976. С. 83.

⁵ *Щитова О. Г.* Новейшая ксенолексика в русской речи XXI века: к определению объема понятия // Вестн. науки Сибири. Сер. 9. Филология. Педагогика. Томск: Изд-во Томского политех. ун-та, 2012. № 1 (2). С. 278. URL: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/237/234> (дата обращения: 13.03.2014).

⁶ *Литневская Е. И.* Русский язык: краткий теоретический курс для школьников (Часть 3. Лексикология и лексикография). М.: Изд-во МГУ, 2006. [Электронный ресурс]: <http://gramota.ru/book/litnevskaya.php%3Fpart3.htm+&cd=2&hl=bg&ct=clnk&gl=bg>. (дата обращения: 13.03.2014).

⁷ *Ефремова Т. Ф.* Современный словарь русского языка три в одном: орфографический, словообразовательный, морфемный: около 20 000 слов, около 1200 словообразовательных единиц. М.: АСТ, 2010. 699 с.

⁸ *Акуленко В.В., Комиссарчик С.Ю., Погорелова Р.В., Юхт В.Л.* / Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». Под ред. В. В. Акуленко. М.: Сов. энциклопедия, 1969. С. 384.

⁹ *Крупнов В. Н.* Указ. соч. С. 83.

¹⁰ *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка, Москва, «Русский язык», 2000 г. // [Эл. ресурс]: http://www.efremova.info/word/raund.html#VMvotfl_s-E (дата обращения: 13.03.2014).

¹¹ The Longman Dictionary of Contemporary English Online (LDOCE, 5th Ed.) // [Эл. ресурс]: <http://www.ldoceonline.com/>. (дата обращения: 13.03.2014).

¹² *Ефремова Т. Ф.* Указ. соч. http://www.efremova.info/word/spiker.html#VMvqT_l_s-E (дата обращения: 13.03.2014).

¹³ Тълковен речник [Эл. ресурс]: <http://talkoven.onlinerechnik.com/duma/> (дата обращения: 13.03.2014).

¹⁴ *Садохин А. П.* Межкультурная коммуникация. Учеб. пос. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. С. 70–71.

Pencheva A. I.

LEXICAL BORROWINGS IN THE LANGUAGE OF POLITICS AND DIPLOMACY

The author argues that contemporary development of Russian and Bulgarian languages is closely linked to the social and political changes that took place in the late 20th century with the start of the globalization era, as a result of which there has been a marked trend towards internalization. The article makes a comparative analysis of lexical borrowings in both languages, the formation of analytical nominalizations by using international word-formation elements in the field of politics and diplomacy over the past 20 years.

Keywords: internationalism, lexical borrowings, vocabulary of politics and diplomacy.

Пфандль Хайнрих

Университет Грац, Австрия

heinrich.pfandl@uni-graz.at

СЛОВА ГОДА: МЕЖДУ ЛИНГВИСТИКОЙ И ИСКУССТВОМ (НЕМЕЦКИЕ И РУССКИЕ СЛОВА ГОДА 2013 И 2014 ГГ.)

В статье дается краткий обзор возникновения традиции выбирать «слово года», в развитии которой ведущая роль принадлежит немецкоязычным странам. Здесь же приводятся и рассматриваются результаты выбора «слов года» 2013-го и 2014-го годов в немецкоязычных странах и в России, раскрывается сложность объективного подхода к такой задаче.

Ключевые слова: русское слово года, немецкое слово года, языковой вкус эпохи.

Во многих странах с некоторых пор поздней осенью проводится выбор «слова года», то есть самого характерного и/или оригинального в данном году слова, и выбор этот не зависит от частотности употребления слова в СМИ или других источниках. Первым языком, для которого было определено слово года, был немецкий, причем поначалу (с 1971 года, а после шестилетнего перерыва регулярно с 1977 года) такие выборы проводились в Западной Германии (ФРГ) для всей немецкоязычной территории¹.

Когда в 1972 году англист Бродер Карстенсен в статье под названием «Слова года 1971» в журнале *Sprachdienst* объявил о своих предпочтениях в области языковых явлений 1971 г. и обозначил абсолютно традиционное, но ставшее актуальным слово *aufmüpfig* («строптивый», «бунтующий») как самое характерное слово предыдущего года², он вряд ли думал о том, что идея объявления ежегодного лексикологического хита вскоре станет настоящим явлением в немецких СМИ, а сам он через несколько лет будет публиковать результаты своего выбора, конкурируя с другими лингвистами.

Нас здесь интересуют не разногласия в «языковом вкусе эпохи» (Костомаров) двух групп ученых, а сам факт привлекательности этого вопроса для самых разных ученых и журналистов.

В 1991 г. к немецкому слову года присоединилось анти-слово года, установленное лингвистом Х.-Д. Шлоссером который, однако, довольно скоро поссорился со своими коллегами и с 1996 г уступил им место в комиссии по определению анти-слова года. В 2001 г. устанавливается «фраза года», а с 2008 г. так называемое «молодежное слово».

К концу 1990-х годов австрийский германист Р. Мур из университета г. Граца осознал, что результаты ФРГ не соответствовали языковой реальности Австрии, и решил создать комиссию, в которую вошел ряд лингвистов грацкого университета, в том числе и автор этих строк, а также ведущий журналист АПА — для выявления австрийского слова года. Первыми «словами года» оказались *Sondierungsgespräche*

(1999) и *Sanktionen* (2000), т. е. «санкции», которыми подверглась Австрия со стороны ЕС за включение в правительство правых экстремистов (то же слово, см. ниже, стало одним из русских слов года 2014 г.). Несколько позже, в 2002 г., аналогичная инициатива родилась в княжестве Лихтенштейн, а еще через год и в немецкоязычной Швейцарии. Наконец, начиная с 2005 года, и Южный Тироль, трехязычная провинция на севере Италии, определяет немецкое, итальянское и латинское слово года. Эти национальные ответвления, повторяем, объясняются тем, что многие немецкие (ФРГ) слова года, как *Junktin* (1971), *Lauschangriff* (1977), *konspirative Wohnung* (1978), *Nachrüstung* (1979), *Rasterfahndung* (1980), *Nulllösung* (1981) и многие другие не только не имели значения для внеязыковой действительности остальных немецкоговорящих стран, но отчасти даже не были понятны их жителям. Кроме того, с 1986 до 1989 гг. в Мангейме, за отсутствием подобной инициативы в самой ГДР, лингвистом Махаэлом Кинне определялись слова года ГДР. Все результаты до 2002 г. собраны в монографии Й. Бэра³, а сравнение австрийских, лихтенштейнских и восточногерманских слов показывает, что возникновение собственного выбора в каждой из немецкоязычных стран вполне оправданно: эти слова отражают в первую очередь разные национальные дискурсы.

В России же такая инициатива возникла в 2007 г. под руководством М. Эпштейна, известного московского лингвиста, философа, литературоведа, создателя известного портала «Дар слова» и множества других интернет-проектов, профессора университетов Эмори и Дарема. Первым русским словом, получившим название «слова года», стало слово *гламур*⁴. Это решение встретило всеобщее одобрение, а также задало, вместе со словами *нанотехнология* и *блог/блогер*, тон для будущих выборов: слово должно было отражать характерные явления текущего года, быть «на устах у всех», независимо от частоты его использования.

Антисловом 2007 г. (или примером «антиязыка», по терминологии Эпштейна) стало использованное тогдашним президентом Д. Медведевым существительное *креатив*, в то время как использованный тогда же премьер-министром В. Путиным глагол *шакалить* для обозначения деятельности правозащитников стало другим претендентом на антислово. Как объясняет М. Эпштейн, между этими двумя словами существует некоторая семантическая связь (*креатив* является обелением черного, в то время как заданное В. Путиным *шакалить* суть очернение белого). Гораздо интереснее, что год спустя в тройку слов года вошли лексемы *кризис*, *коллайдер* и *великодержавность*, то есть реалии России и мира того времени, которые гораздо отчетливее и точнее характеризуют настроение страны к моменту выбора слова года, то есть на рубеже 2008 и 2009 гг.

Поскольку австрийский славист-русист Р. Ратмайр в недавней статье⁵ провела сравнительный анализ австрийских и русских слов года

с момента первых выборов и вплоть до 2012 г., я позволю себе сосредоточиться на результатах двух последних лет (2013 и 2014 гг.). Однако постараюсь сравнить результаты выбора всех немецкоязычных стран с результатами выбора М. Эпштейна и его жюри, а для 2013 г. и с другими русскими словами, предложенными в качестве характерных слов года в СМИ по результатам других опросов или решений. Упомянув о других попытках провозгласить конкурирующие слова года, я постараюсь наглядно показать сложность такой, казалось бы, простой задачи. Здесь мы также ограничимся словами года, не приводя ни антислов («антиязык», по версии М. Эпштейна), ни молодежных слов, ни фраз и антифраз года, ни тем более неологизмов (рубрика, введенная М. Эпштейном в 2014 г.).

СЛОВО ГОДА 2013

Страна	Слово с рейтингом	Перевод и/или комментарий
Германия	1. <i>GroKo</i>	Слоговое сокращение словосочетания <i>Große Koalition</i> , ‘Большая коалиция’, т. е. форма правительства, образованная на базе сотрудничества двух ведущих партий Германии.
	2. <i>Protz-Bischof</i>	‘Епископ-хвостун’, прозвище скандального викарного епископа Лимбурга, Франца-Петера Тебарца фан Эльста, известного своим шикарным стилем жизни и обвиненного в злоупотреблении церковными и общественными деньгами отчасти в личных целях.
	3. <i>Armutseinwanderung</i>	Иммиграция по бедности. Слово для характеристики новых волн эмиграции из стран Ближнего Востока, Африки и Азии в Германию.
Австрия	1. <i>frankschämen</i>	Отсылка к слову <i>fremdschämen</i> ‘стыдиться за другого’, австр. слову года 2010 г. Морфема <i>fremd</i> заменена на имя австро-канадского политика <i>Франка</i> Стронаха.
	2. <i>Lauschangriff</i>	Атака подслушивания. Дискуссия о законности прослушивания граждан возникла, в частности, после сенсационных открытий Эдварда Сноудена.
	3. <i>enkelfit</i>	‘Годный для внуков’. Слово, возникшее в связи с дискуссией о том, как должна выглядеть пенсионная система, чтобы она действовала и через два поколения, для ныне живущих внуков.
Швейцария	1. <i>Stellwerkstörung</i>	‘Неисправность в аппарате централизации стрелок и сигналов’ — частое объявление в швейцарских поездах при остановке поезда. Одновременно и метафора для страны, в которой уже давно мало что происходит, и для 2013 года, бедного событиями (из обоснования выбора жюри).
Лихтенштейн	1. <i>Filialschließung</i>	‘Заккрытие филиалов’. Заккрытие банковских филиалов в двух местах Лихтенштейна с последующим за этим протестом граждан.

Страна	Слово с рейтингом	Перевод и/или комментарий
Южный Тироль	1. <i>Ära</i>	‘Эра’. Имеется в виду окончание эры правления главы правительства Луиса Дурнвальдера, определявшего судьбу провинции в течение 25 лет.
Россия / Эпштейн	1. <i>Госдура</i>	Переименование Государственной думы (<i>Госду-ма</i>) с целью насмешки. Впервые слово прозвучало как якобы оговорка из уст журналиста В. Познера в конце 2012 г. на Первом канале ТВ (в связи с принятием «Закона Димы Яковлева»), позже его повторила телеведущая М. Моргунов.
	2. <i>Евромайдан</i>	Обобщающее название событий в Киеве на площади «Майдан независимости» с ноября 2013 г. по февраль 2014 г. — массовых протестов против президента Януковича в связи с неподписанием им соглашений с Евросоюзом, а также против массовой коррупции в стране.
	3. <i>креакл</i>	Новообразование от слов <i>креативный</i> и <i>класс</i> , калька с английского <i>creative class</i> (термин социолога Ричарда Флориды). В русском языке термин используется, напр. для обозначения среднего слоя городского населения от 20 до 40 лет, материально обеспеченного, свободомыслящего, независимого. В интернете распространилось в связи с убийством в 2013 г. И. Кабановой, совершенным ее мужем.
Россия / Эхо Москвы	1. <i>пехтинг</i>	Слово, придуманное А. Навальным в ходе разоблачений депутата В. Пехтина, имеющего недвижимость в США. Слово объединяет фамилию депутата с английским отглагольным окончанием <i>-ing</i> .
	2. <i>болотный процесс</i>	Крупнейшее уголовное дело против участников протестного движения 2011–13 гг. в связи с их участием в «Марше миллионов» 6 мая 2012 г. Слово совпадает с термином геологии.
	3. <i>диссернет</i>	Название независимого добровольного сетевого сообщества, занимающегося проведением экспертиз уже защищенных канд. и докт. диссертаций. Деятельность этого общества привела к выявлению сотен плагиатов, в том числе и в диссертациях известных ученых и политиков. Работает по адресу http://www.dissernet.org/ .

СЛОВО ГОДА 2014

Страна	Слово с рейтингом	Перевод и/или комментарий
Германия	1. <i>Lichtgrenze</i>	‘Световая граница’ — художественная инсталляция, сделанная к празднованию 25-летия падения Берлинской стены.

Страна	Слово с рейтингом	Перевод и/или комментарий
	2. <i>Schwarze Null</i>	‘Чёрный ноль’ — о провозглашенной германским правительством <i>Большой коалиции</i> (см. слово года 2013), попытке свести до нуля убыток в федеральном бюджете 2015 г.
	3. <i>Götzseidank</i>	‘Спасибо Гётцу!’ Вариант фразеологизма <i>Gott sei Dank</i> (‘слава Богу’), дословно: «спасибо Богу/Гётцу». Марио Гётце — автор решающего гола германской футбольной команды в финальном матче против Аргентины на чемпионате мира по футболу.
Австрия	1. <i>situationselastisch</i>	«ситуативно-эластичный», то есть ‘эластичный/гибкий в зависимости от ситуации’ — высказывание министра обороны Австрии по поводу вопроса о том, будут ли и впредь появляться канцлер и вице-канцлер на совместных пресс-конференциях: «он [канцлер Файман] это решит ситуативно-эластично».
	2. <i>Hypotopia</i>	<i>Гипотопия</i> . Название макета гипотетического города, строительство которого обошлось бы в 19 миллиардов евро, созданного (макета) студентами Технического университета г. Вены чтобы наглядно продемонстрировать убыток, причиненный банкротством «Нуро»(Гипо)-банка и нанесенный австрийским налогоплательщикам ущерб.
Швейцария	1. #	Знак решётки, выбранный за его частое и усиленное использование в мире ЭВМ, в частности в социальных сетях.
Лихтенштейн	1. <i>Win-Win</i>	Название двух всенародных инициатив, требовавших изменения пенсионной системы предприятий для государственных служащих. Слово напоминает англ. <i>win-win situation</i> , обозначение выигрышной ситуации (к глаголу <i>win</i> ‘выигрывать’).
Южный Тироль	[пока отсутствует]	
Россия/Эпштейн	1. <i>крымнаш</i>	Слитное написание факта аннексии Крыма Российской федерацией 18 марта 2014 г.
	2. <i>санкции</i>	Экономические меры, введённые рядом европейских стран, Австралией и США в отношении РФ в ответ на аннексию Крыма РФ.
	3. <i>бандеровцы/бендеровцы</i>	Обозначение некоторых групп украинцев их противниками с целью дискредитации. Ошибочной формой <i>бендеровцы</i> слово связывается не с политическим деятелем украинского национального движения С. Бандерой, а с литературным героем сатирических романов И. Ильфа и Е. Петрова Остапом Бендером.

Страна	Слово с рейтингом	Перевод и/или комментарий
Россия/Эхо Москвы	[не обнародовано]	

Из приведенных результатов можно сделать следующие выводы.

1. Слова отражают реалии и концепты дискурса года каждой отдельной страны.
2. Определение, выявление и обоснование выбора зависят и от способа голосования, и от состава (интеллектуального уровня, политических взглядов, идеологических предпочтений) жюри. Таким образом, определение слова года — не результат научного исследования или социологического опроса, а результат анализа нововведений и вкуса людей, участвующих в этом процессе, который в каждой стране происходит по-разному — от общего всенародного голосования через многие промежуточные формы вплоть до независимого решения жюри.
3. Выявление слова года не может ограничиться научным методом, так как любой национальный язык колеблется по сути своей между механическим отражением жизни, комментированием жизни, тем самым нередко и вмешательством в нее, и произведением искусства. Возникновение новых слов и значений может рассматриваться с точки зрения языкознания, а предпочтение того или другого элемента в качестве характеристики для отрезка эпохи — факт отчасти и субъективный. Этим и объясняется чрезвычайно пёстрая картина, появляющаяся ежегодно при публикации очередных слов года, особенно, если такие слова являются для одной и той же страны конкурирующими группами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Bär Jochen A.* Die Wörter des Jahres: Zahlen und Fakten. Von «aufmüpfig» bis «Teuro». Die «Wörter der Jahre» 1971–2002. Под ред. Jochen Bär. Mannheim et al.: Dudenverlag, 2003, С. 9–10.

² *Carstensen, Broder.* Die Wörter des Jahres 1971. Ein Rückblick. // Der Sprachdienst 16 (1972), 49–50.

³ Там же. С. 311–318. Данные о немецких, австрийских и швейцарских словах года дальнейших лет взяты из разных источников, ср. главную страницу о словах года немецкой Википедии, где даны ссылки на национальные сайты: http://de.wikipedia.org/wiki/Wort_des_Jahres (15.01.2015)

⁴ *Эпштейн М.* Впервые в России выбраны слово и антислово года. [2007]- <http://www.gramma.ru/RUS/?id=1.39> (15.01.2015).

⁵ *Ратмайр Р.* Что под маской? Австрийские слова и антислова года с учетом русских параллелей (в печати). 2014.

Pfandl H.

THE «WORD OF THE YEAR»: IN BETWEEN LINGUISTICS AND ART

This paper investigates the tradition of choosing a «word of the year», which began in Germany and was then taken up first by other German speaking countries and then by a number of other countries, including Russia. The author analyses the German and Russian words of the years 2013 and 2014 and discusses the difficulty of dealing with such a difficult procedure in an objective way.

Keywords: word of the year, Russian word of the year, German word of the year, Mikhail Epstein, GfdS.

Ратникова Ирина Энгелевна
Ван Юйхун

Белорусский государственный университет, Беларусь

van-vong@yandex.ru

РУССКИЕ И КИТАЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПСЕВДОНИМЫ: МОТИВЫ И ПРАГМАТИКА «САМОНОМИНАЦИЙ»

Рассмотрены внешние и внутренние причины и мотивы создания псевдонимов русскими и китайскими писателями. Определяется сущность феномена ложного имени, его истоки и функции. Показана роль множественности псевдонимов в отражении биографии и творческой эволюции писателей.

Ключевые слова: антропоним, вымышленное имя, внутренняя форма, множественность псевдонимов.

Псевдоним — уникальный с точки зрения природы и способа номинации вид антропонимов, определяемый в «Словаре русской ономастической терминологии» как «вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него»¹. Этому русскому термину соответствует китайский 笔名 [bǐmíng] ‘литературное имя’ (буквально ‘письменное имя’). Количество псевдонимов, которыми могла и может пользоваться творческая личность, и конкретные мотивы их выбора не имеют ограничений: В. Сирин, Василий Шишков, Виван Дамор Блок (*Vivian Darkbloom*) — псевдонимы В. В. Набокова, Иегудиил Хламида, Максим Горький — А. М. Пешкова; Доктор Фрикен, Уэллер, С. Кучумов, С. Яковлев и др. — С. Я. Маршак. Китайский писатель и общественный деятель Чэнь Яньбин (1896 — 1981 гг.), помимо самого известного псевдонима Мао Дунь (矛盾 ‘щит и пика’, переносное значение ‘противоречие’), имел десяток других, ср.: Сюань Чжу (玄珠 [xuanzhu] ‘черная жемчужина’); Лан Сунь (郎损 [langsun] ‘мужчина, которому испортили репутацию’); Фан Би (方壁 [fangbi] ‘квадратный круг’); Чжи Цзин (止敬 [zhijing] ‘перестали уважать’); Пу Лао (蒲牢 [pulaolao] — сказочный морской зверь, якобы громко кричащий при нападении на него кита); Вэй Мин (微名 [weiming], буквально ‘малоизвестный’); Ши Мэн (石萌 [shimeng] ‘росток из камня’). Множественность псевдонимов, безусловно, отражает сложную систему соотношений в системе «время — писатель — имя — текст», будучи в каждом случае явлением индивидуальным (ср., например, исследование творческой и коммерческой стратегий современного писательского псевдонимного речетворчества на примере псевдонимов Г. Ш. Чхартишвили²). Но вместе с тем многоименность автора выражает и сущностную, инвариантную черту художественного письма: развивающаяся творческая личность стремится к разграничению своих ипостасей, связанных с изменением мировосприятия, тематики произведений, стиля, — сра-

батывает архаический стереотип мифологического восприятия имени собственного как неотъемлемой части человека, в соответствии с которым новое имя манифестирует обновление сути: «“Язык собственных имен” движется как цепь сознательных и отграниченных друг от друга актов наименования и переименования»³. Исследуя проблемы имени в дискурсе группы ОБЭРИУ, М. А. Бологова отмечает актуальность для поэтики обэриутов «романтической традиции расщепления видимого единства внешнего проявления личности на множество “я”»⁴ в духе идей Новалиса: «Настоящий анализ личности как таковой создает множество личностей»⁵. Сложность общественной ситуации и особенности авторского стиля объясняют случаи «зашкаливающего» количества псевдонимов: у китайского писателя Лу Синя их было более 150 (по некоторым источникам более 180), среди русских писателей наибольшее количество псевдонимов (свыше 50) имел А. П. Чехов (малоизвестным юмористам было свойственно иметь много «одноразовых» подписей, «чемпионом», по данным В. Г. Дмитриева, считается А. К. Михайлов, сотрудничавший во всех юмористических изданиях рубежа XIX–XX вв. и имевший 325 окказиональных самоназваний). Современные авторы также стремятся к дифференциации и последующей специализации литературных имен. Так, Роман Арбитман разделяет свои творческие ипостаси следующим образом: настоящим именем подписаны литературно-критические статьи (сборники «Живем только дважды», «Участь Кассандры», «Поединок крысы с мечтой»); псевдонимом доктор Р. С. Кац — книга «История советской фантастики» в жанре «альтернативного литературоведения» и брошюра «Взгляд на современную русскую литературу»; псевдонимом Лев Гурский — восемь романов («Убить президента», «Поставьте на черное» и др., сборник пьес для чтения «Наше всё — всё наше»); газетные обозрения и обозрения фильмов печатаются соответственно под псевдонимами Аркадий Данилов и Андрей Макаров; псевдоним Эдуард Бабкин автор использовал для написания железнодорожных детективов⁶.

Оппозиция «истинное имя — ложное имя», характерная для многих народов, известна с древнейших времен и имеет истоки в особенностях архаического мышления, мифологической картине мира. Изначально прагматика обманного имени, замещавшего настоящее, носила, по-видимому, сугубо утилитарный (охранный) характер. Позднее (конкретная периодизация затруднена из-за недостатка письменных источников), в частности в период формирования христианской культуры, использование псевдоимен становится элементом и фактором литературного творчества. В культуре Запада документально подтвержденные псевдонимы отмечаются начиная со времен Византийской империи. В монографии В. Г. Дмитриева упоминается псевдоним Мелодос (букв. ‘мелодичный’, часто переводится как «сладкопевец»), относящийся к VI в. (автоним — византийский церковный гимнограф Роман)⁷.

В древней китайской культуре псевдонимы как особый вид антропонима зафиксированы раньше. Так, древние китайские литераторы имели обыкновение называть себя различными псевдоименами: хао ‘прозвище’, цзыхао ‘самопрозвание’, бехао ‘письменное прозвище’, бимин ‘письменное имя’, — соответственно своим интересам и образу жизни (разница между этими синонимичными терминами заключается в традиции употребления первых трех по отношению к древним самоназваниям писателей, а последнего — к псевдоименованиям современных писателей (начиная с XX в.). Предполагается, что древнейшие цзыхао (буквально ‘сам себя называет’) обнаружены уже в период династии Вэйцзинь (220 — 589 гг. до н. э.). Ср. примеры цзыхао писателей и поэтов разных веков: поэт Тао Юаньмин (365 — 427 гг.) известен как *Улю Сеньшен* (五柳先生 [wuliuxiansheng] ‘господин, живущий около пяти ив’); Ли Бай (701 — 762 гг.) имел хао *Цзинлянь Цзюйши* (青莲居士 [qinglianjushi] — буквально ‘ученый, живущий возле голубого лотоса’); Бай Цзюй (772 — 846 гг.) — хао *Сяншань Цзюйши* (香山居士 [xiangshanjushi] ‘ученый, живущий возле горы Сянь-Шань’); Сыкун Тху (837 — 908) — хао *Нэйжу Цзюйши* (耐辱居士 [nairujushi] ‘ученый, живущий, терпя оскорбления’). Последние четыре примера цзыхао, как и многие другие, отражают распространенную модель самоназвания — по характеристике места проживания, формально-семантическим показателем которой является полусуффикс 居士 [jushi] (буквально ‘ученый, живущий в таком-то месте’). У сочетания 居士 есть и другой перевод — ‘отшельник’, который указывает на связь с китайским буддизмом. Обратим внимание еще на одну модель самоназваний: Хуан Тынцзянь (1045 — 1105 гг.) имел хао *Шангу Даожен* (山谷道人 [shangudaoren] ‘монах, живущий в горном ущелье’); Фэн Цзычжэнь (1257 — 1348 гг.) — хао *Гуэйгуэй Даожен* (怪怪道人 [guaguaidaoren] ‘странный монах’). Элемент данной модели 道人 [daoren] ‘монах’ отсылает к понятиям даосизма⁸.

К сожалению, привести синхронные русскоязычные параллели к подобным примерам не представляется возможным: именованья древнерусских авторов этого периода хотя и включали, помимо личных имен, патронимические, а также прозвищные элементы, связанные с географическим названием или статусом, однако никак не могут рассматриваться в качестве самоназваний, призванных «выделить» писательскую ипостась личности, ср.: *Кирилл Туровский* (1130 — 1182 гг.); *Нестор Летописец* (1056 — 1114 гг.); *Игнатий Смолянин* (умер предпол. в 1405 г.); *Стефан Новгородец* (автор хождения в Константинополь в 1348 или 1349 г.); *Епифаний Премудрый* (умер ок. 1420 г.); *Ефросин Книгописец*, он же *Ефросин Белозерский*; *Иван Черный* (в 1480-е гг. служил при дворе Ивана III); *Иона Московский*, он же *Митрополит Иона* (1390-е — 1461 г.), *Пахомий Лагофет*, он же *Пахомий Серб* (умер не ранее 1484 г.); *Афанасий Никитин* (умер ок. 1475 г.) и др.

Говорить о мотивах и функциях литературных псевдонимов следует в рамках диахронического подхода, поскольку в разные эпохи эти характеристики менялись. В России, например, в XVIII — XIX вв. и начале XX в. прагматика вымышленного антропонима определялась политической ситуацией преследования за инакомыслие и возможностью буквального образом защититься, скрыв себя под псевдонимом (та же апотропеическая функция ложного имени, что и в древности, только вместо враждебных сил природы в заблуждение вводятся государственные чиновники). Ср. крылатое выражение о том, что каждый русский писатель «состоит из тела, души и псевдонима», принадлежащее Г. В. Плеханову и высказанное им по поводу судьбы литератора в царской России. Псевдоним (наряду с анонимностью) становился «пропуском» в мир литературы для опальных писателей. Так, после 1825 г. В. К. Кюхельбекер был лишен права печататься и только благодаря посредничеству друзей смог издать под псевдонимом В. Гарпенко несколько стихов, в т.ч. балладу «Кудеяр»; «русский «Фауст» (трагедия-мистерия «Ижевский») и «Русский Декамерон» вышли анонимно⁹. Аналогично Н. Г. Чернышевскому за «поджигательские» статьи после его ареста в 1862 г. запретили выступать в печати — после возвращения из ссылки он использовал псевдонимы *Андреев* и *Старый трансформист*. Стратегия защиты могла дополняться манифестацией идейных позиций: письмо Н. А. Добролюбова к Н. И. Гречу (памфлет на царствование Николая I), напоминающее по настроению и стилю письмо В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю, было подписано псевдонимом *Анастасий Белинский*, в котором внутренняя форма имени (по-древнегречески ‘воскресший’) подчеркивает, что идеалы великого русского критика живут в его учениках и преемниках¹⁰. Подобные причины и стратегии создания литературных псевдонимов в XIX–XX вв. обнаруживаются и в Китае. В 1905 г. был издан роман «Цветы в море зла» под псевдонимом 再见, 东亚病夫 ‘попрошайка, любитель свободы, редактор Великого больного Восточной Азии’ (парафразистическое обозначение Китая), причем *Любитель свободы* — псевдоним Цзинь Сунцена, одного из соавторов, а *Редактор Великого больного* — другого, Чжэна Пу¹¹.

После культурной революции 1919 г. появилось целое поколение талантливого молодёжи, создавшей новую литературу Китая, и творили они в основном под псевдонимами. Приведем некоторые из псевдонимов основоположника современной китайской литературы Лу Синя (1881 — 1936 гг.). Сам писатель объясняет псевдоним *Лу Синь* следующим образом: *Лу* — фамилия матери; псевдоимя *Синь* взято из более раннего псевдонима *Сюнь Синь* (迅行 [xunxing] ‘быстрый ход’), в котором компонент *Синь* обозначает ‘быстрый’. Выдуманное имя *Лу Синь* стало источником для последующих псевдонимов писателя: *L·S, L, 旅华* [lvhua] ‘путешествие по Китаю’ (иероглифы, созвучные имени *Лу Синь*) и др.

Другой известный псевдоним писателя — 何家干 [hejiagan] (буквально ‘кто сделал’). В 1933 г. Лу Синь написал роман, основанный на реальных исторических событиях, и стал после этого объектом преследования властей. Он взял насмешливое имя *Хэ Цзяган* ‘кто сделал’, показывая тем самым, что перехитрил власть (осталось неизвестным, кто автор). Потом, меняя псевдонимы, он прибегал к языковой игре с именем *Хэ Цзяган*, усекая его: *Хэган* (何干[hegan]), *Цзяган* (家干[jiagan]), *Ган* (干[gan]). С изданием приказа об аресте связан псевдоним писателя *Суи Луовэн* (隋洛文 [suiluowen]). Приказ содержал формулировку 通缉堕落文人鲁迅 [tongji duoluowenren luxun] ‘арестовать разорившегося писателя Лу Синя’. Лу Синь использовал графему 落文 (часть слова со значением ‘разорившийся’) и добавил к ней иероглиф 隋 ‘хорошо, как хочешь’. Получившееся имя выразило ироничное отношение писателя к постановлению власти. Производные псевдонимы — это омофоны *Лэ Вэн* (乐文[lewen]) и *Лэ Вэн* (乐雯[lewen]), *Лэ Бэнь* (乐贲[leben]), *Луо* (洛[luo]). У Лу Синя известны также псевдогинимы, например 赵令仪 [zhaolingyi] ‘Чжао достойная осанка’, которым подписана статья «Женщины едва ли всегда лгут», посвященная правам женщин¹².

Обобщая внешние и внутренние причины использования псевдонимов в XIX — начале XX вв., Ю. В. Щербинина выделяет среди них «статусно-ролевые мотивы, побудившие чиновника особых поручений министерства внутренних дел Павла Мельникова подписывать романы «Андреем Печерским»; цензурно-политические моменты, заставившие Николая Огарева превратиться в «Р. Ч.»; прагматические соображения, добавившие Николаю Лескову вторую фамилию Корельский, чтобы отличаться от автора «Соборян» и «Левши»; желание поиграть с читателем, сподвигнувшее Некрасова выступить «Литературной биржи маклером Назаром Вымочкиным»; стремление к выразительности и запоминаемости, преобразившее обыкновенную Елизавету Дмитриеву в загадочную Черубину де Габриак; потребность в творческой самоидентификации, сделавшая Игоря Лотарева Игорем Северяниным; обозначение гражданской позиции, явившее Демьяна Бедного вместо Ефима Придворова»¹³. Разумеется, эти мотивы не всегда реализуются в «чистом виде», чаще они комбинируются: так, вступая на литературную стезю и нарушая тем самым ожидания профессорской семьи, студент физико-математического факультета Б. Н. Бугаев печатает стихи под псевдонимом *Андрей Белый*, апеллирующим к символике белого цвета, а взгляды по поводу исследования Д. Мережковского о Л. Н. Толстом и Ф. М. Достоевском — под псевдонимом *Студент-Естественник*¹⁴.

Этот небольшой обзор позволяет говорить о сходстве псевдонимов как единиц антропонимиконов двух лингвокультур (причем единиц, реализованных средствами типологически разных языков) не только в философско-эстетическом аспекте или с точки зрения статусно-роле-

вых и цензурно-политических мотивов, но и с точки зрения собственно языковых формальных и семантических моделей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. М.: Наука, 1978. 199 с.

² Снегирева Т.А., Снегирев А. В. Псевдонимное речетворчество Б. Акунина // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2014. Вып. 1. С. 172–183.

³ Лотман Ю.М., Успенский Б. А. Миф — имя — культура // Ю. М. Лотман. Избр. ст. в 3 т. Т. 1. Таллин, 1992. С. 69.

⁴ Бологова М. Стратегия чтения романа К. Вагинова «Козлиная песнь» и проблема имени в дискурсе обриутов // Критика и семиотика. Вып. 3/4. Новосибирск, 2001. С. 207.

⁵ Цит. по: Бологова М. Указ. соч. С. 207.

⁶ Роман Арбитман [Электронный ресурс] // Лаборатория фантастики: [сайт]. URL: <http://fantlab.ru/autor1216> (дата обращения: 03.12.2014).

⁷ Дмитриев В. Г. Скрывшие своё имя (из истории анонимов и псевдонимов). М.: Наука, 1978. С. 115.

⁸ Примеры почерпнуты из: 黄霞, 李杉婵, 徐辉. 古代文人自号探析, 内蒙古大学学报, 呼和浩特, 2013. 45(3). 112–117 页 (Хуан Ся, Ли Шаньчань, Чюй Хуэй. Исследование цзыхао литераторов древней эпохи // Вестник университета Внутренней Монголии. 2013. № 45 (3). Хухэхаотэ, 2013. С. 112–117).

⁹ См.: Мордовченко Н. И. В. К. Кюхельбекер // История русской литературы / гл. ред. М. П. Алексеев, Н. Ф. Бельчиков и др.: в 9 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 6. Гл. VII. С. 91–102.

¹⁰ См.: Демченко А. А. Н. А. Добролюбов: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1984. 128 с.

¹¹ Примеры почерпнуты из: 林木. 中国起名该名实用全书, 中国商业出版社, 2001年. 364 页 (Лин Му. Антология ономастики (выбора и употребления имени) в Китае. Коммерческое издательство Китая, 2001. С. 364).

¹² 郭宗明, 鲁迅笔名拾趣, 文史精华, 石家庄, 1998. 62–63 页 (Гуо Цонмин. Псевдонимы Лу Синя. Квинтэссенция литературы и истории. 1998. Шицзячжуан, 1998. С. 62–63).

¹³ Щербинина Ю. В. Псевдоним как писательская стратегия // Вестник литературного института им. А. М. Горького. 2013. № 2. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2013. С. 69.

¹⁴ См.: Русские писатели XX века: Биографический словарь / гл. ред. и сост. П. А. Николаев; редкол.: А. Г. Бочаров [и др.]. М.: науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия»; изд-во «Рандеву-АМ», 2000. 808 с.

Ratnikova I. E., Wang Yuhong

RUSSIAN AND CHINESE PEN NAMES: MOTIVATION AND PRAGMATICS OF SELF-NOMINATION

External and internal reasons and motivation of pen name creation by Russian and Chinese writers have been analysed. The nature of false name as a phenomenon as well its origins and functions have been characterised. The role of writer's pen name variations as reflecting their biographies and artistic evolution has been demonstrated.

Keywords: anthroponym, false name, internal form, pen name variations.

ПРИВАТИЗАЦИЯ VS ПРИВАТИЗАЦИЯ: АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В РУССКО-СЛОВАЦКОМ СОПОСТАВЛЕНИИ

В статье осуществлён сопоставительный анализ некоторых новообразований экономической сферы, активно функционирующих в русском и словацком языках в экономических условиях нового времени.

Ключевые слова: теория номинации, номинативная единица, лексическая единица, экономическая сфера.

Лексический состав языка — самая динамическая составляющая языка, которая в первую очередь реагирует на проходящие в обществе процессы и явления, непрерывно пополняясь новыми элементами. Особой активностью в этом плане в сопоставляемых языках отличается конец XX — начало XXI века, что обусловлено общеизвестными событиями, происходившими в то время в России и в Словакии. Существенным изменениям подверглась и сфера экономики, что также отразилось на лексическом составе обоих языков. Значительная часть новой лексики входит в эти языки путем заимствования, однако, кроме того, наблюдаются процессы семантической неологизации и собственно словотворчества. Встречаются также случаи перехода лексики с периферии в область активного употребления.

В качестве иллюстрации к последнему тезису рассмотрим лексическую единицу (далее ЛЕ) *приватизация*. В Словаре иностранных слов 1979 г. эта лексема получила следующее толкование: «в буржуазных странах — передача (продажа) принадлежащих государству предприятий, средств, транспорта, жилых зданий и т. д. в частную собственность»¹. В аналогичном словацком словаре существительное *privatizácia* (*приватизация*) не приводится, но указывается глагол *privatizovať* (приватизировать), который определяется следующим образом: «žiť z kapitálu»² — *жить на средства накопленного капитала* (здесь и далее перевод наш. — Д. С.). В более позднем словаре иностранных слов словацкого языка рассматриваемая единица характеризуется как «predaj štátneho al. vládneho majetku spravidla zo znárodnených odvetví al. obchodných činností súkromným podnikateľom»³ (продажа госимущества частным предпринимателям, как правило, в национализированных отраслях или сферах коммерческой деятельности). Русскоязычные словари иностранных слов нового времени также приводят термин *приватизация*, определяя его значение как «передача государственной

собственности (предприятий, банков, земельных участков и т. п.) за плату или бесплатно в частную собственность»⁴.

Эта лексема, обладающая высокой частотностью употребления, не только стала базой для терминологических выражений, употребляемых в экономической практике (таких как *ваучерная приватизация*, *купонная приватизация*), но и послужила основой для образования неологизмов, ярчайшим примером которых является ЛЕ *прихватизация*, употребляющаяся для обозначения способа незаконного получения собственности. Онлайн-словарь приводит следующее определение значения данной единицы: «Огрубленное искажение слова *приватизация*. Носит резко негативный оттенок, подразумевая главным образом приобретение кем-либо государственной собственности в процессе *приватизации* незаконным путем или по умышленно заниженной цене»⁵, добавляя, что единица введена в политсленг «Комсомольской правдой» в 1991 г. В Интернете новообразование *прихватизация* встречается в разных контекстах, особенно часто используется в заголовках: «2012 год — юбилейный. Ровно 20 лет тому назад, летом 1992 года, в России началась *ваучерная приватизация*, справедливо окрещенная народом «*прихватизацией*»⁶; «Впрочем, по прошествии почти 20 лет с начала, как говорят в народе, «*прихватизации*», изменилось очень многое»⁷; «Операция «*прихватизация*», или как суражевцы остались без бани»⁸.

В словацком Интернет-пространстве аналог русской лексемы *прихватизация* почти не встречается; эту единицу находим только в блогах: «U nás bola aj *privatizácia* skôr *prichvatizácia* — čo si kto uchmatol»⁹. О наличии словацкого варианта данной единицы *uchmatizácia* упомянуто в монографии Й. Сипко¹⁰; при этом констатируется, что данная единица не получила широкого распространения и не вошла в активный словарный запас словацкого языка, что подтверждают и результаты нашего поиска в Интернете. Но для обозначения незаконного получения имущества в современном словацком языке употребляется глагол *tunelovať* и существительное *tunelovanie*. Однако данные единицы вообще не зафиксированы в одном из онлайн-словарей словацкого языка¹¹, а в других онлайн-словарях встречается только глагол *tunelovať*, причем приводится как в прямом значении этого слова — *raziť tunel* («проходить тоннель»), так и в современном переносном значении — *vykonávať podvodné finančné operácie* (производить нелегальные финансовые операции)¹². В качестве иллюстрации функционирования этих слов приведём следующие примеры: «*Tunelovanie* Braniska je prvou kauzou s dosahom na najvyššie politické kruhy, ktorá mieri na súd»¹³; «Aj jamy sa dajú *vytunelovať*»¹⁴; «*K tunelovaniu* SPP podľa Čarnogurského došlo počas vlády Róberta Fica dvoma spôsobmi»¹⁵. Факт частотности употребления этого семантического неологизма подтверждает и наличие единицы *tunelovať* в двуязычном русско-словацком словаре, где новое значение

этого слова — ‘растаскивать активы’ — представлено в качестве первого и снабжено стилистической пометой «сниженное», тогда как исконное значение ‘проходить тоннель’ приведено на втором месте¹⁶.

В русском языке для обозначения процесса незаконного приобретения финансов также используется один из семантических неологизмов нового времени — ЛЕ, образованная путем переосмысления глагола *пилить*. В онлайн-словаре находим, кроме основного значения «разделять, расчленять что-либо при помощи пилы или аналогичного инструмента», также три варианта значения переносного, причем тематике нашего исследования соответствует второе из перечисленных переносных значений: «делить, присваивать (обычно незаконно, втайне) деньги»¹⁷. Частотность явления, обозначенного этой лексемой, подтверждается количеством найденных нами случаев употребления словосочетаний с данной единицей в Интернете. Приведем несколько иллюстраций: «Те, кто пытался *пилить деньги*, уже сидят»¹⁸; «Если опять будем *пилить деньги*, никаких задач не решим»¹⁹; «Как правильно *пилить бабло* на футболе»²⁰. Несмотря на относительно высокую частотность употребления, эта единица не зафиксирована ни в печатном варианте русско-словацкого словаря 2011 года издания, ни в русско-словацких словарях формата онлайн.

Обращают на себя внимание обозначения еще одного ряда явлений, довольно распространенных в наше время, а именно: нелегального трудоустройства с целью уклонения от уплаты налогов и легального трудоустройства с нелегальной оплатой труда. Имеются в виду случаи, когда сотрудник формально работает за низкую зарплату, а вторую часть зарплаты получает на руки, «в конверте», без уплаты налогов. О высокой частотности этих явлений позволяют судить многочисленные свидетельства в Интернет-пространстве, например: «О том, что такое *зарплата в конверте*, не знает, пожалуй, только семилетний мальчик. А значит, это явление не такая уж и редкость в нашей действительности»²¹. Для обозначения подобной практики употребляются такие выражения, как *серая (черная) заработная плата*, *неофициальная заработная плата*, вышеупомянутое *зарплата в конверте*, *деньги в конверте*, а также просто *конверт*. Наименования отдельных видов заработной платы «по цвету» находим в статье, авторы которой указывают на важность для работника не только размера заработной платы, а также ее «цвета»: «И дело здесь совсем не в валюте. Речь идет о *белой, серой и черной зарплате*»²². Далее приводятся характеристики названных видов заработной платы, причем первую определяют как полностью официальную, вторая предполагает выплату части зарплаты в конверте и еще части легально, с отчислениями налогов. В связи с *черной зарплатой* отмечается, что такая встречается реже *серой* и не предполагает официального оформления трудовых отношений. В качестве иллюстрации приведем несколько

фрагментов текста: «В обиходе *белая зарплата* — это та сумма, которую работник получает официально»²³; «По статистике, *серая зарплата* наиболее распространена в крупных городах и столице»²⁴; «Специалисты считают, что если выплачивается *черная зарплата*, ответственность работодателя должна, безусловно, быть высокой, но не единственной»²⁵. В Интернет-СМИ довольно часто встречаются также выражения *нелегальная зарплата*, *неофициальная зарплата* и *деньги в конверте*, обозначающие понятие, которое относится к так называемой «серой» зоне: «*Нелегальная зарплата* — бедный пенсионер»²⁶; «По мнению эксперта, объем *неофициальных зарплат* в долгосрочной перспективе, несмотря на локальные «всплески», будет постепенно снижаться»²⁷; «У людей, получающих *деньги в конверте*, возникают проблемы с получением кредитов и выездом за границу»²⁸; «Обычно зарплатные карточные проекты позволяют пополнять счет и обналчивать свои деньги без процентов. Таким образом, *конверт* можно зачислить на свою «белую» зарплатную карту, ничего не теряя»²⁹.

Номинативная единица *белая зарплата* послужила базой для образования глагола *обелить* и отглагольного существительного *обеление* в значении «привести выплату зарплат в соответствие с законом или легализовать деньги, полученные не в соответствии с законом», о чем свидетельствуют следующие примеры: «Несмотря на все законодательные попытки *обелить* бизнес, пока доля *серых зарплат* не снижается»³⁰. «В докризисный период наметилась положительная тенденция на *обеление* оплаты труда, однако в прошлом году данная тенденция постепенно сошла на нет»³¹.

В словацкой административно-хозяйственной практике также наблюдаются случаи нелегального трудоустройства. Однако, несмотря на то, что случаи зарплат «в конверте» налицо и в Словакии, номинации, аналогичные используемым в русском языке, в словацком языке не закрепились. В единичных случаях имеет место выражение *čierna mzda* (*черная зарплата*), встречающееся в основном в блогах, реже в Интернет-СМИ: «Časť výplaty vo forme tzv. čiernej mzdy dostáva takmer 100-tisíc zamestnancov, ktorí pracujú najmä v menších prevádzkach a v odboroch, v ktorých platia zákazníci v hotovosti»³². Намного чаще используются выражения *dostávať / vyplácať peniaze na ruku* (получать / платить деньги на руки): «Je dnes ťažké odhaliť napríklad to, keď niekto dostáva oficiálnu mzdu a zvyšok peňazí dostáva na ruku»³³. В Интернете находим еще ЛЕ *čiernе peniaze* (черные деньги): «Odvody sa teda platia z minimálneho platu a všetky ostatné prostriedky dostane pracovník ako čierne peniaze»³⁴. Само понятие *конверт* в словацкой коммуникации, в отличие от русскоязычной, ассоциируется не с зарплатой, а со взяточничеством, так как выражение *dávať / brať obálku* (давать / брать конверт) применяется как раз к этому явлению, ср.: «Ľudia tam úplatky nedávajú a *peniaze v obálke*

by zdravotníci brali ako urážku»³⁵; «Asistent hlavného trénera Španielska dával hlavnému rozhodcovi *obálku*»³⁶.

Можно констатировать, что в обогащении словарного запаса сопоставляемых языков важную роль играют семантические неологизмы, созданные путём переосмысления исконной лексики. Наши наблюдения позволяют также сделать вывод о том, что в исследуемых языках, помимо терминов с тождественным значением, встречаются и единицы номинации, не имеющие эквивалентов в другом языке и нуждающиеся в дальнейшем осмыслении для обеспечения их адекватного перевода.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Словарь иностранных слов. М: Русский язык, 1979
- ² Slovník cudzích slov. Bratislava: SPN, 1976. С. 710
- ³ Slovník cudzích slov. Bratislava: SPN, 1997. С. 745.
- ⁴ Крысин Л.П. 1000 новых иностранных слов. — М: АСТ-ПРЕСС КНИГА, с..208
- ⁵ <http://politike.ru/dictionary>
- ⁶ <http://izvestia.ru/news/538224>, 23.10.2012
- ⁷ <http://izvestia.ru>, 24.07.2008
- ⁸ <http://www.svob-gazeta.ru/novosti/arhiv-gazety/arhiv-gazety-2014-goda/-05-204-ot-05-02-2014/operacija-prihvatizacija-ili-kak-surazhevcy-ostalis-bez-bani.html>, 05.02.2014
- ⁹ <http://www.tyzden.sk/casopis/2007/35/o-putinovom-nastupcovi-sa-rozhodne-navecierku.html>).
- ¹⁰ Sipko. J. Teoretické a sociálno-komunikačné východiská línvokultúrológie. Prešov: FF PU, 2011. С. 64
- ¹¹ www.slex.sk
- ¹² www.slovník.azet.sk
- ¹³ <http://spravy.pravda.sk/domace/clanok/288424-vysetrovatel-navrhol-obzalozat-6-obvinenych-v-kauze-tunelovania-braniska/>, 30.7.2013
- ¹⁴ <http://komentare.sme.sk/c/6839441/aj-jamy-sa-daju-vytunelovat.html>, 17.06.2013
- ¹⁵ <http://www.teraz.sk/prezidentske-volby/carnogursky-spp-fico/71177-clanok.html>, 20.01.2014
- ¹⁶ Veľký rusko-slovenský a slovensko-ruský slovník: Bratislava: Lingea, 2011. С. 362
- ¹⁷ <http://ru.wiktionary.org>
- ¹⁸ <http://www.sovsport.ru/sochi/texts/text-item/583785>, 25.1.2013
- ¹⁹ <http://www.newizv.ru/economics/2013-11-06/191916-esli-opjat-budem-pilit-dengi-nikakih-zadach-ne-reshim.html>, 6.11.2013
- ²⁰ <http://www.sports.ru/tribuna/blogs/mancity/248353.html>, 22.10.2011
- ²¹ <http://www.kfim.ru/valyuta/zarplata-v-konverte-plyusy-i-minusy/>, 14.12.2012
- ²² <http://vsezarplati.ru/zarabotok/razmery-zarplat/zarplata-v-konverte.html>
- ²³ <http://trudprava.ru/base/faq/361>
- ²⁴ <http://vsezarplati.ru/zarabotok/razmery-zarplat/zarplata-v-konverte.html>
- ²⁵ <http://vsezarplati.ru/zarabotok/razmery-zarplat/zarplata-v-konverte.html>
- ²⁶ <http://vpravda.ru/News/Society/10109>, 31.7.2013
- ²⁷ <http://www.audit-it.ru/news/finance/805258.html>
- ²⁸ <http://finance.bigmir.net/career/10783-Zarplata-v-konverte--kak-sdelat--ee-beloj>, 31.1.2012
- ²⁹ <http://vpravda.ru/News/Society/10109>, 31.7.2013
- ³⁰ <http://planetahr.ru/publication/3183>
- ³¹ <http://www.euroinfo.gov.sk/cierna-praca/?pg=2>
- ³² <http://www.hospodarskyklub.sk/hd-dennik/index.cgi?2001.7.4>
- ³³ <http://ekonomika.sme.sk/c/6955044/pracu-na-cierno-uz-kontroluje-kobra.html>.

³⁴ <http://profesia.pravda.sk/zamestnanie/clanok/18305-bezdovodne-dat-nizsiu-mzdu-ako-je-dohodnute-je-trestny-cin/>

³⁵ <http://www.pluska.sk/plus-7-dni/domov/07/oznaceni-lekari-tiahnu-do-boja-proti-korupcii-odznakmi.html>

³⁶ <http://wc10.webnode.sk/news/uplatok>

Sabolova D.

PRIVATIZACIA VS. PRIKHVATIZACIA: THE ANALYSIS OF THE ECONOMIC SPHERE NOMINATION UNITS IN RUSSIAN — SLOVAK COMPARISON

The paper deals with the comparative Russian-Slovak analyses of certain economic neologisms which are in active use in Russian and Slovak under new economic circumstances.

Keywords: nomination theory, nomination unit, lexical unit, economic sphere.

Смагулова Кулдархан Нургазиевна

Казахский национальный университет
им. Аль-Фараби, Казахстан

smagulova.g@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье проводится сравнительный анализ русских и казахских фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «красота», выявляются особенности понимания этой эстетической категории в разных лингвокультурах. В центре внимания — визуальные фразеологизмы, которые раскрывают семантику понятия красоты как ментифакта национальной культуры.

Ключевые слова: концепт, национальная культура, семантика фразеологизмов.

Красота как главная эстетическая ценность в жизни помимо мифологического и чувственного восприятия обладает особой силой, приносящей в жизнь гармонию и блаженство. Во все времена люди делали попытки рационально постичь красоту, дать ей формулу, алгоритм и приходили к неутешительным результатам: несмотря на то, что красота есть нечто простое, сразу воспринимаемое, она изменчива и трудна для определения. Скорее всего, это связано с тем, что красота есть ценность, поэтому в культуре каждого народа и у каждого индивида своя формула красоты.

Неслучайно понятие «красота» является часто обсуждаемой и исследуемой проблемой в научном мире философов и искусствоведов, литературоведов и лингвистов. В лингвистике чаще всего делают попытки определить содержание и составляющие этого концепта через призмы западного и восточного менталитета.

Вслед за Умберто Эко мы считаем главным органом чувств, осознающим красоту как явление, зрение и в качестве языкового материала используем визуальные фразеологизмы¹. Сопоставительный анализ этих единиц, служащих для характеристики концепта красота в русском и казахском языках, позволит увидеть как сходства, так и различия в семантике этого концепта, неотделимого от понятия национальной культуры.

В концепте «красота» можно выделить две составляющие — духовную и физическую, которые формируют «фразеологические картины мира в разных языках <...> и их связи»². Русские и казахские фразеологизмы, раскрывающие национальную семантику концепта, выступают в данном контексте ментифактами национальной культуры.

Не секрет, что русские и казахи, несмотря на тесные и добрососедские связи, взаимопроникновение культур и ряд других внешних факторов, по-разному воспринимают физическую и духовную красоту. Корни этих национально-культурных различий лежат, прежде всего, в их принадлежности разным цивилизациям (западной и восточной).

Русский человек традиционно связывал понятие красоты с духовным потенциалом личности, его отказом от мирских благ и посвящением себя богу. В казахской культуре душевная красота человека связана, прежде всего, с верой в Тенгри, соблюдением установленных правил и выполнением тенгрианских ритуалов.

Формирование концепта красота на базе фразеологизмов позволяет выявить огромный неизученный потенциал этих языковых выражений. Несмотря на то, что мироощущение народа на одном историческом этапе отличается от предыдущего или последующего, все же можно говорить об универсальном содержании концепта красота в языковой картине русских и казахов. Также очевидно, что в их восприятии этой эстетической категории имеется немало общего, прежде всего, к таким совпадающим характеристикам можно отнести соответствие идеалу и оценку красивой внешности.

При определении содержания концепта красота в обоих языках мы остановились на фразеологизмах, характеризующих ее внешние и внутренние проявления, и объектом внимания избрали женскую красоту. Доминантными признаками при оценочной квалификации женской внешности в сопоставляемых языках выступают лицо, фигура, походка, одежда, эмоциональное воздействие. Значимым при оценке лица в русском и казахском языках является цвет волос, глаз и кожи. Известно, что в русском языке издавна существует два эталона красоты: традиционный, исконно русский и заимствованный. Основными характеристиками заимствованного эталона красоты выступает утонченность форм, элегантность, грация, хороший вкус. Идеал русской красавицы строится на наличии признаков здоровья (румяный цвет лица, крепкое телосложение, статность, дородность): *кругла да белая, как мытая репка; алый цвет по лицу расстилается; руки белые, ровно выточен стан; грудь как пух в атласе; брови черны как у соболя; глаза словно звезды, ясна сокола; осанка — лебединая, походка — павиная.*

В русском и казахском языках с красотой связаны различные ассоциации: в русском языке красавица голубоглазая, в казахском — черноглазая: *глаза синие как небо, как океан, как васильки, как анютины глазки* и т. д. Но в казахском языке чаще встречаются другие характеристики: *vadana koz — большеглазая, tana koz — глаза как перламутр, koï koz — глаза как у овечки, aina koz — ясные, чистые глаза, букв. глаз-зеркало; karakat koz — глаза-смородинки, jaudir koz — сияющие нежностью глаза, kulim koz — смеющиеся глаза, aidai auzi, kündeï kozi bar — идиома, букв. рот как у луны, глаза как у солнца*³.

В русской культуре сравнение глаз девушки с глазами оленя (серны, косули, лани и т. п.) включает в себе значение красоты. Для русского мифопоэтического самосознания характерно сравнение, отождествление девушки с белой лебедью: *Молодой жены как белой лебеди.* Лебедь — символ благородства, чистоты, женской грации. Следовательно, в образе

царевны-Лебедя воплощено понимание женского облика как грациозного, изящного, невинного и благородного.

Как видим, основные различия характера красоты в русском и казахском языках обнаруживаются через фразеологизмы, которые подчеркивают спокойное величие русской красоты и нежность, изящество, легкость и грациозность казахской девушки. Фразеологизмы, в которых содержатся характеристики глаз, формы и цвета бровей, ресниц и т. д., дополняют эти портреты: *akki moyin* — лебединая шея, *alma moyin* — шея как у яблони, *atkan tandai* — как утренняя заря (о цвете лица девушки), *ai kabak* — брови как у луны, *altin kirpik* — золотые ресницы, *kumiriska bel* — муравьиная талия (ср. с русским фразеологизмом осиная талия). Русская красавица имеет вид дородной женщины со здоровым румянцем, о которой говорят: *кровь с молоком*. О ее походке говорят: *выступает словно пава* ‘величаво, неторопливо’, *словно лебедь белая плывет* — ‘с царственным видом’.

Нужно отметить, что девичью красоту казашки часто сравнивают с блеском и сиянием луны, солнца и других природных сил, и это также является приметой национального менталитета казахов, живших в полной гармонии с природой и Вечным Небом. В казахских фразеологизмах пословичного типа женщина предстает как хозяйка, жена, мать: *astyn damin tuz kelyterer, auyldyn sanin kyz kelyterer*. (букв. еде придает вкус соль, аул украшает девушка). Идеальная женская красота в национальном понимании включает в себя и образ терпеливой и трудолюбивой жены (*kelini jaksynyn keregeci jaksy* — букв. дом, в котором хорошая хозяйка, крепко; *jaksy ayiel jaman erkekty han kylady* — букв. хорошая жена посадит мужа на ханский трон, реализуется ассоциация с чем-то добрым, нежным, теплым и возвышенным).

Среди фразеологизмов, характеризующих внешнюю женскую красоту, особо выделяются те, в которых содержится информация о волосах девушек. Признаком красоты и здоровья и русской, и казашки является коса — *девичья краса*. Длинная, густая коса есть свидетельство отменного здоровья девушек, символ ухоженности, благополучия и достатка в семье.

Тем не менее, нужно учесть, что современные процессы глобализации оказывают большое влияние на формирование стереотипов и представлений о женской красоте и меняют вкусы людей современного общества. Так, на первый план выступает в качестве эталона красоты русской женщины образ элегантной, изысканно и со вкусом одетой девушки, которая привлекает внимание миниатюрностью форм, утонченностью грациозностью движений. Это происходит под непосредственным влиянием английской и французской моды. То есть оба современных женских типажа формируются в контексте западных тенденций моды, поэтому кроме изящных форм они уделяют много внимания наряду, стилю: *одета*

с иголки. В последние годы такой эталон красоты культивируется в сознании носителей не только русского языка, но и казахского. По мнению современных русских девушек и казашек, красота, то есть подобающий внешний вид, способна влиять на статус человека в обществе. Ее цель — произвести впечатление, подчеркнуть статус. Поэтому современные красавицы уделяют время и внимание одежде, которая является маркером социальной принадлежности, успеха и благосостояния: *по одежке встречают*.

Таким образом, концепт **красота** в современной системе ценностей включает в себя и традиционные представления русского и казахского народа о молодости, внешней и внутренней красоте, но в то же время представление о ней испытывает серьезное влияние западной цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эко У. История красоты / Пер. А. А. Сабашниковой [Электронный ресурс]. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/istoriya>

² Добровольский Д.О. и др. Сопоставительная фразеология (на материале германских языков). Владимир: ВГПИ, 1990. С. 47.

³ Kazak tilinin frazeologiyalik sozdigi. Almaty: Gilim, 1977. 711 p.

Smagulova K..N.

PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION OF THE «BEAUTY» CONCEPT IN RUSSIAN AND KAZAKH LANGUAGES

The article offers the comparative analysis of Russian and Kazakh phraseological units, representing the concept of “beauty”, the features of comprehending of this aesthetical category in the different lingual cultures are identified. In the spotlight there are visual idioms, revealing semantics of “beauty” definition as mental factor of the national culture.

Keywords: concept, national culture, semantics of idioms.

ОШИБКИ НЕСТАНДАРТНЫХ ГОВОРЯЩИХ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РЕЧИ ИНОСТРАНЦЕВ С ДОМИНИРУЮЩИМ АНГЛИЙСКИМ

В статье рассматриваются некоторые ошибки в текстах иностранцев, изучающих РКИ, и носителей особого варианта русского языка: детей эмигрантов, выросших в иноязычной среде и унаследовавших свой русский от родителей (heritage language, в нашем случае heritage Russian). Довольно часто они используют механизм калькирования в речи, что вызвано их недостаточной компетенцией.

Ключевые слова: «эритажный русский», речевые ошибки, калькирование, конструкция.

Лингвисты, анализирующие речевые ошибки, доказывают, что речевые сбои произвольны, в них обнаруживается некоторая система¹. Так, в работе «Грамматика ошибок» Анри Фрей² показывает, что ошибки подчиняются закону аналогии, экономии речевых усилий.

Ошибки иностранцев в русском языке также позволяют выявить интересные закономерности не только в русском языке, но и в доминирующем языке говорящего.

Нас интересуют лексико-синтаксические ошибки в русском языке, которые делают так называемые нестандартные говорящие³. В нашем случае это люди, изучающие русский язык как иностранный, и носители русского языка (доминирующий язык — английский), т. е. эмигранты второго поколения из России. Последних в лингвистической литературе называют по-разному: носителями «унаследованного» (эритажного) языка (heritage Russian)⁴ или просто билингвами (в узком смысле этого термина)⁵.

Эритажная лингвистика (heritage linguistics) возникла сравнительно недавно — во второй половине XX в. в США, поскольку количество эмигрантов здесь всегда было велико⁶. Несмотря на недолгую историю, эта наука сделала уже немало открытий в области фонетики, морфологии и синтаксиса эритажных языков. Характерные особенности этих языков таковы:

- фонетика: произношение приближено к языку метрополии, но наблюдаются некоторые отличия⁷;
- морфология: отмечается тенденция к усилению аналитизма и изменению парадигм за счёт сверхгенерализации правил (overgeneralization)⁸. Легче всего разрушается *именная* морфология: нарушается согласование по роду (испанский, шведский, русский), по определённости (шведский, венгерский), а также происходят изменения в системе склонения (польский, корейский, хинди, русский)⁹. В области *глагольной* морфологии имеются следующие тенденции: ослабление аспектуальных и модальных ограничений (испанский, русский, венгерский)¹⁰;

- синтаксис: отмечаются нарушения в согласовании и управлении, а также изменение анафорических стратегий под влиянием pop-pro-drop языков¹¹.

В унаследованном русском наблюдаются все приведенные тенденции, но есть и свои особенности. В частности, в эритажном русском происходят изменения в категории рода: она упрощается до бинарной системы «мужской род/женский род». При этом слова среднего рода обычно относятся к женскому роду, поскольку заканчиваются на гласный¹². Особенно часто это проявляется, если последний звук подвергается редукции, приближаясь к звуку [а] (*моя дЕрево, *большая Яблоко и т. д.)¹³. Кроме того, в именном и местоименном склонении наблюдается экспансия форм генитива, которые замещают формы других косвенных падежей (*бежит в трусики, **не забудь про конфетов*)¹⁴. В области глагольной морфологии в унаследованном русском отмечается тенденция к ослаблению видовых ограничений, постепенная утрата сослагательного наклонения и рефлексивных глаголов¹⁵.

В области лексики исследуются вопросы интерференции (калькирование, заимствования из доминантного языка), переключения кодов (code-switching) (1), а также сокращение словарного запаса под влиянием иностранного языка¹⁶.

- (1) *Зачем ты на *grass*-е (на траве) валяешься? ¹⁷

Нестандартный говорящий часто бывает не вполне уверен в своей языковой компетенции, что не позволяет ему легко использовать нужную в данной ситуации конструкцию иностранного языка. В результате этого часто автоматически «включаются» механизмы калькирования (2).

- (2) **В утра я люблю чай чордней [вместо: черный] с молоком* (ср. англ.: *in the morning* → *в утро* при правильном русском *утром*) ¹⁸

Рассмотрим на примере одного предложения¹⁹ (3 а-е), как говорящий использует английские выражения, пытаясь выразить свои идеи на русском языке.

- (3а) **Один день, после Я поступила школу и была одна в университете, я узнала что у меня было настоящий друг в моей селей жизни.*

В (3а) мы видим дословное калькирование английского выражения *one day*, переводящегося на русский язык как *однажды* (в нашу задачу не входит анализ орфографических ошибок). Такая калька довольно частотна, например (4–5):

- (4) **Один день она придумала просить его об одной последней задаче.*
 (5) **Один день мама Иванушки послала его на рынок кутить для них ёды и больше запасов на следующий день.*

Кроме этого выражения, описывающего временные отношения, на уровне простого предложения имеется еще несколько конструкций, взятых из английского языка. Так, в (3б) мы видим калькирование модели управления английской конструкции: ср. англ. *to enter an educational organization* (*to enter school/university*) и русск. *поступить в школу/в*

университет. Таким образом, говорящий «потерял» необходимый здесь предлог *в*, однако не забыл про В.п., что говорит о достаточно хорошем знании русской системы падежей. Интересно, что в этой же фразе (3б) есть и лексическая калька, довольно частотная для носителей английского языка: *школа* здесь — это *high school*, т. е. любой вуз. Это самое очевидное объяснение того, почему девушка сначала сказала, что она поступила в школу, и потом неожиданно перешла на описание жизни в университете (контекст подтверждает наше предположение).

(3б) *Один день, после Я поступила школу и была одна в университете.

Следующим калькируемым выражением на уровне простого предложения является конструкция *to be alone* (3в) в значении ‘быть в одиночестве, не иметь друзей, близких’²⁰, что в русском языке тоже иногда передается выражением *N (Cop) один/одна* (6), но без указания места, поскольку эта фраза скорее выражает эмоциональное состояние. Здесь это понятно из контекста: девушка говорит, что ее отец был военным, поэтому им часто приходилось переезжать, что привело к тому, что у нее никогда не было постоянных друзей. Если говорящий хочет точнее передать идею одиночества, то он использует конструкцию *N Dat (Cop) одиноко* (6). Дело в том, что русская конструкция *N (Cop) один/одна* чаще используется для указания на то, что в данный момент физически никого нет рядом (7). Таким образом, грамматически правильный выбор можно сделать только на уровне конструкции, а не на уровне леммы *один*.

(3в) *Один день, после Я поступила школу и была одна в университете,...

(6) Почему я совсем одна? Я даже не могу описать насколько я одинока... (Интернет)

(7) Хан был один — он сидел за столом, прихлебывал чай и глядел в окно. [Виктор Целевин. Желтая стрела (1993)] (НКРЯ)²¹

Следующую конструкцию в этой фразе (3г) отдельно сложно проанализировать. Ошибка здесь может быть простой опечаткой, вызванной невнимательностью (возможно, сначала девушка хотела использовать отрицательную конструкцию, например: *у меня не было настоящего друга*).

(3г) *... я узнала что у меня было настоящий друг в моей селей жизни.

Последняя конструкция на уровне простого предложения, которая является неграмматической, это *в моей селей жизни* (3д). Словоформа *в селей* — это *в целой*, вся конструкция является калькой английской фразы *in my whole life*. Однозначного перевода на русский язык эта конструкция не имеет: все зависит от контекстуального окружения (8–9)²². Исходя из приведенных примеров (8–9), в нашем случае лучше использовать выражение *никогда в жизни*. Из этого следует, что необходимо употребить глагол с отрицанием, что отсылает нас к нашему потенциально правильному варианту в примере (3г):... *у меня никогда в жизни не было настоящего друга*.

(3д) *... я узнала что у меня было настоящий друг в моей селей жизни.

(8) *Nobody has ever hollered at me before in my whole life.* [Margaret Mitchell. Gone with the Wind, 1 (1936)]. *Никогда еще в жизни никто так на меня не кричал.*
(9) *...for a more shabby, bedraggled, disreputable-looking object than you are I never set eyes on in my whole life!* [Kenneth Grahame. The Wind in the Willows (1908)]... *Должен тебе сказать, что более замурзанного, затрепанного, срамного вида я ни у кого не видал ни разу в жизни!*

На уровне сложного синтаксиса (3е) говорящий использует конструкцию, характерную для синтаксиса английского языка. Если в английском языке существует временной союз *after* (русск. *после*), то в русском языке *после* — только предлог, в роли союза с этим значением выступает производный союз *после того как*.

(3е) *Один день, после Я поступила школу и была одна в университете.

Таким образом, на примере одного предложения мы рассмотрели 6 случаев калькирования конструкций как на уровне простого, так и на уровне сложного предложения. Все они демонстрируют полное калькирование, что говорит о том, что уровень русского языка говорящего не очень высок. Мы видим нашу задачу в том, чтобы создать подробный список конструкций, которые наиболее часто калькируются говорящими с доминантным английским. Например, здесь нам встретились временные конструкции — простые (*один день, **в моей целой жизни*) и сложные (**после я поступила*). Наличие подобного списка позволит преподавателю обращать внимание студентов на трудные для них случаи, упростит работу на продвинутом этапе обучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фрей А. Грамматика ошибок / Пер. с фр. Е. Л. Пастернак, Д. В. Сичиной; вступ. ст. В. М. Алпатов. М.: URSS: КомКнига. 2006. С. 303. *Fromkin, V.* (Ed.) *Errors in linguistic performance: Slips of the tongue, ear, pen, and hand.* San Francisco: Academic Press. 1980. *Протасова Е. Ю., Родина Н. М.* Многоязычие в детском возрасте. СПб: Златоуст. 2005.

² Фрей А. Указ. соч.

³ *Mustajoki A., Protassova E., Vahkin N.* Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approach to non standard Russian. Helsinki, 2010. P. 5–16.

⁴ *Polinsky M., Kagan O.* Heritage languages: In the ‘wild’ and in the classroom // *Language and linguistics compass.* 2007. № 1 (5).

⁵ *Laleko O.* The Syntax-Pragmatics Interface in Language Loss: Covert Restructuring of Aspect in Heritage Russian. Doctoral dissertation. Minnesota. 2010.

⁶ *Fishman J. A.* 300-plus years of heritage language education in the United States // *Peyton J. K., Ranard D. A., and McGinnis S.* (Eds.) *Heritage Languages in America: Preserving a National Resource,* Washington, D. C., and Delta Systems, McHenry, IL: Center for Applied Linguistics. 2001. P. 81–98.

⁷ *Montrul S.* How native are heritage speakers? // *Heritage Language Journal,* Vol. 10 (2), 2013. P. 15–39.

⁸ *Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M.* White paper: prolegomena to Heritage Linguistics. Harvard University. 2010.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Polinsky M.* Incomplete acquisition: American Russian. *Journal of Slavic Linguistics.* 2006. 14. P. 191–262.

¹² *Ibid.* P. 223–224.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 219.

¹⁵ *Laleko O. Ibid. Polinsky M. Ibid.*

¹⁶ *Aleeva D. Negative Transfer in the Writing of Proficient Students of Russian: A Comparison of Heritage Language Learners and Second Language Learners. Thesis for the degree of Master of Arts. Portland State University. 2012. Polinsky M. American Russian: Language Loss Meets Language Acquisition. In Formal Approaches to Slavic Linguistics. Cornell Meeting Ann Arbor: Michigan Slavic Publications. 1995. Протасова Е.Ю., Родина Н. М. Указ. соч.*

¹⁷ *Myers-Scotton C. & Jake J. A universal model of code-switching and bilingual language processing and production. In B. Bullock & A. J. Toribio, (Eds.). The Cambridge handbook of linguistic code-switching. Cambridge: Cambridge University Press. 2009. P. 336–357.*

¹⁸ *Рахилина Е.В., Выренкова А.С., Полинская М. С. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: эритажный (унаследованный) русский язык// Вопросы языкознания. М.: «Наука», № 3, 2014. С. 3–19.*

¹⁹ Пример взят из Russian Learner Corpus (<http://web-corpora.net/RussianLearnerCorpus/search>). Этот подкорпус является частью Национального корпуса русского языка (НКРЯ), созданного в рамках сотрудничества с National Heritage Language Resource Center (UCLA) и Language Science Lab Гарвардского университета (под руководством М. С. Полинской) и исследовательской группы Направления фундаментальной и прикладной лингвистики филологического факультета НИУ ВШЭ под руководством Е. В. Рахилиной.

²⁰ URL: <http://wordnetweb.princeton.edu> (дата обращения: 30.01.2015).

²¹ URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 30.01.2015).

²² URL: <http://www.ruscorgora.ru/search-para-en.html> (дата обращения: 30.01.2015).

Smolovskaya E. A.

MISTAKES OF NON-STANDARD SPEAKERS: SOME PECULIARITIES IN RUSSIAN SPEECH OF ENGLISH-DOMINANT FOREIGNERS

In this paper, the analysis of some typical mistakes that L2 and heritage native speakers make in Russian was conducted. Heritage speakers present a special case: they are bilingual speakers of an ethnic or immigrant minority language. They use a calque mechanism quite often due to the lack of competence.

Keywords: heritage Russian, speech mistakes, calques, construction.

Сосорбарам Эрдэнэмаам

Монгольский государственный университет
образования, Монголия

sermaam@inbox.ru

Цогт Батмунх

Технологический колледж «NewMongol», Монголия

batmunh@mail.ru

ОБ ИНТЕРФЕРЕНТНЫХ ОШИБКАХ, ДОПУСКАЕМЫХ МОНГОЛЬСКИМИ СТУДЕНТАМИ ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ РУССКИХ ИМЁН И ФАМИЛИЙ

Русский и монгольский языки являются разносистемными языками: существующие между ними различия вызывают при изучении русского языка монголами определённые трудности. Одна из них заключается в употреблении монголами русских имён и фамилий. В течение нескольких десятков лет монголы не имели фамилий, вместо них использовалось имя отца, что приводит к большим затруднениям при изучении и употреблении русских фамилий, имен и отчеств.

Ключевые слова: интерференция, отсутствие фамилии, различие отчества и фамилии.

Недавно в Интернете мы наткнулись на весьма интересную статью К. А. Депоняна «Особенности восприятия русской системы именования человека носителями корейской культуры»¹, которая заставила нас поразмыслить над тем, как в этой области обстоит дело у нас — носителей монгольского языка. Ведь у монголов употребление фамилии возобновилось относительно недавно, после перерыва в сто с лишним лет. Для современного монгола, особенно для молодёжи, фамилия — это имя отца. Приведу в пример одного из авторов настоящего доклада. Его зовут Сосорбарамын Эрдэнэмаам. Сосорбарам — это имя отца, Эрдэнэмаам — личное имя. Автор год учился на подготовительном факультете Иркутского государственного университета, 5 лет — в МГУ, 3 года — в заочной аспирантуре Института русского языка имени А. С. Пушкина. Так вот в течение всех этих 9 лет преподаватели обращались к нему по имени его отца: Сосорбарам. Дело в том, что у монголов сначала пишется имя отца, то есть фамилия, а потом — имя. А в русской культуре — сначала идёт имя, потом отчество, а в конце — фамилия. И вследствие этого у монгольских учащихся и студентов возникают недоразумения интерферентного характера относительно употребления русских имён и фамилий. Для них что написано сначала, то и фамилия: *Антон Сидоров* — Антон — фамилия, Сидоров — имя. Если будет написано *Сидоров Антон*, то наоборот: Сидоров — фамилия, а Антон — имя. Если же будет написано *Антон Павлович*, то Антон — фамилия, а Павлович — имя.

Сразу должны оговориться, что и структура нашей статьи, и методика проведения тестирования заимствованы у вышеупомянутого автора, так как цель у нас общая — усвоение корейскими и монгольскими учащимися правил употребления русских имён и фамилий. Сбор и анализ ошибок, которые встречаются у монгольских студентов в употреблении русских имён, позволили нам увидеть, что ошибки повторяются, позволили выделить их типы. Если ошибки укладываются в какую-то типологию, это говорит об их системном, далеко не случайном характере, о том, что причины ошибок коренятся в национальном менталитете и в строе родного языка. Ошибки такого рода в лингвистике и методике преподавания принято называть интерферентными², т. е. это ошибки, допускаемые под влиянием своего родного языка. Так, например, к своему преподавателю по имени Серов Иван Петрович учащийся-монгол вместо «Иван Петрович!» обычно обращается «Серов багш аа!» или «Иван багш аа!» (по-монгольски «багш» — ‘преподаватель’, прибавляется к имени преподавателя, являясь выражением уважительного к нему отношения, так же как и именной суффикс *-сан* в японском языке)³. Это вызвано тем, что к своему учителю по имени, скажем, Батмунх, учащийся-монгол обращается «Батмунх багш аа».

Причиной такого рода интерференции, на наш взгляд, является порядок слов в обращении на монгольском языке. Так, в монгольском языке в сочетании «Цэндийн Дамдинсурэн» — Цэнд — фамилия, Дамдинсурэн — имя. Цэнд — фамилия, потому что в течение последних нескольких десятилетий монголы не используют фамилию как таковую, а на самом же деле это не фамилия, а отчество. Так как в последние годы в Монголии имеется тенденция к возобновлению использования родовых фамилий, то вышеприведенное сочетание следовало бы написать «Хатгин овогт Цэндийн Дамдинсурэн», где Хатгин — фамилия, Цэндийн — отчество, а Дамдинсуран — имя:

В связи с данными особенностями и под влиянием родного языка монгольские учащиеся испытывают трудности при изучении и употреблении русских имён и фамилий. При обращении друг к другу в профессиональном кругу монгол сначала говорит имя собеседника, затем род его деятельности. Так, например, обращаясь к своему дяде, студент-монгол скажет: «Дорж ах аа!», где *Дорж* — это имя, а *ах аа* — ‘дядя’. Обращаясь к врачу, мы говорим: «Дорж эмч ээ», где Дорж — имя, а эмч ээ — врач. Именно под влиянием особенностей родного языка начинающие изучать русский язык монголы склонны допускать ошибки типа: «Серов врач!», «Серов дядя!», «Серов преподаватель!» и т. д. Еще один пример: более сорока лет тому назад, когда один из авторов этого доклада учился в школе в одном из далёких аймаков, русский язык им преподавала русская учительница. Все ученики, в том числе и С. Эрдэнэмаам, и персонал школы обращались к ней «Тамара багш аа». И учительница совершенно

нормально на это реагировала, поэтому никто не сомневался в том, что русские люди друг к другу обращаются так же, как и монголы. Спустя несколько лет, уже после окончания МГУ бывшая ее ученица узнала, что ее учительницу зовут Тамара Сергеевна Андреева.

Наблюдение над подобными ошибками показывает, что некоторые из них встречаются довольно часто и, следовательно, они не случайны, а носят системный характер. Их причины связаны со структурой и специфическими особенностями родного языка, культуры, обычаев и традиций монголов.

С целью выявления ошибок, допускаемых студентами-монголами при изучении и употреблении русских имён и фамилий, нами проведено небольшое тестирование студентов 2-го курса отделения учителей русского языка и студентов 3-го курсов отделения учителей русско-английского языков Социально-гуманитарного института Монгольского государственного университета образования.

Студентов 2-ого курса отделения учителей русского языка попросили определить, что из 12 предложенных русских имён и 8 довольно распространённых фамилий является именем, а что — фамилией: *Антон, Игорь, Фёдор, Иван, Ваня, Анна, Виктор, Ирина, Пётр, Саша, Александр, Аня, Шарапова, Исинбаева, Путин, Медведев, Пушкин, Толстой, Чехов, Достоевский*. Результаты тестирования продемонстрировали, к сожалению, что среди них нет ни одного студента, который бы всё определил правильно:

Имена и фамилии — Это имя (в %) — Это фамилия (в %)

Антон	— 56,7	— 43,3
Игорь	— 81,1	— 18,9
Фёдор	— 56,7	— 43,3
Шарапова	— 50,0	— 50,0
Исинбаева	— 37,0	— 63,0
Путин	— 63,0	— 37,0
Иван	— 68,5	— 31,5
Ваня	— 87,4	— 12,6
Анна	— 87,4	— 12,6
Медведев	— 56,7	— 43,3
Виктор	— 56,7	— 43,3
Ирина	— 74,8	— 25,2
Пётр	— 68,5	— 31,5
Саша	— 87,4	— 12,6
Александр	— 43,3	— 56,7
Пушкин	— 68,5	— 31,5
Толстой	— 68,5	— 31,5
Чехов	— 25,2	— 74,8
Аня	— 87,4	— 12,6
Достоевский	— 31,5	— 68,5

Другими словами, 43,3% всех тестируемых считают, что Антон — фамилия, 68,5% думают, что Пушкин — это имя. 63,0% уверены, что Путин — это имя президента России. Оказывается, всё дело, может

быть, в самой постановке вопроса: на вопрос «Как тебя зовут?» монгол отвечает «Меня зовут Дорж», т. е. называет своё имя, а не как русский, который на этот вопрос может ответить: «Меня зовут Петров». И, видимо, поэтому на вопрос «Как зовут президента России?» студенты-монголы отвечают: «Путин». Этим и можно объяснить тот факт, что фамилию известной во всём мире теннисистки Шараповой все участники тестирования отметили как имя. Заметим, что примеры из вышеназванной статьи показывают, что такая тенденция наблюдается и в корейском языке. Автор данной статьи пишет, что многие корейские студенты, которые принимали участие в его исследовании, фамилии всемирно известных русских писателей-классиков воспринимают как имена (Пушкин 40%, Толстой 36%, Чехов 44%, Достоевский 40%)⁴. Это, на наш взгляд, связано с тем, что монгольский и корейский языки принадлежат одной и той же языковой семье: алтайской.

Студентам же 3-го курса русско-английского отделения были предложены также различные сочетания: фамилия и имя; имя и фамилия; имя, отчество и фамилия; фамилия, имя и отчество. Результаты тестирования показывают, что русские имена и фамилии они различают примерно на одном уровне со второкурсниками. Положительно то, что 76,8% из них правильно определили имя «Алексей», 14,4% принимают его за фамилию, 9,6% считают, что это отчество. 81,6% тестируемых фамилию «Ленин» восприняли как имя, 4,8% — как отчество, правильный ответ дали 9,6%. Фамилию же «Жириновский», которая стояла непосредственно за ней, правильно определили всего 38,4%, тогда как 28,8% ее считают именем, а 19,2% — отчеством; 14,4% затруднились ответить.

Чуть больше половины опрошенных (52,8%) верно определили фамилию, имя, отчество (Акунин Алексей Петрович), тогда как в другой последовательности (Алексей Петрович Акунин) правильный ответ составил лишь 28,8%. Сочетание имени и фамилии «Алексей Акунин» смогли узнать 43,2% всех тестируемых, а в обратной формулировке (Акунин Алексей) правильно ответили уже 57,6% опрошенных.

Влияние родного языка весьма сильно выразилось и в узнавании русского отчества. Так, например, 57,6% тестируемых отчество «Сергеевич» приняли за фамилию, 9,6% — за имя, а 4,8% воздержались. В этом случае правильный ответ дали лишь 28,8%. Женский вариант данного отчества (Сергеевна) у 48,8% всех участников принят за имя, у 19,2% — за фамилию. Отсюда можно, на наш взгляд заключить, что неиспользование нами фамилии в течение десятков лет, а также использование вместо нее имени отца оставили свои отрицательные следы у монголов и в лингво-психологическом плане.

Итак, с целью профилактики подобного рода интерферентных ошибок монгольские преподавателям русского языка, начинающим препо-

давание русских имён и фамилий, следует обращать особое внимание на следующие моменты:

- 1) объяснить, что такое фамилия, имя, отчество, и на примерах показать различия в порядке их следования в русской традиции. Следует отметить, что использование у русских имени матери в качестве фамилии невозможно.
- 2) уделить внимание вариантам обращения русских друг к другу: по имени, по имени и отчеству, по фамилии, по отчеству, тогда как для монголов последние два варианта недопустимы.
- 3) объяснить различие в русском языке между мужскими и женскими именами.
- 4) уделить внимание проблеме образования русских имён и фамилий в сравнении с монгольскими⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ URL: http://mesi.cliro.unibo.it/data/_uploaded/file/atti/WVCongress.pdf

² Интерференция — последствие влияния одного языка на другой (<https://ru.wikipedia.org/wiki/>).

³ Сан (ᠰᠠᠨ) — нейтрально-вежливый суффикс, довольно близко соответствующий обращению по имени-отчеству в русском языке (<https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=%E0%BB%80>).

⁴ URL: http://mesi.cliro.unibo.it/data/_uploaded/file/atti/WVCongress.pdf

⁵ Сэржээ Ж. Структурно-семантические особенности личных имен в современном монгольском языке. Хэл бичгийн ухааны дэд эрдэмтний зэрэг хамгаалсан зохиол. УБ, 1989 он.

Sosorbaram Erdenemaam, Tsogt Batmunk

ON INTERFERENTIAL ERRORS MADE BY MONGOLIAN STUDENTS IN THE USE OF RUSSIAN NAMES AND SURNAMES

Russian and Mongolian languages have different structures, and this is the reason of some difficulties in the study of these languages. One of these difficulties is the use of Mongolian and Russian names and surnames. For several decades, the Mongols did not have surnames, instead they used used father's name, and it caused great difficulties in learning and using of Russian names and surnames.

Keywords: interference, lack of names, discrimination of surname and patronimic.

ОТРАЖЕНИЕ РИТМА РАЗВИТИЯ РАСТЕНИЙ В ИХ НАЗВАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ)

В названиях растений отражаются разные признаки денотатов. Одним из свойств растений, которое выступает в качестве мотивирующего признака, является ритм их развития — суточный и сезонный. Данная разновидность семантической мотивации анализируется на примере наименований лекарственных растений в русском и польском языках, на фоне латинской научной номенклатуры.

Ключевые слова: ритм развития, названия лекарственных растений, семантическая мотивация.

Названия лекарственных растений, т. е. группы «культивируемых и дикорастущих растений, используемых в медицинской и ветеринарной практике для лечения и профилактики болезней»¹, отличаются разнообразием с точки зрения семантической мотивации. Выбор мотивирующего признака является результатом предпочтения во время номинации такого атрибута, который ассоциируется с денотатом, являясь для номинатора существенным или наиболее заметным. Поэтому значительной части данной категории наименований присуща прозрачная внутренняя форма. Несмотря на то, что основное предназначение анализируемой группы растений — медицинское, — как в научной, так и в народной номинации употребляются разные номинативные модели. В число признаков, по которым производится именование лекарственных растений, входят как описательные, охватывающие внешние приметы растения или его отдельных частей (форма, окраска, запах, вкус, чувственные ощущения, величина), так и относительные, напр., полезные, в том числе лечебные и токсические свойства, практическое применение человеком или животными, место и способ произрастания, географическое происхождение, степень распространения, религиозные или мифологические мотивы, магические свойства и пр.

В статье будет представлена номинативная модель названий лекарственных растений, в основу которой положен ритм их развития. Для анализа из числа ботанических и народных наименований на русском и польском языках, а также латинской научной номенклатуры² были выбраны названия видов растений с ясной мотивацией. Периодичность роста и развития, являющаяся следствием изменения внешних условий (длины дня, температуры воздуха, влажности почвы), имеет свое выражение в суточных и сезонных ритмах этих важнейших жизненных процессов растительных организмов, и была ими выработана в ходе эволюции. По мнению Б. Н. Головкина, «названия растений, связанные

со сроками их сезонного развития, — одни из самых старых и распространенных в любом языке»³. Многие из них в национальных языках представляют собой словообразовательные кальки латинских наименований. С точки зрения значения, это названия информативного типа, так как «они несут некоторую информацию о таксонах [...], их первичное смысловое содержание в той или иной мере характеризует таксоны, которые они обозначают»⁴.

Сезонный ритм развития растений обусловлен сменой времен года, и проявляется в том, что неблагоприятные в климатическом отношении периоды они обычно переживают в состоянии покоя, а с наступлением подходящих условий начинают усиленно расти и развиваться. Некоторые из них могут своеобразно «отклоняться» от нормы, выделяясь по ритму своего развития, либо их физиологические процессы становятся для человека настолько заметными, что данное явление отражается в языковой номинации. Наименования, образованные таким путем, могут указывать период цветения или созревания, предопределять срок выхода растения из состояния покоя или приближать характеристику данного периода года.

Растениями, в названии которых указана нетипичная пора цветения, и которое в XVIII веке было им дано академиком П. С. Палласом «за выносливость», являются *морозники*, именуемые *зимовниками*, время цветения которых «обычно совпадает еще с небольшими морозами»⁵. Морозники — кавказский, краснеющий, черный («рождественская роза») в средней полосе цветут в апреле — мае, на юге — с декабря по март⁶. Название рода на польском языке — *ciemniernik* — не имеет такой мотивации, как на русском. Другим названием, вызывающим схожие ассоциации, является *подснежник*. Представителем рода, в наименовании которого (как в родовой, так и в видовой частях ботанического названия) отражены «зимние» условия, является *подснежник белоснежный*, по-польски *śnieżyczka przebiśnieg* (*Galanthus nivalis* L.). Подснежники служат индикатором при фенологических наблюдениях⁷, так как их белые, как будто молочные цветы, пробивающиеся сквозь снег — одни из самых ранних: стоит упомянуть, что эндемик Кавказа — *подснежник Воронова* цветет уже в феврале — марте⁸. Название *подснежник* в русской народной номинации омонимично, потому что в некоторых регионах России так именуют разные виды растений, цветущие сразу после таяния снега. Примером может служить *медуница неясная*⁹, или *ветреница дубравная*, у которой, однако, имеются и более «весенние» народные определения: на русском — *веснуха*, на польском — *dzbanuszki wiosenne, wiosenny kwiat*.

«Зимняя» семантическая мотивация может указывать также и на другие физиологические особенности растений, в частности, на способность переживать суровые зимние условия с зелеными листьями.

Такие вечнозеленые кожистые, зимующие листья — у *зимолюбки зонтичной*¹⁰ (*Chimaphila umbellata* L.), о чем «информирует» ее латинское родовое наименование, происходящее от греч. *cheimon* — ‘зима’, *phileo* — ‘люблю’. Польское название линнеи северной — вечнозеленого кустарника, являющегося реликтом флоры ледникового периода¹¹, звучит *zimoziół rólnosny*. Диалектные русские определения *клюквы четырехлепестной* — *веснянка, подснежница*¹² — тоже являются подтверждением ее вечнозелености. Зато русское народное название *душицы обыкновенной* — *зимний майоран*, свидетельствует о другом свойстве этого ценного лекарственного растения, т. е. об ее холодостойкости, которая «позволяет ей хорошо зимовать вплоть до Крайнего Севера»¹³.

О приходе весны сообщают весьма образные названия лекарственных растений, обильно цветущих в апреле — мае, или даже раньше (*белоцветник весенний* (*Leucojum vernum* L.), пол. *śnieżyca wiosenna* начинает цвести уже в феврале). Такие растения именуются в русском языковом обиходе *первоцветами* и предзнаменуют приход весны. Но ботаническое название *первоцвет* дано лишь видам из рода примула, самым известным представителем которого является *первоцвет весенний*, народное название *весняник*, пол. *pierwiosnek wiosenny*. Латинское название *Primula veris* переводится как «первый (цветок) весны»¹⁴. Древние греки называли его «додекатеоном», т. е. цветком двенадцати богов¹⁵. По славянским легендам *первоцвет* — это ключи, которыми весна открывает дорогу всему зеленому царству природы (отсюда народное определение «ключики») ¹⁶. Растением, цветущим в апреле одновременно с появлением листьев¹⁷ является *адонис весенний* (*Adonis vernalis* L.), другие назв.: *желтоцвет весенний, стародубка весенняя, горицвет весенний*, поль. *miłek wiosenny*. Согласно греческой мифологии, адонис произошел от слез Афродиты, оплакивающей своего излюбленного Адониса, кровь которого и придала цветам растения их окраску¹⁸. По иной легенде название дано растению по имени финикийского и ассирийского бога солнца Адона, который ежегодно умирал и воскресал каждую весну¹⁹. Латинский видовой эпитет *vernalis* означает ‘весенний’. Стоит упомянуть, что существуют польские названия других видов горицвета, мотивированные периодом цветения: летним — *miłek letni*, адонис *летний* (*Adonis aestivalis* L.) и осенним — *miłek jesienny*. Существуют и другие растения, вполне оправданно обладающие «весенними» названиями: это *веснянка весенняя*, пол. *wiosnówka pospolita* (*Erophila verna* (L.) Chevall.); чина *весенняя*, или сочевичник *весенний* (*Lathyrus vernus* (L.) Bernh.), пол. *groszek wiosenny*; чистяк *весенний* (*Ficaria verna* Huds.), пол. *ziarnopłon wiosenny, jaskier wiosenny*; майник *двулистный* (*Maianthemum bifolium* (L.) F. W. Schmidt); ландыш *майский* (*Convallaria majalis* L.), пол. *konwalia majowa*. На весеннюю пору развития указывает народное на-

звание *проломника северного* — *первомайка*, а также выпускающего весной листья одуванчика лекарственного — *мартовский куст*²⁰.

Интересным примером номинативной модели, в основу которой положен своеобразный сезонный цикл развития растения, является название вида *безвременник осенний* (*Colchicum autumnale* L.), пол. *zimowit jesienny*, а также вида *безвременник великолепный*, пол. *zimowit powabny*. *Безвременник* цветет осенью, а весной между выходящими из земли листьями прячется его развивающийся зеленый плод, который созревает лишь в конце мая. Летом разбрасываются семена, после чего листья отмирают²¹. «Если посетить это место летом, то над землей не найти и следов растения. Зато поздней осенью (в сентябре — октябре) вся лужайка с безвременником покрывается прелестными розовыми цветками, без листьев и без стеблей. Но не пройдет и двух недель, как начнутся заморозки и цветки погибнут»²². Поэтому безвременник признается предвестником зимы. В средневековье «растение по-латыни называли «*filius ante patrem*», что в переводе означает ‘сын раньше отца’, поскольку плоды появлялись раньше цветка»²³. Русские народные названия связаны с поздним сроком цветения растения либо с его ядовитостью: *безвременный цвет, безвременница, зимовик, осенник, осенний цвет, собачья смерть, сын без отца*²⁴.

Суточный ритм развития растений обусловлен чередованием дня и ночи, и проявляется в повышенной активности или, наоборот, в замедлении процессов жизнедеятельности, в зависимости от времени суток. Наименования лекарственных растений, мотивированные их суточной периодичностью, часто имеют метафоричный характер. Сильное влияние на растительные организмы оказывает солнечный свет, о чем можно убедиться, наблюдая за ритмом развития подсолнечника. Для этого растения характерно явление гелиотропизма, выражающееся в стремлении изгибаться к источнику света (гр. *helios* — ‘солнце’ и *anthos* — ‘цвет’). Данное явление отражается в ботанических названиях: *подсолнечник однолетний, słonecznik zwyczajny, Helianthus annuus* L. Сходная семантическая мотивация присутствует в языковой номинации *солнцецвета* (*Helianthemum* Mill.), шелковистые цветки которого «приветствуют восход солнца и поворачиваются вслед за ним, а к полудню уже осыпаются»²⁵.

В наименованиях лекарственных растений находят свое отражение также и вечерне-ночные мотивы суточного ритма развития. Примером этому — народные названия *ослиника двухлетнего*: *примула вечерняя, ночная свеча, вечерний первоцвет, ночная лучина, ночная фиалка, ночная светильня, свечник* и польское определение *posna świeca*. Светло-жёлтые цветы растения открываются вечером, напоминая в сумерках свечу и привлекая опылителей — ночных бабочек²⁶. За удивительный аромат цветов в вечернее и ночное время, *ночной фиалкой, ночными духами, вечерницей, царскими свечами* именуют также *любку дву-*

листную²⁷. С помощью ночных бабочек опыляется лунник оживающий (*Lunaria rediviva* L.), пол. *miesiącznica trwała*. Дрёма белая лишь вечером расправляет свои лепестки, привлекая насекомых, а утром ее цветки закрываются и «дремлют», поэтому ей дано такое метафорическое название²⁸. Весьма показательно в аспекте суточной периодичности развития латинское родовое название ноготков лекарственных *Calendula officinalis* L. Оно обязано римлянам, так как *Calendae* означает календарь. Так римляне называли первый день каждого месяца²⁹. Растение получило наименование за способность цветков закрываться на ночь и открываться утром — предвещающая этим начало дня³⁰.

Названия лекарственных растений, отражающие периодичность их роста и развития и связанные с ними природные явления, представляют собой общий для носителей разных языков способ видения и восприятия окружающего мира. Поэтому многие из них, имеют сходную семантическую мотивацию, как на польском, так и на русском языках. Эти наименования показывают, какой является языковая картина растительного мира для представителей данной языковой общины. Но так как у носителей разных языков могут возникать неодинаковые представления об именуемых растениях, встречаются и различия в номинации, которые связаны с разными климатическими условиями (*морозник*), либо обусловлены спецификой национальной традиции и культуры. Названия растений, мотивированные ритмом их развития, в своей сущности логичны, поскольку они соотносятся с настоящими свойствами денотатов, выявляя прагматичный подход человека к природе и ее предсказуемость. Но заодно такие названия образны, в них находят отражение социальные и культурные ценности, закрепленные в языковом сознании носителей языка. Может быть, и поэтому с растениями, так именуемыми, связаны разные мифы и легенды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сельскохозяйственный энциклопедический словарь / Гл. ред. В. К. Месяц М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 270.

² Ботанические названия — как латинские, так и национальные — построены по бинарному принципу и представляют собой двухсловные (чаще всего) словосочетания, состоящие из родовой и видовой частей. Согласно правилам, латинские названия записываются курсивом, и за видовым эпитетом следует сокращенная фамилия автора. Мотивирующие компоненты ботанических названий, указывающие на цикл развития растения, в тексте статьи выделены полужирным шрифтом. Приводимые народные названия, независимо от числа входящих в их состав компонентов, составляют одно целое, поэтому полностью записываются полужирным шрифтом.

³ Головкин Б. Н. О чем говорят названия растений. М.: Агропромиздат, 1986. С. 88.

⁴ Горностаев Г. Н., Забинкова Н. Н., Каден Н. Н. Латинские названия животных и растений. М.: Изд-во МГУ. С. 36.

⁵ Гаммерман А. Ф., Кадаев Г. Н., Яценко-Хмелевский А. А. Лекарственные растения (Растения-целители). М.: Высшая школа, 1990. С. 354.

⁶ Турова А. Д., Сапожникова Э. Н. Лекарственные растения СССР и их применение. М.: Медицина, 1983. С. 95.

⁷ См. определение фенологии и фенологических наблюдений в: Месяц В. К. Указ. соч. С. 561.

⁸ Турова А. Д. и др. Указ. соч. С. 60.

⁹ Петров В. В. Мир лесных растений. М.: Наука, 1978. С. 110–112.

¹⁰ Кортиков И. Н., Кортиков А. В. Полная энциклопедия лекарственных растений. Донецк: Эврика, 2009. С. 226.

¹¹ Czerni A. Zioła żywią, zioła leczą. ... Warszawa: Watra, 1990. S. 30.

¹² Турова А. Д. и др. Указ. соч. С. 246.

¹³ Муханова Ю. И., Хомякова Е. М. Пряная зелень на грядках. М: Московский рабочий, 1991. С. 68–71.

¹⁴ Mayer J. G. Tajemnice sztuki medycznej średniowiecznych zakonnic / przeł. Poprawska U. Kraków: Wydawnictwo WAM, 2010. S. 183.

¹⁵ Гаммерман А. Ф. и др. Указ. соч. С. 174.

¹⁶ Соловьева В. А. Целебные травы России. СПб: Астрель, 2006. С. 184.

¹⁷ Турова А. Д. и др. Указ. соч. С. 88.

¹⁸ См. толкование названия в: Блинова К. Ф., Борисова Н. А., Гортинский Г. Я. и др. Ботанико-фармакогностический словарь : Справ. пособие. М.: Высшая школа, 1990. С. 161; Rejewski M. Pochodzenie łacińskich nazw roślin polskich : Przewodnik botaniczny. Warszawa: KiW, 1996. С. 17.

¹⁹ Гаммерман А. Ф. и др. Указ. соч. С. 258.

²⁰ Соловьева В. А. Указ. соч. С. 168.

²¹ См.: Блинова К. Ф. и др. Указ. соч. С. 171; Кортиков И. Н. и др. Указ. соч. С. 62; Гаммерман А. Ф. и др. Указ. соч. С. 329–330.

²² Гаммерман А. Ф. и др. Указ. соч. С. 329–330.

²³ Там же. С. 331.

²⁴ Маланкина Е. Безвременник — опасное лекарственное средство // Рубрика: Полезная информация [Электронный ресурс] URL: http://www.greeninfo.ru/grassy/colchicum_autumnale.html/Article/_/aID/5246 (дата обращения: 10.12.2014).

²⁵ Маланкина Е. Солнцецвет // Рубрика: Травянистые растения для открытого грунта [Электронный ресурс] URL: <http://www.greeninfo.ru/grassy/helianthemum.html> (дата обращения: 10.12.2014).

²⁶ Strzelecka H., Kowalski J. (red.). Encyklopedia ziołarstwa i ziołolecznictwa. Warszawa: PWN, 2000. S. 595; Ослиник двулетний [Электронный ресурс] // сайт: Лечебные растения. URL: <http://lechebnye-rasteniya.ru/catalog/oslinnik.html> (дата обращения: 10.12.2014).

²⁷ Любка двулистная [Электронный ресурс] // Сайт о растениях. URL: <http://www.pro-rasteniya.ru/lekarstvennie-rasteniya/liubka-dvulistnaya-nochnaya-fialka--opisanie-primenenie-klubni-salep> (дата обращения: 10.12.2014).

²⁸ Мацюцкий С. Туристу о растениях. М.: Профиздат, 1988. С. 25.

²⁹ Полуденный Л. В., Журавлев Ю. П. Заготовка, выращивание и переработка лекарственных растений. М.: МСХА, 2000. С. 91; Kreiner J. Słownik etymologiczny łacińskich nazw i terminów używanych w biologii oraz medycynie. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1960. S. 33.

³⁰ Муханова Ю. И. и др. Указ. соч. С. 114.

Stec W.

THE RHYTHM OF PLANTS' GROWTH REFLECTED IN THEIR NAMES (ON THE EXAMPLE OF MEDICINAL PLANTS)

The author argues that various attributes of plants could be denoted in their names. One of the plants' characteristics, that is influencing the process of their linguistic nomination, is the rhythm of plant's growth, both daily and seasonal. This method of semantic motivation is illustrated by exploring numerous examples of the names of medicinal plants in Polish and Russian languages, as well as in Latin binomial nomenclature.

Keywords: plant growth, names of medicinal plants, semantic motivation.

ЖЕНЩИНА-АНГЕЛ В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

В статье представлены проблемы женского воплощения ангела с учетом видов и способов его отражения в языке. В сопоставляемых языках традицию подобного представления, равно как и возможность его называния, следует связывать с литературой XIX века, обогатившей языковое сознание носителей обоих языков неповторимым созданием в виде образа женщины-ангела.

Ключевые слова: женщина-ангел, anielica, русский, польский языки.

Задумываясь над происхождением и устройством мира, человек создавал образы неземных существ, связывающих божества, бытующие в невообразимом и бесконечном пространстве, со своим земным пребыванием. Подобным образом возникли в его представлении сверхъестественные и неземные создания, обитающие в небесных сферах, ниспосылаемые богами с неба на землю и называемые *ангелами*. С развитием монотеизма ангелы приняли облик духовных вестников и посредников между небом и землей, Богом и человеком. Не исключено, что первоначально ангелы представлялись в виде зооморфных существ с лицом человека, характерных для верований Ближнего Востока, куда следует относить также семитские и египетские крылатые божества¹. Однако наиболее полное выражение с соответствующей символикой ангелы получили в иудаизме, исламе и христианстве. В этом последнем они выступают духовными сущностями, лишенными материальной оболочки, а следовательно, также и плоти. Их описание в Библии, в частности в Новом Завете, практически не дает никаких оснований для определения их внешности. Говорится единственно об их одежде (ослепительной белизны) и крыльях, о наличии которых можно судить на основании их внезапного появления и стремительного передвижения. Помимо бытования в сферах, обусловленных учением церкви, они существуют также в сознании, появляясь как во сне, так и наяву. Чаще всего их подобные появления нематериальны, хотя в редких случаях на какое-то время они обладают способностью телесного воплощения, приобретая обычно воздушную, легкую, материально-духовную оболочку. Приписываемая им способность к подобному воплощению и стала причиной стремления к конкретизации их внешнего облика. Недоступность сознанию сказалась на средствах художественного отображения, в результате чего ангел приобрел облик абсолютного совершенства, став выражением такового для человека. Как создание антропоморфное, он должен был принять соответствующие черты, в том числе и признаки полового различия. Пер-

воначально ангелы изображались в виде крылатых юношей, передавая, тем самым, идею бессмертия и нестарения. Это были вечно юные и красивые существа, своим обликом соответствовавшие канонам красоты той или иной эпохи². Прекрасными были также их волосы, длинные или до плеч, прямые или курчавые. Существенным элементом их внешности была и одежда, не всегда следовавшая библейскому описанию, т. е. обязательно белая и не всегда в виде перепоясанного хитона, но отвечающая принятой в данное время моде³. С течением времени изображения ангелов получают женские воплощения⁴. В результате чего возникает примерно к XIV столетию представление о женщине-ангеле.

Языковое отображение ангела женского воплощения достигается посредством контекста, поскольку существительное *ангел* мужского рода, что непосредственно сказывается на соответствующем о нем впечатлении. О том, что слово относится к женщине, можно установить из того, кого оно называет: *У меня вот жена тоже была — ангел, а не человек...; Она (Нина) была ангелом, посланным на землю...; Я бы назвал ее ангелом, но это выражение — не кстати для нее (ОК)*⁵. Слово *ангел* в приведенных примерах используется в метафорическом смысле, а наблюдаемый перенос основывается на предполагаемых чертах характера, красивой внешности либо на впечатлении как таковом, без указания на детали. Рассматриваемое переносное значение, с одной стороны, является вполне достаточным, в то время как с другой, сопровождаясь дополнительно религиозной коннотацией, не позволяет увидеть в женщине, называемой *ангелом*, признаков земной красоты, заслоняясь мыслью о красоте небесной. В связи с этим в русских текстах иногда можно встретить слово *ангелица*, использующее словообразовательные возможности языка и связывающее женщину с ангелом. Необходимо при этом сказать, что *ангелица* слово не узусальное, по этой причине его описания мы не найдем в словарях, хотя примеры употребления его и встречаются в национальном корпусе русского языка: *Секретарша пухлощечко кивнула, улыбаясь, как добротная и добродетельная ангелица...; ...в Анастасовке его дожидается невеста, белая, как снег, и невинная, как ангелица?* (ОК). В приведенных контекстах, слегка иронических, *ангелица* равнозначна *ангелу* в переносном значении, поскольку внимание в них обращается на такие ангельские черты, как добродетельность и невинность. В двух следующих примерах — *...прекрасная ангелица — а ла лыжник с горной вершины — съезжала на металлическом тропе с высоты колокольни Сан-Марко...; В роли Ангелицы, полюбившей Ивана, выступает школьница Мария Кибзи...* (ОК) — говорится о женщинах, переодетых ангелами. При этом нет ни слова об их внутренних качествах, ангелами они так только выглядят. В еще одном примере подчеркивается своеобразная ангельская телесность: *Точнее, это был не ангел, а ангелица, и прозрачная хламидка не скрывала, а только*

подчеркивала отчаянные формы ангельской плоти... (ОК). Как было ранее сказано, тело для ангела — признак не слишком существенный, ангелы в принципе бестелесны, приводимый пример, обыгрывая, этому как бы явно противоречит. Встречаются тексты с прорисовкой отдельных деталей телесного женского облика: ...светловолосая *ангелица уснула запросто в электричке...* (ГК); *Глаза у зеленой ангелицы быстрые, цепкие;...* (Наташа) *с глазами русалки, не то ангелица, не то настоящая ведьмочка* (ОК). Ангелицы, тем самым, светловолосы, а отличительным признаком их выступают зеленого цвета глаза. На основании небольшого числа примеров, к тому же намеренно субъективированных, нет вроде бы основания утверждать, что *ангелица* обозначает женщину привлекательной внешности, скорее загадочно-неожиданной. Вместе с тем, несомненно и то, что привлекательность эта, обыгрываясь, служит мотивом и основанием соответствующих употреблений. Справедливости ради необходимо сказать, что *ангелица* в русском языке появилось не в последнее время. Его можно встретить в заглавии повести А. Вельтмана *Троян и Ангелица*⁶, а это век XIX. Героиня этой фантастической повести любит Трояна любовью вполне человеческой. Еще один пример употребления данного слова находим у В. Маяковского, так обращающегося к монахиням: — *Ангелицы, / попросту / ответ поэту дайте — если / люди вы, / то кто ж / тогда / вороны? А если / вы вороны, / почему вы не летаете?* (ПК)⁷. Других примеров употребления данной лексемы обнаружить не удалось. Следует отметить, что в наибольшей степени появлению «ангелицы» способствовала бы эпоха романтизма, однако в материале русского языка подтверждения этому мы не находим. Поскольку слово в толковых словарях не фиксируется, его следует признать окказионализмом с ограниченной сферой употребления, хотя возможное для него значение не исключено и вполне вероятно.

Что касается польского языка, то для него *anielica* вполне узуальное слово, фиксируемое, в частности, словарем В. Дорошевского со значением ‘женская форма от *anioł* (*аниол*)’ и подтверждаемое соответствующими примерами, на основании которых можно убедиться в существовании ангелов женского пола⁸. Данное слово встречается также и в словарях последнего времени с пометой «разговорное» и семантикой ‘о кроткой, милой, добродушной женщине’. Подобное толкование, однако, как кажется, не вполне соответствует его значению, поскольку очевидным образом на нем сказались черты ангельского характера, которые чаще выражаются лексемой *anioł*: *Maria była aniołem, który zstąpił na ziemię...; ...ona była aniołem, nie kobietą śmiertelną; Ciotka była aniołem dobroci...* (НК)⁹. Достаточно сопоставить сказанное хотя бы с такими примерами: ...*opowiada pełnymi ironii obrazami... ze zwiewnymi anielicami i młodą świętą Barbórką...*; *Była to postawa ... tysego i tykowatego, siedzącego w barze w towarzystwie wysmukłej anielicy...* (НК). В обоих случаях перед нами

предстает стройная, грациозная девушка, причем присутствие рядом святой (*Barbórki*), хотя и продвигает ее в сторону представления небесного «ангела», в сочетании со *zwiewnymi* и *młodą* оставляет ее на земле. Что же касается второго словоупотребления, земная ее материальность не вызывает сомнений. Однако ни легкость, ни плавность движений не следует считать обязательными, поскольку *anielicami* могут быть женщины, воспринимаемые как легкие и худые подчеркнуто субъективно: *Należała do kobiet nieco puszystych, ale mnie wydawała się szprychą o twarzy anielicy spływającej z nieba niebieskiego* (НК). Внимание при этом сосредоточивается не на фигуре, а на лице. Такая женщина, в опровержение общепринятым представлениям, с оттенком горькой иронии, может быть и не красивой, и не молодой: ...*podstarzała, zmęczona i wewnętrznie rozdarta anielica w brudnych adidasach...; ...prawdziwym złem w „Shreku 2” jest, wyglądająca, jak anielica na emeryturze, Dobra Wróżka* (НК). Но и, само собой разумеется, также красивой: *Wstydził się też zapytać, jak ma na imię jego anielica. Nie miał siły przekreślić głowy, by odprowadzić ją wzrokiem; «Zofija, ach Zofija. Pół miasta do niej wzdycha... Oj, ruda anielica!...»* (НК). *Anielica* может быть соблазнительной и мало того, что раздетой, но к тому же и в обществе ангела, и при этом мужского пола. Об этом говорится в стихотворении В. Броневского: *Anielica kompletnie goła / Niedwuznacznie pyta anioła: — Mój aniele, cały na biało / Dusza, owszem — ale ciało?* (НК). Нечто подобное встречаем в примере, также представляющем не одетую женщину: ...*ponętna i całkiem nieubrana anielica, której szkice wiszą w policyjnym pokoju, ma za mały biust* (НК). Несколько неожиданным и по-своему впечатляющим признаком оказывается полная грудь: *Ciężkie, pełnopiersne anielice defilują po sali... Jedna z nich, zupełnie naga... przycupnęła na skraju kanapki...* (НК). *Anielica* (в продолжение к приведенному перед этим примеру) может быть и проституткой: *Sam jedną taką anielicę znałem, była to miejscowa cichodajka...* (НК). Образ характеризуемой женщины складывается из разных деталей, среди которых существенными оказываются светлые волосы: ...*pojawiły się na moment dwie blond anielice, ale ...uciekły... do samochodu* (НК), иногда с золотистым отливом: ...*złotowłosa anielica odbiera siłą lub kradnie zabawki...* (НК), а также длинные: ...*mężczyźni lubią długowłose anielice. Mężczyźni stwarzają nasze wyobrażenia o tym, co podniecające* (НК). Как показывает последний (впрочем, не только) пример, определяемый нами образ наиболее созвучен мужским представлениям и вкусам. Продолжая мысль о виде волос, необходимо сказать, что *anielica* входит в состав сочетаний, обозначающих разновидность женской прически: *uczesanie, włosy na anielicę* — используются как разговорные определения длинных, распущенных, обычно светлых, прямых волос (хотя приводимые на фотографиях в интернете образцы подобной прически могут быть разными).

Anielica в польском языке имеет еще одно значение, обозначая тряпичную куклу с крыльями, не всегда соответствующую нашему представлению об ангеле-женщине. Подобный перенос произошел, по-видимому, в связи с появлением в Польше подобного рода кукол с крыльями. Куклы эти делаются обычно своими руками, а потому они практичны и безопасны для ребенка. И хотя данное значение в словарях не фиксируется, соответствующие употребления в текстах корпуса можно встретить: *Kilka-dziesiąt 30-centymetrowych smukłych anielic ma skrzydła zielone, czarne i brązowe — pasujące do wytwornych sukien* (НК). Следует отметить, что тряпичная кукла у русских играла в прошлом роль оберега, а само ее существование объясняется славянской традицией. Куклы подобного рода называются не *ангелицами*, а, соответственно, *ангелами* и *ангелочками*, обсуждаемое обозначение, тем самым, для них не типично.

Интерес представляет вопрос о возникновении рассматриваемой лексемы в польском языке. Впервые слово появилось в поэме Ю. Словацкого *Anhelli*¹⁰, написанной им в 1837 году. Относится оно к Элоэ — ангелу в женском воплощении, заботящемуся о мертвых и их могилах. Прототипом данного персонажа является Элле иудейской традиции. Кроме того, как указывает толковый словарь польского языка начала XX века, слово представляет собой заимствование из украинского *ангелиця*¹¹. Если учесть место рождения польского поэта-романтика и драматурга (Кременец, Украина), указанное предположение следует признать вполне вероятным. Тем самым, слово, расширившее свою семантику в польском языке, восточнославянского происхождения. Безусловно, оно могло быть образовано и средствами собственно польского языка, поскольку формант *-иця / -иця / -ица* в равной мере характерен и продуктивен как в русском, так и в украинском и в польском. Тем не менее, суждение авторов «Варшавского словаря», в виду отсутствия других гипотез в этимологических словарях, следует признать единственным объяснением его появления.

Подводя итоги, необходимо сказать, что *ангелица*, равно как и *anielica*, в первую очередь, обозначает миловидную блондинку, с распущенными волосами и блеском в глазах, сопоставляемую с субъективным мужским представлением о том, как выглядит и каким должен быть ангел в женском своем воплощении. При этом в большей степени это относится к внешнему виду, чем к внутренним качествам. В данном случае мы имеем дело с так называемой десакрализацией ангела — процессом, активно развивающимся в последнее время на наших глазах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Tresidder J.* Słownik symboli. Warszawa 2005, С. 11.

² См.: *Vorgrimler H., Bernauer U., Sternberg T.* Anioł — doświadczenie bożej obecności. Kielce 2005, С. 45.

³ См.: *Pawłowska A.* Czarne anioły czyli rozważania o rasie anielskiej (w:) Anioł w literaturze i kulturze, red. J. Ługowska, Wrocław 2006, t.III, С. 384.

⁴ См.: *Vorgrimler H., Bernauer U., Sternberg T.* Op. cit. S. 48.

⁵ Примеры брались из Национального корпуса русского языка, в частности, его основного варианта; сокращ. (ОК).

⁶ *Вельтман А.* Троян и Ангелица. Повесть, рассказанная Светлою Денницей Ясному Месяцу, Москва 1846.

⁷ См.: *Маяковский В. В.* 6 монахинь. Стихотворение 1925 г. Цитируется по поэтическому варианту национального корпуса русского языка; сокращ. (ПК).

⁸ См.: *Doroszewski W.* (red.) Słownik języka polskiego, t.1, Warszawa 1958.

⁹ Примеры из Национального корпуса польского языка; сокр. (НК).

¹⁰ Текст. См.: Электронное издание: <http://literat.ug.edu.pl/~literat/anhelli/index.htm> [Дата обращения: 6.10.2014]

¹¹ См.: *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego, t. I, Warszawa 1900.

Stras E.

WOMAN-ANGEL IN RUSSIAN AND POLISH LINGUISTIC TRADITION

The article is devoted to the image of woman-angel and its depiction by means of appropriate linguistic devices. Apart from the terms ангел / anioł, which do not indicate the angel's gender, commonly used in Russian and Polish, in both languages there are lexemes denoting only the woman-angel. The tradition of such angel depiction and a possibility of using an appropriate name goes back to the 19th century literature, J. Słowacki and A. Veltman in particular. The writers and their mythic-fantasy and romantic fiction enriched native speakers' knowledge of both languages concerning angels by introducing to literature the woman-angel and naming it.

Keywords: women-angel, anielica, Russian language, Polish language.

В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЧЕРТ РУССКОЙ ИНТОНАЦИИ (НА ФОНЕ ИНТОНАЦИИ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ)

Доклад посвящен поиску национально-специфических черт русской интонации. Автор основывается на интегративном подходе к описанию интонации любого языка, в том числе и русского, который предполагает выявление и описание универсальных, типологических и национально-специфических черт. Собственно национально-специфические черты русской интонации могут быть описаны 1) на фоне ее универсальных и типологических черт, сплав которых весьма специфичен в каждом языке; 2) с учетом культурологического языка.

Ключевые слова: русская интонация, интегративный подход, универсальные, типологические и национально-специфические черты, культурологический аспект

Интонация представляет собой многослойное явление, единство универсальных, типологических и национально-специфических черт. В характеристике интонации как многослойного феномена мы опираемся на иерархическую организацию языка как формы в концепциях В. Гумбольдта и Л. Г. Зубковой. Применительно к изучению интонации в этом направлении также продуктивны концепции Т. М. Николаевой¹, выделяющей в интонации три слоя — универсальный слой, слой словесной просодии и специфический собственно языковой слой, и Н. В. Черемисиной², различающей, кроме универсального и национально-специфического, включающего в себя и просодию слова, также слой индивидуальной интонации, характеризующий отдельного индивида, и слой стилистических черт интонации. Мы полагаем, что всякий интонационный контур, представляющий знаковую форму языка, манифестирует одновременно единство универсальных, групповых (генетических, ареальных, типологических) и национально-специфических характеристик языка. В этом заключается диалектическое противоречие: с одной стороны, ясность любого интонационного контура языка, с другой — сложность выделения в нем универсальных, типологических и национально-специфических черт. Всё дело в том, что во многих теоретических описаниях интонации различных языков к национально-специфическим часто относили универсальные или типологические характеристики. Тенденция к расширению сферы универсального за счет сужения национально-специфического в исследовании фразовой интонации отмечается Т. М. Николаевой³. Дальнейшие интонологические изыскания показали, что многие особенности русской интонации, традиционно трактуемые как национально-специфические, на самом деле

обуславливаются прежде всего универсальными и типологическими факторами.

Каким же образом наиболее адекватно могут быть описаны национальные особенности любой интонации? Мы считаем, что в интонологии следует выделить 2 подхода, позволяющих описать национальную специфику интонации конкретного языка: первый — интегративный, на фоне ее универсальных и типологических свойств в языках различного морфолого-синтаксического строя, что предполагает прежде всего поиск и анализ базовых интонационных оппозиций двух сопоставляемых языков; второй — культурологический, учитывающий национальный этнический стиль коммуникации. К базовым универсальным интонационным оппозициям, в рамках которых осуществляется сопоставление, относятся в первую очередь следующие: 1) предикация — номинация; 2) общий вопрос — повествование; 3) акцентная выделенность — акцентная нейтральность. При этом следует учитывать специфичность самого сплава универсальных, типологических и национально-специфических черт интонации.

Нами было проведено экспериментально-фонетическое исследование по выявлению универсальных, типологических и национально-специфических черт интонации разносистемных языков: 1) русского языка и языка суахили; 2) русского языка и языка йоруба (пример тонального языка). В качестве базисных структур были избраны 1) предикативные и номинативные синтагмы 2) акцентно нейтральные и акцентно выделенные синтагмы.

Ведущим, доминирующим признаком, определяющим национальную специфику, является, прежде всего, просодическое устройство слова, которое коррелирует с грамматическим строем языка, весьма разнообразное в языках мира. Просодическое устройство слова определяет, с одной стороны, типологию, а с другой — базовую национальную специфику речевой интонации. Так, предикативные акценты в «лексическом» языке йоруба создаются за счет вариаций характеристик интенсивности, длительности, регистра / диапазона частоты основного тона (ЧОТ), т. е. параметры интенсивности и длительности закреплены за выражением грамматического значения — предикации. В русском языке и суахили как представителях нетональных языков длительность и интенсивность играют подчиненную по отношению к мелодике роль в дифференциации предикации и номинации.

Национально-специфические характеристики интонации суахили и русского языков при противопоставлении базовых предикативных и номинативных синтагм составляют следующие признаки: а) специфика локализации мелодической вершины во фразе; б) конкретные величины диапазона, интервалов подъема / падения, скорости подъема / падения ЧОТ в первом и втором элементах предикативной; в) конкретные

величины соотношения характеристик длительности и интенсивности первого и второго элементов предикативной.

В то же время опыт межкультурного взаимодействия показывает, что в процессе речевого дискурса **перестраивается** вся традиционная картина взаимоотношения дифференциальных и интегральных признаков, соотношение важного и неважного в процессе коммуникации, затрагивающее взаимодействие говорящего и слушающего, установление / неустановление контакта и, как следствие, достижение / недостижение взаимопонимания.

Поэтому правомерным становится выделение культурологического аспекта интонации, что связано с разработкой понятия культуры речи для методики преподавания языков, а также с полной описания национального стиля коммуникации, неотъемлемой частью которого является интонация. Межкультурную коммуникацию мы понимаем как поиск и обретение взаимопонимания в процессе равноуровневого общения через взаимодействие национальных культур, менталитетов, стереотипов речевого поведения.

Если обратиться к истории лингвистических учений, то нельзя не заметить, что выдающиеся лингвисты, философы прошлого обращали внимание не только на семантику, информативность речи, но и на прагматику, экспрессивно-эмоциональные характеристики высказывания. Так, авторы «Грамматики» и «Логики» Пор-Рояля⁴ особо выделяли роль **тона голоса** в выражении добавочных идей, отражающих чувства, суждения и мнения говорящего.

С позиции межкультурной коммуникации признаки, обычно трактуемые как несущественные, незначимые в традиционной интонологии, оказываются важными, нужными в процессе межкультурной коммуникации не только между представителями разных культур, но и между представителями разных социальных, возрастных, культурных, этнических страт внутри одного поликультурного общества, потому что именно от них зависит успех или неуспех общения. К ним относятся следующие: 1) громкость речи; 2) темп речи (скорость произнесения речевых элементов разной степени протяженности); 3) эмоционально-экспрессивный интонационный модус речевого дискурса; 4) паралингвистические средства.

Темп речи, как и громкость, являются неотъемлемым компонентом речевого общения не только в иностранной, но и в российской аудитории. Кажущаяся на первый взгляд ненужность, необязательность данного аспекта на самом деле оказывается важной и нужной в реализации межкультурного общения на родном языке в современном обществе. Темп речи — одна из прогрессирующих, эволюционирующих характеристик современного речевого континуума, часто провоцирующая непонимание между разными возрастными стратами речевого сообщества. По всей видимости, за последние десять лет изменился, «убыстрился» средний

темп речи молодого поколения, приводящий не только к сокращению длительности гласных и согласных, но и к выпадению сочетаний звуков, соединению нескольких самостоятельных единиц в одно фонетическое целое, ломке традиционного ритмического, интонационного рисунка.

Следующая характеристика речевого дискурса на русском языке — его эмоционально-экспрессивный интонационный модус, который можно определить как общий эмоционально-экспрессивный камертон всего речевого дискурса, проявляющийся в эмоционально-экспрессивности, приподнятости / нейтральности / экспрессивности высказывания, темпоральности, скорости произнесения, мелодическом рисунке всего дискурса.

Паралингвистические средства не входят в систему языка, не являются речевыми единицами, однако речевой дискурс нельзя представить себе без паралингвистического сопровождения, и, прежде всего, без кинесики (мимика, жесты, позы, визуальный контакт). К сожалению, они рассматриваются часто изолированно от речевого акта, как бы сами по себе. Задача преподавателя-практика состоит в имплантации паралингвистики непосредственно в звучащую речь на иностранном языке, особенно на продвинутом этапе обучения.

Лингводидактика вступила в новый этап широкого обобщения, анализа и систематизации опыта, а также трудностей, возникающих у представителей различных национальностей при изучении, постановке и корректировке русской интонации, которые позволяют выдвинуть, обосновать и использовать в теории и практике преподавания новую парадигму исследования интонационного феномена в звучащем дискурсе, включающего одновременно два подхода: интегральный и культурологический.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М.: Наука, 1977. 278 с.

² Черемисина Н. В. Русская интонация: поэзия и проза. Разговорная речь. М.: Русский язык, 1982. 205 с.

³ Там же. С. 77.

⁴ Зубкова Л. Г. Язык как форма. Теория и история языкознания. М.: РУДН, 1999. 237 с.

Khromov S. S.

IN SEARCH OF NATIONAL CHARACTERISTICS OF RUSSIAN INTONATION (AGAINST THE BACKGROUND OF OTHER LANGUAGES' INTONATION)

The article is devoted to the quest of national characteristics of Russian intonation. The concept is based on the integrative approach of intonation description aimed at the differentiation of universal, typological and national properties. The national properties of Russian intonation can be described: 1) against universal and typological features; 2) within the framework of cultural approach to intonation as a part of language system.

Keywords: Russian intonation, integrative approach, universal, typological, national features, cultural aspect.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕОРИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ И СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Теория функциональной грамматики, выдвинутая российским академиком А. В. Бондарко, и системно-функциональная лингвистика, основанная М. Хэллидеем, принадлежат к одной и той же лингвистической парадигме, имеют много общего в аспекте исторических условий возникновения и основных взглядов. Тем не менее, отличаются их принципы интерпретации и методы исследования по причине различия контекстной традиции функционализма и нехватки должного диалога и общения между российским и западно-европейским функционалистами.

Ключевые слова: Бондарко, теория функциональной грамматики, Хэллидей, системно-функциональная лингвистика.

Функционализмом, или функциональной лингвистикой, называется теоретический подход в языкознании, который утверждает, что «фундаментальные свойства языка не могут быть описаны и объяснены без апелляции к функциям языка»¹. В отличие от формализма, наиболее влиятельным представителем которого является Н. Хомский с его генеративной грамматикой², функционализм представляет собой «совокупность школ и направлений, возникших как одно из ответвлений структурной лингвистики, характеризующихся преимущественным вниманием к функционированию языка как средства общения»³. Наш обзор сосредоточен на сравнении теорий двух представителей функциональной лингвистики — теории функциональной грамматики российского лингвиста А. В. Бондарко (далее ТФГ) и системно-функциональной лингвистики британско-австралийского лингвиста М. Хэллидея (М. А. К. Halliday) (далее СФЛ).

Предпосылкой сопоставления ТФГ и СФЛ, на наш взгляд, являются поиски в них сходного или разного теоретического основания, в особенности их основных взглядов на общественную природу языка.

ТФГ нацелена на изучение и описание функции единиц строя языка и закономерностей функционирования этих единиц во взаимодействии с разноуровневыми элементами окружающей среды⁴. ТФГ как активная грамматика отстаивает научные принципы описания от семантики к её формальному выражению, чем отличается от традиционной грамматики, которая описывает единицы языка от формы к семантике⁵.

В подходе ТФГ значения рассматриваются на основе так называемых функционально-семантических полей. При описании каждого поля рассматривается подробная инвентаризация значений, относящихся к данному полю, и средства их формального выражения.

Мы считаем⁶, что специфика ТФГ заключается в следующем: во-первых, она использует подход от семантики к её формальному выражению как основной в сочетании с подходом от формы к семантике, подчёркивая, что подход от формы к семантике необходим для любой грамматики. Во-вторых, направление «от функции к форме» устраняет границу между лексикой и грамматикой, которые были разделены в традиционной грамматике, и рассматривает в единой системе средства выражения, относящиеся к разным языковым уровням, объединённые на основе общности их семантических функций. В-третьих, ТФГ одновременно включает в себя элементы и языковой системы, и речевой коммуникации, она изучает не только эксплицитные грамматические или лексические средства, но и комплексные имплицитные средства, скрывающиеся за контекстами и конситуациями.

СФЛ британско-австралийского лингвиста М. Хэллидея создана на основе идеи и традиции, разработанной его научным руководителем, британским лингвистом Дж. Фёрсом (J. R. Firth), для которого языковое значение было функцией в контексте, в том числе — в контексте социальном. Самая важная идея СФЛ состоит в том, что важное место в ней отводится понятию языковой системы, рассматривающейся как набор возможностей для некоторого грамматического признака (например, числа, наклонения, маркировки аргументов предиката) на основе семантически значимой информации (например, количества участников, модальности ситуации, вида процесса, описываемого предикатом). Кроме того, М. Хэллидей считает, что функции языка разнообразны и неограниченны, но мы можем свести их к нескольким абстрактным и обобщающим функциям, это так называемая «метафункция» (metafunction)⁷. Согласно СФЛ, язык имеет три основные функции, включая: 1) концептуальную функцию, представляющую опыт говорящего, отражающий как его собственный внутренний мир, так и объективную внешнюю реальность, 2) межличностную функцию, отражающую отношения между говорящим и слушающим, и отношения между говорящим и его сообщением, 3) текстовую функцию, обеспечивающую подачу информации и различных единиц в виде связного высказывания. Таким образом, СФЛ состоит в основном из двух частей: системной грамматики и функциональной грамматики, первая из которых относится к языковому уровню, представляющему собой потенции значений, а вторая — к речевому, реализации потенциалов.

За прошедшие примерно 50 лет исследователи в рамках как ТФГ, так и СФЛ уже добились существенных успехов. К сожалению, пока мало

Данная статья выполнена при поддержке от Фонда социальных наук государственного уровня Китая (11BYU122)

кто занимается сопоставительным анализом двух теорий. А данная работа не только необходима, но и возможна и осуществима, мотивы и основания для этого состоят в следующем.

1. Любая лингвистическая теория имеет свои достоинства, однако ни одна из них не может решить все лингвистические проблемы, поэтому сопоставление разных теорий и взаимные диалоги и заимствование между ними должны стать важным содержанием и предметом современной общей лингвистики.

2. Каждая теория имеет свои недостатки и поэтому должна совершенствоваться с течением времени и развитием наук.

3. Современная наука доказывает: одним из самых важных способов для совершенствования какой-либо теории являются горизонтальные связи между разными науками и их взаимное заимствование достижений друг от друга. Мы считаем, обе теории, и ТФГ, и СФЛ, обретут более адекватную теоретическую систему и более совершенные методы исследования, если они будут взаимно обогащать друг друга.

4. Требуется два основных условия для отношений взаимного извлечения и пополнения между любыми теориями — это общность и взаимная выгода для них. Считается, что ТФГ имеет много общего с СФЛ потому, что по теоретическому подходу обе они относятся к функционализму, обе придают важное значение изучению функции языка, обращают должное внимание на семантику языка и конситуативные факторы, предлагают потенциальность и реальность функций языка, склоняются к анализу высказывания и текста, не игнорируют интерпретации языковых явлений в своём описании. Что касается второго условия — взаимовыгоды, то она обусловлена тем, что каждая из двух теорий имеет и свои особенности, так как они возникли и развивались отдельно друг от друга, каждая по-своему. Поэтому сходство и общность между ними не означает, что обе теории уделяют адекватное или достаточное внимание вышеуказанным аспектам⁸.

Очень важно сопоставлять два крупных направления функционализма по таким теоретическим вопросам, как история возникновения и развития теорий и результаты изучения, главные представители, внутренние направления, главные концепции и идеи, предметы и объекты изучения, методы и способы изучения, цель изучения, достоинства и недостатки каждой из них, пути и условия их взаимозаимствования и взаимополнения и т. д. А с чего начать такую огромную работу? По-нашему, сопоставление разных теорий надо начать с истории, с изучения того, чем они отличаются от сопоставления разных языков, которое можно начать с постановки различных вопросов. Что касается наших двух теорий, то по истории формирования и образования они в крайней мере отличаются в следующих отношениях:

1) в отношении фона и условий роста создателей теорий. А. В. Бондарко вырос в России — на фоне «востока» в глазах Европы, а Э. Халли-

дэй — в Англии, на фоне «запада» в глазах русских. Разные культурные фоны, а особенно разные родные и изучаемые языки, оказывают большое влияние на научную сферу и направление исследовательской работы создателей теорий.

2) в отношении назначения и целенаправленности создания теорий. Если М. Хэллидей создал СФЛ как прямое противопоставление генеративной грамматике Хомского, то ТФГ была создана в основном на основе отечественной традиционной грамматики, почти вне зависимости от западного влияния. Посему СФЛ отвечает на все вопросы, на которые отвечает Хомский (хотя и совсем по-другому), а ТФГ тесно связана с традиционной русской грамматикой.

3) по отношению к наследию других лингвистических школ. Речь идёт не только об университетах, в которых учились создатели двух теорий, но и о лингвистических школах, которые были основаны и развивались в этих университетах. Как нам известно, А. В. Бондарко учился в Ленинградском университете (ныне Санкт-Петербургский университет), а М. Хэллидей закончил Лондонский университет. Первый является базой и центром Петербургской лингвистической школы, восходящей к исследованиям И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы, а второй — Лондонской школы, созданной Дж. Фёрсом. Огромные достижения двух университетов и двух школ оказали существенное влияние на образование и формирование наших двух функциональных теорий.

4) в отношении влияния научных руководителей создателей двух теорий. А. Бондарко учился у профессора Ю. С. Маслова, широко известного в области аспектологии, а М. Хэллидей — у профессора Дж. Фёрса, рассматривавшего язык как одно из проявлений человеческой жизни и обращавшего большое внимание на социальную конситуацию речевой коммуникации. Можно сказать, научные руководители создателей заранее ограничивают их конкретные предметы и подходы изучения. А. Бондарко не раз говорил, что ТФГ создана на основе достижений изучения аспектуальности Ю. С. Масловым⁹, а теория М. Хэллидея, на наш взгляд, представляет собой продолжение и развитие идей Дж. Фёрса.

5) в отношении влияния других лингвистов. Кроме И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы¹⁰, на идею активной грамматики ТФГ оказали важное влияние такие учёные, как А. А. Потебня¹¹, О. Есперсен (O. Jespersen)¹², А. А. Шахматов¹³, В. В. Виноградов¹⁴, И. И. Мещанинов¹⁵, которые в своих работах так или иначе применяли принципы «от функций к средствам». Об этом А. Бондарко также не раз упоминал¹⁶. Также с СФЛ. Кроме Дж. Фёрса, теории М. Хэллидея помогали такие идеи, как актуальное членение В. Матезиуса (V. Mathesius) и понятие функции К. Бюлера (K. Bühler), о чём говорил М. Хэллидей в введении своей книги «Language as Social Semiotic»¹⁷. Кроме того, М. Хэллидей учился в Китае у крупных учёных Луо Чанпэй (罗常培) и Ванли (王力), чьи идеи о социальном характере языка и важности текста также повлияли на него.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Олешков М. Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. / учеб пособие для студентов фак рус яз и лит / авт-сост М Ю Олешков. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально- педагогическая академия, 2006. С. 2.

² Chomsky. N. Syntactic Structures/ The Hague: Mouton, 1957. 116 p.

³ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 566. Кибрик А.А., Плунгян В. А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. М.: МГУ, 1997. с. 276–339.

⁴ Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии/М.: УРСС, 2003. С. 3.

⁵ Там же. С. 33–34.

⁶ См. подробнее: Цзян Хун. Сопоставительное изучение функциональной грамматики в китайском и русском языках// Изучение иностранных языков: обзорные и перспективы. 2005. № 6. С. 45–49; Цзян Хун. Многогранное исследование семантических категорий в русском и китайском языках и сопоставительный анализ «пространства и времени»/ науч. ред. Шуан. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2012. С. 8–9.

⁷ Halliday, M.A. K. Op. cit. P. 169.

⁸ Подробнее в: Цзян Хун. Многогранное размышление о роли новейших элементов современных лингвистических теорий в совершенствовании Теории функциональной грамматики// Русский язык в Китае. 2007. № 3. С. 2–6.

⁹ Бондарко А. В., Шубик С. А. Указ. соч. С. 195–210.

¹⁰ Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность/ науч. ред Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. Л.: Наука, 1974. 424 с.

¹¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике/общ. ред., предисл. и вступ. статья: В. И. Боровский. Т.1–2. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.

¹² Есперсен О. Философия грамматики/ Пер. с англ. В. В. Пассека и С. П. Сафроновой; Подред. и с предисл. Б. А. Ильиша. М.: ИЛ, 1958. 400 с.

¹³ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка/ Вступ. ст. Клобукова Е.В.; Ред. и коммент. Истриной Е.С./ Серия: «Лингвистическое наследие XX века». М.: УРСС, 2001. 624 с.

¹⁴ Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове/ Под общей ред. Г. А. Золотовой. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.

¹⁵ Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи/ отв. ред.: В. З. Панфилов, П. Я. Скорик. Л.: Наука, 1978. 386 с.

¹⁶ Бондарко А. В., Шубик С. А. Указ. соч. С. 10. Бондарко А. В. Указ. соч. С. 5.

¹⁷ Halliday M. A. K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning/ Baltimore: University Park Press, 1978. 256 p.

Jiang Hong

STUDY OF COMPARISON THEORY OF FUNCTIONAL GRAMMAR AND SYSTEMIC FUNCTIONAL LINGUISTIC: THE PROBLEM STATEMENT

The author argues that two theories — Functional Grammatical Theory put forward by Russian Academician Bondarko and Systemic-Functional Linguistics founded by Halliday — fit into the same genre and have many in common, such as their backgrounds and some significant viewpoints. However, because of distinct contextual tradition of functionalism and less communication between Western and Russian Linguistics, their interpretation principles and research methods toward language are different.

Keywords: Russian, A. V. Bondarko; Theory of Functional Grammar; Western, M. Halliday; Systemic-Functional Grammar.

Чернышев Алексей Борисович

Закрытое акционерное общество «ВолгаАэро»,
Городской общественный научно-экспериментальный
фонд «Языковая среда», Россия

alexeich_78@mail.ru

«ВЕКТОРНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ» КАК БАЗОВЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПАРАМЕТР КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ РУССКОГО ПРЕФИКСА ПРИ- И ИСПАНСКОГО ПРЕДЛОГА А

Данная статья посвящена сопоставительному анализу семантики русского префикса *при-* и испанского предлога *a*. За основу исследования взят один из основных семантических параметров когнитивных моделей данных языковых единиц, соотносимый с векторной направленностью. В работе доказывается идея принципиальной семантической сопоставимости двух разноуровневых единиц русского и испанского языков.

Ключевые слова: когнитивная модель, перемещение, вектор, релятор.

Как показывает анализ лингвистических исследований последнего десятилетия, одной из актуальных проблем лингвистики становится проблема когнитивного моделирования. Эта проблема представлена широко в трудах известных зарубежных (Lakoff, Evans) и отечественных ученых (Беляевской, Головановой, Будановой). Согласно общепринятому теоретическому положению, когнитивная модель языковой единицы представляет собой двухуровневую структуру, внутренний уровень которой соотносится с глубинной смысловой формой слова, а внешний, поверхностный уровень — с так называемыми лексико-семантическими вариантами, параметрами, отражающими глубинный уровень¹. Учитывая, что в основу методического принципа выявления когнитивной модели положено определение закономерного смыслового единства между этимологом языковой единицы и ее современными контекстуальными значениями, то сопоставительные исследования, основанные на фактическом материале разных языков, как представляется, могут стать теоретически значимым дополнением и уточнением к пониманию когнитивной модели как феномена. Целью данной работы является сопоставительный анализ русского префикса *при-* и испанского предлога *a* при актуализации общего семантического параметра векторной направленности, представленного в когнитивных моделях обеих языковых единиц.

Как известно, анализ семантики предлогов и префиксов в когнитивном аспекте связан с осмыслением грамматики описания пространства, что предполагает выделение таких понятий как фон и фигура (Langacker), отношения между которыми регулируются предлогом или префиксом, принимающими функцию релятора. Релятором, представляющим собой в подобном описании единицу, задающую отношение между объек-

тами (актантами, термами) согласно формуле X R Y, может, в сущности, являться любой лексико-грамматический разряд слов. В большинстве исследований по семантике предлогов, выражающих широкую сферу пространственных, временных и функциональных отношений, используется трактовка данной единицы языка как релятора. Всякий предлог, по убеждению Д. Пайара и В. А. Плунгяна, является «релятором» R, устанавливающим некоторое отношение между элементом X и элементом Y (при этом существенно, что данное отношение не симметрично, так как исходной точкой отсчета является Y, который и задает релевантные характеристики X-а)². Это отношение задается двумя объектами, формирующими определенную область пространства, его ощущение в сознании человека.

Помимо традиционно представленных пространственных и временных значений предлогов и префиксов, выделяется группа значений, основанных на метафорических и функциональных переносах, возникающих в результате так называемой проекции, или моделирования номинативно-непроизводного значения, легшего в основу номинации первичного отношения.

Что касается векторной направленности как семантического параметра, то подобное его обозначение представляется достаточно емким, способствуя описанию разнообразной сферы отношений. Под векторной направленностью понимается и движение в сторону объекта, и перемещение с изменением положения в пространстве относительно конечного пункта, и передача объекта от одного субъекта отношений к другому, а также передача мыслей, чувств, желаний, и отношения, основанные на широком понимании глубинной падежной категории датива и т. п. С другой стороны, идея векторной направленности не предусматривает хаотичного движения или перемещения без учета его цели в виде конечного пункта, объекта, достижения чего-либо. В этом смысле при векторной направленности движение или перемещение остаются зависимыми от установки или восприятия конечного объекта.

Особенности восприятия векторной направленности дают возможность рассмотрения пространственных пределов движения с учетом его линейности и целостности начала и конца. При этом конечный пункт выступает системой, или точкой отсчета, притягивающим к себе активным источником в отношении исхода. Эта условность и своеобразие восприятия движения приводят к тому обстоятельству, что векторное движение к конечному объекту как фрагмент модели мира может быть представлено в разноструктурных языках различным образом в зависимости от типа языка, от национальной языковой картины мира и даже от семантической структуры отдельных языковых единиц.

Рассмотрим некоторые примеры, иллюстрирующие, как исследуемый семантический параметр актуализируется при функционировании русского префикса *pri-* и испанского предлога *a*.

Вполне очевидно, что основное употребление испанского предлога *a* связано с обозначением отношений в пространстве при нахождении в каком-либо месте или движении куда-либо. Ср.:

- (1) *Los que habían sobrevivido a la guerra, la ocupación y la pobreza temblaban de frío a la espera de una primavera que no acaba de llegar* (A. Celma)
- (2) *He ido a darle agua a Platero* (R. Jiménez)

В этом отношении функциональным аналогом предлога *a* в русском языке выступает не собственно префикс *pri-*, а предлог *в*, конкретизирующий конечный пункт, где находится объект или куда совершается движение. Префикс же *pri-*, как справедливо отмечают Е. Р. Добрушина, Е. А. Меллиной и Д. Пайар, употребляется с глаголами при описании действий, которые важны не сами по себе, а в связи с другим явлением. В рамках данного толкования типы глаголов с префиксом *pri-* различаются тем, как введено событие (явление, процесс), обозначаемое основой. Событие может быть введено либо через элемент предметного характера, либо через ситуацию³. Ср.:

- (3) *Лиза пришла в гостиную и села в угол* (И. Тургенев)
- (4) *Я приехал к вам, как благородный человек к благородному человеку* (И. Тургенев).
- (5) *Она прибежала к нему во всех затруднительных случаях* (И. Тургенев).
- (6) *<...> Загосский, сдается, не так уж и глуп, да прижчал к нам издалика и в глуши своей почти ничему не учился* (В. Есенков).
- (7) *Царь замечает, что эта птичка, как человек в мире: прилетела из темноты и улетела в темноту, и не долго побыла в тепле и свете* (И. Тургенев).

В примерах (3–7) имплицитно выражена идея совмещения с конечным пунктом, но разными средствами и с разной степенью скорости и интенсивности. Субъект оказывается в назначенном месте в результате ходьбы (движения) пешком (3) или бегом (5), пространственное сближение двух людей становится возможным за счет транспортного средства при его движении как с обычной скоростью (4), так и с быстрой (6). Значимыми в языковом представлении оказываются и условия движения — по земле, по воздуху (7) и т. д.

Идея движения с совмещением актуализируется и в испанском языке, однако для указания на конечный пункт перемещения как ориентир используется не приставочный, а чисто предложный способ образования — через предлог *a*. Глаголы же описывают действия и в связи с другим явлением. Примеры:

- (8) *<...> lugar al que una bala puede llegar sin que sepa qué tubo de acero la ha escupido <...>* (F. Munoz).

В данном примере испанский глагол *llegar* функционально соответствует приставочному глаголу *прийти* (приходить) русского языка.

- (9) *Cuando Mariona recibió el alta, regresamos por fin a casa* (A. Celma)
- (10) *Alguien volvía a casa después de una larga jornada nocturna* (A. Celma)

В примерах (9 — 10) конечный пункт — дом — ассоциируется с местом возвращения при употреблении испанских лексем *regresamos*

и *volvía* со значением ‘возвращаться’, предлог *a* при этом символизирует векторную направленность совершаемых действий.

(11) *Las mejores historias serían recogidas en un volumen y los ganadores viajarían a Barcelona* (A. Celma)

Пример (11) также репрезентирует идею векторного перемещения в заданную точку пространства через глагольную лексему со значением ‘путешествовать’. При этом само перемещение может происходить как по горизонтальному, так и по вертикальному воображаемому вектору, репрезентируя движение вниз; ср.:

(12) *El sábado Michel tenía permiso para dormir hasta pasadas las nueve, pero a las ocho de la mañana ya se puso en pie y bajó a la cocina* (A. Celma)

Идея приближения, свойственная векторному движению как семантическому параметру, также представлена соответствующими лексемами и исследуемыми языковыми единицами как в русском, так и в испанском языках. Ср.:

(13) *Рудин с досадой приблизился к окну и бросил фуражку на стол* (И. Тургенев)

(14) *Es más, prometió dispararme por la espalda su me acercaba a la puerta* (A. Celma).

Как представляется, изменение в пространстве свойственно не только по отношению к субъекту, самостоятельно осуществляющему перемещение, но и с точки зрения каузативного объекта. Ср.:

(15) *Тетя Маня принесла две тарелки сметаны и две горбушки ноздреватого, с рыжей корочкой деревенского хлеба* (В. Шугаев).

(16) *<...> me los traes y yo tejeré con ellos un corazón lleno de estrellas para que se lo lleves a Eri* (A. Celma)

(17) *El amor es echar siempre un tronco al fuego* (A. Celma)

В рассматриваемых примерах совмещаемыми объектами становятся *тарелки* (15), *corazón* ‘сердце’ (16) и *tronco* ‘ствол’ (17). Параметр векторной направленности актуализируется глаголами *приносить* (15), *llevar* ‘приносить’ (16) и *echar* ‘бросать’ (17).

Анализ конкретного языкового материала позволяет сделать вывод о том, что семантический параметр ‘векторная направленность’ является базовым параметром когнитивных моделей русского префикса *при-* и испанского предлога *a*. Данный семантический параметр позволяет выявить более глубинную и детальную структуру когнитивных моделей исследуемых языковых единиц, которые, однако, могут не совпадать, если принимать во внимание частные реализации их контекстуальных вариантов в синхроническом и диахроническом разрезе. С другой стороны, когнитивные модели данных языковых единиц могут быть сопоставимы в своей основе, несмотря на то, что относятся к разным функциональным элементам языковой структуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Беляевская Е. Г.* Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1.

C. 5. Evans V. Lexical concepts, cognitive models and meaning-construction // *Cognitive Linguistics* 17 — 4. 2006. P. 497.

² *Пайар, Д., Плунгян В. А.* Предлог над: факты и интерпретации // Исследования по семантике предлогов: сб. статей / под ред. Д. Пайара, О. Н. Селиверстовой. М.: Русские словари, 2000. С. 83–114.

³ *Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д.* Русские приставки: многозначность и семантическое единство: сборник / под ред. Е. Р. Добрушиной, Д. Пайара. М.: Русские словари, 2001. С. 44.

Chernyshev A. B.

VECTOR DIRECTION AS A BASIC SEMANTIC PARAMETER OF COGNITIVE MODELS OF THE RUSSIAN PREFIX *PRI-* AND SPANISH PREPOSITION *A*

The article represents a comparative analysis of semantics of the Russian prefix *pri-* and Spanish preposition *a*. One of the basic semantic parameters associated with a vector direction is regarded in this paper. The idea of semantic comparability of two elements of a different level in Russian and Spanish is argued in the research.

Keywords: cognitive model, movement, vector, relator.

СОПОСТАВЛЕНИЕ МОТИВИРОВАННОСТИ СЛОВА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются вопросы о разных видах мотивированности слов в русском и китайском языках. Благодаря выявлению мотивационных признаков слова могут быть лучше поняты, а также их легче запомнить.

Ключевые слова: мотивированность, производное слово, фонетическая мотивированность, морфологическая мотивированность, семантическая мотивированность.

В русском и китайском языке производные и сложные слова имеют высокую степень мотивированности, что помогает нам их понять и запомнить. Мы рассматриваем мотивацию двух языков, чтобы глубже понять словообразовательные возможности их лексических систем и выявить значимость мотивированности лексики в процессе обучения русскому и китайскому языкам как иностранным.

1. О понятии мотивированности

Существует определённая связь между языковым знаком и его языковым составом. Если эта связь самопроизвольная, то она немотивированная, и наоборот.

Под мотивированностью понимается отношение логической обусловленности между означающим и означаемым или между языковыми единицами, проясняющее выбор именно данной формы языковой единицы. Например, звукоподражания характеризуются фонетикой, переносные значения многозначных слов — семантической, производные слова — словообразовательная мотивированность.

В России проблемы мотивированности слова в своих исследованиях касались А. А. Потеня, А. И. Моисеев, Н. Н. Амосова, И. С. Улуханов, Т. С. Коготкова, В. Г. Гак, Т. Р. Кияк и др. Всестороннее исследование мотивированности слова провели И. С. Улуханов, А. С. Герд, Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, Т. И. Вендина, А. Л. Семенов и авторы «Русской грамматики». Е. С. Кубрякова¹ считает, что понятие «мотивированность» занимает основное место в словообразовательной теории в связи с тем, что значение производных и сложных слов определяется семантикой производящих компонентов. В акте словообразования некоторые компоненты производного слова являются источником мотивированности, а некоторые — результатом мотивированности. Ср.: *Он носит письма; Он письмоносец.* Можно выяснить взаимоотношение между внутренней формой и означаемым ей содержанием через понятия мотивированности и механизм словообразования. Внутренняя форма слова может выражать-

ся бинарным образованием, а именно отсылочная часть и формальная часть. Отсылочная часть состоит из корня или основы производного слова, является источником мотивации значения слова средством сохранения полного значения в производной структуре. Например, *он учится в школе*→*школьник*; *он преподаёт*→*преподаватель*. Формальная часть (*школьник*—*ник*, *преподаватель*—*тель*) указывает используемые в акте словообразования морфемы, обозначающие новое значение по сравнению с теми словами, от которых образованы эти новые слова. В разделе о словообразовании в «Русской грамматике» (1980) используется много терминов, связанных с понятием «мотивированность», как словообразовательная мотивация, мотивирующее слово, мотивированное слово, немотивированное слово, слово, мотивированное глаголом и др.²

В Китае изучению мотивированности слова посвящены такие работы как «Мотивированность слова» (Чжан Чжи, 1990), «Введение в сопоставительную лингвистику» (Сюй Юйлу, 1997), «Семасиология современного китайского языка» (Цао Вэй, 2001), «Мотивация слова китайского языка» (Ван Айлу, Сы Фучжэнь, 2001), «О составе, структуре и месте слова» (Чжоу Цзянь, 2003).

Все они предложили свои варианты определения понятия «мотивированность». Некоторые из них считают, что выражённая в названии мотивация слова — это основание, по которому получили свое название предмет и явление. Она указывает на существование отношения между значением слова и предметом или явлением. Цао Вэй считает, что выражённая в структуре слова мотивация значения слова является источником получения данного нового значения. Она исследует этимологию значения слова с точки зрения акустики³. По мнению Сю Юйлу, существует внутренняя связь между формой и значением. По форме можно предполагать значение слова. Такое явление называется «мотивированностью слова»⁴.

Лингвисты определяют понятие «мотивированность слова» по-разному. Это связано с изучаемым языком. Мы считаем, что понятие мотивированности, предложенное Сю Юйлу, более верно для китайского языка. А что касается английского, русского, французского, немецкого и других языков, то под мотивированностью производного слова часто понимается то, как выражается значение производного слова посредством его морфологической структуры.

2. Типы мотивированности слова в китайском и русском языках

В зависимости от того угла зрения, под которым рассматривается явление мотивации, выделяются разные типы мотивированности. С аспекта структуры слов позволяют выделить следующие типы мотивированности: фонетическая, морфологическая и семантическая. Эти типы мотивированности имеются и в русском, и в китайском языке. Однако они имеют свои особенности в этих языках.

А. Фонетическая мотивированность слова

Фонетическая мотивированность относится к абсолютной, которая создается за счет соотношения слова с внеязыковой действительностью⁵. Фонетической мотивированностью прежде всего характеризуются разного рода звукоподражания (ономатопы), «отражающие» звуковые явления живой природы, как га-га-га 嘎嘎 га-га (крик гусей), мяу-мяу, мяу-канье 喵喵 (мяуканье кошки), гав-гав 汪汪 ван-ван (лай собаки) и др.; и звуковые явления неживой природы, как тик-тик, тик-так 滴滴答答 ди-ди-да-да (звук часов), бах, трах 吧嗒 ба-да (быстрое движение), хлоп, трах 砰 пэн (звук стука) и др.

Существует взаимосвязь между звуковой формой и значением слов, характеризующихся фонетической мотивированностью как в русском, так и в китайском языке. Эти слова являются особой частью речи. Они включают в себя звукоподражания (ономатопы) и междометия. Звукоподражание является особой частью речи, которая, главным образом, подражает звукам окружающей действительности, по-другому оно называется ономатопеей, как хлоп, бах и др. А междометие — это тоже особая часть речи, которая подражает звукам, воспроизводимым человеком, выражая чувства и эмоции, вызова, ответа и др. Звукоподражание в плане фонетической мотивированности занимает важное место.

Несмотря на то, что звукоподражание и междометие имеют тождество, например, крик гусей «га-га-га», мяуканье кошки «мяу-мяу», восклицание «ай» и др.; и в этом отношении сходны в русском и китайском языке в плане мотивированности, как звук выстрела «бах, бац», звук часов «тик-тик, тик-так» и т. д.; тем не менее во многих случаях наблюдается разница в плане звукоподражательной мотивированности в русском и китайском языках. Например, собачий лай, русские воспринимают как тяв-тяв или гав-гав, а китайцы как ван-ван и др.; вызов кошки русские воспринимают как «кис-кис, кыс-кыс», а китайцы как «ми-ми-ми» и др.

Б. Морфологическая мотивированность

Морфологическая мотивированность — это соотнесенность производного слова с производящим, при которой смысл и структура первого слова могут быть объяснены путем обращения к смыслу и форме производящего слова. Многие лингвисты занимаются проблемой морфологической мотивированности слов в русском языке. И. С. Улуханов является одним из них. По сравнению с другими лингвистами, его мнение об этом представляется наиболее обоснованным.

Он считает, что имеется четыре вида словообразовательной мотивации: а. Непосредственные / опосредствованные мотивации; б. Исходные / неисходные мотивации; в. Единственные / неединственные мотивации; г. регулярные / нерегулярные мотивации.

Непосредственная мотивация — это мотивационное отношение двух слов, одно из которых отличается от другого только одним формантом, как *крахмалить* — *накрахмалить*; опосредствованные мотивация —

это мотивационное отношение двух слов, одно из которых отличается от другого совокупностью формантов, т. е. процесс от производящего до производного выполняется более, чем двумя формантами, как *крахмал* — *накрахмалить*.

Исходная мотивация — это мотивация немотивированным словом, неисходная мотивация — это мотивация мотивированным словом. Так, из трех мотиваций слова *очищать* — (1) *чистый* — *очищать*, (2) *чистить* — *очищать*, (3) *очистить* — *очищать* — первая мотивация является исходной, остальные — неисходными. Исходные и неисходные мотивации могут быть как непосредственными, так и опосредствованными.

Неединственные мотивации — это мотивации одного и того же слова несколькими словами, отличающимися от мотивированного равным количеством формантов, как *неравный* — *неравенство* — *равенство*, все остальные мотивации — единственные, например, *стол* — *столик*, *огромный* — *преогромный*. Кроме вышеуказанных видов мотиваций, существуют регулярные и нерегулярные мотивации⁶.

Мотивация слова тесно связана с морфологической структурой. С точки зрения морфологической структуры слова китайского языка бывают трёх видов:

- 1) простое слово, образующееся из одной свободной морфемы, как *дерево* 木 му, *рука* 手 шоу, *машина* 车 чэ, *человек* 人 жэнь, *птица* 鸟 няо и др.;
- 2) производное слово, образующееся из одной свободной морфемы с аффиксом, как *учитель* 老师 лао ши, *дядя* 伯伯 лао бо, *босс* 老板 лао бань, *дом* 房子 фан цзы, *стол* 桌子 чжо цзы и др.
- 3) сложное слово, образующееся из двух свободных морфем, как *друг* 朋友 пэн ю, *язык* 语音 юй янь, *красота* 美丽 мэй ли, *русский язык* 俄语 э юй и др.

Простое слово бывает немотивированным. Мотивированностью характеризуются только производное и сложное слово. В этом отношении большими преимуществами обладает сложное слово, так как оно состоит из двух морфем, внутри которых образуется определенная морфологическая связь. Такая связь главным образом существует между значениями производящих морфем и значением слова и выражается двумя способами:

- 1) Две морфемы непосредственно сочетаются вместе:
А. Значение слова — это сумма значений двух морфем: *席卷* си цзюань.
Б. Значение слова — это сумма значений двух морфем или одно из их значений: *学习* сюе си.
В. Значение слова больше суммы значений двух морфем: *领袖* лин сю.
Д. Значение слова меньше суммы значений двух морфем т. е. словосочетание с подчинительной связью компонентов в китайском языке: *国家* го цзя.
- 2) Две морфемы сложного слова с внутренним образом сочетаются вместе:
А. Первая морфема подсказывает своеобразие фигуры предмета: *蛤蟆镜* ха мо цзин (темные очки в большой оправе) — первая морфема «ха мо» напоминает нам о том, что фигура очков похожа на глаза лягушки; Аналогичный пример еще *蛤蟆镜* ха мо цзин (темные очки в большой оправе), тавровые брюки *丁字裤* (дин цзы ку).
Б. Первая морфема уточняет функцию предмета: *茶杯* (стакан), *水壶* (чайник), *肉鸡* (куры мясной породы)

В. Первая морфема подсказывает метод приготовления продуктов: лепешка (烧饼 шао бин) — первая морфема напоминает нам о том, что образ приготовления лепешки — это жарить. Аналогичные примеры еще пельмени, варенные на пару (蒸饺 чжан цзяо), остро варенная рыба (水煮鱼 шуй чжу юй);

Г. Первая морфема подсказывает время изготовления предмета:

腊八蒜 ла ба суань (намоченный в уксусе чеснок, приготавливаемый восьмого декабря по лунному календарю) — первая морфема указывает время приготовления чеснока. Такие примеры и 春风 чунь фэн (весенний ветер), и 端午节 дуань у цзе (праздник Дуанью);

Д. Первая морфема указывает на материал, из которого сделан предмет: 花生油 (арахисовое масло), 米酒 (рисовое вино), 瓷砖 (кафельная плитка)

Е. Первая морфема называет инструмент для выполнения действия: 皮影戏 (театр теней), 篮球 (баскетбольный мяч), 粉笔 (мел).

В. Семантическая мотивированность

Семантическая мотивированность — это значение слова мотивировано переносом наименования одного денотата на другой. В этом плане русский и китайский языки имеют большое сходство. Например, зеленый свет в китайском языке и зеленая улица в русском языке. Их первичное и вторичное значение одинаковы.

Кроме вышеуказанных типов мотивированности слов китайский язык отличается от русского языка тем, что в китайском языке существует и буквальная мотивированность.

Г. Буквальная мотивированность

Буквальная мотивированность — это взаимосвязь между формой письма и значением слова. Китайский язык является идеографическим письмом (пиктографией). Этимология каждого иероглифа — это подражание зрительному изображению и таким образом в слове выражается мысль, т. е. значение слова. А буквенное письмо (в том числе и русский язык) отличается тем, что значение выражается фонетикой, поэтому структурная форма отдельного слова буквенного письма алфавитная, а китайское письмо идеографическое, благодаря чему буквальная мотивированность буквенного письма слабее, чем китайского идеографического письма.

В китайском языке имеется четыре типа буквальной мотивированности.

А. Иероглифическая мотивированность

Слово обладает этой мотивированностью в том случае, когда иероглифическое письмо выражает значение через подражание фигуре предмета. Например, иероглиф «日 жи», его вид похож на фигуру солнца, а иероглиф «月 юе», его вид похож на фигуру луны, иероглиф «鱼 юй» — на рыбу и др.

Б. Денотативная мотивированность

Такую мотивированность имеет слово в том случае, когда денотативный иероглиф выражает значение иероглифическим знаком. Например, иероглифы 本 бэнь, 末 мо, 朱 чжу и др.

В. Идеографическая мотивированность

Эта мотивированность бывает в том случае, когда два или больше двух иероглифов сочетаются вместе и выражают одно значение. Иероглиф «弄» имеет значение «играть нефритом руками» и в современном китайском языке его общеупотребительное значение связано с действием, совершаемым руками. Например, 弄坏 нун хуай (сломать, испортить), 弄好 нун хао (исправить, починить), 弄脏 нун цзан (измазать, перемарать) и др.

Г. Формальная и фонетическая мотивированность

Такая мотивированность имеет в виду, что формальная часть иероглифа обозначает значение, а фонетическая — произношение. Например, значение смыслового детерминатива «页 е» связано с головой и все иероглифы с этим детерминативом связаны семой «голова». Например 颈 цзин (шея), 颌 хэ (рот), 项 сян (задная часть шеи) и др.

Вывод: Русский язык является языком с буквенным письмом. При анализе типов мотивированности большое значение имеют морфологическая структура и семантика слова. Китайский язык относится к иероглифическому типу письма и буквальная мотивация сильная. Сопоставительное исследование мотивации слов русского и китайского языков необходимо для решения проблем практики обучения русскому и китайскому языку как иностранному.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кубрякова Е. С. Словообразование: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 467.

² Русская грамматика. Т. 1. М., 1980. С. 124–132.

³ Цао Вэй. Семантика современного китайского языка. Шанхай, 2001. С. 54.

⁴ Сюй Юйлун. Введение в контрастивную лингвистику. Шанхай, 2001. С. 137.

⁵ Блинова О. И. Явление мотивации слов: лексикологический аспект. М., 2011. С. 52.

⁶ См.: Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 2012. С. 34–59.

Zhan Ja Fen

COMPARATIVE STUDY ON MOTIVATION OF WORDS IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

The author argues that in Russian and Chinese derivative and compound words can be highly motivated, and it helps us to understand and remember them. We consider motivation in two languages for better understanding of their derivational specificity in lexical system. Also our target is to identify the importance of motivation in vocabulary acquisition in Russian and Chinese as foreign languages.

Keywords: motivation, derivative word, phonetic motivation, morphologic motivation, semantic motivation.

СОДЕРЖАНИЕ

Аймагамбетова М. М., Сулейменова Э. Д.	
Информационная составляющая газетных заголовков и их классификация	5
Аймолдина А. А.	
Ценностный аспект реализации социальных когниций в текстах бизнес-корреспонденции (на материале русского, казахского и английского языков)	10
Ань Лихун	
Трансформация объективной / субъективной схемы мыслей при переводе с китайского и русского языков	15
Бабашева З. М.	
Средства выражения смысловых отношений в русских и азербайджанских вопросительных предложениях без вопросительных слов	20
Бабич Э.	
Некоторые способы выражения второго лица единственного числа в русском и других славянских языках	25
Балакова Дана, Шинделаржова Яромира	
Межязыковые и межкультурные соответствия русским библеизмам в чешской и словацкой студенческой аудитории (результаты исследования).....	30
Андразашвили М. Г., Басилая Н. А.	
Обучение параллельным русским и немецким вопросительно-апеллятивным языковым средствам в условиях многоязычия	36
Бахшиева Ф. С. гызы	
Метафора как важнейший показатель знаковой комбинаторики ...	41
Бережных Е. Ю.	
Поэтическое словообразование в номинации синего в поэзии Александра Блока и Антонио Мачадо	46
Биккинина Э. И.	
О происхождении названий ягод в русском и испанском языках....	52
Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.	
Статическая и динамическая картина городского пространства в европейских языках.....	57
Гайнутдинова А. Ф.	
Семантические модели субстантивированных имен прилагательных в русском и татарском языках: сопоставительный аспект	62

Гоголина Н. А., Фам Ван Тхьонг Перифразы со словом «золото» и прилагательными цвета в русском и вьетнамском языках	69
Горбова Е. В. Русские семельфактивы и алломорфия: где проходят границы?	73
Дашкевич Д. В. Особенности фонетического акцента в области произношения русских переднеязычных шумных согласных в речи носителей романских, германских и славянских языков	82
Двинова Е. О. Контраст и сходство как основоположения создания языковой картины мира.....	86
Демидова Е. Б. Способы словообразования в русском и французском языках	91
Денисова А. П. Специфика проявления феномена улыбки в русской и испанской лингвокультурах	95
Джамбаева Ж. А. Сопоставительное исследование слога в русском и казахском языках: лингвистический аспект	101
Диасамидзе В. Г., Диасамидзе Л. Я. Анекдот и его языковая структура в современном русском и грузинском языках	107
Дронов П. С. <i>На всех парах/парусах</i> : особенности варьирования идиом «технического прогресса»	113
Ду Юньша К вопросу об анализе учебников русского языка, используемых в большинстве вузов Китая	119
Зайнульдинов А. А. Эмоциональная оценочность русской и испанской лексики и фразеологии	124
Игнатьева Н., Игнатьева О. Функционально-типологический взгляд на порядок слов в русском и испанском языках: сопоставительный анализ.....	130
Карель Фуре Б. Э., Фомина З. Е. О некоторых аспектах лингвистической семантики, сравнительной типологии и методики преподавания русского языка как иностранного	135

Керкез Д. О функционально-семантической категории ожидаемого / неожиданного (на материале русского и сербского языков)	140
Коберидзе М. Ж. Анализ синтаксической концепции Ф. Ф. Фортунатова в труде А. С. Чикобава «Проблема простого предложения в грузинском языке»	144
Ковальская А. В., Савостина Д. А. О некоторых грамматических формах выражения постоянного / непостоянного качества в русском и испанском языках (на примере поэтических текстов первой половины XX века).....	147
Кураччик М. Параллельные корпуса русского и польского языков и их использование в сопоставительной лингвистике и лингводидактике	152
Курбанова К. И. «Ложные друзья переводчика» при контакте русского, французского и английского языков	158
Лейте де Оливейра Д. Интонационные аспекты конструкций с частицей <i>это</i> и конструкций с местоимением <i>que</i> для выражения фокуса в русском и португальском языках.....	164
Лыпкань Т. В. Особенности фонетического оформления речи русскоязычных билингвов в Германии	168
Любимова Н. А. Интерференция звуковых систем: межъязыковой и внутриязыковой характер проявления в ситуации общения «носитель — не носитель данного языка»	173
Манучарян И. К. Ирреальность в глагольных системах славянских языков в синхронии и диахронии	178
Маркова Е. М. Форма и семантика общих лексем в славянских языках: единство и противоречия	183
Микулац И. Преступление и наказание в хорватской и русской юридической терминологии (сопоставительный анализ хорватской и русской уголовно-правовой терминологии).....	189

Мугимова Н. Р. гызы	
Аспектуально-темпоральные отношения в системе славянского глагола.....	192
Муджири С. А., Капанадзе И. Б.	
Контрастивное исследование акцентирования одноударных слов в грузинском, немецком и русском языках.....	197
Невская И. А., Тажибаева С. Ж.	
Семантические типы целевых конструкций тюркских языков в сопоставлении с русским.....	202
Патаракина Е. О.	
Наречно-предложная бифункциональность в русском и сербском языках.....	208
Пенчева А. И.	
Лексические заимствования в официально-деловой лексике.....	214
Пфандль Х.	
Слова года: между лингвистикой и искусством (немецкие и русские слова года 2013 и 2014 гг.).....	220
Ратникова И. Э., Ван Юйхун	
Русские и китайские литературные псевдонимы: мотивы и прагматика «самоименаний»	226
Саболова Д.	
Приватизация vs приватизация: анализ некоторых номинативных единиц экономической сферы в русско-словацком сопоставлении	232
Смагулова К. Н.	
Фразеологическая репрезентация концепта «красота» в русском и казахском языках	238
Смоловская Е. А.	
Ошибки нестандартных говорящих: некоторые особенности русской речи иностранцев с доминирующим английским.....	242
Сосорбарам Эрдэнэмаам, Цогт Батмунх	
Об интерферентных ошибках, допускаемых монгольскими студентами при употреблении русских имён и фамилий	247
Стец В.	
Отражение ритма развития растений в их названиях (на примере наименований лекарственных растений).....	252
Стрась Э.	
Женщина-ангел в русской и польской языковой традиции	258
Хромов С. С.	
В поисках национально-специфических черт русской интонации (на фоне интонации других языков)	264
Цзян Хун	
Сопоставительное исследование теории функциональной грамматики и системно-функциональной лингвистики: к постановке проблемы	268
Чернышев А. Б.	
«Векторная направленность» как базовый семантический параметр когнитивных моделей русского префикса <i>при-</i> и испанского предлога <i>a</i>	273
Чжан Цзяфэн	
Сопоставление мотивированности слова в русском и китайском языках	278

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА
В ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ
г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года

Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ

В 15 томах

ТОМ 11

НАПРАВЛЕНИЕ 10
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО И ДРУГИХ ЯЗЫКОВ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

ISBN 978-5-9906635-0-3

ISBN 978-5-9906636-1-9

Подписано в печать 01.09.2015.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Гарнитура Школьная.
Усл. печ. л. 18,125.

Тираж 1200 экз. (CD)